

ISSN 2410-0722

Научный ежегодник

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Отдел новой истории

Средневековые тюрко-татарские государства

Medieval Turkic-Tatar States

**№ 7
2015**

Казань – 2015

Научный ежегодник
«Средневековые тюрко-татарские государства». 2015. №. 7. 200 с. + 4 с цв. вкл.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64143
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

В седьмом выпуске научного ежегодника представлены некоторые статьи из материалов V Международного Болгарского форума «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)» (Украина, г.Ялта, 6–11 ноября 2013 г.), новые научные изыскания коллег по актуальным вопросам тюрко-татарской этнополитической истории и международных отношений в XV – первой половины XIX вв., ответы ряда историков на вопросы по теме «Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения» и рецензия на монографию об образовании Казахского ханства.

Редакционная коллегия:

Р.С. Хакимов, председатель (Казань), И.К. Загидуллин, ответственный редактор (Казань),
И.А. Мустакимов, заместитель ответственного редактора (Казань),
В.В. Трепавлов (Москва), Д.Н. Маслюженко (Курган), И.В. Зайцев (Москва),
С.Г. Бочаров (Симферополь), Б.Р. Рахимзянов (Казань), А.Г. Ситдииков (Казань)

Адрес редакции:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

Research Annual
«Medieval Turkic-Tatar States». 2015. №. 7. 200 p. + 4 p. of colored inserts

Certificate of registration in the mass media ПИ № ФС77–64143
given by Roskomnadzor on 25 December 2015

In the seventh release of a scientific year-book some articles from materials V of the International Bulgarian forum «Political and ethno-cultural interaction of states and nations in the post-golden horde space (the XV–XVI centuries)» (Ukraine, Yalta, on November 6–11, 2013), new scientific researches of colleagues on topical problems of the turki-tatar ethnopolitical history and the international relations to XV – the first half of the XIX centuries, answers of a number of historians to questions on a subject «Falling of Kazan 1552 year: losses and acquisitions» and the review of the monograph about formation of the Kazakh khanate.

Editorial board:

R.S. Khakimov, Chairman (Kazan), I.K. Zagidullin, Executive editor (Kazan),
I.A. Mustakimov, deputy Executive editor (Kazan),
V.V. Trepavlov (Moscow), D.N. Maslyuzhenko (Kurgan), I.V. Zaytsev (Moscow),
S.G. Bocharov (Simferopol), B.R. Rakhimzyanov (Kazan), A.G. Sitdikov (Kazan)

Editorial Office Address:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

Ежегодник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The Research Annual is included in the Russian Science Citation Index Database.
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52838

ПРЕДИСЛОВИЕ

6–10 ноября 2013 г. в г. Ялта (Украина, Крым) отдел средневековой истории и НЦАИ им. А.Х.Халикова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ совместно с Республиканским фондом возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан, Министерством культуры Республики Татарстан, Национальной академией наук Украины организовали и провели V Международный Болгарский форум по теме «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)». В первом разделе ежегодника представлены пять докладов участников данного научного мероприятия. Некоторые из прозвучавших на форуме докладов были опубликованы в других научных изданиях¹, часть участников форума по разным причинам не представила свои тексты.

В следующем разделе ежегодника – «Статьи» – представлены результаты новых научных изыскания по актуальным вопросам истории и культуры средневековых тюрко-татарских государств.

Крымская тема раскрывается в публикациях четырех авторов сборника статей. Крымское ханство в качестве одной из ключевых фигур на международной арене Восточной Европы рассматривается украинским историком Я.В. Пилипчуком через исследование взаимоотношений Великого Княжества Литовского и Крымского юрта в 1548–1572 гг. Известный казанский источниковед И.А.Мустакимов делится выявленными в древлехранилищах Турции своими находками, имеющими отношение к истории крымско-османских отношений третьей четверти XVI в. Доктор архитектуры Н.Х.Халитов выделяет два основных типа крымско-татарских мечетей эпохи ханства – центрально-купольный и колонный – и отслеживает трансформацию архитектурных традиции в исламском культовом зодчестве в последующие столетия. Классическим примером удачного комплексного анализа письменных, картографических и археологических источников является публикация С.Г.Бочарова, посвященная реконструкции генерального плана одного из крупных городов Крымского ханства – Ак-Мечети.

Тема средневековой исторической географии продолжает Р.Г.Галлям, который обосновывает гипотезу о наличии в Казанском государстве Крымской (или Буртасской) податно-административной даруги, включавшей в себя земли ханства на Горной стороне, на правом берегу р. Волги. В статье И.К.Загидуллина рассматриваются некоторые аспекты образования Казанского ханства, место и роль в этих событиях Улуг Мухаммада и его сына Махмуда. Археолог Д.Г.Мухаметшин по итогам историко-эпиграфических экспедиций 2014–2015 гг. уточняет классификацию эпитафий XV – первой половины XVI вв. и дает характеристику текстам эпитафий, титулам и терминам родства, встречаемых на эпитафиях периода Казанского ханства.

Молодой исследователь А.В.Парунин предпринял попытку комплексного анализа обстоятельств смерти Ибак-хана из династии Сибирских Шибанидов и влияния этого события на определение приоритетов внешнеполитической деятельности Тюменского ханства. В совместной статье курганских историков Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябининой рассмотрены основные этапы внешнеполитических отношений Московского государства и Тюменского / Сибирского ханства в XV – первой половине XVII в., значимыми факторами этих отношений называются поволжский и казанский вопросы и борьба за ясачное население. Омский исследователь С.С.Тихонов презентует возможности изучения системы расселения, хозяйственного уклада и общественных отношений сибирских татар Среднего Прииртышья по текстам «Дозорной книги Тарского уезда» 1701 г.

Доктор исторических наук Н.А.Мининков повествует об использовании астраханским воеводой служилых татар и новокрещен в качестве разведчиков по выяснению ситуации в г.Азове во второй четверти XVII в.

Различные аспекты московско-татарских отношений в постзолотоордынском пространстве в XV–XVII вв. привлекло внимание сразу нескольких столичных историков. А.В. Виноградов по архивным документам скрупулезно, шаг за шагом, реконструирует организацию и ход русско-крымского посольского съезда под Ливнами 1593 г., на котором было достигнуто предварительное

¹ Например: Трепавлов В.В. Беклербек в структуре монгольской и тюркской государственности // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 21–34.

мирное соглашение между Крымским ханством и Русским государством. М.В. Моисеев анализирует московско-ногайские отношения периода политического кризиса в Русском государстве (1534–1541 гг.), отмечая зависимость геополитической ориентации ногайских мирз от территорий кочевания. М.А. Несин исследует ответные действия Нижегородских властей на походы казанских татар в 1535–1536 гг. В статье Р.Ю.Почекаева дается развернутая характеристика представлениям западноевропейских современников о политико-правовых отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами.

А.В.Беляков и Г.А. Енгальчева обращаются к истории одной из знаковых фигур общественной и духовной жизни касимовских татар – истории рода сеидов Шакуловых, вводя в научный оборот документы из архива этой семьи. Продолжая тему региональных лидеров мусульман позднего средневековья, А.В.Беляков излагает свое видение функций служилых татар-абызов в XVI–XVII в.

Ю.М.Идрисов, участвуя в дискуссии о возможности наличия у правителей крупнейшего на Северо-Восточном Кавказе феодального владения Шамхальства Тарковского одновременно двух резиденций, делает аргументированный вывод о неисключительности данного явления.

В своей статье Я.В. Пилипчук объясняет мотивацию калмыцкого хана Аюки при выстраивании дипломатических отношений в 1672–1724 гг. с Османской империей, Крымским ханством, Кубанской Ордой ногайцев, казахскими ханами и другими государствами.

Читателя непременно заинтересуют имеющие отношение к истории Казахского государства статьи, которые посвящены рассмотрению дискуссионных вопросов его возникновения (Ж.М.Сабитов) и военной организации казахских кочевников в последующие столетия (Л.А.Бобров).

В 5-м выпуске научного ежегодника, в специальном разделе «Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения», были размещены ответы российских историков на три вопроса, связанные с этим важнейшим событием в истории татарского народа и Российского государства. В этом выпуске мы продолжаем публикацию ответов наших коллег – докторов исторических наук И.Р. Тагирова, Ф.Ш. Хузина, Р.Р. Фахрутдинова, кандидатов исторических наук М.С. Гатина и С.К. Свечникова на эти актуальные вопросы².

В разделе «Рецензии» читатель может ознакомиться с критическим отзывом казахского ученого Ж.М. Сабитова на новую книгу Карибаева Б.Б. «Қазақ хандығының құрылу тарихы» (История образования Казахского ханства) (Сардар, 2014. 520 с.).

И.К.Загидуллин

² Вопросы следующие: 1. Какие причины, на Ваш взгляд, преопределили победу Московского государства над Казанским и другими средневековыми тюрко-татарскими государствами? 2. Какие мифы и несоответствующие историческим фактам суждения существуют сегодня по поводу казанско-московских отношений первой половины XVI века? 3. Если оценивать прошедшие исторические события с высоты начала XXI века, какими потерями и приобретениями ознаменовалась для татар и для России ликвидация татарской национальной государственности?

**Из материалов V МЕЖДУНАРОДНОГО БОЛГАРСКОГО ФОРУМА
«ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ
И НАРОДОВ В ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (XV–XVI вв.)»
(Украина, г.Ялта, 6–11 ноября 2013 г.)**

УДК 94.904

**АК-МЕЧЕТЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА
КРЫМСКОГО ХАНСТВА***

© 2015 г. С.Г. Бочаров

Статья посвящена изучению исторической топографии города Крымского ханства – Ак-Мечети. Впервые на основании трёх категорий источников – письменных, картографических и археологических – реконструирован генеральный план позднесредневекового города. Ак-Мечеть была резиденцией второго лица государства калга-султана. Удалось определить местоположение трёх мечетей, трёх теккие, двух медресе, трёх караван-сарая, пяти фонтанов, одной бани, торговых рядов, городского пригорода, где располагался дворец калга-султана. К финальному этапу существования Крымского ханства площадь города Ак-Мечети составляла 42 га.

Ключевые слова: Крымское ханство, города Крымского ханства, Ак-Мечеть, историческая топография, мечеть, резиденция калга-султана.

Рост территории средневековых городов, их планировка и застройка, размещение общественных, культовых, ремесленных и жилых зданий связаны как с естественными условиями – природной топографией, элементами рельефа, так и с политическими и социально-экономическими особенностями исторической ситуации в регионе.

Во время своего возникновения в середине XV в. Крымское ханство «получает в наследство» на полуострове только два золотоордынских города Солхат – Старый Крым и Кырк-Ер – Чуфут-Кале. В это время существуют прибрежные генуэзские города – Каффа (совр. Феодосия), Солдайя (совр. Судак), Чембало (совр. Балаклава) и Воспоро (совр. Керчь). А также два города поздневизантийского княжества Феодоро: столица княжества, расположенная среди второй гряды Крымских гор в Юго-Западном Крыму, носящее то же название Феодоро (совр. Мангуп) и город Каламита (совр. Инкерман) в устье Ахтиарского залива. В итоге османского завоевания 1475 г. (Veinigen, Lemercier-Quellejeau, 1970, p. 326–327) Крымское ханство частично утратило свою независимость, в то время как владения и города генуэзцев и феодоритов на полуострове были включены в новую провинцию (санджак, затем лива) Османской Империи – Кефе (Veinstein, 1990, p. 587). С момента завоевания количество городов османского Крыма осталось прежним, изменились только их названия: Каффа превратилась в Кефе, Солдайя – в Судак, Чембало – в Балаклаву, Воспоро – в Керчь, Феодоро – в Мангуп, Каламита – в Инкерман (Veinstein, 1980, p. 254, tab II–IV). В поздний период оттоманского господства (XVIII в.) появится восьмой город – Ени-Кале, который возникнет из посада новой турецкой крепости у Керченского пролива.

Таким образом, общее число городов османского Крыма оставалось практически неизменным на протяжении трех веков (Veinstein, 1986, p. 221). В то время как на территории Крымского ханства в конце XV – первой половине XVI вв. будет основано пять новых городов. К двум старым, золотоордынским, городам – Солхату и Кырк-Еру – добавятся Бахчисарай, Карасубазар, Ак-

* Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» – «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005-2015-0007).

Мечеть, Гезлёв и Ор. Причем приоритет в развитии получают именно новые города. Политический и экономический центр золотоордынского Крыма Солхат во второй половине XV в. утратит свое административное значение и экономическое влияние. В ханский период он будет называться Старый Крым. Основатель династии крымских ханов Хаджи-Гирей перенесет столицу из Восточного Крыма в Юго-Западный, в город Кырк-Ер. Но и Кырк-Ер не долго будет находиться в ранге столичного города (Герцен, Могаричев, 1993, с.58–59). При ближайших приемниках Хаджи-Гирея, в начале XVI в., с укрепленного горного плато Кырк-Ера столица будет перенесена в близлежащую долину, где вокруг ханского дворца будет расти новый город Бахчисарай. Первая крымская столица Хаджи-Гирея – Кырк-Ер потеряет свой городской статус, но не исчезнет совсем, превратившись в еврейский, а затем караимский район Бахчисарая, который к XVIII в. уже известен как Чуфут-Кале (Еврейская крепость). Здесь важно отметить один момент – что все новые (Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв, Ор) татарские города Крымского ханства возникают на новых, не освоенных, местах и не связаны с предшествующей многовековой традицией крымских византийских городов.

В изучении исторической топографии позднесредневековых городов Крымского полуострова, принадлежавших Османской империи, уже появились первые результаты, опубликованы работы по Кефе (Бочаров, 2000, с. 6–8), Керчи (Бочаров, 2005, с. 145–151) и Мангупу (Бочаров, 2008, с. 191–212). Вопросы топография шести городов Крымского ханства сегодня находятся в стадии изучения (Бочаров, 2013, с. 15–18), на сегодняшний день изданы материалы единственного доклада, представившего топографию столицы ханства – Бахчисарая (Бочаров, Сейтумеров, 2012, с. 15–16). Изучению исторической топографии одного из шести городов Крымского ханства – Ак-Мечети посвящена настоящая статья.

Ак-Мечеть отличалась от других татарских городов своим административным статусом. И если Бахчисарай, столичный город был резиденцией крымского хана, то Ак-Мечеть являлась местом пребывания второго лица в государстве – калга-султана. Титул калги стал нововведением в престолонаследии, учрежденным Менги-Гиреем (1478–1515) для своего сына, что изменяло золотоордынскую традицию, когда ханский престол занимал старший в роду (Смирнов, 2005, с. 271–276).

Источниковедческую основу этого исследования составили три крупные категории источников: картографические, письменные и археологические. План средневекового города Ак-Мечеть удалось реконструировать на основании картографических источников – генеральных планов, снятых российскими военными инженерами в 70–90-х гг. XVIII в. Комплексное сопоставление всех категорий источников позволяет воссоздать урбанистическую картину средневекового города во всем ее разнообразии: точно измерить площадь городской территории Ак-Мечети; локализовать мечети, принадлежавшие различным общинам города и, как следствие, установить городские кварталы, которые занимали разные этнические группы. Выявлено нахождение зданий, связанных с экономической жизнью Ак-Мечети: караван-сарая, рынков, торговых лавок. А так же мест, связанных с духовной культурой (теккие, медресе). Определено месторасположение основных источников, снабжавших город водой, и городских бань (Рис. 1, см. цв. вкл.).

На позднесредневековой городской территории удалось локализовать три мечети (Рис. 1: 1–3), три теккие (Рис. 1: 4–6), два медресе (Рис. 1: 7; 8), три караван-сарая (Рис. 1: 9–11), один гостевой дом иноземных купцов (Рис. 1: 12), пять фонтанов (Рис. 1: 13–17), одну баню (Рис. 1: 18), торговые места (Рис. 1: 19). А так же реконструировать план городской застройки с сетью улиц и торговых рядов, а так же определить местонахождение пригорода, где располагался дворец калга-султана (Рис. 1: 21).

Точная дата основания города неизвестна. Не удалось найти описаний городской территории и в письменных источниках XVI в. Наиболее ранняя городская строительная надпись относится к расположенной в городском пригороде (Рис. 1: 21) мечети Абд ар-Рахман-бея и датирована 914 г.х. (1508/09 г.) (Книга путешествия, 2008, с. 139). В связи с отсутствием письменных источников раннегородского этапа реконструировать процесс появления этого города можно только гипотетически. Ак-Мечеть расположена на основной торговой магистрали XIV в., связывавшей два золотоордынских города – Солхат в юго-восточном Крыму и агломерацию Кырк-Ер – Азизлер в юго-западной части полуострова. Возможно, на этом пути во второй половине XV в. и появляются два новых крымских города Карасубазар и Ак-Мечеть примерно на расстоянии двух дневных переходов друг от друга. Расстояние от Солхата до Карасубазара около 40 км, от Карасубазара до Ак-Мечети – около 45 км и от Ак-Мечети до Бахчисарая 35 км. По нашему мнению, город вырастает из золотоордынского селения, располагавшегося на оживлённой караванной дороге. Видимо, Сво-

им возникновением и быстрым ростом Ак-Мечеть обязана хану Менгли-Гирею (1478–1515). Именно этот хан учреждает должность калга-султана, и именно он определяет ему резиденцию в этой местности. Кроме того, мечеть дворца калга-султанов связана с именем Менгли-Гирея, мечеть Абд ар-Рахман-бея (914 г.Х.=1508/09 г.) в пригороде так же построена при его правлении.

Проследить, как реконструируемый в этой статье план города соотносится со сведениями письменных источников можно на примере записок турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего Крым в 1666–1667 гг. Ак-Мечети он посвящает отдельную главу своего труда «Описание столицы калга-султана – древнего города Ак-Месджид, заселённого и обустроенного» (Книга путешествия, 2008, с. 138–141).

Вот, что Эвлия-эфенди сообщает о городе: «*Этот город – столица всех калга-султанов, и, по законам рода Чингизидов, благородное каза с доходом в 300 акче... Управители здесь – калга, кадий¹, субаши² и мухтесиб³. Других управителей нет. Этот город находится на краю красивой широкой долины, украшенной лугами, которая тянется на три часа (езды)*» здесь путешественник описывает долину Салгира (Рис. 1: 22)

Далее следует описание расположения города и его внешнего вида: «*Восточная часть этого города расположена на голых скалах (Рис. 1: 25) с вырубленными пещерами. Это благоустроенный город с домами, крытыми рубиново-красной черепицей, двухэтажными, с выложенными из камня стенами. Все дома просторные*» (Книга путешествия, 2008, с. 138).

«*Имеется 200 лавок. Там есть особые лавки с дверями с двух сторон, подобные безестану...*» – торговые ряды находились в северной части города (Рис. 1: 19). «*...А рядом с ними – торговый дом иноземных купцов*», это объект также удаётся локализовать (Рис. 1: 12), в центре подворья находился христианский храм (Рис. 1: 20).

Далее следует описания гостиных домов для купцов: «*Имеется 3 хана для купцов. Лучший из них – подобный крепости хан Айше-хатун, родственницы Сефер Гази-аги, построенный для торговцев. Все торговцы, путешествующие по суше и по морю, и сказочно богатые купцы гостят здесь*» (Книга путешествия, 2008, с. 139). Удалось определить местоположение всех трёх караван-сараев, два из которых находились в центральной части города (Рис. 1: 9; 10) и один на восточной окраине (Рис. 1: 11). Для отождествления какой из этих объектов носил имя Айше-хатун пока не хватает данных.

«*Здесь есть 5 михрабов. Самый лучший – посреди дворца калга-султанов – соборная мечеть Менгли Герай-хана. Это маленькая мечеть, крытая черепицей, с одним каменным минаретом старой конструкции. Затем, во внешнем пригороде, соборная мечеть Абд ар-Рахман-бея. И это древнее место молитвы, крытое черепицей, с каменным минаретом. Над ее дверью написан следующий тарих: “Построил эту благословенную мечеть в дни правления султана Менгли Герай-хана слабейший из рабов Абд ар-Рахман, сын Али-бея, да простит Бог его и его семью. Месяц мухаррем девятьсот четырнадцатого года”*». Здесь Эвлия – эфенди описывает постройки расположенные за пределами городской территории (Рис. 1: 21) (Книга путешествия, 2008, с. 140).

«*Не считая названных соборных мечетей, есть ещё 3 квартальных мечети. И всего 2 медресе*» (Книга путешествия, 2008, с. 140). Все эти объекты удалось локализовать. Мечеть Кебир Джами находилась на центральной городской площади города. Со значительными перестройками эта мечеть сохранилась до наших дней (Рис. 1: 1). Вторая мечеть находилась рядом с фонтаном на площади в восточной части города, имя её не известно (Рис. 1: 2). Третья мечеть расположена среди жилых кварталов в западной части города, рядом с ней то же находился фонтан с питьевой водой (Рис. 1: 3). Первое медресе находилось в центральной части города в 30 м южнее Кебир джами (Рис. 1: 7). Второе учебное заведение размещалось на западной окраине Ак-Мечети (Рис. 1: 8). «*Имеется 3 текке*» – три теккие расположены в центральной и восточной части городской территории (Рис. 1: 4–6).

«*Есть там также 3 школы для мальчиков, учащихся азбуку*» – эти строения в настоящее время локализовать не удалось.

¹ Судья, осуществляющий административную и судебную власть в городе и округе (каза).

² Начальник полиции.

³ Рыночный пристав, в обязанности которого входило следить за ценами, по которым ремесленники и торговцы продавали свои товары, за правильностью мер и весов.

«4 источника живой воды» – Эвлия Челеби сообщает о четырех источниках воды, нам удалось установить местоположение пяти городских фонтанов⁴ расположенных в городских кварталах (Рис. 1: 13 – 17). «И одна маленькая баня с двумя отдельными помещениями, с центральным возвышением, с окнами и фонтаном» – единственная городская баня располагалась на центральной площади Ак-Мечети в 90 м севернее мечети Кебир Джами и действительно имела двухчастный план (Рис. 1: 18).

«К югу от вышеописанного города есть ... дворец всех калга-султанов. Здесь 200 построек, двухэтажных, сложенных из камня. Но все это устроено и украшено не столь великолепно, как в ханском дворце в Бахчисарае. На широкой площади этого дворца находится вышеупомянутая мечеть с одним минаретом» (Книга путешествия, 2008, с. 140). Строения дворца калга-султанов располагались у фонтана (Рис. 1: 26) в Петровской балке. К концу XVIII в. здания этого дворца не сохранились и не были зафиксированы российскими топографами

«Этот городок представляет собой пригород в 370 зданий крытых черепицей, с выложенными из камня стенами. Все дома расположены на берегу речки Салкыр со стороны Ак Месджита. Там есть несколько лавок, один хан и одна соборная мечеть» (Книга путешествия, 2008, с. 140). Описываемый путешественником пригород располагался у дворца калга-султанов под южными обрывами скал Ак-Мечети (Рис. 1: 21).

В последнюю очередь Эвлия Челеби описывает загородные сады и виноградники, расположенные в примыкающей к городу с юго-востока долине реки Салгир (Рис. 1: 24): «В этом городе Ак Месджите действительно совсем нет садов и виноградников. Все сады и виноградники находятся на противоположной стороне реки Салкыр, протекающей посреди города. Потому что та сторона – плодородная, с хорошей травой, водой и почвой. Но, по правде говоря, Ак Месджит построен на каменистом месте. Садов и виноградников более тысячи, в каждом текут источники, они украшены живыми водами, плодовыми деревьями и другими высокими деревьями. Каждый из них подобен райскому саду. Из плодов там растет айва, груша, яблоко, слива, другие плоды. Это столь сочные плоды, что других таких в Крымской стране нет. Потому что это город с прекрасной водой, воздухом и постройками...» (Книга путешествия, 2008, с. 141).

Реконструированный нами план Ак-Мечети практически полностью совпадает с описаниями Эвлия Челеби XVII в. Нам не удалось локализовать три школы для мальчиков, и в XVIII в. в городе было на один фонтан больше.

Топографическую ситуацию последней четверти XVIII в., отражённую на генеральных планах города Ак-Мечеть и реконструируемую в настоящей статье, так же можно сравнить с практически одновременным им (1793 г.) описанием города П.С. Палласа (Паллас, 1999, с. 23–26). В этом фрагменте учёный достаточно точно описывает устройство городских домов и дворов: «Старый город Ак-Мечеть построен, как и все татарские города, с узкими, кривыми и немощеными, очень грязными улицами, и так как все его дворы обнесены оградами, а дома построенные внутри этих дворов, очень низки, так что их почти не видно, то кажется, что бродишь среди стен известкового буттового камня. Все дома построены из белого мергельного известняка, обычного в этой местности и выламываемого неправильными, а не постелистыми кусками, в них примечается много окаменелостей, известных под именем чечевичных камней; только малая часть этого камня обтесана для углов и отделки дверей и окон. Вместо известкового раствора во всех татарских городах полуострова для построек употребляют глину, смешанную с известью, прибавляя для прочности песок. Дворовые постройки по большей части – плетневые, обмазанные глиной, а их крыши – из легкой желобчатой черепицы, положенной на глине по плетням; эти крыши, если черепица не подмазана известью, требуют большого ремонта от влияния господствующих здесь бурь» (Паллас, 1999, с. 24).

«Из общественных зданий... здесь имеются три татарские мечети или молитвенные дома с их башнями, с которых их священник четыре раза в сутки призывает на молитву» – как следует из этого фрагмента количество мечетей в городе осталось прежним, их три (Рис. 1: 1–3). О двух

⁴ В Крыму фонтанами называли прямоугольные гидротехнические строения с глухими стенами и внутренним бассейном – цистерной, к которой с тыльной части по керамическим трубам поступает вода. В фасадной части находится медная труба, из которой происходит постоянный ток воды. Фасадная часть чаще всего декорирована нишей, имеющей форму стрельчатой арки с профилированным наличником, резными каменными плитами и иногда с закладной плитой, сообщавшей о строителе и дате возведения фонтана. В одной из боковых стенок такого фонтана оставлялось прямоугольное отверстие, которое обеспечивало доступ во внутренний бассейн, для его чисток и закрывалось деревянной или железной дверцей.

пятничных мечетях Менгли-Гереев во дворце калга-султана и Абд ар-Рахман-бея в пригороде рядом с дворцом академик Паллас уже не упоминает, видимо к этому времени они уже не существовали.

«...затем есть русская православная церковь, очень простая... татарская баня, переделанная в публичную тюрьму...» (Паллас, 1999, с. 25). С присоединением Крыма к Российской империи в центральной части города появился православный храм (Рис. 1: 27). А единственная баня средневекового города уже не использовалась по прямому назначению, но здание еще не было разрушено (Рис. 1: 18).

«На левом берегу Салгира находятся в городе четыре мельницы – для их работ проведен из Салгира подле этих мельниц находятся прекрасные фруктовые сады» (Паллас, 1999, с. 25). Каналы, отводившие воду от основного русла Салгира для садоводческих и хозяйственных нужд, находились в непосредственной близости от городской территории (Рис. 1: 23).

«Город Ак-Мечеть был прежде местопребыванием Калги-султана, знатнейшего лица после крымского хана, всегда бывшего из ханского семейства рода Гиреев. Выше города, на левом берегу Салгира, у него был обширный дворец, совершенно разрушенный вскоре после занятия Крыма; только обширный залив Салгира, имеющий обильный источник у подножия известковых скал, служивший Калге-султану для забавы в плавании на лодках, указывает место бывшего дворца; теперь здесь устроены пивоварни» (Паллас, 1999, с. 26). Это свидетельство еще раз подтверждает правильность нашего предположения, что дворец калга-султана находился рядом с источником у Петровских скал (Рис. 1: 26), и что сам дворец был разрушен после присоединения Крыма к России.

«После быстрого таяния снегов в горах или сильных дождей в верховьях вода в речке прибывает в течение 24–36 часов, а иногда и нескольких дней, так что, наполнив каменистое русло, она, наконец, выходит из берегов, превращаясь в бурный поток, уносящий людей и животных, делаясь крайне опасным для переправы. Вода речки мутнеет от глины, и ей надо дать отстояться прежде употребления. Поэтому город имел прежде водопровод, проведенный подземными трубами из источника с западных высот, отдаленных на 3 версты, мимо которых проходит дорога на Бахчисарай; этот запущенный и в 1795 году вновь возобновленный водопровод вскоре был опять разрушен жадными цыганами, доставляющими воду в город бочонками, и теперь он остается без употребления. Жители довольствуются для питья водой, взятой из Салгира и из источников, вытекающих по его берегам, хотя вода в них очень известковая» (Паллас, 1999, с. 26). Становится понятным, что вода к городу подводилась от источника, расположенного на значительном расстоянии, благодаря магистральному водопроводу из керамических труб. А в городской черте распределялась между пятью фонтанами, расположенными среди квартальной застройки.

В заключении хотелось бы отметить, что Ак-Мечеть практически не меняет свой внешний вид в XVII–XVIII вв. Основные изменения связаны с притоком в город христианского населения (греческого и армянского). Во второй половине XVIII в. в городе появляется греческая церковь (Рис. 1: 28). А церковь на подворье иноземных купцов начинает использоваться армянской общиной (Рис. 1: 20) (Лашков, 1890, с. 75). Ак-Мечеть в качестве самостоятельной городской единицы входит в российский Симферополь. На своём месте остаётся мечеть Кебир-Джами, а сеть средневековых улиц доживает до наших дней. К 1783 г. площадь этого позднесредневекового города была 42,0 га.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII – 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореф. канд. дис. М., 2000. 21 с.
2. Бочаров С.Г. Топография османской Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки. – Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005. Вып. 4. С. 145–151.
3. Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Антиква, 2008. Т. 3. С. 191–212.
4. Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш. Топография города Бахчисарая в XVI–XVIII вв. // IV научные чтения памяти Усейна Боданинского, Тезисы докладов. – Бахчисарай: Антиква, 2012. С. 15–16.
5. Бочаров С.Г. Историческая топография городов Крымского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)», Тезисы докладов. – Симферополь: Барановский, 2013. С. 15–18.
6. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь: Та-врия. 1993. 128 с.

7. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / перевод, вступительная статья и комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, изд. 2-е, исправленное и дополненное. 2008, 270 с.

8. Лашков Ф. Ф. О расположении татарского города вообще, и в частности Акмечети, в связи с бытом татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь, 1890. С. 73–80.

9. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах. Научное наследство. М.: Наука, 1999, Т. 27. 246 с.

10. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 541 с.

11. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // Cahiers du monde Russe et Soviétique. – 1970. Vol. XIII – 3. P. 321–337.

12. Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // Mémorial Ömer Lütfi Barkan. Bulletin de l'Institut Français d'Etudes Anatoliennes – 1980. Fis. XXVIII. P. 227–249.

13. Veinstein G. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century // Mediterranean Historical Review. – 1986. Vol. 1. № 2. P. 221–237.

14. Veinstein G. Réalités et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVIe siècle) // İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres. Samsun. 1990. P. 584–606.

С.Г. Бочаров

КЫРЫМ ХАНЛЫГЫ ШӘҺӘРЕ АК МӘЧЕТНЕҢ ТАРИХИ ТОПОГРАФИЯСЕ

Мәкалә Кырым ханлыгы шәһәре Ак Мәчетнең тарихи топографиясен өйрәнүгә багышланган. Тәүге тапкыр өч төрле – язма, картографик һәм археологик – чыганаclar нигезендә шәһәрнең соң урта гасыр планы реконструкцияләнгән. Ак Мәчет дәүләтнең икенче кешесенең – калга солтанның – резиденциясе урнашкан шәһәр булган. Автор өч мәчет, өч тәккә, ике мәдрәсә, өч кәрван-сарай, биш фонтан, бер мунча, сүдә рәтләре урыннарын, калга солтан сарае урнашкан шәһәр читен билгели алган. Кырым ханлыгы юкка чыгар алдынна шәһәрнең мәйданы 42 га тәшкит иткән.

Ачык сүзләр: Кырым ханлыгы, Кырым ханлыгы шәһәрләре, Ак Мәчет, тарихи топография, мәчет, калга солтан резиденциясе.

S.G. Bocharov

AK-MECHET: HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE CITY OF THE CRIMEAN KHANATE

This article is devoted the study of the historical topography of the city of the Crimean Khanate Ak-Mechet. At first time on the basis of three categories of sources – written, maps evidence and archaeological materials – renovated general plan of the late medieval city. Ak-Mechet was the residence of the second person of the country Kalga-Sultan. It was possible to determine the location of the three mosques, three Tekke, two madrasas, three caravansarais, five fountains, a bath, shopping arcade and the suburb of the city where situated the palace of the Kalga-Sultan. At the final stage of the Crimean Khanate square of the city of Ak-Mechet was 36 hectares.

Keywords: The Crimean Khanate, the citis of the Crimean Khanate, Ak-Mechet, historical topography, the mosque, the residence of Kalga-Sultan.

Сведения об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБНУ РК «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь) / Казанский федеральный университет. Лаборатория Археотехнологии и археологического материаловедения (г. Казань); E-mail: sgbotcharov@mail.ru

Бочаров Сергей Геннадий улы – тарих фәннәре кандидаты, өлкән фәнни хезмәткәр, РФА Кырым Археологасы институты (Симферополь шәһәре) / Казан федераль университет. Археотехнология и археологик материаловедение Лабораториясе (Казан шәһәре).

Bocharov Sergey Gennadiyevich – Ph.D. (history), Senior Researcher Crimean Archaeological Institute, the Ministry of Science of the Republic of Crimea, (Simferopol, Russian Federation) / Senior Researcher Laboratory of Archaeotechnology and Archaeological Materials, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation).

УДК 94 (470.4)"14/15"

БЫЛА ЛИ КРЫМСКАЯ ПОДАТНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДАРУГА В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ ? (Научная гипотеза)

© 2015 г. *Р.Г. Галлям*

В рамках изучения проблем политического, административного устройства Казанского ханства, в статье рассматривается широкий круг проблем, связанный с исследованием податно-административных даруг-областей в этом средневековом государстве. На основе письменных, нарративных и картографических источников XVI–XVIII вв., выдвигается аргументированная гипотеза о наличии в государстве Крымской (или Буртасской) податно-административной даруги, включавшей в себя земли ханства на Горной стороне р. Волги.

Ключевые слова: Казанское ханство, политико-административное устройство, податно-административные даруги (области), феодально-вассальные улусы, Горная сторона р. Волги, Галицкая даруга, Крымская (Буртасская) транспортная дорога, Крымская (Буртасская) податно-административная даруга (область).

В истории Казанского ханства – поздне-средневекового государства татар, других народов Поволжья и Приуралья XV – середины XVI столетий, как и в прошлом других тюрко-татарских государств средневековья, остается немало белых пятен. В основном, они обусловлены плохой сохранностью письменных свидетельств эпохи, а также ограничениями политико-идеологического характера, наложенными на системное изучение исторической проблематики в годы Советской империи. Между тем, эпоха Казанского ханства является одной из ключевых в общественно-политическом, социально-экономическом, этнокультурном и духовном развитии народов Поволжья и Приуралья. Поэтому, дальнейшее исследование различных аспектов истории этого поздне-средневекового татарского государства представляется важным. Оно актуально и в свете изучения различных аспектов истории России в средневековую эпоху.

Вопросы внутреннего политико-административного устройства Казанского ханства, его «даружное» подразделение, роль и место в социально-политической системе государства феодально-вассальных «улусов», ясачных общин, долгие десятилетия оставались одними из наименее изученных. Так, в немногочисленных свидетельствах эпохи, по сути, содержится лишь упоминание «даруг» (областей-округов) Казанского ханства. Данное обстоятельство весьма осложняет исследовательские задачи, особенно рассмотрение круга вопросов, связанных с их функциональным, территориальными аспектами. В этой ситуации, исследователи вынуждены собирать сведения об административных «даругах» (областях) ханства, буквально по крупицам, прибегая в своих исследованиях к исторической ретроспективе, аналогиям и сопоставлениям.

Сама гипотеза о подразделении Казанского ханства на отдельные политико-административные области, так называемые «даруги», не нова. Ранее, на основании факта существования в более позднем Казанском уезде пяти административных «дорог» – Арской, Алатской, Галицкой, Зюрейской и Ногайской – считалось, что на те же административные даруги-области подразделялось и Казанское ханство.

Вместе с тем, до рубежа XX–XXI вв. они не стали предметом специального изучения. Их место и роль в политической системе Казанского ханства были не вполне ясны. Было установлено, что эти «даруги» происходят из золотоордынской системы государственного управления.

Любопытно, что в качестве административных единиц-областей более позднего Казанского уезда, в условиях русского государства эти «дороги» сохранились вплоть до начала 1780-х годов, до наместнических реформ в Российской империи. На административные «дороги» был подразделен и образованный в XVII в. Уфимский уезд. Эти факты свидетельствуют о живучести тюрко-татарских традиций государственно-административного управления в условиях русского государства, Российской империи XVI–XVIII вв., их исторической преемственности.

В одной из ключевых статей, опубликованных в сборнике «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования» (Галлямов, 2002, с. 280–316) нами, в числе первых был исследован широ-

кий спектр проблем, связанных с изучением даруг-областей Казанского ханства, подробно проанализированы различные гипотезы и мнения, донныне существовавшие относительно них. С учетом достижений исторической науки, опираясь на специальное исследование, была дана их наиболее полная характеристика. Впервые, в привязке к сети поселений в государстве, была произведена территориальная локализация даруг-областей ханства.

Удалось установить очевидную взаимосвязь политико-административных даруг-областей в государстве с основными сухопутными магистралями в ханстве (отсюда идентичность дорожно-транспортного и административно-управленческого понятий «дорога»/«даруга»). То есть, узловые сухопутные тракты ханства, вместе с прилегающими («тянущими») к ним землями и населенными пунктами (городами, селениями и т.д.), явились основой для формирования даруг-областей в государстве. Это свидетельствует о том, что последние были учреждены государством (т.е. государственной – ханской – властью, «сверху»).

Вопреки укоренившемуся в течение долгих десятилетий мнению, оказалось, что административных даруг-областей в государстве было больше вышеперечисленных пяти. Это свидетельствует о том, что в условиях русского государства «даружная» система управления бывшего ханства перетерпела некоторую реорганизацию. Так, на основе имеющихся письменных свидетельств эпохи, вдобавок к ранее известным, в среднем бассейне р. Казанка нами выделена, так называемая, Атызкая административная даруга ханства (название происходило от наименования селения Аты, располагавшегося у одноименной речки в среднем, правом бассейне р. Казанки – в пределах совр. Арского р-на Республики Татарстан). Кроме того установлено, что вместо известной по источникам с конца XVI в. Зюрейской дороги, ранее (очевидно, в эпоху ханства) существовала, так называемая, «Чювашская» даруга¹, с подразделением на Нижнюю, Среднюю («Иски-Юртовскую») и Нижнюю «Чювашские» даруги и т.д.

На составленной нами карте-схеме даруг-областей Казанского ханства они территориально напоминают треугольники, примыкающие одним своим острием к столице ханства – Казани. Это объясняется тем, что все основные сухопутные магистрали государства начинались в столице ханства, городе Казань, и вели от нее в различных световых направлениях. Территории «привязанных» к ним административных даруг-областей ханства, по мере отдаления от Казани, радиально расширялись (см. карту-схему).

Каждая из транспортных дорог имела свое название по наименованию какого-либо крупного населенного пункта – города или села (как правило, значимого феодально-улусного центра государства) по пути следования (например, в ханстве известны Арская, Алатская, Атызская, Галицкая², «Иски-Юртовская» – или «Чювашская Середняя», «Якийская», «Окречьская» сухопутные магистрали) либо по названию какой-либо этнической, этносоциальной группы населения, массово расселенной в соответствующем световом направлении от Казани (известны Ногайская, «Чювашская» дороги), направлению следования. В свою очередь, эти транспортные дороги послужили основой для формирования одноименных административных даруг-областей государства, являвшихся одновременно и податными округами ханства. Привязка последних к основным сухопутным трактам в ханстве давала наибольшие выгоды в плане оперативной связи центра с различными областями государства, сбора ясака, других податей с населения, упреждения сепаратистских устремлений феодальных элит на местах.

¹ В Казанском ханстве «чюваши», на подобие «башкир» в XVIII–XIX вв., называли ясачных людей (земледельцев) волжско-болгарского происхождения – предков современных татар и чувашей.

² В советской и современной историографии устоялось ошибочное мнение о том, что название Галицкой дороги восходит к наименованию северо-западного русского города Галича. Очевидно, что здесь свою роль сыграло простое созвучие терминов. На самом деле, термин «Галицкая даруга» происходит от названия бывшего татарского селения «Гареш-би» периода ханства (по-татарски «Гәреш би»; в русской интерпретации – «Грыжбай»), находившегося на территории совр. Зеленодольского (бывшего Юдинского) р-на РТ (см.: Татарская АССР, 1940, с. 145). По наименованию данного населенного пункта, татары Галицкую дорогу всегда именовали «Гәреш юлы» (либо «Гәреч юлы»). Как видно, селение носило имя именитого татарского «князя» («би»), некогда (видимо, еще во времена Казанского ханства) проживавшего здесь. Вероятно, что в эпоху ханства поселение было одним из стратегически важных феодально-улусных центров государства. В пользу этой версии свидетельствует и его нахождение в одной округе с селениями Яки, Каратмень, Караужа, локализующихся (в частности, исследователем Д.М. Исхаковым) как место пребывания легендарной личности периода ханства «Чура батыр» («Кара-бек»). Данной теме будет посвящена одна из последующих наших статей.

Государственные управляющие даругами-областями ханства из числа высшей знати – чиновники-князья, сборщики налогов – назывались «даругачи» или «даруга-бек» (бек/князь).

В результате изучения упомянутых «даруг» – областей в Казанском ханстве, мы всецело присоединяемся к точке зрения известного исследователя истории Золотой Орды Г.А. Федорова-Давыдова о том, что «...в Казанском и Крымском ханствах «улус» – территориально-административное деление, часть «даруги» – округа, но вместе с тем «улус» – это вотчина князька или мурзы» (Федоров-Давыдов, 1973, с. 113).

Также установлено, что в условиях Казанского ханства территории феодально-вассальных «улусов» и, так называемых, «ясачных сотен» могли совпадать. Т.е., ясачная сотня одновременно могла быть и «улусом» («вотчиной») феодала, с территории которого последний, с ведома и благословения хана (верховного правителя в государстве), взимал ясак в свою пользу³.

Следует заметить, что правом выбора обладателя налоговых поступлений с ясачных общин, округов в Казанском ханстве пользовалась, исключительно, лишь центральная власть (в лице хана и его приближенных). Это право осуществлялось посредством раздачи феодалам-вассалам на местах специальных ханских ярлыков (грамот) на обладание доходами с определенных земель – ясачных общин и округов. Указанная процедура юридического оформления податных территорий, округов за их обладателями была обязательна для всех, без исключения, категорий феодалов в государстве, в т.ч. и для так называемых «вотчинников», имевших свои «родовые улусы». При этом, ясачные земли, с которых феодалы-вассалы с ведома и разрешения центральной власти взимали налоги в свою пользу, продолжали считаться казенными (т.е., оставались в ведении центральной ханской власти)⁴.

Таким образом, феодально-земельные правоотношения в Казанском ханстве во многом были схожи с системой «кормления» в русском государстве XV–XVII вв. Вне всякого сомнения, корни этих феодально-вассальных взаимоотношений уходят в недра золотоордынской государственно-правовой системы.

На основе методов ретроспективного моделирования, сопоставления и картографирования, привлечения в этих целях имеющегося корпуса письменных и нарративных источников, прежде всего, писцовых книг русского государства XVI – начала XVII вв., нам удалось с достаточной степенью достоверности территориально локализовать пределы политико-административных даруг-областей в Казанском ханстве в привязке к сети его населенных пунктов – городам и селам (см. карту-схему). Помимо ранее известных Арской, Алатской, Галицкой, Зюрейской и Ногайской даруг, выдвинута обоснованная гипотеза о существовании в государстве Атызской и Крымской (или Бургасской) податно-административных даруг, вместо Зюрейской – Чувашской даруги, с подразделением на Верхнюю, Среднюю (Иски-Юртовскую) и Нижнюю Чувашские даруги⁵.

Одно из ключевых положений, извлеченных нами посредством специального изучения податно-административных даруг в Казанском ханстве, сводится к выводу о том, что за исключением, может быть, ногайских, башкирских кочевий на южных, восточных рубежах государства, в даружную систему государственного управления была вовлечена вся территория Казанского ханства. В этой связи, вхождение в нее в свое время и Нагорной (или Горной) стороны (т.е., территории госу-

³ При том, феодал не обладал юридическими правами на «улусных» ясачных людей. Так как такого явления, как крепостничество в русском государстве, Российской империи XV–XIX вв., в Казанском ханстве не было. Все взаимоотношения автономных в своей хозяйственно-экономической деятельности ясачных общин, округов с феодалами были опосредствованы через ясак – налоги, взимаемые с ясачных людей в пользу последних.

⁴ В свете всего изложенного, ранее выдвинутая историком-этнографом Д.М. Исхаковым гипотеза о политико-административной принадлежности даруг в Казанском ханстве, представляющая их как некие «родовые княжества» правящих в Казанском ханстве феодальных родов-кланов Аргын, Барын, Ширин, Кипчак и Мангыт, выглядит совершенно неправдоподобной. Исследования показывают, что в действительности такие могли существовать только лишь в виде подвластных хану (верховному правителю) феодально-вассальных «улусов» – «ясачных сотен» в составе податно-административных даруг-областей государства (см.: Галлямов, 2000, 165–174 б.; Галлямов, 2002, с. 280–316).

⁵ Как ни странно, все эти новейшие разработки, почти, никак не отображаются на содержании и качестве современных обобщающих изданий по средневековой истории Среднего Поволжья, как и различного рода публикаций научно-справочного, учебного характера. В частности, по инерции с прошлых лет, так же декларируется существование в Казанском ханстве тех же пяти, ранее известных административных даруг: Арской, Алатской, Галицкой, Зюрейской и Ногайской и т.п. В целом, замечание касается всего спектра вопросов, связанных с изучением внутреннего устройства средневекового татарского государства.

дарства на правом берегу р. Волга; по-татарски «Тау ягы», «Жэбэлстан») вряд ли может подлежать сомнению. Тем более, что Горная сторона являлась одной из наиболее густонаселенных, центральных областей бывшего ханства. В этой связи, по сути, вопрос сводится лишь к следующему: в какой именно податно-административной даруге ханства могли состоять земли государства на Горной стороне р. Волги?

Задав себе все тот же ключевой вопрос (правда, с точки зрения о политико-административной принадлежности даруг в Казанском ханстве) и учитывая, что в источниках «русского» периода территории Алатской и Галицкой административных дорог зачастую подаются нераздельно, исследователь Д.М. Исахов логично предположил, что последняя ранее «имела продолжение на Нагорной (Тау ягы) стороне, где возник Свяжский уезд. Во-первых, к такому выводу подталкивает сама конфигурация Галицкой даруги – территориально она проходила юго-западнее Алатской даруги, близко подходя к Волге. При этом татарских селений в ее составе было значительно меньше, чем в других «дорогах» («урезанный» характер Галицкой «дороги»). Во-вторых, – свидетельствует автор, – в 80-х годах XIX в. известный исследователь татарского языка А. Безсонов оставил следующее замечание относительно татарского населения «Галич жулы» (Галицкой дороги) и «Тау жулы» (Нагорной «стороны»): «...в верхней одежде этих двух сторон преобладают черный, темносерый и синий... цветы». Одновременно он констатировал, что у жителей-татар других «дорог» (Нугай жулы, Жорей жулы, Арча жулы и Алат жулы) в одежде наблюдается «преобладание белого цвета». Ясно, что в данном случае обнаруживается некое культурное единство населения Нагорной стороны и Галицкой даруги» (Исахов, 1999, с. 43–44).

Вместе с тем, очевидно, что приведенных доводов для утверждения о принадлежности Нагорной стороны в эпоху ханства к Галицкой даруге явно недостаточно.

По нашим оценкам, на левобережье р. Волги Галицкая даруга территориально включала в себя западные окрестности Казани, земли современного Зеленодольского р-на РТ и Республики Марий-Эл. Территории Алатской и Галицкой (или Якийской) административных даруг нами разграничиваются верхним течением р. Сумки – левого притока Волги, землями севернее вышеупомянутых селений Гареш-би, Яки, Караужа, Каратмень (по-татарски «Кара Төмән» – «Каратмән») в верховье реч. Петъялка – левого притока р. Илети. Расширяясь к западу, Галицкая даруга включала в себя такие марийские волости в бассейнах среднего и нижнего течения р. Илеть, а также по течению рек Большая и Малая Кокшага, как Бет-Кукмор, Пинжан-Кукмор, Карамас, Яран, Коркет, Морки, Шали, Кундуш-Черанур и др. (см. карту-схему).

С учетом уже установленного факта учреждения податно-административных даруг ханства в привязке к сети основных сухопутных магистралей в государстве, важно отметить, что Галицкая сухопутная магистраль (по-татарски, «Гәреш – Гәреч юлы») имела не юго-западное, а северо-западное направление (т.е. вела от Казани не на Горную сторону, а на территорию совр. Республики Марий Эл). В этой связи, вероятность нахождения Горной стороны в эпоху ханства в составе Галицкой даруги вызывает большое сомнение. Тем более, что в условиях русского государства XVI–XVII вв., достаточно узкая, прибрежная полоса Горной стороны (в частности, район с. Федоровского и его округа вблизи г. Тетюш) состояла в Ногайской административной дороге Казанского уезда (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 153, л. 506 об. – 525 об.) (см. также фрагмент карты Казанской губернии начала XVIII в. на цв. вкл.).

Последний факт одновременно является косвенным свидетельством тому, что Нагорная сторона действительно была вовлечена в даружно-административную систему управления в Казанском ханстве. Вместе с тем, в имеющейся территориальной раскладке даруг-областей ханства, из нее почти полностью «выпадает» основная, «материковая» часть правобережья р. Волги, как выше было отмечено, являвшаяся одной из центральных областей государства. Как видно, «привязать» ее на основе имеющихся источников к донине известным политико-административным даругам-областям ханства не удастся. Более поздний Свяжский уезд подразделялся не на «дороги» (как Казанский уезд), а так же, как и центральные области русского государства, на «станы» и «четверти».

Все эти обстоятельства наводят на мысль о принадлежности основной территории Горной стороны в эпоху ханства к какой-либо самостоятельной податно-административной даруге государства, в силу различных причин, ранее не обозначенной в историографии.

Поскольку устройство политико-административных даруг-областей в Казанском ханстве в привязке к основным сухопутным, транспортным магистралям в государстве установлено, то основой для решения затронутой проблемы может стать установление таковой на Горной стороне р.

Волги. В этой связи, существование в период ханства сухопутного Крымского (или Буртасского, «Большого Посольского») тракта, пролежавшего через Нагорную сторону в Крым, не вызывает сомнений (см. фрагмент карты Казанской губернии начала XVIII в.).

Известно, что Казанское ханство находилось в тесных династийных, военно-дипломатических, торгово-экономических отношениях с Крымским ханством. В числе прочих, известно существование в ханской Казани Крымских крепостных ворот (ориентировочно, находились в районе пересечения современных улиц Профсоюзная и Кави Наджми г. Казани). Начинаясь от Крымских ворот, через летописную Кураишеву слободу на Забулачье и «Царев луг» южнее, Крымский тракт вел к р. Волге. Далее она имела продолжение на Горной стороне р. Волги. Вероятно также, что сухопутный тракт пролегал через известный Гостиный остров на р. Волге, знаменитый своей международной ярмаркой.

Нужно подчеркнуть, что Крымский тракт был одним из основных транспортных, военно-дипломатических сухопутных магистралей государства. Так, в учебнике «История Татарской АССР» 1968 г. издания (в разделе эпохи Казанского ханства) говорится, буквально, следующее: «...Оживленными были и Крымская дорога, из Казани в Крым через Атемар (на территории совр. Мордовии – Р.Г.) и Сурская из Нижнего Новгорода в Прикаспий» (История Татарской АССР, 1968, с. 76–77).

По мнению мордовского исследователя И.Д. Воронина, именно на Крымской дороге, ведущей из Крыма в Казань, позднее возник город Инсар. В Среднем Поволжье она пролегла по линии Инсар – Саранск – Карсунь. «В районе Карсуна, – пишет исследователь, – дорога разветвлялась. Один путь шел в Казань, другой – к Симбирску» (Воронин, 1961, с. 10). По сообщениям летописей, именно по этой дороге в 1552 г. наступала на Казань часть войска И. Грозного. Воздвигнув в 1551 г. на устье р. Свияги город-крепость Свияжск, Иван IV перекрыл для казанцев этот самый стратегический путь из Казани в Крым. По свидетельству И.Д. Воронина, «Большая Посольская (Крымская) дорога в некоторых архивных документах именуется и Буртасской» (Там же, с. 10).

Основные очертания этой узловой дороги, ведущей из Казани в Крым, и ее разветвлений, видны на губернских, уездных картах, картах Генерального межевания XVIII – половины XIX вв. (см. фрагмент карты Казанской губернии начала XVIII в.).

Интересно, что у современных жителей южной части Горной стороны, в частности, населения Дрожжановского р-на Республики Татарстан и поныне живы предания о некоей Крымской границе («Кырым чиге») в бассейне р. Цильна (эта зона проходит на приграничную территорию совр. РТ с Ульяновской обл.).

В свете изложенного весьма вероятно, что города и веи бывшего ханства по этому сухопутному тракту и его разветвлениям некогда составляли Крымскую (или Буртасскую) податно-административную даругу (область) Казанского ханства. Возможно, упоминаний этой административной даруги в летописях, других письменных свидетельствах эпохи не сохранилось потому, что еще весной 1551 г. (т.е. за год с лишним до известных событий, связанных с завоеванием Казани в 1552 г.) Нагорная сторона была добровольно-принудительно присоединена к русскому государству. В связи с чем, здесь бывшая даружно-административная система управления периода ханства была ликвидирована. Образованный же позднее Свияжский уезд, как уже было отмечено, делился на станы и четверти.

Таким образом, есть веские основания полагать, что основная территория Горной стороны (может быть, за исключением узкой прибрежной полосы, относившейся к Ногайской даруге ханства) до 1551 г. могла составить Крымскую (или Буртасскую) податно-административную даругу (область) Казанского ханства.

Вместе с тем, за явным недостатком письменных свидетельств эпохи, данный наш вывод пока остается лишь гипотезой – предметом для дальнейшего рассмотрения. Для окончательного доказательства факта существования Крымской податно-административной даруги в Казанском ханстве, уточнения ее пределов, крайне важен поиск новых письменных свидетельств эпохи, разграничение земель этой даруги с востока с землями Ногайской даруги, а кроме того, целенаправленное изучение старинной Крымской (или Буртасской, «Большой Посольской») сухопутной магистрали эпохи ханства в привязке к сети поселений Горной стороны.

В целом же, опыт исследования податно-административных даруг (областей-округов) в Казанском ханстве показывает, что их последующее изучение тесно взаимосвязано с рядом других, не менее актуальных проблем прошлого этого средневекового государства. В этой связи, задачами первостепенной важности являются дальнейшее выявление, географическая локализация сети его

поселений, исследование сухопутных транспортных, военно-дипломатических магистралей. Для уточнения места и роли улусных, общинно-родовых, других подразделений в системе даружно-административного управления, важно дальнейшее целенаправленное, комплексное изучение проблем политического, социально-экономического устройства Казанского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин И.Д. Саранск. Историко-документальные очерки. Саранск, 1961.
2. Галлямов Р.Ф. (Галлям Р.Г.). Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования», 5 февраля 2002 г. Казань: Изд-во «Фэн», 2002.
3. Галлямов Р.Ф. (Галлям Р.Г.). Татар халкы оешуга яңа караш (Д.М. Исхаковның «От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.)» (Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 1999. – 276 с.) дигән гыйльми басмасына бәяләмә) // Казан утлары. 2000. № 8 (834). 165–174 б.
4. История Татарской АССР. Казань: Тат. кн. изд-во, 1968.
5. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 1999.
6. РГАДА. Ф 1209. Оп. 1. Кн. 153.
7. Татарская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июня 1940 г. / Сост. Б. Абдуллин. Казань: Татгосиздат, 1940.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Р.Г. Галлям

КАЗАН ХАНЛЫГЫНДА КЫРЫМ АДМИНИСТРАТИВ САЛЫМ ДАРУГАСЫ БУЛГАНМЫ? (ФЭННИ ГИПОТЕЗА)

Казан ханлыгының сәяси, административ төзелешен өйрәнү кысаларында, мөкаләдә бу урта гасыр дәүләтендәге административ салым даругаларын (өлкәләрен) өйрәнүгә нисбәтле күп мәсьәләләр карала. XVI – XVIII гасырларга караган язма, нарратив чыганаclarга, картография материалларына таянып, дәүләттә үз эченә ханлыкның Иделнең Тау ягындагы жирләрен алып торган Кырым (яки Бортас) административ салым өлкәсенә булганы күп дәлиләр ярдәмендә фаразлана.

Ачыкч сүзләр: Казан ханлыгы, сәяси-административ төзелеш, административ салым даругалары (өлкәләре), феодал-вассал олыслар, Иделнең Тау ягы, Гәреш даругасы, Кырым (Бортас) транспорт юлы, Кырым (Бортас) административ салым даругасы (өлкәсе).

R.G. Gallyam

WAS CRIMEAN-TAX-PAYING ADMINISTRATIVE ROAD IN THE KAZAN KHANATE? (SCIENTIFIC HYPOTHESIS)

The article considers the problems of political, administrative system of the khanate of Kazan and explores a wide range of issues related to tax and administrative areas in this medieval state. On the basis of written, narrative and cartographic sources of the XVI–XVIII centuries, the hypothesis of the existence in the state of Crimea (or Burtaschy) tax and administrative drugi, which included the land state on the Mountain side of the Volga river.

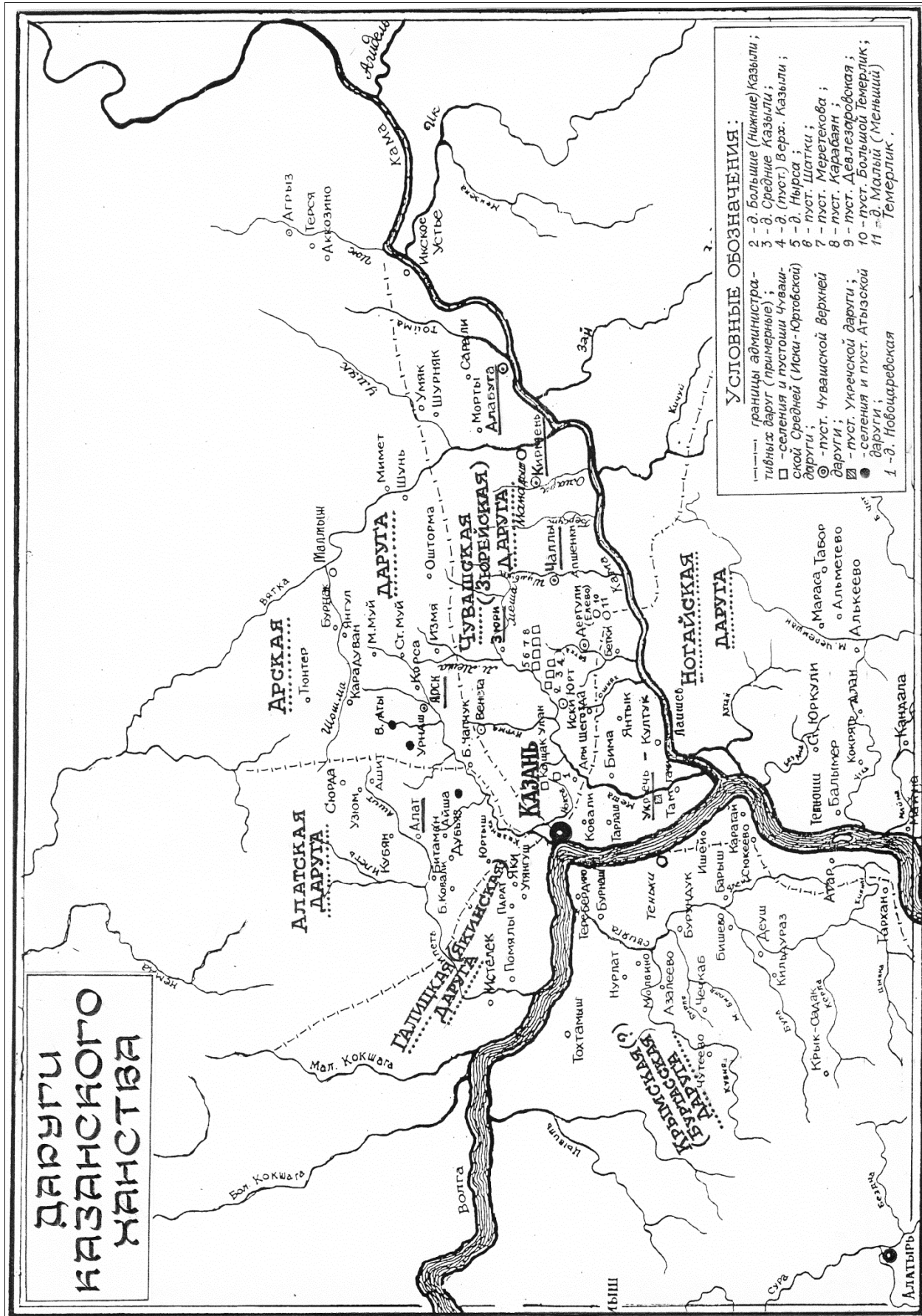
Keywords: the Kazan khanate, political and administrative structure, tax and administrative areas, feudal-vassal regions, Mountainous side of the Volga river, Galician daroga, Crimean (Burrasca) road transport, the Crimean (Burrasca) tax and administrative area.

Сведения об авторе:

Галлям Рашид Габдельфартович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); E-mail: r.gallyam@mail.ru

Галлям Рәшит Габдельфәрт улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Gallyam Rashid Gabdelfartovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Карта-схема податно-административных даруг Казанского ханства

УДК 94 (470.4)"14-15"

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

© 2014 г. И.К. Загидуллин

В статье рассматриваются некоторые аспекты образования Казанского ханства, место и роль в этих событиях Улуг Мухаммада и его сына Махмуда. Делается вывод о том, что после Белевского сражения 1437 г. Улуг Мухаммад вновь сосредоточился на объединении под своей властью расползающуюся на отдельные образования Золотую Орду, а первым ханом, создавшим Казанское государство, стал его сын Махмуд.

Ключевые слова: Булгарский улус, Казанский улус, Казанское ханство, Улуг Мухаммад, казанский хан Махмуд.

В составе Золотой Орды Среднее Поволжье было одним из крупных регионов сосредоточения оседлого населения, основным источником существования которого являлось земледельческое производство. В цивилизационном отношении регион позиционировался как один из мусульманских центров Золотой Орды, в котором также находились большие анклавыв приверженцев традиционных верований.

На начальном этапе становления Улуса Джучи Бату хан определил город Булгар как столицу: до основания города Сарай Бату там располагалась резиденция хана, началась чеканка первых золотоордынских монет, его монетный двор до конца XIII в. оставался главным в государстве. По мнению И.А.Мустакимова, Булгарский улус был «частью домениальных владений золотоордынских ханов периода могущества державы джучидов» (Мустакимов, 2008, с.146). Одновременно происходило интенсивное заселение региона. Согласно обобщениям В.А. Иванова по материалам археологических изысканий последних десятилетий, если «в домонгольский период присутствие кыпчаков в степях Урало-Поволжья было настолько незначительным, что говорить об их влиянии на ход формирования этнической карты региона не приходится» (Иванов, 2013, с.94), то наличие в золотоордынский период отдельных кочевничьих захоронений в городских и сельских мусульманских могильниках свидетельствует об интеграции кочевников с местным населением во второй половине XIV в. Эти процессы, видимо, начались значительно раньше (Руденко, 2013, с.209).

Доменный статус означал потерю автономности в управлении регионом представителями местных элит. После пресечения династии Бату Булгарский улус, по-видимому, считался общеджучидским достоянием, и власть над ним оспаривали друг у друга представители разных ветвей джучидов. В период могущества государства Булгарский улус был местом частых посещений золотоордынских ханов (Мустакимов, 2008, с.146).

Требуется специального изучения проблема территориальной локализации Булгарского улуса. Согласно «Анониму Искандера», в правом крыле Ак-Орды имелись следующие улусы: «Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башкирд и Сарай, Берке» (Сборник, 1941, т. II, с.127). То есть можно с уверенностью предположить, что на начальном этапе развития Золотой Орды границы Булгарского улуса в целом совпадали с территорией бывшей Волжской Булгарии. С одной стороны, это означало сохранение в ней присущих для данной территории традиционных связей между местными элитами, с другой – включение региона в административную систему управления Золотой Орды.

Как известно, система управления в Золотой Орде предполагала значительную автономию правителей оседлых регионов. Для управления улусами золотоордынские ханы назначали своих наместников-правителей, которые обеспечивали общественный порядок, своевременный сбор налогов и т.д.

В целом следует констатировать, что центробежные силы были заложены в самой системе управления евразийским государством, и тенденция к обособлению регионов, независимо от того, была эта территория ханским доменом или управлялась на основании ярлыка местным династом, в периоды кризиса власти в Степи становилась отчетливой. В годы безвластия улусы приобретали огромные права. Убийство в 1359 г. хана Бердибека, ознаменовавшее начало периодических смут в Золотой Орде вследствие ожесточенной и кровопролитной борьбы Чингизидов, привело к параличу центральной власти, дестабилизации общественной и социальной жизни в стране. Администра-

тивное устройство государства в период «Великой замятни» дало глубокую трещину. В последующем государственным деятелям, стремившимся возродить былое могущество империи, приходилось тратить огромные усилия для преодоления центробежных сил. Очевидно, что каждый вновьявленный хан направлял в общеджучитский домен своего ставленника, который, пока вникал в местную ситуацию, оказывался не у дел. В такой ситуации, безусловно, должны были активизироваться местные элиты.

Воспользовавшись слабостью ханской власти, в 1361 г. Булат-Тимур подчинил себе города Среднего Поволжья и удерживал свою власть в течение 6 лет, в 1366 г. он даже чеканил в Булгарах монеты от имени золотоордынского хана. На этот период приходится правление ханов Мурада (1361–1363) и Азиз-Шейха (1364–1367). Спустя два года после смерти Булат-Тимура (1367 г.) в сражении с нижегородско-суздальским князем, Среднее Поволжье оказалась во власти Хасана, правившего до 1376 г. В этот период на ханском престоле успели побывать три правителя (Халиков, 1994, с.46; Измайлов, 2009, с.110–111). Получалось, что наместники Булгарского улуса после свержения с престола назначившего их хана в юридическом отношении фактически становились самостоятельными правителями, а если подчинялись новому хану по собственному желанию, вновь превращались в улусных правителей.

В 1391 г. начались войны Тохтамыша с Тамерланом, и нестабильность в государстве стала сигналом для ушкуйников к возобновлению грабительских походов. Разрушительный поход Тамерлана 1395 г. на Золотую Орду, усугубивший системный кризис в Дешт-и Кыпчаке, привел к одновременному появлению нескольких ханов, правивших своими улусами самостоятельно. По мнению М.Г.Сафаргалиева, в 1396 г. возникли четыре ханства: на левом берегу Волги в районе Сарая – орда Куюрчак-хана, в Крыму – орда Тохтамыша, в Нижнем Поволжье, в районе Астрахани – орда Тимур-Кутлуга, за рекой Яик – Мангытский юрт Едигея (Сафаргалиев, 1996, с. 429–430). Новая геополитическая ситуация оказывала существенное влияние на попытки возрождения былого единства Золотой Орды. В начале XV в., в период борьбы Едигея с сыновьями Тохтамыша, Среднее Поволжье превратилось в арену сражений (Сафаргалиев, 1996, с.437).

По материалам русских летописей и народных преданий Д.М.Исхаков и И.Д.Измайлов идентифицируют в Булгарском улусе к концу XIV – началу XV вв. несколько правителей: султаны Мухаммед-Султан (1370-е гг.), Бектут (около 1391 г.), Ентяк (1398/1399 г.), Талыч (1410/1411 г.), Гаясад-Дин (1421–1425) и Махмут-хозя (1429 г.) (Исхаков, 2009, с.121; Измайлов, 2009, с.116).

В текстах русских источников периода междоусобных войн в Дешт-и Кыпчаке упоминаются Булгарский и Жукотинский эмираты (Сборник, 1941, т. II, с.127). Здесь речь идет либо о двух равнозначных административно-территориальных единицах (Гариф, 2006, б. 77), либо о локальных административных центрах в составе Булгарского улуса (вилаята).

Кризис власти в Дешт-и Кыпчаке поставил перед местными феодалами, терявшими материальные и людские ресурсы из-за походов ушкуйников, необходимость самоорганизации в целях самообороны, что привело к исполнению функций, которые до этого времени являлись исключительной прерогативой центральной власти. Источники, относящиеся к концу XIV века сообщают о разграблении городов Булгары, Джекетау, Керменчек, Казань, Кашан, Чаллы (Гариф, 2006, б.77). Описывая сражения в Лыскове между московскими и суздальскими князьями (1411 г.), источники сообщают о сражавшихся на стороне последних булгарских, жукотинских (Никоновская летопись) и мордовских (Тверская летопись) князьях (Фахрутдинов, 1984, с.124). По письменным источникам известны лишь наиболее крупные административные центры феодальных владений: согласно археологическим изысканиям, в конце XIV в регионе были разграблены и уничтожены десятки городов, крепостей, некоторые из которых являлись центрами феодальных владений (Хузин, 2001, с.41).

В произведении крымско-османского историка Сейида Мухаммеда Ризы середины XVIII в., который пользовался более ранними источниками, сообщается: «За это время (т.е. после смерти ханов Джанибека и Бердибека) большинство татарских племен из Дешт-и Кыпчака переселилось в пределы Крыма. Правителями оставшихся малочисленных племен (кавем) стали находившиеся в упомянутом Дештеи булгарских землях ханы по имени Хизр, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр, Шейх-Хайдар, Баян-Ходжа, Ядгар и Эменек из рода Шибана. Затем власть над теми землями перешла к потомкам Рус-хана. Шейбек из потомков Абу-л-Хайра в Мавераннахре, Ильбарс из потомков Ядгара в Хорезме, потомки Хаджи-Мухаммеда в области Сибирь стали независимыми (правителями). Когда в области Крым (правом) приказа и повеления (еще) был отмечен один из внуков противоборствовавшего с Тимурленк-гурганом Токтамыш-хана (по имени) Ахмед Кучук Мухаммед-хан

(sic), а Гравер судьбы и предопределения (уже) вырезал печать правления на имя Хаджжи-Гирея, в Мавераннахре, Хорезме и Сибири стали правителями три султана-джучида из Шибанидов, в Булгаре – один султан-джучид из Рус(-хан)идов (Русийандан), в Деште, Итиле, Казани и Крыму – по одному султану-джучиду из рода (нәсел) Токтамыша» (Цит по: Мустакимов, 2008, с.147). Из этого источника следует, что в первой половине XV в. в Среднем Поволжье имелись два улуса – Булгарский и Казанский – во главе с самостоятельными правителями.

Вследствие отсутствия аутентичных источников трудно высказать серьезные предположения о взаимоотношениях между этими правителями и местными элитами и их кланами. В результате хозяйственных, культурных и семейных контактов с кочевниками происходили изменения в местной клановой системе. Традиции системы управления золотоордынского периода в регионе имели продолжение в Казанском ханстве.

Таким образом, можно отметить, что в периоды ослабления ханской власти в оседлых улусах Золотой Орды (Хорезм, Крым, Среднее Поволжье) имелось больше условий для обособления. Постоянные набеги ушкуйников ставили на повестку дня необходимость создания в регионе сильной власти. Очевидно, фактор внешней угрозы, когда на военную помощь из центра надеяться не приходилось, должен был способствовать консолидации наместника и представителей местных элит.

Период политической деятельности хана Улуг Мухаммада стал временем окончательного распада евразийского государства. Многолетняя борьба за золотоордынский трон, которая чередовалась победами, захватом власти и горькими поражениями, превратили амбиозного чингизида в опытного государственного деятеля. Именно с этой позиции, на наш взгляд, следует рассматривать его военно-политическую деятельность после грандиозного разгрома под Белевым в 1437 г. войск Московского великого князя Василия II.

Как известно, среди источников XVI–XVII вв. лишь «Казанский летописец» называет Улуг Мухаммада первым ханом Казанского государства (Котляров, 1998, с.10; Алишев, 2010, с. 127; Хамидуллин, 2002, с. 128–130). Источник сообщает, что после разгрома 5 декабря 1437 г. под Белевым 40-тысячной рати Василия II Улуг Мухаммад «шедше полем, перелезе Волгу, и засяде пустую Казань, Саинов юрт. И мало во граде живущих и начя збиратися в Казань срачини и черемиса, развие по улусом казанским. И ради ему бысть изо оставшихся от плена худныя болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания русскаго, и быти ему царьству строителя, да не конца запустеют, и повинишася ему. Царь же вселися в жилищех их постави себе деревянный град крепок на новом месте, крепчаиша старого, недалече от старья Казани, разоренныя от русския рати. Начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златыя Орды, от Астрохони, и от Азова и от Крыма» (Казанская история, 1954, с. 53). Улуг Мухаммад, согласно «Казанской истории», успел процарствовать 7 лет: хан и его младший сын Якуб были убиты старшим сыном хана Махмудом, который затем в сражении летом 1445 г. захватил в плен Василия II (Казанская история, 1954, с.53). Сразу бросается в глаза несоответствие действительности сюжета об убитом Якубе, который был жив в 1446 г. Этот факт является одним из важных доводов при квалификации историками данного отрывка как носящего легендарный характер (Котляров, 1998, с.13).

Как видно из текста, Улуг Мухаммаду были рады «худныя болгары», а «казанцы» просили его стать заступником; хан пришел в «пустую Казань» и поставил новые крепостные стены. Изложение событий идет из Казани, автор повествует лишь о сюжетах, имеющих отношение к Казани и ближайшей округе. Интерпретация фактов изложена в «промосковском духе»: подчеркивается, что Казанский улус, превратившись в Казанское ханство, основанное «царем ордынским», стало продолжением Золотой Орды (которое и было побеждено в 1552 г. московским войском).

Между тем это был период междоусобной кровопролитной борьбы за золотоордынский трон, считалось, что убийство своего противника является самым надежным способом избавления от конкурента. Очевидно, что изгнание из Орды воспринималось Улуг Мухаммадом лишь как временная неудача. Об этом свидетельствуют источники. Согласно Никоновской летописи, под Белевым перед решающим сражением Улуг Мухаммад направил к Дмитрию Шемяко и Дмитрию Красному, военачальникам русского войска, своих посланцев, которые передали им слова свергнутого хана: «Царево слово к вам: даю вам сына своего Махмутека, а князи своих дают в закладе на том: даст ми Бог, буду в царстве, и доколе буду жив, дотоле ми земли Русские стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что» (ПСРЛ, 1965, т. 11–12, с.24). Как видно, Улуг Мухаммад был нацелен на возвращение себе ордынского трона, его отступление к Белеву было временным маневром для накопления сил и с целью сделать своим союзником в этой борьбе

Василия, обязанного ему получением ярлыка на княжение (Горский, 2000, с. 143–144). В июле 1439 г. он «с многими силами» появился под Москвой, 10 дней простояв под городскими стенами, разорил посад и ближайшую округу, на обратной дороге поджег Коломну (ПСРЛ, 1965, т.11–12, с. 30; Котляров, 1998, с. 10; Горский, 2000, с. 144).

Осуществляя антимосковскую политику, «царь-изгой» Улуг Мухаммад в 1442 г. выдал ярлык на Нижегородское княжение Даниилу Борисовичу. Когда в конце 1443 г. Василий II пошел против него войском, Улуг Мухаммад находился с ордой на реке Беспутье, на правом притоке Оки, между Серпуховом и Каширой. В 1444–1445 гг. Улуг Мухаммад обосновался в Нижнем Новгороде (Горский, 2000, с.143–144).

Вопрос о времени основания Казанского ханства, главным образом, заключается в ответе на вопрос: где находился Улуг Мухаммад после сражения под Белевым в 1437 г. и до пленения Василия II в 1445 г. Недостаток в источниках способствовал появлению двух основных версий относительно времени создания Казанского царства. Одна группа историков (В.В.Вельяминов-Зернов, А.А. Зимин, С.Х.Алишев, А.А.Бахтин, Б.Р.Рахимзянов, Б.Л.Хамидуллин, Э.А. Котляров и др.) предполагает, что первым ханом Казанского государства был Махмут, сын Улуг Мухаммада, другая группа считает, что Казанское ханство в 1438 г. основал сам Улуг Мухаммад (М.Н.Карамзин, С.М.Соловьев, Г.Перетяткович, М.Г.Худяков, Х.Атласи, Заки Валиди Тоган, Акдес Нигмет Курат, Ш.Ф.Мухамедьяров, М.Г.Сафаргалиев, Р.Г.Кузеев, М.А.Усманов (Котляров, 1998, с. 10; Аксанов, 2011, с. 5–12), И.Л.Измайлов (Измайлов, 2009, с. 725) и др.).

Веские доводы по усилению аргументов первой группы историков высказал Р.А.Беспалов в своей объемной статье «Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445 гг.)», в которой он, собрав по крупицам, комплексно изучив и критически осмыслив тексты источников, сумел внести существенную ясность в политическую деятельность Улуг Мухаммада после Белевского сражения.

Важно отметить, что потеря трона отнюдь не означала потерю устоявшихся и проверенных в самых сложных жизненных ситуациях отношений в Степи. Согласно сведениям Р.А.Беспалова, в конце 1430-х гг. между поверженным Улуг Мухаммадом, Хаджи Гиреем, крымскими и литовскими Ширинами сохранялась прочная связь. Более того, в этот период Хаджи Гирей и Улуг Мухаммад находились в союзнических отношениях с великим литовским князем Сигизмундом I (Беспалов, 2012, с. 60).

Р.А.Беспалов считает, что в Никоновской летописи, сообщавшей, что осенью 6948 (1439) г. «царь Махметъ Болшиа Орды убилъ болшаго своего князя Ордыньскаго Мансупа, и много татар тогда ибиено бысть в Орде; не точию же тамо, но и во иных ордах мятежь бысть и размирие много и межиусьбныя брани и рати» (ПСРЛ, 1965, т. 11–12, с. 30), речь идет об Улуг Мухаммаде. (А.А.Горский также отмечает, что Улуг Мухаммада на Руси называли «Махметом» (Горский, 2000, с. 145)). Со своей стороны отметим, что этот фрагмент повествует об агонизирующей Золотой Орде, в разных улусах которой продолжались кровопролитные столкновения за власть.

Приметой военно-политической деятельности Улуг Мухаммада также является активное вовлечение в претворение своих планов сыновей, которых он направлял в регионы в качестве предводителей войска. В 6959 г. (сентябрь 1441 – август 1442 г.) татары Большой Орды совершили нападение на Рязанские земли со стороны Нижнего Новгорода. В 1442 г., после того как Хаджи Гирей стал правителем в Крыму, сын Улуг Мухаммада Касим участвовал на стороне Хаджи Гирея в борьбе за власть в Крыму против Сеид-Ахмеда. В 1443 г. в Переяславль Рязанский прибыл с войском для зимовки сын Улуг Мухаммада Мустафа, однако был убит в бою с рязанским и московским войсками и мордвой (Беспалов, 2012, с. 60–61).

В 1443–1444 гг. Улуг Мухаммад выступил на стороне великого князя литовского Каземира против Василия II (Беспалов, 2012, с. 62). Зимой 1444 г. Улуг Мухаммад и его сын Махмуд послали на Северный Кавказ Якуба и Касыма, которые привели под Нижний Новгород 2-тысячный отряд черкесов. Э.А.Котляров обратил внимание на то обстоятельство, что, согласно Ермолинской летописи, Махмуд как бы выступает соправителем отца и объяснил это обстоятельство преклонным возрастом Улуг Мухаммада (Котляров, 1998, с. 11). Василий II выступил против Улуг Мухаммада и в январе 1445 г. разбил передовые отряды ордынцев под Муромом и Гороховцом. В тот момент, когда Василий II сражался с Улуг Мухаммадом, Казимир с 7-тысячным войском вторгся на московские земли (Беспалов, 2012, с. 62–63). Доводы Р.А.Беспалова о согласованных действиях Казимира и Улуг Мухаммада выглядят вполне убедительно.

В мае 1445 г. Улуг Мухаммад направил против Василия II своих сыновей Махмуда и Якупа, которые 7 июля под Суздаlem не только разгромили московское войско, но и взяли московского великого князя в плен. 25 августа из Нижнего Новгорода Улуг Мухаммад двинулся к Курмышу. Отсюда он направил своего посла Бигича к Дмитрию Шемяке – другому претенденту на великокняжеский престол. Поскольку его возвращение затянулось, 1 октября Улуг Мухаммад и Махмуд отпустили Василия II в Москву на великое княжение, возложив на него обязательство выплачивать выкуп хану (ПСРЛ, 1965, т. 11–12, с. 65–66).

После Белева Улуг Мухаммад подчинил своему влиянию Среднее Поволжье и сделал его базой для набегов на русские земли (Котляров, 1998, с. 14). Нельзя исключать также и того, что Улуг Мухаммад имел какие-то отношения с Казанским улусом: в татарской летописи он называется вслед за Алтын-беком, Галим-беком третьим правителем Казани (четвертым назван Мамтяк – Махмуд) (Из татарской летописи, 1937, с. 123). До прихода Махмуда, в Казани правили ставленники Улуг Мухаммада, который справился с последним из них.

Строительство нового государственного образования в Среднем Поволжье, во многом продолжавшего золотоордынские традиции, было осуществлено Махмудом. По крайней мере, об этом свидетельствует отмеченный Р.А. Беспаловым текст послания русских епископов к Дмитрию Шемяке 1447 г., в котором упоминается не царь Казани, а «царевич Мамотек». Очевидно, не каждый Чингизид, захвативший и начавший править определенной территорией, становился ханом – имелись маркеры, позволявшие идентифицировать Чингизида в постзолотоордынском политико-правовом пространстве как самостоятельную политическую фигуру – правителя государственного образования. Такими атрибутами представляются обширность территории государства и военное могущество. Символично, что в летописном своде 1479 г. при описании тех же событий правитель Казани уже именуется как «царь казанский Мамутек» (Беспалов, 2012, с. 64). Получается, что после смерти отца Махмуд первоначально захватил административный центр Казанского улуса. В дальнейшем, сосредоточив усилия для подчинения себе правителей соседних бейликов – феодальных правителей, установил с ними вассальные отношения. Не позднее 1479 г. Махмуд сумел объединить под своей властью локальные феодальные центры Среднего Поволжья.

Таким образом, по справедливому суждению Р.А. Беспалова, укрепив свое положение после победы под Белевым, свергнутый хан Улуг Мухаммад вновь включился в борьбу за возвращение трона (Беспалов, 2012, с. 53–70), и он видится последним из собирателей распадающейся Золотой Орды. Подчинив Среднее Поволжье, он не планировал создавать здесь самостоятельное ханство, что означало бы отказ от завоевания золотоордынского трона. Сыновей Улуг Мухаммад не отпускал от себя, держал в своей орде и использовал в деле объединения золотоордынского пространства.

Приведенные выше сведения из летописей позволяют уверенно рассуждать о сложных взаимоотношениях между правителями бейликов в Среднем Поволжье. После покорения административного центра Казанского улуса (вилаята), Махмуд создал новое государственное образование путем установления феодально-вассальных отношений, подчинив своей власти соседние вилаеты и правителей бейликов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксанов А.В. К вопросу об образовании Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 3. Казань: «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 5–12.
2. Алишев С.Х. Булгаро-казанские отношения в XIII–XVI вв. // Алишев С.Х. Всё по истории татарского народа. Казань: Раннур, 2010. С. 162–287.
3. Беспалов Р.А. Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 53–70.
4. Гариф Н. Казан ханлыгы: Оешу тарихы, идарэ системасы, административ бүленеше һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 175 б.
5. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000.
6. Иванов В.А. «Кыпчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники (кимаки, кипчаки, половцы...): сб. статей. Казань: «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 77–100.
7. Исхаков Д.М. Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 2009. С. 118–130.
8. Измайлов И.Л. Предыстория Казанского ханства: от улуса к юрту // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 2009. С. 108–117.

9. Измайлов И.Л. Агония империи // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII-XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 724–728.
10. Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н.Моисеевой. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 194 с.
11. Котляров Э.А. К вопросу об образовании Казанского ханства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 1998. Вып.4.(№23). С. 9–15.
12. Мустахимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников (К вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. №1. С. 142–157.
13. Из татарской летописи, переписанной Нурмухаметом, сыном Ахмедзяна // История Татарии в материалах и документах. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 503 с.
14. ПСРЛ. Т.11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 266 с.
15. Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2. С. 189–211.
16. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X-XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 276–526.
17. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде. М., Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. Т.II. 308 с.
18. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
19. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: ФЭН, 1994. 164 с.
20. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 335 с.
21. Хузин Ф.Ш. Болгарский город в X–XIII вв. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2001. 480 с.

И.К. Загидуллин

КАЗАН ХАНЛЫГЫ ОЕШУ МӘСЪӘЛӘСЕНӘ КАРАТА

Мәкаләдә Казан ханлыгы оешуның кайбер мәсәләләре, бу вакыйгаларда Олуг Мөхәммәднең һәм аның улы Мәхмүтнең тоткан урыны һәм роле тикшерелә. 1437елгы Белев янындагы сугыштан соң Олуг Мөхәммәд төп игътибарны таркалып баручы Алтын Урда төбәкләрен үз хакимияте астында берләштерүгә юнәлткән, ә Казан ханлыгын төзүче беренче хан аның улы Мәхмүт булган дигән нәтижә ясала.

Ачык сүзләр: Болгар вилаяте, Казан вилаяте, Казан ханлыгы, Олуг Мөхәммәд, Казан ханы Мәхмүт.

I.K. Zagidullin

TO THE QUESTION OF EDUCATION OF THE KAZAN KHANATE

The article considers some aspects of formation of the Kazan khanate, place and role in these events Ulug Muhammad and his son, Mahmud. The conclusion is made that after Belovskogo battle 1437, Ulug Muhammad again focused on the Union under its authority sprawling on a separate education of the Golden Horde, and the first Khan, who created the Kazan state, was his son, Mahmud.

Keywords: Bulgarian ulus, Kazan ulus, the Kazan khanate, Ulug Muhammad, Kazan Khan Mahmud.

Сведения об авторе:

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, доцент, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ – заведующий отделом средневековой истории (г. Казань); E-mail.ru: zagik63@mail.ru

Загидуллин Ильдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, Ш.Мәржани ис. Тарих Институтының урта гасырлар тарихы бүлеге мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Ildus Kotdusovich – doctor of historical sciences, associate professor, Institute of history of Academy of Sciences of Tatarstan, head of the Department of medieval history. Russian Federation, Kazan, Kremlin, entrance 5.

УДК 94(57)+94(574)"15–17"

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ТЮМЕНСКОЕ / СИБИРСКОЕ ХАНСТВА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2015 г. *Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина*

В статье рассмотрены основные этапы внешнеполитических отношений Московского государства и Тюменского / Сибирского ханства в XV – первой половине XVII века. Значимыми факторами этих отношений был поволжский и казанский вопросы, а также борьба за ясачное население. Их начало следует видеть в политике хана Ибрахима, который был не только тюменским и ногайским правителем, но и в 1480–1490-е гг. претендовал на ордынский и казанский престолы. Тенденции, заложенные Ибаком, оставались значимыми на протяжении всей истории сибирской государственности Шибанидов, что периодически приводило к переходу от мирных переговоров к открытым военным столкновениям. Однако, последние не были частыми, хотя и завершились в итоге завоеванием всей территории Сибирского ханства русскими. Значимым фактором этого было попытка сепаратного признание сибирскими беклярибеками Тайбугидами власти московского царя Ивана IV, что дало идеологическое основание для присоединения. Вопреки традиционной точке зрения, авторы не считают нужным заканчивать взаимоотношения походом Ермака и поражением сибирского хана Кучума, поскольку его потомки, Кучумовичи, вплоть до 1670-х гг. продолжали претендовать как на титул, так и земли этого ханства, по сути, разделяя последние с московскими государями.

Ключевые слова: Тюменское и Сибирское ханство, Московское государство, международная политика.

Начало взаимоотношений Московского княжества и Тюменского ханства традиционно принято относить к 1481 году. Исходным пунктом стало посольство тюменского хана Ибака к князю Ивану III с сообщением об убийстве хана Большой орды Ахмата. В ходе развития данных отношений можно выделить несколько этапов, которые были напрямую связаны с изменением политической ситуации на постордынском пространстве. Развитие этих взаимоотношений между московскими Рюриковичами и тюменско-сибирскими Шибанидами в конечном итоге привело к падению Сибирского ханства при Кучуме и его наследниках. В русской историографии часто делается предположение о значительной роли в этом процессе агрессивной политики Шибанидов и ответной реакции русских властей. Как кажется, для средневековой эпохи становления евразийской государственности некорректно ставить вопрос о сравнении степени агрессивности политических объединений. Причин этого две: отсутствие совершенного научного инструмента для проведения такого сравнения и невозможность выживания миролюбивого государства в условиях средневековой цивилизации, во многом построенной на военной идеологии и постоянных спорах за различные ресурсы. По всей видимости, одним из таких ресурсов на тот момент могла быть пушнина. Контроль над ее источниками осуществляли те правители, которые одновременно контролировали и сибирские просторы. Кроме того немаловажным фактором во взаимоотношениях было столкновение интересов Москвы и постордынских государств за контроль над экономически выгодной территорией Поволжья.

В связи с этим остановимся на основных вехах и этапах этих отношений. Необходимо понимать, что предки московских государей сталкивались с представителями династии Шибанидов еще в период истории Монгольской империи и Золотой Орды. Например, Шибан, один из братьев Бату, вместе с монгольским полководцем Субедеем, по всей видимости, участвовал в разгроме владимирского князя Юрия Всеволодовича в битве на р.Сити 4 марта 1238 г. (Костюков, 2008, с.49–50) Его потомки были активными участниками событий периода Великой Замятни, и, в том числе, занимали золотоордынский престол (Хизр, Пулад (?), Каан-бек, Арабшах и другие). Однако эти представители династии, как и известные ханы первой четверти XV века (Хаджи-Мухаммад, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр), если и сталкивались с русскими, как, например, Арабшах (Арапша русских летописей), то лишь в рамках традиционного ордынского концепта прав ханской власти на управление и обложение данью русских земель. Очевидно, что иных вопросов не возникало по причине удаленности от московских границ сибирских владений Шибанидов, на основе которых выросло Тюменское ханство. К тому же вплоть до середины XV века Москва была лишь одним и при этом не самым значимым игроком на постордынской политической арене.

Ситуация коренным образом меняется лишь с приходом к власти в Тюменском ханстве около 1469 г. хана Ибрахима (Ибака) и затем его родственников (братьев Мамука и Агалака и сына Кутлука). Именно с них начинаются первые упоминания о Шибанидах в русской посольской переписке, и возникает первый этап взаимоотношений. При этом для русских дипломатов они часто были связаны не с Тюменским ханством, данные о котором в Московии были крайне ограничены, а с Ногайской Ордой, формальными сюзеренами которой Шибаниды к взаимной выгоде выступали фактически на протяжении всего XV века. Формирование нового направления русской внешней политики можно связывать с появлением в Поволжье политической силы в лице тюменского и ногайского хана Ибрахима, который при поддержке ногайских биев Мусы и Ямгурчи в январе 1481 г. разгромил своего бывшего союзника, хана Большой Орды Ахмада и увел его орду-базар «в Тюмень». Это давало ему возможность заявить о своем праве на золотоордынский престол (Полное собрание, 1982, с.95).

Вероятно, частично с этим связан, тот факт, что, согласно летописям, практически сразу после разгрома хана Ахмата Ибрахим направил посла к Московскому князю с извещением о своей победе и, тем самым, обозначил свое новое положение владельца «Саина стула», то есть трона Улуса Джучи (Полное собрание, 1982, с. 95; Собрание, 1894, с. 14). Эти события, с одной стороны, привели к уничтожению одного из главных противников Москвы, а с другой – поставили ее перед необходимостью определиться относительно возможных претензий Ибрахима, которые он в свою очередь попытался реализовать после неудачного похода на Хаджи-Тархан в 1493 г.

В свою очередь, после разгрома Большой Орды и хана Ахмата Москва начинает выдвигаться наряду с кочевыми государствами постордынского мира на арену борьбы за политическое влияние на окружающие территории. Это выразилось, в частности, в походе 1483 года в Сибирь и активное вмешательство в дальнейшем во внутренние дела Казанского ханства. Контакты кочевых постордынских государств с Москвой значительно активизировались, при этом в переписке властители этих политий, понимая большое значение убийства Ахмад-хана для русских, стремились всячески использовать этот факт в своих интересах. Этим могут объясняться несоответствия в летописях по поводу «авторства» ликвидации Ахмад-хана, так как каждый из союзников в переписке с Москвой, по всей видимости, стремился приписать себе эту заслугу (Горский, 2005, с. 177–178).

В 1483 году московские воеводы совершили поход на территорию Сибири, трактовка которого вызывает значительные разногласия в историографии. Существует версия, которая связывает причины и цели этого похода с формированием некоего единого агрессивного антимосковского фронта позднезолотоордынских татарских государств Джучидов и, в частности, с агрессивной политикой Тюменского ханства, которое использовало для своих целей подвластное таежное население Западной Сибири. По другой версии причины этого похода рассматриваются как следствие взаимных договоренностей московского князя Ивана III и его нового союзника тюменского хана Ибака, направленных против противников Ибрахима князей Тайбугидов. Впрочем, ни одна из этих версий не подтверждается источниками. Формирование общего фронта позднезолотоордынских государств происходило позднее и связано с активизацией политики Москвы в Казани. Кроме того, несмотря на соседские отношения между сибирскими князьями (при этом не из будущей династии беков Тайбугидов, а из югорской знати) и ханом Ибрахимом, очевидно, что территории к северу от Тюменского ханства на тот момент не входили в его состав, хотя и могли рассматриваться в качестве потенциального объекта грабежа. Тем более нет данных о возможном вассалитете угорских князей (в том числе, князя независимого Пельмского княжества) от Тюмени. Если говорить о Тайбугидах, то они в этот период не были связаны с Сибирью, являлись союзниками и родственниками хана Ибрахима. Возможность союза между Москвой и Тюменью также не находит убедительного подтверждения. На наш взгляд, это поход напрямую мог быть не связан с московско-тюменскими отношениями. С гораздо большей долей вероятности источники позволяют реконструировать цели похода как локально-конкретные, связанные с противостоянием между Новгородом и затем Москвой с вогульскими и остяцкими князьями, в частности пельмскими лидерами Асыкой и Юмшаном, из-за вопросов пушной торговли, и отчасти, возможно, осложненные расширением процессов христианизации (Маслюженко, Рябина, 2014, с. 115–123). В этих условиях напротив прямое вмешательство Москвы в сибирские дела могло напротив привести к конфликту с Тюменью.

Следующий шаг, который предприняла Москва для укрепления своих позиций в регионе, был связан с вмешательством в казанские дела в 1487 г. и ссылкой казанского хана Али (в источниках упоминается как «Алегам»). В результате казанский вопрос выдвигается на первый план и в мос-

ковско-тюменских отношениях. О значимости казанского вопроса свидетельствует, то, что именно с него начинается постоянная посольская переписка хана Ибрахима и Ивана III в 1489 году, связанная с возведением на казанский престол промосковски настроенного Мухаммед-Амина, что фактически давало русским контроль над регионом. Это непосредственно затрагивало интересы кочевых правителей, в том числе и хана Ибрахима, при этом конфликт мог дополнительно разжигаться частью ногайской и бежавшей казанской аристократии, которая находилась при дворе Ибак-хана. Кроме того, кочевые правители со времен распада Золотой Орды рассматривали на уровне политической идеологии Казанский престол в качестве «Тахт эли» (Исхаков, 2014, с. 175–190).

Одной из главных причин интереса к Казанскому ханству со стороны Москвы заключалось в прекращении набегов со стороны Казани и укрепление южных и юго-восточных границ, безопасность и обеспечение потенциального контроля над территорией Волго-Камья, Перми и Северного Зауралья. Экономическая заинтересованность кочевников в Казани в данном случае служила способом достижения политического влияния для Москвы. По мнению А.М.Хазанова, оседлые государства, соседствующие с кочевниками, рассматривали торговлю с ними именно как инструмент внешней политики и давления (Хазанов, 2002, с. 334), что использовали великие князья в отношениях со степью и Сибирью. Примером этому может служить ответ Ивана III на посольства Тюменского хана Ибака и ногайских мурз Мусы и Ямгурчя, в котором Москва недвусмысленно и жестко диктует свои условия для разрешения торговли ногаям в данном регионе (Посольская книга, 1984, с. 21–22).

Определение значения Булгарских (Казанских) земель во владениях Шибанидов в предшествующее время достаточно дискуссионный вопрос, хотя и имеется информация о претензиях на эти земли со стороны шибанидских ханов Хаджи-Мухаммада и Абу-л-Хайра. Ибрахим в течение своего правления не только обращался к московскому князю относительно судьбы казанского хана, но и поддерживал казанскую знать, несогласную с московской политикой и скрывавшуюся в тюменских владениях.

Письмо от Ибака пришло в Москву в ноябре 1489 г. вместе с грамотами от Мусы и Ямгурчи. В одном из изданий оно получило название «... о продолжении дружбы и союза» (Собрание, 1894, с. 6), что видимо, подразумевало наличие каких-либо дружеских отношений между Москвой и Ибрахимом в предыдущее время. Возможно, имелось в виду установление посольских отношений в 1481 году после разгрома хана Ахмата. В грамоте 1489 года подчеркивается равный статус Ибрахима и русского царя. Основной темой переписки выступал вопрос, неоднократно поднимаемый в дальнейших грамотах, освобождение бывшего казанского хана Али. При этом в грамоте от 1489 года к Ивану III Ибак-хан пытается в качестве аргумента привести то, что в свое время именно Москва посадила «Алегама» на престол Казани (Посольская книга, 1984, с. 18).

В ответ Москвой были выдвинуты обвинения по поводу укрывательства тюменским ханом и его союзниками беглых сторонников казанского хана и разграбления поволжских земель, находящихся под покровительством Русской власти: «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ибак царь да и мырзы у себя держат» (Посольская книга, 1984, с. 21). Причем указывается, что Ибак с мирзами и с перечисленными выше людьми грабят казанские земли, находящиеся под русским покровительством. Для продолжения союза все награбленное предлагалось вернуть (Посольская книга, 1984, с. 22).

Если в грамоте 1489 года ряд фраз можно трактовать как возможное благополучное разрешение вопроса по поводу Али, то есть его возвращение на Казанский трон самим Московским великим князем: «Ко мне его не восхошь пустити, и ты его на его вотчину отпустишь», то уже в грамоте от 1493 года присутствует только предложение о том, чтобы Алегама переправили в Сибирь «...Алегам царь стоит, того прошу у тебя. Да как его дашь нам...» (Посольские книги, 1995, с. 19, 46).

Собственно эта тема была основной в посольских связях между Москвой и Тюменью. В грамотах от Ибака, также как и от ногайских мирз Мусы и Ямгурчи, за освобождение пленников звучит одинаковое обещание не только дружбы: «Впрок братом захочешь быти, мне моего брата ко мне отпусти», но и военного союза: «После того яз другу его другом стою, а недругу его недругом стою» (Посольские книги, 1995, с. 33, 46). Это, учитывая многочисленную ногайскую конницу, которую номинально возглавлял Ибак-хан, было уже немало, хотя с другой стороны, отпустив Али, Россия не могла рассчитывать на выполнение предложенных обязательств.

Москва вполне понимала, за кем стоит реальная военная власть в степях и поэтому предпочитала налаживать более тесные контакты именно с Ногаями, в частности путем брачного союза в

1490 году между своим ставленником Мухаммат-Амином и сразу двумя дочерьми предводителей Ногаев Фатимой (дочь Мусы) и Каракуш (дочь Ямгурчи), что было вызвано необходимостью заключения союза против агрессивных действий сыновей большеордынского хана Ахмеда (Памятники, 1884, с. 89). Как объяснял свое решение Московский великий князь Мухаммат-Амину: «...чтобы тебе Муса прямой слуга и друг был...» (Трепавлов, 2002, с. 137).

В этом же году ногайские послы сообщали в Москве, что Ибрахим хан скрывает у себя представителей оппозиционной казанской партии, которая поддерживала предыдущего хана. (Посольская книга, 1984, с. 33–34). В связи с этими событиями существует версия о том, что казанцы могли провести церемонию интронизации Ибака на казанский престол, что и привело к его наименованию в некоторых летописях «казанским царем» (Трепавлов, 2007, с. 101). Причем под этим титулом он упоминается вплоть до своей смерти (Полное собрание, 1987, с. 118). Это могло послужить причиной организации совместного ногайско-тюменского похода на Казань с целью отвоевать ханство, который в последний момент удалось остановить мирзе Мусе, не желавшего осложнения с Москвой (Посольские книги, 1995, с. 47; Трепавлов, 2002, с. 118). Не сумев осуществить свои притязания на казанский трон, Ибрахим в союзе с ногаями и крымским ханом, а также при формальной поддержке русского великого князя, организовали неудачный поход на Астрахань в 1493 году (Посольские книги, 1995, с. 45–46).

Возможно, из-за провала этого похода, Ибрахим стремился лишний раз подчеркнуть свой авторитет в глазах Москвы, используя прошлые успехи, и возобновил попытки укрепиться за счет решения казанского вопроса. В 1493 году от Ибака в Москву пришло еще одно письмо: «Ибраимово слово Великому князю Ивану брату моему поклон». В письме говорилось о том, что Ибрахим «Саинский... стул взял... на отцов юрт к Волге пришед стою», и, кроме того, опять содержалась просьба вернуть «Алегама» (Собрание, 1894, с. 14). В данном случае в письме отражены события 1481 г., о которых Ибак напоминает великому князю. В ответной грамоте Иван III подчеркивал стремление продолжить переговоры и отправить посольство в Чимги-Туру (Посольские книги, 1995, с. 47). Тем не менее, дальнейшей переписки и обмена посольствами не последовало, а вскоре (около 1495 г.) Ибрахим скончался.

С этого момента связи Москвы и Тюмени временно прекращаются. Наследующий Ибрахиму Мамук, скорее всего, не представлял такого интереса для Москвы, как сам Ибак, хотя и причинял много беспокойства, так как ногаи продолжали делать ставку на тюменских династов. После неудачи с воцарением на престоле Большой Орды и под давлением беглой казанской знати, предводители Ногайской Орды вернулись к идее посадить тюменского Шибанида на трон в Казани. Это было использовано при последующих вторжениях на казанские территории братьев Ибрахима Мамука (1495–1496 г.) и Агалака (1499 г.).

В 1496 году был организован поход нового тюменского хана Мамука, при поддержке ногаев и казанской знати, которая находилась при тюменском дворе. Мамук, в отличие от Ибрахима не делал попыток установить дипломатические отношения с Москвой, вероятно по причине недолгого царствования. О его деятельности известно только из летописей, переписки крымского хана и великого князя, а также из посланий ногайских биев (Полное собрание, 1901, 1982; Посольские книги, 1995, с. 47; Памятники, 1884, с. 236). Проявив себя не с самой лучшей стороны в плане внутреннего управления Казанским ханством, вызвав массовые недовольства своей политикой, Мамук был вынужден его оставить и по дороге в Тюмень умер (Полное собрание, 1901, с. 242–243).

В 1499 году совместными силами Тюмени и знатных казанских татар, был организован очередной поход на Казань во главе с новым претендентом на престол – тюменским Шибанидом Агалаком, братом ханов Ибака и Мамука (Полное собрание, 1901, с. 249–250). Среди казанцев летописи особенно выделяют князя князей Урака, который известен по русским летописям как предводитель казанских войск в совместном с русскими походе на Вятку в 1489 году (Полное собрание, 1982, с. 96). Можно предположить, что его титул как беклярибека при Агалаке свидетельствует о возведении последнего заочно в ранг хана Казани.

Несмотря на то, что ногаи не участвовали в этом походе и даже организовали собственный спустя некоторое время, по мнению В.В.Трепавлова, Агалак был возведен на ханский престол мирзой Хасаном с целью получения беклярибекский титул и упрочения своего положения в Орде (Трепавлов, 2002, с. 144). Не были лишены покровительства и другие тюменские потомки Шибана. К примеру, царевич Ак-Курт, двоюродный брат Агалака, вел свою переписку с Василием II, находясь у Ногаев (Посольские книги, 1995, с. 54–77).

Оба похода оказались неудачными. Неудача с казанским походом, по всей видимости, подтолкнула Агалака, добиться желаемого другим способом. В переписке царевича Ак-Курта с Василием II, упоминаются переговоры «всякого же году», которые вел Агалак еще с Иваном III «...и мы тогда к вам грамоту посылали...» (Посольские книги, 1995, с. 54), по поводу принятия русского подданства в обмен на казанский престол. Переговоры в окончательном варианте имели негативный для тюменских правителей результат, хотя из Москвы писали, что «мы.. по вашей грамоте посылали к вам своего человека с своею грамотою, и тот наш человек вас не доехал» (Посольские книги, 1995, с. 59). Провал во внешней политике, вероятно, привел к расколу внутри тюменских Шибанидов и вынудил Агалака вместе с частью элиты уйти на юг в степи к ногаям около 1505 года.

В ответ на просьбы о казанском престоле московские князья, с одной стороны, не желала от нее отказываться как от запасного варианта, но и не спешили однозначно согласиться, что и привело к уклончивому ответу: «и ты бы к нам поехал, а как у нас будешь, и мы тогда тебя братом и другом себе учиним, и место тебе в своей земле дадим...а которые люди с тобою к нам придут, и мы тех людей и тебя для жаловати хотим...» (Посольские книги, 1995, с. 59). Смысл такой политики, по-видимому, заключался в том, что великий князь с одной стороны хотел обезопасить восточные границы России от беспокойных Шибанидов, приняв их под свое покровительство. С другой, Москва не особенно стремилась к усилению опасных и, по сути, бесконтрольных соседей, дав им во владение «проблемное», но от этого не менее значимое, Казанское ханство. Особенно если учесть, что за Агалаком и Ак-Куртом в это время стояли мало управляемые ногайские мурзы. Возможно, зная о проблемах России в Казанском ханстве и о предательстве Мухаммад-Амина, царевич Ак-Курт в 1507–1508 гг. через своего сына Ак-Девлета продолжал настойчивые попытки выпросить Казанское ханство или другой юрт (Андреев городок каменные в Касимовском ханстве) в обмен на подданство (Маслюженко, 2011, с.62–66).

В то же время не все тюменские Шибаниды стремились к миру с Москвой. Политику по нападениям в Приуралье («на Пермь Великую») продолжил в 1505 году новый тюменский лидер «царь Кулуг Салтан», то есть сын Ибрахима Кутлук. В летописях упоминается его поход 1505 года из Тюмени на Великую Пермь. Поход был приурочен к событиям, которые происходили в Казани в это время, когда «безбожный и зловерный царь Магамед-Амень Казанский ... забыв свое слово и преступи шертныа грамоты, великого князя посла поимал...и людей великого князя торговых поимал, да иных секл, а иных пограбив, розослал в Ногаи» (Полное собрание, 1901, с.259). В Архангелогородском летописце Кулук называется салтаном, то есть царевичем, хотя в других источниках он упоминается как сибирский царь Кулуг Салтан (Вычегодско-Вымская, 1958, с. 264). Он пытался отвоевать у русских часть территории Казанского ханства, но был разбит (Полное собрание, 1982, с.99).

Но в 1507 году конфликт с Казанью постепенно урегулировался и, как писал Василий II в ответной грамоте к Ак-Курту, на все его предложения о Казани или другом юрте: «казанской царь Махмет Аминь нынче нам друг и брат, а в Городке Мещерском Янай царевич, и те места оба не порожни и нам тех мест обеих не пригоже ему дати» (Посольские книги, 1995, с. 77). Далее в грамоте упомянуто, что «грамоты князь велики к Аккурту царевичю не послал». Собственно на этом переговоры зашли в тупик и в дальнейшем об их продолжении ничего не известно. Если Агалак в начале переговоров, вероятно, еще мог рассматриваться в качестве возможной кандидатуры, которая могла бы примирить восточную и русскую партии, с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммад-Амина, то после его смерти в 1507–1508 году Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не рассматривались в качестве сильных политических фигур.

Таким образом, последняя по времени попытка Сибирских Шибанидов получить казанский престол при помощи переговоров с Москвой провалилась, также как и военные операции на этом направлении. Это говорит о крайнем ослаблении, как самого Тюменского юрта, так и возглавлявшей его династии, оказавшейся «на обочине» международной политики. В дальнейшем сын Ак-Курта Ак-Девлет и внук Шах-Али стали первыми представителями сибирских Шибанидов, осевшими в Московском царстве (возможно, в Мещере) в период с 1512 по 1541 г. (Маслюженко, 2011, с.67).

В источниках нет известий о сношениях московских князей и тюменских ханов после 1508 года, последние исчезают из русских источников. Возможно, после неудачного похода Кутлук-Салтана в 1505 году, усугубившего предшествующие поражения, Шибаниды отступили в степную

зону, в том числе в подконтрольные присырдарьинские степи. При этом на севере они оставили правивших от их имени беклярибеков из рода Тайбуги, а Чимги-Туру уступили кому-то из угорских князей. Кризис Тюменского ханства в 1510-х гг. привел к его исчезновению как активной стороны внешней политики и последовавшему сворачиванию первого этапа московско-тюменских отношений.

В середине XVI века происходят два события, которые повлияли на расстановку сил в постзолотоордынском мире. Завоевание русскими казанского и астраханского ханств, способствовало значительному повышению авторитета Московского государства на степной арене (возможное следствие перехода «Тахт эли» Казани к московскому правителю). В пользу этого свидетельствуют случаи обращения кочевых лидеров к русскому царю за покровительством и помощью против своих противников.

Новый (второй) этап взаимоотношений связан с обращением в Москву искерских князей из династии Тайбугидов, первое посольство от которых прибыло в январе 1555 года. По всей видимости, князь Едигер и «вся земля Сибирская» в это время пытались найти нового сюзерена в лице царя Ивана IV, предлагая платить ему дань, и дистанцироваться от династии тюменских ханов. Одной из уловок, которой воспользовались Тайбугиды, для обоснования своих полномочий на передачу Тюменского юрта в подданство Москвы, была фальсифицированная идеология. Согласно ей именно Тайбугиды имели исконные права на данные земли, а не Шибаниды. В то же время, установление отношений между Москвой и Искером рассматривалось обеими сторонами совершенно с разных позиций, что в полной мере проявилось в проблемах с уплатой дани.

С позиции сибирского князя Едигера признание подчиненности Москве носило, на наш взгляд, вынужденный ситуацией характер. Помимо фактора внешней опасности, по мнению исследователей, на решение Едигера повлияли его связи с предводителями Ногайской Орды, в частности с бием Исмаилом, который стремился заручиться поддержкой Москвы в борьбе за власть в Орде с потомками Шейх-Мамая и в конфликте с казахским ханом Хакк-Назаром. Интересно объяснение этого шага брату Юсуфу, который стремился к союзу со среднеазиатскими государствами: «Твои люди ходят торговать в Бухару а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвой, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить» (Басин, 1971, с. 80–81). Ногайский бий Исмаил мог способствовать началу официальных отношений между Россией и Сибирским княжеством (Трепавлов, 2002, с. 310). Сомнительно, чтобы это обращение было непосредственно связано с нападением Муртазы и его сыновей Ахмед-Гирея и Кучума. Напротив поход Шибанидов на Сибирь в 1556 г., скорее всего, был спровоцирован сепаратистскими стремлениями местных князей. Так посольство от Едигера приходит в Москву раньше, чем сообщается о нападении «шибанского царевича» (Полное собрание, 1906, с. 276).

Именно с этого времени «Сибирь» выступает камнем преткновения Шибанидов и Рюриковичей. Спорный вопрос о принадлежности Сибири и Шибаниды, и Тайбугиды пытались решить именно в Москве, о чем свидетельствует одновременное присутствие в русской столице в 1563–1564 г. посольств обеих сторон (Маслюженко, 2008, с. 122). После смерти в 1563 г. Едигера, чья жена, дочь ногайского бия Исмаила, и сын прибывали в Москве, «сибирские люди» пригласили на престол старшего сына Муртазы б. Ибак Ахмед-Гирея (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 188–188 об.). В это же время происходит включение Сибирского юрта в состав Тюменского ханства в единое Сибирское ханство со столицей в Искере. Приход к власти в Искере шибанидского хана в условиях ведения Москвой Ливонской войны не привел к значимым осложнениям во внешней политике этих государств. В 1569–1571 гг. международная политика Москвы и Искера по отношению друг к другу характеризовалась как миролюбивая. В частности хан Кучум, сменивший своего брата, уехавшего, видимо, в среднеазиатские владения, был готов выплачивать в Москву дань, подтверждая тем самым договор Москвы с сибирским беком Едигером Тайбугидом, который получил ярлык от Ивана IV.

По всей видимости, здесь мог быть значимым фактор участия сибирских войск в столкновениях с казахами Хакк-Назара, о чем писал и новый сибирский хан Кучум (Акты исторические, 1841, с. 340). Война с казахами нанесла сильный удар по союзникам Кучума Шихмамаевичам, в результате чего Кучум срочно начал искать союзника в лице Русского государства. Сложность ситуации для Кучума отражается его словах в грамоте князя Никиты Ромодановского: «ныне деи дань собираю, Господарю вашему Царю и Великому Князю послов пошлю, а нынеча деи мне война с Казацким царем, и одолеет деи меня царь Казацкой и сядет на Сибири, ино и тот Господарю дань учнет давати» (Исхаков, 2006, с. 178–179).

Второй причиной могло быть продвижение сибирско-татарских отрядов на северные территории с целью подчинения основных центров добычи пушнины. О последнем позже Кучум сообщает в своем послании к русскому царю «..и ныне при нашем и при твоём времени люди черные не в упокое...» (Собрание, 1819, с. 52). Это, возможно, было связано с его деятельностью по расширению своих владений: «и многие языцы повинны себе сотвори...дани и оброки со многих язык имаше» (Полное собрание, 1987, с. 81–82).

Резкое ухудшение отношений и начало третьего этапа произошло в 1571 году. Отчасти причиной могло послужить поражение Москвы от Крымского ханства, в результате чего сибирские послы наблюдали Москву в руинах. Это несколько пошатнуло позиции Русского государства в глазах сибирского хана и помешало подписанию шерти. Вторым фактором было влияние на сибирские дела бухарского хана Абдаллаха II. В 1572 году в Сибирь прибыла первая мусульманская миссия, собранная в Хиве по просьбе Бухары (Катанов, 1897, с. 51–60). Миссия имела цель не только распространение ислама среди местного населения, но также развитие торговли и организация поселений бухарцев в Сибирском ханстве. На фоне этих событий с 1572 г. в Прикамье, во владениях Строгановых, начинаются восстания местных племен, в подстрекательстве которых местные воеводы не всегда объективно обвиняют Кучум-хана (Миллер, 2005, с. 333). В 1573 г. в эти места состоялся в начале поход сибирских войск Кучума, а вслед за ним в Пермь пришли войска ханского племянника и полководца Маметкула. Хан с очевидностью пытался не только установить четкий контроль на торговых путях через Урал и обеспечить прямое и активное участие в пушной торговле с Бухарой, но и вернуть или пополнить ясачное население. Классическим примером этого был увод Тахчеи. Как описывается в жалованной грамоте Строгановым: «меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озера, и до вершин, где збираются ратные люди Сибирскова салтана.» (Миллер, 2005, с. 332). По свидетельству этого источника во время восстания черемисов в 1572 году «как нам была черемиса изменила» Кучум-хан воспользовался ситуацией нестабильности и «перевел Тахчеи к себе» (Миллер, 2005, с. 333).

В ответ на это русский царь расширяет военные полномочия Строгановых как при защите владений, так и при проникновении в Сибирь: «а кои остяки, и вогуличи, и югричи от Сибирского отстанут, а почнут нам дань давати...и их и дети от сибирцов от ратных приходу беречи Якову да Григорию у своих крепостей» (Миллер, 2005, с. 332–334). Иван IV выдал в мае 1574 года грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось там строить крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью (Миллер, 2005, с. 332–334). Подобные действия уже напрямую затрагивали интересы Сибирского ханства. Строгановым предписывалось «на Сибирского...збирая охочих людей ...со своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцов имати и в дань за нас приводити» (Миллер, 2005, с. 334).

Данные события показывают, что Российское государство чувствовало себя гораздо уверенней в условиях политической и военной борьбы в степях в это время. Эта уверенность, на наш взгляд, обуславливалась несколькими факторами, один из которых ослабление Ногайской Орды. Ногаи, сделав ставку на союз с Крымским ханством против России, оказались в результате без ее помощи и торговли в крайне невыгодном положении, учитывая неоднократные набеги со стороны Казахского ханства, которое в данный момент наоборот выступало за союз с Москвой. Этот союз был взаимовыгоден для обеих сторон. Москва получала рычаг давления на Сибирское ханство, а казахи – свободную беспошлинную торговлю в землях Строгановых (Миллер, 2005, с. 334).

В 1577 году, возможно после смерти брата-соправителя Ахмед-Гирея, тюменский и сибирский хан (такая двойная титулатура присутствует в посольских документах) (Продолжение, 1793, с. 268–269). Кучум начинает восстанавливать отношения с ногаями, которые в это время стремились наладить отношения с Россией. Это не могло не отразиться на Сибирском ханстве, внешняя политика которого по отношению к Москве во многом определялась позицией окружающих ее политических объединений, в том числе и соседством с Казахским ханством. В 1577 году русским послам в Ногайской Орде сообщил присланный из Сибирского ханства Таилак, что «...государь его Кучум хочет вперед Государю царю и Великому князю в дружбе бытии и вперед от государя не неотстаточну быть...и правду дати по своей вере...» (Продолжение, 1793, с. 189). Была также

оговорена выплата дани «по прежнему обычаю»: «Прислал Кучум царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на Сибирской земле, издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам гнев свой отложить и держать к нему свое жалование...» (Продолжение, 1793, с. 281–282).

Вероятно, это послужило причиной, что в течение следующих четырех лет ни одна сторона не пытается спровоцировать военные действия, Москва отказывается и от поддержки претензий ногайского нурадина Хан-мирзы развязать конфликт с Кучумом (Продолжение, 1793, с. 268–269). Более того, Москва крайне благожелательно отнеслась к династическим бракам между Ногайской ордой и Сибирским ханством. Одобрение Москвы было связано с примирением не только с Ногаями, но и с Сибирью, о чем писал Иван IV в грамоте к Дин-Ахмаду: «а ныне для твоего письма что с тобою царь Кучум Сибирской учинился в сватовстве, хотим к нему держать свое жалование и больше прежнево» (Продолжение, 1793, с. 282).

В этом отношении события 1581–1582 гг. стоят явно особняком в международной политике. В конце 1581 – начале 1582 гг. казаки Ермака зимуют на Сылве и совершают походы на вогулов, что привело к ответным нападениям. Причины этих нападений, помимо прочего, ряд исследователей видят в деятельности промышленников Строгановых, которые, воспользовавшись многочисленными льготами от государства, начали откровенно грабить местное население, провоцируя их на ответные выступления (Бахрушин, 1955, с. 101). Кроме того, большая численность отряда казаков могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом и рядом связанных с ним угорских князей как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 г. Обо всем этом сообщал в своей «опальной» грамоте Иван IV к Строгановым в 1582 году: «и то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пельнцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас» (Миллер, 2005, с. 335).

При этом других объективных факторов для эскалации конфликта 1582 года не выявляется. Имеющиеся источники не подтверждают предполагаемого роста немотивированной агрессивности сибирского хана в рассматриваемый период как возможной причины дальнейшей московско-сибирской войны. На тот момент обе стороны не были заинтересованы в обоюдных военных действиях, а их развитие стало одним из проявлений случайности в историческом процессе. Скорее всего, военные действия 1582 года были во многом спровоцированы, с одной стороны, инициативой Строгановых, которые опирались на царские пожалования к востоку от Урала и, с другой стороны, казаками во главе с Ермаком, которые определили собственно направление похода, ставшего фатальным для Сибирского ханства.

Поражения от казаков стали основой для начала четвертого этапа взаимоотношений, который характеризуется попытками Кучума и его потомков Кучумовичей отстоять независимость своего государства. Его специфика заключалась в том, что теперь русская администрация не была отделена от сибирских дел Уралом, а пыталась разместиться непосредственно в бывших угорских и татарских центрах. Потеря некоторых из них в условиях возможности сохранения кочевого образа жизни рядом сибирских аристократов, в том числе в окружении Кучума и его сыновей, не стала причиной для ликвидации местной государственности. Это видно и по сохранению за Кучумом и затем его сыном Алеем титула сибирского царя (Трепавлов, 2012, с. 67–69). После пленения Алея в 1608 году иные Кучумовичи уже имели в глазах русских администраторов только статус царевичей, что не мешало им претендовать на ханский титул при поддержке местной тюрко-татарской аристократии и даже использовать его в переписке с Москвой, как это деле в 1660-х гг. Кучук. Вплоть до 1670-х гг., а в некоторых случаях и позднее, они имели поддержку среди калмыков, отдельных групп ногаев, башкир и татар. Если первые использовали потомков хана Кучума в своих интересах, то вторые зачастую реально выступали под лозунгом восстановления сибирской государственности.

Таким образом, выявляется 4 этапа московско-сибирских отношений, которые охватывают период с 1481 по 1670-е гг. За почти два столетия отдельные провалы и ошибки во внешней политике Шибанидов, активное продвижение русских в Поволжье и Приуралье привели к прямому столкновению интересов сторон. Одной из возможных причин этого была борьба за сибирскую пушнину. Однако, вторжение в Сибирь, как нам кажется, все же не было изначально частью целенаправленной государственной внешней политики. Москва скорее воспользовалась удобной ситуацией для расширения своего влияния, при этом сталкиваясь со значительными проблемами в системе административного контроля над вновь приобретенными территориями и населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1334–1598 гг. СПб., 1841. 596 с.
2. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 575 с.
3. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVIII вв. // С.В. Бахрушин Научные труды. Т.3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Часть вторая. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 324 с.
4. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С.241–270.
5. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005. 214 с.
6. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
7. Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «Золотой трон» // Золотоордынское обозрение. № 3 (5). 2014. С.175–190.
8. Катанов Н. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. Тобольск. 1897. С.51–60.
9. Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С.43–97.
10. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. 168 с.
11. Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С.62–68.
12. Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С.115–123.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.: Вост.лит., 2005. 630 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография Н.Ю.Скорородова, 1901. 272 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб.: Типография Н.Ю.Скорородова, 1906. 234 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 255 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.
18. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 87 с.
19. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.
20. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.IX. СПб., 1793. 315 с.
21. Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.1. СПб.: Типография Ф.Елеонского и Компании, 1884. 631 с.
22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 2 т. М.: Тип. Всеволожского, 1819. 643 с.
23. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 5 т. М.: Тип. Всеволожского, 1894. 202 с.
24. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
25. Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 256 с.
26. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост.лит., 2012. 231 с.
27. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина

**МӘСКӘҮ ДӘҮЛӘТЕ ҺӘМ ТӨМӘН / СЕБЕР ХАНЛЫҒЫ:
ХАЛЫКАРА МӨНӘСӘБӘТЛӘРНЕҢ ТӨП ЭТАПЛАРЫ**

Мәкаләдә XV гасырда – XVII гасырның беренче яртысында Мәскәү дәүләте һәм Төмән / Себер ханлыгы арасындагы халыкара мөнәсәбәтләрнең төп этаплары яктыртыла. Бу мөнәсәбәтләрнең төп факторлары булып Идел буе һәм Казан мәсьәләләре, шулай ук ясаклылар өчен көрәш торган. Аларның башлангычын Төмәннең генә түгел Нугай Урасының да идарәчесе дә булган, ә 1480–1490-нче елларда Урда һәм Казан тәхетенә дөгъва иткән Ибраһим хан сәясәтеннән күрергә кирәк. Ибак тарафыннан булдырылган тенденцияләр Шыбаниларның Себер дәүләтендә эһәмиятен жуймаганнар, тынычлык хакында сөйләшүләр вакыт-вакыт хәрби бәрелешләргә китергән. Ахыр чиктә Себер ханлыгының бөтен жирләрән руслар яулап алса да, сугышлар еш күзәтелми. Моның мөһим факторы булып Себер бәкләбәкләре Тайбуга нәселләренең сепарат рәвештә Мәскәү патшасы Иван IVнең хакимиятен тану була, бу яна жирләрне кушу өчен идеологик нигез тудыра. Традицион карашларга каршы килеп, авторлар бу мөнәсәбәтләрне Ермак походы һәм Себер ханы Күчемнең жиңелүләре белән чикләнмишәр, чөнки Күчемнең нәсел дөвамчылары 1670-нче елларга кадәр хан титулына һәм ханлык жирләрәнә дөгъва итүләрен дөвам итәләр, соңгысын Мәскәү падишаһлары белән бүлешәләр.

Ачкыч сүзләр: Төмән һәм Себер ханлыгы, Мәскәү дәүләте, халыкара сәясәт.

D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinina

**THE MOSCOW STATE AND THE TYUMEN / SIBERIAN KHANATE:
THE MAIN STAGES OF THE FOREIGN RELATIONS**

The article deals with the main stages of the foreign relations of the Moscow state and Tyumen / Siberian khanate since the 15th century till the first half of the 17th century. Significant factors of these relations were the Volga and Kazan regions matters, and a struggle for yasak-pay population (yasak-payers). The beginning of these relations should be seen in the politics of Ibrahim Khan (Ibak Khan), who was not only a Tyumen and Nogai ruler, but in the 1480–1490-s claimed the Horde and the Kazan thrones. Trends founded by Ibak Khan, remained significant throughout the history of the Siberian statehood of the Shaybanids that periodically led to the transition from peace negotiations to military clashes. However, the latter were not frequent, although it ended in the total conquest of the entire territory of the Siberian khanate by the Russians. A significant factor of this was the attempt of the separate recognition of the authority of Moscow Tsar Ivan IV by the Siberian beklarbeks Taibugids that gave the ideological basis for accession. Contrary to the traditional view, the authors do not consider it necessary to end the relationship with Ermak's campaign and defeats of Siberian Khan Kuchum, as his descendants, the Kuchumids, up to the 1670-ies continued to claim the title and lands of the khanate, in fact, sharing the latter with the Moscow sovereigns.

Keywords: Tyumen and the Siberian khanate, Moscow state, foreign politics.

Сведения об авторах:

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Курганский государственный университет (г.Курган); E-mail: denmas13@yandex.ru

Маслюженко Денис Николай улы – тарих фәннәре кандидаты, доцент, Курган дәүләт университеты (Курган шәһәре).

Maslyuzhenko Denis Nikolaevich – candidate of historical Sciences, Associate professor, Kurgan State University (Kurgan).

Рябинина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры «Культурология», Курганский государственный университет (г.Курган); E-mail: denmas13@yandex.ru

Рябинина Елена Алексей кызы – «Культурология» кафедрасы өлкән укытучысы, Курган дәүләт университеты (Курган шәһәре).

Ryabinina Elena Alekseevna – senior teacher of the Department «Cultural studies», Kurgan State University (Kurgan).

УДК 94"16"(470.61)

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ И РАЗВЕДКА АСТРАХАНСКИХ ВОЕВОД В АЗОВЕ КОНЦА ТРИДЦАТЫХ – НАЧАЛА СОРОКОВЫХ ГОДОВ XVII в.*

© 2015 г. *Н.А. Мининков*

Часть служилых людей в Астрахани составляли татары и новокрещены. Они служили в городе и выполняли разные поручения астраханских воевод. Одной из важных задач местных воевод была доставка вестей в Москву. Русское правительство особенно интересовалось положением на Дону после взятия донскими казаками Азова в 1637 г. Для выяснения сведений на Дон посылали служилых людей из татар и новокрещен. Они жили в городках донских казаков, нередко у своих родственников, казаков-татар, и возвращались в Астрахань с известиями о положении на Дону и в Азове. Служилые татары и новокрещены сообщали важные для русских властей сведения. Они рассказывали о пребывании донских казаков в Азове и о порядках в городе, о решимости их оборонять город от турок, а также о желании части казаков пригласить на помощь русские войска. Они сообщали о больших потерях турок во время обороны Азова казаками в 1641 г. Эти сведения помогали русскому правительству лучше понимать положение на Дону во время пребывания войска Донского в Азове.

Ключевые слова: астраханские татары, воеводы, вести, донские казаки, оборона Азова.

На службе московских царей в XVI–XVII вв. находилось немалое количество татар. Фундаментальное исследование о Чингизидах в России XV–XVII вв. было проведено за последнее время А.В.Беляковым (Беляков). Относится оно к знатным представителям татарских родов, вливавшихся постепенно в ряды русской знати и прочно закреплявшейся в ней. Но на русской службе были за это время не только лица, представлявшие знатные татарские роды, но и множество людей, не относившихся к знати, которые входили в ряды служилых людей по прибору и состояли на службе в гарнизонах разных городов. Не случайно в документах XVII в. в этой связи даже сложилась весьма устойчивая клаузула: «служилые люди и служилые татары». Не удивительно, что особенно заметны «служилые татары», они были в гарнизонах городов Поволжья, где находилась территория компактного татарского и ногайского населения. В частности, много было служилых татар в Астрахани как в столице бывшего ханства и в крупнейшем приграничном и административном центре на юго-восточном рубеже России. Осведомленный и наблюдательный современник, немецкий ученый А.Олеарий отмечал, что местные татары не имели права селиться в самом городе. Но они проживали совсем близко от него, «в определенных местах за городом» (Олеарий, 2003, с.347). Они выполняли разные поручения, в том числе разведывательного характера, которые давались местной воеводской властью по вопросам, интересующим ее и московское правительство. Одним из таких вопросов, вызывавших большой интерес в Астрахани и в Москве, было положение на Дону. В том числе это относилось к периоду, когда войска Донское в 1637–1642 гг. пребывало в Азове.

Сведения о нахождении астраханских служилых татар в войска Донском и о результатах их разведывательной деятельности содержатся среди материалов фонда 127 (Ногайские дела) РГАДА, в котором за каждый год имелись довольно обширные отчеты астраханских и терских воевод, направлявшихся в Посольский приказ. Главным образом это были сведения, касавшиеся ногаев, но, помимо этого, в свои отчеты воеводы включали и другие сведения, в том числе относившиеся к окрестным территориям, в частности, к Дону и донскому казачеству. Вообще получение известий с последующей доставкой их в Москву составляло одну из наиболее важных обязанностей, лежавших на воеводских властях в русских городах, и особенно в приграничных городах. Такая обязанность лежала не в последнюю очередь на астраханских воеводах, находившихся в крупнейшем центре юга Российского государства, через который осуществлялись самые тесные связи с татарами и ногаями, а также с калмыками и с Северным Дагестаном. Тем более относилось это к вестям с Дона, а особенно со времени овладения войска Донским турецким Азовом. Это обстоятельство оказывалось особенно значимым для московского правительства, поскольку успех донских казаков

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

вносил некоторые новые стороны относительно осмысления перспектив своих действий во внешней политике. В частности, возрастала роль южного ее направления, связанного с отношениями с Османской империей и Крымским ханством, тем более, что после захвата войском Донским Азова в этом регионе резко усиливалась нестабильность, поскольку турецкие власти не могли примириться с потерей Азова. Это вызывало также определенную угрозу военного столкновения между Россией и Османской империей, даже несмотря на многолетнюю подготовку России к войне не с Турцией, а с Речью Посполитой за возвращение Смоленска, и, в свою очередь, на вовлеченность Турции в противостояние с Персией и Венецией.

Еще одно обстоятельство определялось тем, что в Москве имели самые серьезные основания далеко не полностью доверять сообщениям, исходившим от войска Донского, поскольку подобные сообщения представляли собой выборочную информацию, соответствовавшую интересам казачества, тогда как русское правительство интересовалось более широкой информацией. В сведениях, которые доставляли в Москву сами донские казаки, не было полного и всестороннего освещения происходивших на Дону событий и других сведений, о которых узнавали в войске Донском. Между тем, русские власти постоянно стремились получить как можно более полную и точную информацию о событиях на Дону и в Азове. Это было необходимо московскому правительству прежде всего для того, чтобы знать, способны ли донские казаки сохранять в своих руках Азов и насколько долгое время Османская империя будет лишена своего форпоста на Нижнем Дону, который нередко служил организующим центром нападений на южную русскую окраину. После взятия казаками Азова выяснилось, что пребывание войска Донского в этом городе давало Москве значительные преимущества. Тем самым, даже при усилении нестабильности ситуации на Нижнем Дону создавалась более спокойная обстановка на всей южной российской окраине, а также возникали более благоприятные возможности для ее укрепления с помощью строительства Белгородской засечной черты, возведение которой началось незадолго до взятия Азова донскими казаками. Среди тех, кто доставлял информацию в Астрахань с Дона, были проживавшие вблизи города татары, в том числе служилые астраханские татары и служилые новокрещены. Этих служилых людей из Астрахани на Дон с целью «проведывания вестей» посылали на довольно короткий срок, обычно на две-три недели. Затем они возвращались в Астрахань и докладывали о результатах своей разведывательной поездки. Такие короткие сроки поездки могут объясняться необходимостью для воеводской власти как можно более быстрого получения сведений о положении на Дону от непосредственных свидетелей. Отмечены при этом случаи, когда посылали тех татар, которые имели своих родственников среди донских казаков. Вместе с тем астраханские воеводы использовали сведения о положении на Дону, которые доставляли не только служилые татары и новокрещены, но и жившие под Астраханью татары, которые не находились на службе. Кроме того, на службе находились татары, принявшие христианство. У них после крещения были русские имена, но в источниках о них при этом прямо говорилось как о новокрещенах, или указывалось на их татарское происхождение. Эти служилые люди также посылались на Дон и давали сведения, интересовавшие астраханских воевод.

В историографии имеются указания на наличие значительного количества татар в войске Донском, на что указывал в специальном исследовании С.В.Черницын (Черницын, 1990, с.73–75). О местном, «региональном» происхождении донских татар обоснованно писал за последнее время О.Ю.Куц. По его мнению, это были не мещерские татары, нередко посылавшиеся на Дон с конца XV в. в качестве гонцов, но татары, предки которых еще в XIV–XV вв. проживали на Дону (Куц, 2009, с.153–172). При этом нередко было так, что в войске Донском казаки-татары сохраняли свои имена и оставались мусульманами. Еще С.М.Соловьев отмечал, что задолго до взятия донскими казаками Азова, в середине XVI в., одним из атаманов донских казаков был назван Сары Азман, тогда как у азовских казаков-татар был атаман с русским именем – Сенька Ложник (Соловьев, 1989, с.672). Имя атамана Сары Азмана довольно ясно указывало на его тюркское происхождение, причем он мог быть турком-османом или татариним. Довольно много казаков происходило от смешанных браков между казаками и тюркоязычными пленницами-ясырками. При этом в историографии по-разному оценивается социальное положение таких пленниц. Так, историк русского права М.Ф.Владимирский-Буданов указывал на то, что они были нередко настоящими рабынями казаков (Владимирский-Буданов, 1915, с.86). Это подтверждается отчасти следственным делом 1631 г. о покупке ясыря у донских казаков людьми посланника воеводы князя И.Борятинского (РГАДА, ф.210, Столбцы Приказного стола, л.236–275). В этом деле отмечены случаи, когда отдельные казаки продавали им даже своих жен и детей. Обычно казаки смешанного происхождения назывались на Дону болдырями, или тумами. О татарском происхождении казака могло также служить

прозвище Татарин. Михаил Татарин был одним из наиболее знатных донских атаманов, был во время взятия Азова войсковым атаманом, и под его предводительством войско Донское взяло в 1637 г. город. В следующем, 1638 г., он возглавлял донскую зимовую станицу, посланную из войска Донского в Москву, и в ходе переговоров в Посольском приказе подчеркивал, что донские казаки способны своими силами взять Азов и не нуждаются в присылке им на помощь русских ратных людей (Донские дела, 1898, стб.702–709). Ко времени пребывания войска Донского в Азове относится случай с татаринем Капштайкой Талбердыевым. В 1638 г. он был захвачен служилыми черкасами из крепости Усерд на Белгородской черте. Они привезли его в Москву в качестве языка. В русской столице в то время находилась донская станица атамана Дениса Парфеньева Поплевова. Казаки сообщили, что этот захваченный в полон татарин является донским казаком, причем, как они указали, его сестра находится на Дону замужем за донским казаком Денисом Можарой. В ходе следствия выяснилось, что К.Талбердыев «переехал из ногаев на Дон» два года назад и служил в рядах донских казаков (РГАДА, ф.210, Столбцы Белгородского стола, л.286–288). Об этом случае донские казаки сообщали как о вполне обычном, широко распространенном в казачьей среде. С.В.Черницын указал на значительное количество известных по источникам случаев, когда донскими казаками оказывались татары, уходившие из внутренних русских городов и уездов на Дон (Черницын, 1990, с.73–75).

Это, очевидно, в известной степени облегчало им возможность добывать необходимые сведения. При этом донские казаки несколько не препятствовали прибывавшим из Астрахани татарам в сборе этих сведений, многое рассказывали им. Жили эти татары, в той числе служилые астраханские татары, непосредственно в донских казачьих городках. Они общались с казаками без всяких ограничений, и имели сведения о положении в Азове от людей, являвшихся непосредственными участниками событий или их свидетелями.

Некоторые из астраханских татар смогли сами побывать в Азове. Весьма интересные сведения, относившиеся осенью 1637 г., давал один из них, служилый татарин А.Тойтюшев. Он, хорошо зная порядок городской и караульной службы, обращал внимание на обстоятельства несения казаками этой службы в городе после того, когда стало ясно, что до весны уже не приходилось ожидать сколько-нибудь значительных турецко-крымских действий против Азова. В своем донесении он подчеркивал, что среди казаков, защитников Азова, резко упала дисциплина. Казаки, как рассказывал в Астрахани Тойтюшев, «живут просто и оплошливо, и пьют безпрестани, и караулов де у них по городу и отъезжих застав ни на какую сторону нет» (РГАДА, ф.127, 1637, № 1, л.127–128). Благодаря этому сообщению становится ясно, как изменились настроения казачества в городе к концу 1637 г. Изменения были очень велики. Если за этот год на протяжении всего времени после взятия Азова казаки все время были в напряжении и ожидали турецкого нападения на крепость, то к концу года и возросла их уверенность в том, что им удалось утвердиться в Азове, по крайней мере, до весны-лета следующего года. В самом деле, сколько-нибудь крупный зимний поход турок под Азов был исключен, и лишь с весны Османская империя смогла бы при организовать посылку своих военных сил против занятой казаками крепости, да и то при наличии целого ряда благоприятных для Турции внутренних и внешних условий.

Между тем, по донесениям в Астрахани служилых татар, в войске Донском среди некоторой части казаков не было полной уверенности в прочности своего положения в Азове. Едисанский татарин Б.Турдуабызов со своими товарищами побывал в конце 1637 г. в Есауловском городке. Он сообщал, что слышал от казаков, будто бы «нынешние зимы незадолго до их з Дону поезду послали станицу ... к Москве ..., чтоб их государь пожаловал, велел в Азов прислати с Москвы воевод и ратных людей, и им бы, казаком, в Азове бес прибыльных людей быть не уметь» (РГАДА, ф.127, 1638, № 1, л.6–7). Сопоставление приведенных двух сообщений служилых татар весьма характерно. По существу, в них представлены две точки зрения, которые сложились среди казаков вскоре после взятия ими Азова по поводу приглашения на Дон царских ратных людей. Прибытие русского войска означало бы прямую военную поддержку казакам в борьбе за Азов, но с неизбежностью ограничивало бы самостоятельность донского казачества и суверенитет войска Донского. Сопоставление между собой двух этих сообщений давало русскому правительству представление о том, что среди донских казаков не было единой точки зрения по поводу прямого привлечения к участию в борьбе за Азов царских ратных людей, при наличии единства взглядов на необходимость для казачества самой активной экономической поддержки из России. Эти сведения были очень важны для московских властей, заинтересованных, чтобы казаки как можно дольше удерживались в Азове, но без непосредственного военного вмешательства России. Опираясь на подобные сведе-

ния, московское правительство в течение всего времени пребывания казаков в Азове всячески добивалось, чтобы войско Донское продолжало удерживать крепость, причем исключительно своими силами, и готово было посылать на Дон царское жалованье в значительно больших размерах, чем делалось это ранее, до азовского взятия. Во всяком случае, за 1638 г. царское жалованье доставлялось на Дон даже два раза, а в составе его были не только деньги, хлебный запас и вино, но также усиленно поставлялось жалованье военного ассортимента. За тот год было послано особенно много зелья (пороха) и свинца. За 1639 г., помимо больших поставок пороха и свинца, было послано, впервые в истории донских отпусков, 350 пушечных ядер и пять пудов фитилей. Все это должно было значительно усилить азовскую казачью артиллерию. В 1640 и в 1641 гг. вследствие значительной опасности донские отпуски были ограничены только денежным жалованьем. Но оно было значительно большим, чем в предыдущие годы. Так, в 1640 г. было послано шесть тысяч рублей, а в 1641 г., накануне Азовского осадного сидения, восемь тысяч рублей (Загоровский, с.143). Таким путем в Москве стремились поддерживать казаков без собственного непосредственного военного участия в борьбе за Азов, и, следовательно, не доводя дело до непосредственной войны с Россией с Османской империей. Большая экономическая помощь оказывалась при отсутствии какой-либо военной и политической поддержки войску Донскому со стороны России. Что же касается степени важности для русских властей сообщений об отношении казаков к присылке русской военной помощи, доставлявшихся в Астрахань татарами, то она, несомненно, была очень значительна. Благодаря ей в Москве могли лучше представлять себе, насколько высока была решимость донских казаков отстаивать Азов и не отдавать его туркам.

Астраханские воеводы стремились использовать информацию о положении в Азове не только со стороны служилых татар, но и со стороны всяких татар, побывавших в Азове во время пребывания там казаков. Так, в 1639 г. ногайский татарин К.Бузулбаев сообщал о прибытии в город большого корабля с шестьюдесятью казаками, которые попали в полон после неудачного сражения лета 1638 г. при Адахунском лимане. О разгроме турками и крымскими татарами во главе с флотоводцем Пияле-агой и ханом Бехадыр Гиреем донского флота в этом лимане при впадении Кубани в Черное море на Дону и в Москве было к тому времени уже хорошо известно. По его рассказу, пленные казаки сумели перебить на турецком торговом корабле, на котором их отправили из Тамани в Темрюк, команду и охрану, и, «подняв паруса, побежали к Азову». В Азове их «приговорили ... взят в войско», а «живот, который в корабле, приговорили отдать тем казакам, которые на корабле прибежали» (РГАДА, ф.127, 1639, № 1, л.91–93). Благодаря этому рассказу астраханские воеводы и московские власти могли узнать одно из значимых событий внутренней жизни войска Донского в Азове. Из него можно было делать совершенно определенный вывод о сохранении у казаков высокого боевого духа, стремления отстаивать город и пополнять ряды его защитников за счет бежавших из турецкого полона казаков.

Особый интерес представляла для московского правительства информация о положении на Дону и в Азове в период Азовского осадного сидения 1641 г. От астраханских служилых татар также поступали в это время ценные сведения. Один из них, конный стрелец новокрещен И.Иванов, успешно действовал в качестве лазутчика в расположении турецко-крымского войска. Им сообщалось, с какой настойчивостью турецкие силы атаковали крепость в первые дни после начала ее осады. Он сообщал о подходе к крепости турецких «прибылых людей с зелейною казною». Эти люди «из своего наряда» «стреляли по Азову семнатцать ден днем и ночью, и достальные три башни збили по зубцы, а городовую стену выбили до подошвы», и что в результате «в редких местах оставалось стены збито по зубцы, а городовую стену выбили до подошвы, а в редких местах оставалось стены збито по зубцы» (РГАДА, ф.127, 1641, № 1, л. 234, 238). Данные, которые приводил Иванов, вполне подтверждаются сведениями повести об Азовском осадном сидении, согласно которым, имело место метание осаждавшими турецкими войсками в город «ядер огненных». Таким образом, наличие в этих двух не связанных между собой источников общих сведений о начале осады турками Азова может служить указанием на достоверность этих сведений. В то же время Иванов сообщал о больших потерях, которые несли турки при осаде города еще до прибытия «прибылых людей», присланных по приказу султана. Он уже в первые дни турецкой осады «слышел, под Азовом побито и померло турецких людей с 18000 человек» (Там же, л.238). Характерно, что эти сведения Иванов не подавал как вполне точные, хорошо понимая, что слухи не могут быть признаны наравне с точными данными. Тем не менее, и эти слухи были важны, поскольку давали представление о том, как казаки воспринимали события, происходившие в ходе турецкой осады Азова. Однако для него как для свидетеля событий не подлежало никакому сомнению, что турец-

кие войска понесли в ходе военных действий под Азовом довольно большие потери. Другой астраханский стрелец, новокрещен К.Петров, сообщал о подробностях подкопной войны казаков при защите Азова. Он рассказывал, что в турецкий подкоп под азовский пригород Топракалов казаки заложили «зелье», «и как де ... пришли турецкие многие люди и казаки, запала в подкопе зелье, и турецких людей тем подкопом побили тысячи с три и больши» (Там же, л.260).

К середине августа 1641 г. казаки, защищавшие Азов, чувствовали себя уже значительно более уверенно и безусловно надеялись отстоять город. Сведения об этом сообщал в Астрахани едиганский татарин М.Самаров, который с несколькими своими «товарищами» побывал в это время в городке Курман Яр. По его словам, «в казачьи в верхние городки», среди которых был Курман Яр, приезжало несколько «азовских казаков», непосредственно участвовавших в защите города. Прибывшие из Азова казаки говорили местным казакам, проживавшим в отдельных городках, чтобы они «приезжали к ним в Азов для славы хотя небольшие люди». По этому призыву, рассказывал Самаров, «собралось донских казаков человек з двести и больши, и стругами Доном прошли ночью в Азов» (Там же, л.104). Свидетельство Самарова дает представление о том, что к середине августа для казаков, осажденных в Азове, стал возможен выезд из города, а также пополнение рядов защитников города за счет казаков, прибывавших из других донских казачьих городков. Следовательно, осаждавшие город турки так и не смогли через несколько месяцев неудачной осады, после больших усилий и потерь, обеспечивать не только взятие, но даже полную блокаду осажденного города. В этом сообщении содержится дополнительное свидетельство тому, что защиту Азова казаки рассматривали как дело, приумножавшее их боевую славу, и, по-видимому, уже даже как свою победу в борьбе со значительно превосходившими силами турок.

26 сентября 1641 г. турецкое войско сняло осаду и ушло из-под Азова, причем потери турок были очень велики. Некоторые сведения, уточнявшие степень этих потерь и дававших наглядное основание считать их и в самом деле большими, давал астраханский стрелец, новокрещен К.Федоров. Он обратил внимание на то, что из семисот человек, прибывших к Азову на одной из турецких каторг, «в живых остался лишь один человек раненой, а то все побиты». В двух днищах пути от Азова, на крымской стороне Азовского моря, он видел при отступлении турок от Азова «пять каторг пустых без людей, лишь в них только раненых и мертвых тридцать три человека» (Там же, л.212).

Разведывательные сведения, доставлявшиеся астраханским воеводам служилыми татарами за период пребывания Войска Донского в Азове, позволяли русским властям получать ценную информацию и более полную общую картину событий того времени. Она была важна для них за весь период пребывания донских казаков в Азове и способствовала более точной выработке решений, относившихся к политике по отношению к Войску Донскому в период борьбы казаков за Азов. Она, кроме того, возможно, учитывалась ими при принятии решения о созыве в 1642 г. земского собора по вопросу о принятии Россией Азова от донских казаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: Рязань Мир, 2011.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Пг.-Киев, 1915.
3. Донские дела. Кн.1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.18.
4. Загорский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. С.131–147.
5. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С.Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
6. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003.
7. РГАДА. Ф.127. 1637. № 1.
8. РГАДА. Ф.127. 1638. № 1.
9. РГАДА. Ф.127. 1641. № 1.
10. РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 98.
11. РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. № 54.
12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.3 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти кн. М.: Мысль, 1989. Кн.3.
13. Черницын С.В. Некоторые аспекты этнических процессов в войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С.72–82.

Н.А. Мининков

XVII ГАСЫРНЫҢ УТЫЗЫНЧЫ ЕЛЛАРЫНДА – КЫРЫГЫНЧЫ ЕЛЛАР БАШЫНДА ЙОМЫШЛЫ ТАТАРЛАР ҺӘМ ӘСТЕРХАН ВОЕВОДАЛАРЫНЫҢ РАЗВЕДКАСЫ

Әстерханда йомышлыларның бер өлешен татарлар һәм яңа чуқынганнар тәшкил иткән. Алар шәһәрдә хезмәт иткәннәр һәм Әстерхан воеводаларының төрле йомышларын үтәгәннәр. Жирле воеводаларның иң мөһим бурычларының берсе Мәскәүгә хәбәрләр жибәрәп тору булган. Рус хөкүмәте, дон казаклары 1637 елда Азауны алгач, Дон елгасы буендагы хәлләр белән кызыксынган. Мәгълүмат жыю өчен Дон буена татарлар һәм яңа чуқынган йомышлыларны жибәргәннәр. Алар дон казакларының шәһәрләрендә, еш кына үзләренең туганнарында, яшәгәннәр һәм Әстерханга Дон буендагы һәм Азаудагы хәлләр турында яңалыклар алып кайтканнар. Дон казакларының Азаудагы тормышы, шәһәрдәге тәртипләр, казакларның шәһәрне төрекләрдән саклау нияте, шулай ук бер өлеш казакларның рус гаскәрләрен ярдәмгә чакырырга теләве хакында сөйләгәннәр. Алар төрекләрнең 1641 елда Азауны саклаган вакытта зур югалтуларга дучар булулары хакында хәбәр иткәннәр. Бу мәгълүматлар рус хөкүмәтенә Дон казаклары Азауда вакытта Дон буйларындагы хәлләрне яхшырак аңларга ярдәм иткән.

Ачыкч сүзләр: әстерхан татарлары һәм воеводалары, хәбәрләр, дон казаклары, Азауны саклау.

N.A. Mininkov

SLUZHILY TATARS AND INVESTIGATION OF THE ASTRAKHAN VOIVODES IN ASOV OF THE END THE 30th – THE BEGINNING OF THE 40th OF CENTURY

The part of the sluzhilykh people in Astrakhan was made by Tatars and novokreshchens. They served in the city and carried out different orders of the Astrakhan voivodes. Delivery of messages to Moscow was one of important tasks of local voivodes. The Russian government especially was interested in situation on Don after a capture by the Don Cossacks of Azov in 1637. For clarification of data to Don sent the sluzhilykh of people from Tatars and novokreshchens. They lived in towns of the Don Cossacks, is frequent at the relatives, Tatar Cossacks, and came back to Astrakhan with news of situation on Don and in Azov. Sluzhily Tatars and novokreshchens reported data, important for the Russian authorities. They told about stay of the Don Cossacks in Azov and about orders in the city, about determination to defend their city from Turks, and also about desire of part of Cossacks to invite to the help the Russian troops. They reported about big losses of Turks during defense of Azov by Cossacks in 1641. These data helped the Russian government to understand better situation on Don during stay of army of Donskoy in Azov.

Keywords: Astrakhan Tatars, voivodes, messages, Don Cossacks, defense of Azov.

Сведения об авторе:

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону); E-mail: mininkov@aaanet.ru

Мининков Николай Александр улы – тарих фәннәре докторы, махсус тарих дисциплиналары и документлар алып бару кафедрасы мөдире, Көнъяк федераль университеты (Ростов-на-Дону шәһәре).

Mininkov Nikolay Aleksandrovich – doctor of historical sciences, head of the department of the document science and special historical disciplines, South federal university (Rostov-on-Don).

СТАТЬИ

УДК 94"15/16"

АБЫЗЫ (ХАФИЗЫ) В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII ВЕКОВ

© 2015 г. А.В. Беляков

На настоящий момент мы почти ничего не знаем о повседневной жизни мусульман в России XVI–XVII в. В значительной части это так называемые служилые татары. География их расселения достаточно широка. Каждая территориальная группа татар по отдельности имела свои региональные особенности. Ислам же объединял в некое единое целое. В этом контексте особый интерес представляет такая категория служилых татар как абызы (хафизы), которые, судя по источникам, являлись мусульманскими священнослужителями, учителями, а также выполняли отдельные административные функции.

Ключевые слова: Московское государство XVI–XVII в., служилые татары, абызы, ислам в России.

Абызы (хафизы, «хафиз ал-Куран») – знающий Коран наизусть. Первоначально так называли тех, кто знал наизусть весь Коран. Позднее это слово стало обозначать грамотного, образованного человека. В России XVI–XVII в. они встречаются в местах компактного проживания мусульманского населения. Кем они были, каков их статус, какие выполняли функции? На эти вопросы мы и постараемся ответить.

Отдельные исследователи пытаются увидеть во дворах тех или иных татарских царей и царевичей (Чингисидов (Беляков, 2011)), проживавших в России XV–XVII в., по аналогии с Казанским и Крымским ханствами, все категории лиц духовного звания свойственные исламу (муллы, имамы, шейхи и др.) (Рахимзянов, 2009, с. 246–247). В целом это вполне логичный подход. Однако, документы, подтверждающие эту версию, отсутствуют. Но с высокой долей вероятности можно предположить, что некоторые из этих лиц скрываются все под теми же абызами русских документов. Другой вопрос, что в ситуации относительной изолированности от стран с преобладающим мусульманским населением и в условиях неразвитости традиции постоянного проживания в городах более или менее крупных и постоянных по составу мусульманских общин (за исключением Мещеры, Романова и, возможно, Ярославля) эти структуры вынуждены были упрощаться. Рассмотрим известные нам упоминания абызов в Русских документах.

В одном из первых упоминаний абызов в Московском царстве отмечается, что они могли быть специалистами в самых неожиданных областях деятельности. Так ногайский бий Исмаил б. Муса безуспешно пытался вернуть себе Тучке абыза. На это ему отвечали, что абыз нужен московскому царю, он лечит лошадей на государевой конюшне (Продолжение, 1795, с. 256). Все те же ногайские посольские документы однозначно отмечают, что абызы входили в ближайший круг ногайских мирз. «И Ислам-мирза тебе, государю, перед царевичем и перед нами, холопи твоими шертвовал, а сним шертвовали его два аталыка да брата ево Чекей-мирзин аталык Аскера абыз Азей». «...приехали, государь, ко царевичю из Болших Ногаев Атай мирзин сын, Исмаил ева роднова брата Ак-мирза а с ним Ак-берди князь да послы Уруса князя и Штору-Багатыр, Караходин посол, Кудайберди абыз сеит...» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 1, л. 9–10). Приведенные цитаты указывают на то, что абызы, подчас, выполняли функции послов. Тем самым являлись одними из наиболее доверенных лиц своих господинов.

Отмечены абызы и при «казакующих» сибирских царевичах в середине XVII в. При этом в документе о них говорится в первую очередь как о лицах которые способны прочесть царскую грамоту посланную из Москвы в калмыцкие улусы (РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1639 г. д. 1, л. 7).

Однако обязанности по отправлению культа, являлись главенствующими маркирующими признаками для русских чиновников того периода. Подчас русские власти отождествляли их со

священниками. Именно в таком роде следует рассматривать упоминание абызов при дворе крымских царевичей в России конца XVI в. (Беляков, Виноградов, 2013).

Известны случаи, когда они являлись учителями. В 1622 г. в Россию, спасаясь от своих братьев, вынужден был бежать одиннадцатилетний Ургенчский (Хивинский) царевич Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед. Путь царевича в сопровождении 5 наиболее ему близких людей лежал через Астрахань. Здесь же «для научения грамоте» к нему взяли выехавшего из Ургенча несколько ранее абыза Нефеса (Беляков, 2007, с. 96). Абыз занял при царевиче видное положение. О его статусе мы можем судить по пожалованию ему «на проезд камки тафты, сукна лундыш и 10 рублей денег. Третья по размерам дача после аталыка и мамки царевича Авгана. В год, помимо поденного корма ему полагалось 10 рублей на платье» (Беляков, 2007, с. 98–99).

Однако в июне 1624 г. во дворе ургенчского царевича устроили обыск, в результате которого была обнаружена переписка с персидским шахом, Бухарой и Ургенчем, в которой упоминались «непригожие слова». Можно предположить, что «непригожими» были признаны жалобы на нежелание Михаилом Федоровичем оказать военную помощь царевичу, чтобы посадить царевича на престол его родителя. Следственное дело вели боярин Федор Иванович Шереметьев и дьяк Федор Лихачев. Тогда арестовали и привели к пытке дядьку и абыза царевича. После этого на дворе Авгана постоянно находился пристав. Мамку Анекаю не тронули, хотя, судя по документам, именно она, скорее всего, находилась в центре авантюры. Дядьку и абыза сослали в Новгород и Сольвычегорск соответственно, где они сидели по тюрьмам до 1627/28 г., после чего были выпущены на поселение. Вернуться в Москву аталык смог только весной 1633 г., а абыза отпустили на поруки царевича несколько позднее.

После возвращения дело не закончилось. Абыз Нефеско вспомнил об отобранном при следствии имуществе и попытался вернуть его. В своей челобитной он упоминал Коран, несколько других книг, бархатную шапку на черной лисице, 13 рублей денег и «иное мелкое барахлишко» (Беляков, 2007, с. 101).

Здесь мы вправе затронуть вопрос о том, что могли читать абызы и остальные мусульмане в России рассматриваемого нами периода. У нас имеются все данные утверждать, что в Касимове XV–XVII вв. имелось большое количество восточных книг. Это, в частности, доказывают результаты археографических экспедиций предпринятых казанскими исследователями в 1964 и 1966 гг. Тогда М.А. Усмановым были выявлены и приобретены у касимовских татар сотни рукописей, в том числе «Кунийат ал-мунийя...» («Достижение желаемого для завершения изобилия») Наджим ад-дина аз-Захира ал-Газмини (умер в 1260 г.) в списке 1319 г. и «Хуласал ал-фатави» («Квинтэссенция февр») Тахира бин Ахмад ал-Бухари ал-Ханафи (умер в 1147 г.) в списке XIV в. Кроме них, были приобретены десятки других татарских, турецких, крымско-татарских, староузбецких и арабо-персидских рукописей-списков XV – XVII вв. Некоторые из них были привезены в Касимов в готовом виде, другие переписывались в самом городе или его окрестностях. К последним, например, относится список медицинского сочинения «Нафи, ан-нас» крымско-турецкого ученого первой половины XVI в. Недаи, пользовавшегося высоким покровительством казанско-крымского хана Сахиб-Гирея (Усманов, 1972, с. 54–55). К глубокому сожалению, данная коллекция не подвергалась до настоящего времени всестороннему источниковедческому анализу. Подобные исследования, возможно, могли бы приоткрыть нам некоторые тайны письменной культуры Касимова эпохи «царства». Ведь значительная часть из приобретенных рукописей, скорее всего, ранее находились в библиотеках касимовских Чингисидов и их приближенных, в том числе и абызов. Тем самым мы могли бы частично восстановить круг чтения касимовских мусульман.

Также известно, что при касимовском царе Ураз-Мухаммеде б. Ондане жил автор «Сборника летописей» (1602 г.) Кадыр-Али-бек б. Хошум-бек. Это автор компилятивного труда, написанного на татарском языке и составленного на основе сообщений восточных авторов и дополненный собственными повестями (дастанами), живописующими биографии отдельных политических деятелей Золотой Орды (Урус, Тохтамыш, Эдиге и др.), в том числе и биографией Ураз-Мухаммеда (Вельяминов-Зернов, 1864, с. 382–410). Для нас он интересен в первую очередь тем, что показывает уровень осведомленности касимовских татар в сочинениях восточных авторов. Основой для данного сочинения послужил труд Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» (другое его название «Чингизнаме»), переведенный Кадыр-Али-беком с персидского (фарси), являвшегося литературным языком в Средней Азии. Помимо этого, автор активно обращался к фольклорным памятникам, в част-

ности, эпосу «Идиге». Скорее всего, использовались и иные, в настоящее время нам неизвестные тюркоязычные сочинения о ханах и султанах Джучиева улуса (Усманов, 1972, с. 52–55). Этот труд оценивается учеными как памятник татарской государственно-официальной исторической литературы, где выпукло отражены не только мировоззрение и тенденция высшей татарской аристократии рубежа XVI–XVII в., но и зафиксированы состояние и особенности исторического знания у татар того времени. Это также своеобразный реликт татарской государственной историографии периода Золотой Орды и Казанского ханства (Там же, с. 95). Справедливости ради все же следует отметить, что в самом Касимове в последующие эпохи данное сочинение было полностью забыто. Об этом, в частности, говорят сведения об эпохе «Касимовского царства», собранные в начале XIX в. местным историком-любителем И.С. Гагиным (Гагин, 1902). Однако русский перевод рукописи или отдельные выписи из нее, могли бытовать в городе до рубежа XVIII–XIX вв.¹

В Касимове также были известны различные богословские и философские сочинения восточных авторов. Можно предположить наличие некоего культурного кружка в окружении царицы Сююн-бике и, возможно, царя Шах-Али (Беляков, Моисеев, 2004). Падение Казанского ханства и наступившая за этим реакция по отношению к мусульманской религии могли подтолкнуть часть образованных его приверженцев к переезду в Касимов – одно из немногих мест, где они могли чувствовать себя относительно свободно. В период проживания в городе сибирских Шибанидов здесь также, скорее всего, продолжалось собирание определенных книжных коллекций. В литературе уже отмечалась традиция владения значительными библиотеками у сибирских татар (Бустанов, 2009). Известно, что сеиды Шакуловы, родственники касимовских царей и царевичей из сибирской династии имели склонность к собиранию древних татарских рукописей и бумаг. К концу XIX в. в их архивах оказалось собрано значительное количество различных имущественных и поземельных актов XVI – начала XVIII в., относящихся к касимовским татарам (Журнал, 1895, с. 4). Некоторые из них в настоящее время обнаружены в собрании Государственного архива Рязанской области (ГАРО, ф. 1750, оп. 1; Беляков, Енгальцева, 2013).

Опираясь на косвенные данные, мы вправе предположить, что обмен книгами между регионами проживания татар в отдельные периоды протекал достаточно активно (Зайцев, 2009, с. 28–34; Беляков, 2011а). Скорее всего, в него в той или иной степени были включены Чингисиды, иные знатные выходцы восточного происхождения, а также абызы, проживавшие в России.

Но вернемся к царевичу Авгану. В 1628/29 г. по инициативе и выбору московского царя, принято решение о женитьбе Авгана на сибирской царевне Алтын-сач (Алтин, Алтын-ханум). У царевны имелись интересные генеалогические связи. Ее родители – сибирский царевич Азим (Хадумм, Хаджим) б. Кучум и Карача (Карачаца), дочь сибирского абыза Ибердея. Дочь и мать были взяты в плен тюменским головой Н.М. Изъединовым в 1608 г. Когда отец попал в Россию точно не известно. Скорее всего, вскоре после этого. Азим умер не позднее сентября 1615 г. Тогда почему-то имущество царевича оказалось у черкасского князя Василия Тюменского. Среди него отмечены и «книги бусурманские», и «часовник татарской». Вскоре, по замечанию касимовского царевича Сеид-Бурхана (точнее сказать его матери Фатимы-султан и деда Ак-Мухаммед сеида Шакулова, писавших за малолетнего царевича), касимовский царь Арслан б. Али взял за себя свою тетку с падчерицей «в шею да в тело». От этого брака родится дочь Салтыкай (1616 г.). После смерти Арслана в 1626 г. жена и дочери уехали в Ярославль. Им назначен поденный корм, Карачаце – 25 копеек в день, Салтыкай и Алтын – по 30 кореек. Карачаца умерла 2 апреля 1628 г. (Беляков, 2007, с. 103–104).

Ярославль являлся еще одним городом, в котором могли собираться значительные библиотечные собрания восточных авторов. Откуда нам это известно? Городу в XVII в. суждено было стать своеобразной столицей знатных мусульманских выходцев в России. Хотя можно предположить, что это произошло несколько ранее, еще в конце XVI в. (между 1591 и 1593 гг.) и первоначально было связано с поселением в городе отдельных представителей двора крымского царевича Мурад-Гирея. Позднее здесь появились потомки хана Кучума, ногайские и сибирские выходцы. Они проживали в этом городе и получали натуральные и денежные дачи на свое содержание из его доходов

¹ «Дознавши от степенных граждан, что в городской архиве была рукописная книга старинного слога и почерка, в коей писано было о всей древности и градских училищах и владениях, оную читывали многия особы, но как переходила она из рук в руки, лет за сорок до сего моего нынешнего исследования к моему несчастию безвестно укрылась» (Цит. по: Филиппов, 2009, с. 90).

(Беляков, 2013а). В городе в частности, проживала супруга сибирского сеида Дин-Али, дочь Кучума и ханши Лилипак Нал (Беляков, 2009). Вывезли ли самого сеида в Европейскую Россию нам неизвестно. По косвенным признакам это вполне можно предположить. А вот его сыновья остались в Сибири (Селезнев, Селезнева, 2009, с. 141).

Выполняли абызы и некоторые административные функции. По крайней мере, в начале XVIII в. именно на них возлагался сбор отдельных видов государственных налогов (медовый сбор) со служилых татар «их приходу». Также именно они совершали обряд «венчания» и отвечали за сбор венчальных денег с «первоженцев» (ГАРО, ф. 1750, оп. 1, д. 375, 382, 385). Они также оставляли по просьбе неграмотных служилых татар вместо них рукоприкладства на тех или иных документах (РГАДА, ф. 1167, оп. 1, д. 582, 585, 1422, 2088, 2100, 2137). В Темникове 1604 г. отмечен посадский абыз Кул-Сеит Мазин Кул-Дербышев. В первую очередь он, конечно же, отправлял религиозные обряды. Но, вполне возможно, в его задачу входило также привод к шерти (присяга, клятва) на Коране в ходе судопроизводства в воеводской приказной избе. За это он вполне мог получать определенное жалование. Помимо этого, следует обратить внимание еще на один не мало-важный факт, связанный с темниковским абызом. Дело в том, что он давал деньги в рост. При этом данные операции полностью соответствовали русскому законодательству, но противоречили исламской традиции ростовщичества (РГАДА, ф. 1167, оп. 1, 1604 г., д. 1443, л. 62). Получается, что к началу XVII в. даже в отдаленных регионах Русского государства мусульмане предпочитали при даче денег в долг использовать русское законодательство (так было надежнее в случае возникновения спорных ситуаций и необходимости апелляции к представителям московских властей). Однако, возможно, исламские традиции проведения денежных операций здесь вообще не были известны. Следует отметить, что нам. На пример, ничего неизвестно по этому вопросу в Казанском ханстве. В 1614 г. в Темникове, помимо упомянутого Кул-Сеита, отмечен еще трое абызов. При этом об одном из них, Кайбуле Васитове (Ваиситове), сказано, что он мулла («молла»). Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют всех их отнести к служилым татарам (Акчурина, Ишеев, 2015, с. 25, 27, 29, 32, 37, 40, 41). Но в десятни темниковских татар 1642 г. абызы не отмечены. Хотя есть упоминание о Кулмамете Милкоманове сыне Ергонине, отец которого – Милкоман Ергонин – отмечен как абыз в 1614 (РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 184, столпик 5, л. 154). А в аналогичных списках по Касимову отмечено два абыза (Там же, л. 94, 108). По одному в Цареве дворе и Сеитовом полку (две основные структурные единицы касимовских служилых татар) (Беляков, 2006). В Кадоме и Арзамасе в 1642 г. также отмечен только по «абызову сыну» (Там же, л. 187, 199а), в Алатыре – один абыз (Там же, л. 66). Однако это говорит только об одном: в данном случае (фиксация лиц годных к военной службе) маркер «абыз» мало интересовал московские власти.

На выполнение широкого спектра задач указывает значительное число абызов в Касимове начала XVII в. Город был одним из главных центров комплектования Посольского приказа переводчиками и толмачами (переводчик устной речи) ряда восточных языков: татарского (в том числе крымского и ногайского), арабского и персидского (Беляков, 2002). Известно, что касимовский Эмин абыз, входивший в состав двора касимовских царя Арслана и царевича Сеид-Бурхана, неоднократно вызывался в столицу для переводов (РГАДА, ф. 131, 1646 г., д. 6).

Количество абызов было значительным. Так в 1627 г. в Касимове их насчитывалось шесть человек (Вельяминов-Зернов, 1866, с.65). В 1646 г. также шестеро, в том числе и сторож мечети (Переписная, 1892, с. 7). При этом их функции явно отличались от подьячих. Ими при касимовском царевиче были исключительно русские. В начале XVIII в. в каждом татарском селе Касимовского уезда имелось не менее чем по одному – двум абызу. А в селе Болотцы сразу шесть (ГАРО, ф. 1750, оп. 1, д. 375, 382, 385, 421).

Таким образом, мы видим, что роль абызов в Русском государстве XVI–XVII в. была более чем заметной как для мусульманского населения так и для русской администрации. Но при этом мы вынуждены констатировать, что на настоящий момент мы находимся в самом начале пути по исследованию данного явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурин М.М., Беляков А.В. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. Казань, 2015.
2. Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.
3. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2. С. 358–381.
4. Беляков А.В. Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М., 2007. С. 95–112.
5. Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник: 2007–2008. М.: Восточная литература, 2009. С. 35–55.
6. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
7. Беляков А.В. Частная жизнь Чингисидов в России XV–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2011. Вып. 3. С. 13–42. 2011а.
8. Беляков А.В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Вып. 1. 2013. Т. 13. С. 92–97. 2013а.
9. Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011–2012. М., 2013. С. 11–59.
10. Беляков А.В., Енгальчева Г.А. Крымские выходцы в Касимове сеиды Шакуловы и их архив // V научные чтения памяти У. Боданинского: тезисы докладов и сообщений. Симферополь, 2013. С. 19–20.
11. Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 5. С. 32–44.
12. Бустанов А.К. Рукопись в контексте сибирского ислама // Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009. С. 156–192.
13. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. II.
14. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Ч. 3.
15. Гагин И.С. Краткая сложность о Касимовских царях татарских и памятниках с их времен существующих // ТРУАК. Рязань, 1902. Т. XVII. Вып. 3.
16. ГАРО, ф. 1750, оп. 1, д. 375, 382, 385, 421.
17. Журнал заседаний Рязанской ученой архивной комиссии: заседание 6 октября 1885 г. Рязань, (1885).
18. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты, источники. М., 2009.
19. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии 1891 г. Т. VI. Рязань, 1892.
20. Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1795. Ч. X.
21. Рахимзянов Б.Р. Административно-политическая и этносоциальная структура Мещерского юрта // История народов России в исследованиях и документах. М., 2009. Вып. 2. С.246–247.
22. РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 184, столпик 5.
23. РГАДА, ф. 131, 1646 г., д. 6.
24. РГАДА, ф. 1167, оп. 1, д. 582, 585, 1422, 2088, 2100, 2137.
25. РГАДА, ф. 1167, оп. 1, 1604 г., д. 1443.
26. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.
27. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.
28. Филиппов Д.Ю. Путь к истории: Иван Гагин и его историографическое наследие // Историографическое наследие провинции: материалы IV науч.-практ. конф., посвящ. памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Рязань, 2009.

А.В. Беляков

XVI–XVII ГАСЫРЛАР МӘСКӘУ ДӘҮЛӘТЕНДӘ АБЫЗЛАР (ХАФИЗЛАР)

Без бүген Россия мөселманнарының XVI–XVII гасырлардагы көнкүреше турында берни дә билмибез диярлек. Шул исәптән йомышлы татарларның тормышы турында да. Алар киң ареалга таралып урнашканнар. Төрле төбәкләрдә көн итүче төркемнәр жирле үзенчәлекләргә ия булган. Ислам дине аларны бер бердәмлеккә оештырган. Бу яктан караганда, йомышлы татарларның абыз (хафиз) дигән категорияләре аеруча игътибарны жәлеп итә. Чыганақлардан күрегәнчә, алар мөселман руханилары, укытучылар булганнар, шулай ук кайбер административ функцияләр башкарганнар

Ачкыч сүзләр: XVI–XVII гасырлар Мәскәу дәүләте, йомышлы татарлар, абызлар, Россиядә ислам.

A.V. Belyakov

ABYZ (HAFIZ) IN MOSCOVIA IN XVI–XVII CENTURIES

Currently, we know little about day-to-day life of Muslims in Russia in XVI-XVII centuries. These were mainly so called service-class Tatars, whose communities were widely spread. Being united by Islam, each Tatar community was distinguished by their regional peculiarities. Within the given context, such group of service-class Tatars as abyz (hafiz) are of particular interest. According to the information accumulated, these were Muslim priests, teachers, also performed administrative functions.

Keywords: Moscovia in XVI–XVII centuries, service-class Tatars, abyz, Islam in Russia.

Сведения об авторе:

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, социология, история» Московского государственного университета путей сообщения, Рязанский филиал (г.Рязань); E-mail: feb@gu.ru

Беляков Андрей Василий улы – тарих фәннәре кандидаты, Мәскәу дәүләт юллар университетының Рязань филиалындагы «Фәлсәфә, социология һәм тарих» кафедрасы доценты (Рязан шәһәре).

Belyakov Andrey Vasilyevich – candidate of historical sciences, associate professor, chair «Philosophy, sociology, history», Moscow State University of Railway Engineering, Ryazan branch (Ryazan).

УДК 94(47).045

КРЫМСКИЕ ВЫХОДЦЫ В КАСИМОВЕ – СЕИДЫ ШАКУЛОВЫ И ИХ АРХИВ

© 2015 г. А.В. Беляков, Г.А. Енгалычева

В данной статье предпринята попытка обобщения всех имеющихся сведений о роде касимовских сеидов Шакуловых. Авторы также предприняли попытку частичной реконструкции архива этой семьи.

Ключевые слова: Сеиды Шакуловы, Русское государство XVI–XVIII вв., служилые татары, Касимов.

Род касимовских сеидов Шакуловых являлся на протяжении нескольких веков одним из самых влиятельных в Касимове. Его представители оставили заметный след в истории края и России в целом. Данная работа призвана собрать все известные на данный момент данные о роде за XVI – начало XVIII в. и уточнить отдельные моменты их генеалогии. Эта проблема в той или иной форме уже неоднократно поднималась в литературе (Вельяминов-Зернов, 1863; Вельяминов-Зернов, 1864; Вельяминов-Зернов, 1866; Вельяминов-Зернов, 1887; Ахметзянов, 1991; Азовцев, 2000, с. 3; Беляев, 2001, с. 199; Габдуллин, 2006, с. 275; Беляков, 2011; Исхаков, 2011, с. 104–114), но здесь по-прежнему остается много белых пятен и неточностей.

Вначале следует остановиться на звании сеид. Сеид (Сайд) – вождь, господин, глава (синоним – шариф: благородный, знатный). В мусульманском мире так называют потомков четвертого праведного халифа Али (652–662 г.), женатого на Фатиме, дочери пророка Мухаммеда. К женщинам прилагается термин саййиди или ситти («моя госпожа»). Чингисиды признавали сеидов «первенствующим сословием» уже в XIV в. Они составляли обособленную группу в социальной иерархии мусульманского общества и пользовались у верующих почетом. Их считали главными носителями религиозных идей. Только сеиды могли безнаказанно говорить всю правду мусульманским правителям и укорять их за несправедливый образ жизни. Они не подлежали смертной казни. А в сознании мусульман часто отождествлялись со святыми (аулиями). Сеиды брали себе жен из любой социальной группы, без различия, но неохотно выдавали своих дочерей за людей из другого слоя, так как потомки от такого брака приобретали все права и привилегии сеидов. Бывали случаи, когда среднеазиатские государи не Чингисиды XVIII–XIX вв. насильственно брали себе в жены девушек из первенствующего сословия, чтобы их потомки могли присоединить к своему титулу и звание сеида (Султанов, 2006, с. 23–24; Трепавлов, 2001).

До настоящего времени в семье касимовских татар Шакуловых хранится родословная роспись (шеджере) производящая их род от пророка Мухаммеда, в которой, однако, до XIX в. прослеживается только одна линия (Беляев, 2001, с. 199). Мы можем отождествить первых 11 представителей родословной росписи от Мухаммеда. Приведем их имена по С. Лэн-Пулю: Фатима – Хусейн – Али Зейн-ал-абидин – Мухаммед-Бакир – Джафар Садик – Муса-Казам – Али Рида – Мухаммед Джавар – Али Хади – Хасан Аскери – Мухаммед Мунтазар. Фатима – единственная дочь пророка. Остальные – шиитские имамы секты Имамы. О последнем из них сказано, что он исчез около 260 г. от хиджры (874 г. от рождения Христа) (Лэн-Пуль, 2004, с. 53). Последующие 14 колен на настоящий момент идентифицировать не представляется возможным. Приведем, однако же, их: Мухаммед Смане – Юсуф Мхане – Исмаил – Муд-Вахит – Мухаммед Хараэ ата – Рукун утдин султан – Али Хакани – Мухаммед-Бухари – Искат-Ахмад – Шах-Ахмад – Халват – Мухаммед – Шах-Бай – Шах-Мухаммед (Беляев, 2001, с. 199). Судьба последних 2–3 имен этой части списка с высокой долей вероятности самым тесным образом была переплетена с событиями крымской истории XV в.

Для нас представляет особый интерес отрезок родословной с Шах-Кули (27 колено от пророка Мухаммеда), первого представителя рода, отмеченного в Касимове, и человека, давшего родовое прозвище для всех своих потомков в России – Шакуловы. Он выглядит следующим образом: Шах-Кули – Бурхан – Кашки (Кашкей) – Балак (Буляк, Беляк) – Ак-Мухаммед – Тин-Мухаммед (Тениш) – Ахмед – Якуб – Биктемир – Бурхан – Салих – Хамза (Беляев, 2001, с. 199). Известны иные ветви в разное время отпочковавшиеся от основной уже в XVIII в. (Габдуллин, 2006, с. 275; Исхаков, 2011, с. 104–114; Ахметзянов, 1991). Однако за основу нами будет принята касимовская ветвь.

О Шах-Кули нам практически ничего не известно. По семейному преданию Шах-Кули сеид Багатур выехал в 1484 г. (?) с крымскими царевичами (Беляев, 2001, с. 199). Скорее всего, речь идет

о приезде в Москву из Литвы свергнутых крымских царей Нур-Даулета и Хейдера, детей Хаджи-Гирея, а также сына Нур-Даулета Бир-Даулета (Вельяминов-Зернов, 1863; Гайворонский, 2007, с. 39–72).

Бурхан вообще не упоминается в источниках. Кашкей сеид в середине – второй половине XVI в. возглавлял касимовских татар, не входивших в состав дворов касимовских царей (Сеитов полк) (Беляков, 2009). Есть предположение, что наименование Сеитов полк произошло из-за казанского обычая, по которому в период между царствованиями главные местные сеиды получали всю полноту власти, так как потомки пророка Мухаммеда пользовались очень высоким авторитетом. Косвенным подтверждением этого можно считать женитьбы касимовских царей на дочерях местных сеидов (Шах-Али б. Шейх-Аулеар, Арслан б. Али) (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 525; Беляков, 2006, с. 8–30). Быть может, заключение подобных браков являлось даже обязательным на определенном этапе (Беляков, 2011, с. 177–178). В XVII в. сеиды уже не имели такого большого значения. По крайней мере, они не возглавляли местную татарскую военную корпорацию. В 1587 г. о Кашкее говорилось уже в прошедшем времени (Антонов, 2001, с. 227–228; АСЗ, 2002, № 282, с. 230–231). О его сыне Буляк сеиде информации несколько больше. Он участвовал весной 1600 г. в церемонии провозглашения царем на Касимове казахского царевича Ураз-Мухаммеда б. Ондана, провозглашал хутбу (Вельяминов-Зернов, 1864, с. 403; Беляков, 2007а). Можно предположить, что именно от его имени идет название одного из касимовских сел: Беляково, Царево тож. Умер Буляк до окончания Смутного времени.

Следует отметить тот факт, что в России XVI в. сеиды были более чем редким явлением. Поэтому у нас имеются серьезные основания для того чтобы видеть во всех касимовских сеидах этого времени представителей одной семьи. Трудно поверить в то, что у Шакуловых более века из поколения в поколение выживал только один представитель мужского рода, и не существовало никаких боковых ответвлений от известной нам родословной. Поэтому приведем иные известные нам факты о касимовских сеидах XVI в.

По надгробию из текие Шах-Али нам известно имя одной из его жен, Буляк-шад-бикем (1530 – 1 октября 1557 гг.), дочери касимовского сеида Джуруджия. Из касимовских же надгробий до нас дошло имя еще одного сеида Тек-бика (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 512–514, 527; Вельяминов-Зернов, 1864, с. XII). В документах также упоминается некий касимовец Ак сеид Черевсеев (1552 г.) (ПСРЛ, Т.13, с. 199, 210). Во время черемисского похода 1554 г. он возглавлял городецких татар (Разрядная, 1978, с. 478). Вполне возможно это одно лицо с Алексеем сеидом, упомянутом в полоцком походе 1563 г. во главе городецких (касимовских) татар (Разрядная, 1966, 148). Скорее всего, это ошибка переписчика, хотя нельзя отрицать и возможный факт смены веры, тем более что подобные случаи известны.

В списке опричников Ивана Грозного 1573 г. отмечен некто «князь Иван Сеитов Городецкого» со значительным окладом в 200 рублей (Список, 2003, с. 55). Этот человек еще дважды встречается в источниках (назван князем Иваном Сеитовичем Городецким и даже Иваном Семеновичем): в походе на Пайду 1573 г. он – голова в полку у государей, а в государевом походе февраля-апреля 1574 г. – голова с сотней (Разрядная, 1982, с. 323–324, 363). Возможно, это одно лицо с князем Иваном Сеитовым, упомянутым в свадебном поезде короля Магнуса и княжны Марии Владимировны (Разрядная, 1982, с. 335; Разрядная, 1975, с. 211; Разрядная, 1974, с. 93). В таком случае мы можем рассматривать данное лицо как родоначальника князей Сеитовых, известных в XVII в. На настоящий момент мы не имеем об этом человеке больше никакой информации. Однако прозвище «Городецкого», возможно, указывает на происхождение из двора касимовских (городецких) Чингисидов. В таком случае, он мог находиться во дворе Шах-Али б. Шейх-Аулиара или же Саин-Булата б. Бекбулата.

Но вернемся к известным нам представителям рода. У Буляка известно двое сыновей: Ак-Мухаммед и Иш-Мухаммед. Данные их биографии известны с конца Смутного времени и тесно переплетены с судьбой их зятя, сибирского царевича, затем касимовского царя Арслана б. Али б. Кучума. Дочь Ак-Мухаммеда Фатима-султан стала женой Арслана, возможно, вскоре после достижения совершеннолетия царевичем в 1604/1605 г. (Беляков, 2006, с. 20). Благодаря этому браку Шакуловы заняли видное положение среди членов двора царя Арслана. Касимовский царь дал тестю в пользование из своих поместий деревню Большие Пекселы (195 чети в одном поле). Ему также шло 50 рублей из таможенных доходов. Иш-Мухаммеду пожаловали деревню Уланова Гора (66 чети). Данные доходы сохранились за братьями и при сыне Арслана, царевиче Сеит-Бурхане (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1).

Арслан умер 24 апреля 1626 г. Сеид-Бурхану в это время было около 2 лет. Воспользовавшись этим, царицы Фатима-султан, ее отец и дядя фактически захватили власть при дворе малолетнего Чингисида. В результате этого иные вдовы и дочери Арслана посчитали за лучшее покинуть Касимов и получить статус ярославских кормовых татар (Беляков, 2006, с. 20–21, 29–39).

Шакуловы долгое время держали в своих руках всю полноту власти, в первую очередь, экономической. При этом клан стремился укрепить свое положение в семье касимовских Шибанидов. С этой целью Тин-Мухаммед (Тениш), брат Фатимы-султан, взял за себя дочь или же ближайшую родственницу Аликей аталыка б. Акай мирзы. Скорее всего, это одно лицо с Алмакай мирзой Акаевым сыном Тенишевым, занимавшим видное положение во дворах касимовского царя Арслана б. Али и его сына царевича Сеид-Бурхана. При Арслане он владел $\frac{1}{2}$ деревни Шишкино, при его сыне ему принадлежала выть в деревне Куземкино из мещерских поместий касимовских Чингисидов (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14). Предположительно он являлся аталыком царевича Сеид-Бурхана.

Ситуация при дворе царевича меняется только начиная с 1641/42 г., когда Сеид-Бурхан достиг совершеннолетия. К этому моменту ему было приблизительно 18 лет. В этом году в Касимов к внуку из Ярославля переселяется сибирский царь Али б. Кучум (РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1649 г., д. 35, л. 54; ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 2). К 1648–49 г. здесь поселяются другие родственники и свойственники царевича Сеид-Бурхана: его сводная сестра и одновременно тетка царица Алтын-сач, вдова ургенчского царевича Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед султана с дочерью Кутлусат (Беляков, 2007, с. 210; РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1648 г., д. 1), сводная сестра царица Ай-ханьш, вдова Мухаммед-Кула б. Атаула, бабка царица Молдур (Беляков, 2006, с. 30; Переписная, 1892, с. 7; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12; 1651 г., д. 6; 1671 г. д. 3). По-видимому, матери царевича и ее родственникам пришлось расстаться с присвоенной себе властью. Оставшиеся годы Фатима-султан, судя по всему, не имела возможности вмешиваться в дела, к тому же ей пришлось терпеть рядом вчерашних соперниц. Она прожила не менее 90 лет. Пережила мужа, детей, большинство внуков, вынуждена была смириться с тем, что ее потомки стали христианами (Сеит-Бурхан крестился в 1654 г. и стал Василием). Скорее всего, она достаточно болезненно относилась к этому. Тем более что царица, судя по народным преданиям, отличалась властным характером. Легенда, сохранившаяся в среде нижегородских татар, гласит о том, что род касимовских царевичей как мусульманский с крещением Сеит-Бурхана не пресекался. Он продолжился в селе Пица (Сергачский район Нижегородской области). Для этого царица Фатима-салтан, якобы, отправила часть своих внуков (рожденных до крещения Сеит-Бурхана вне брака или в браке, сведений о котором не сохранилось) на Нижегородчину с распоряжением называть одного ребенка каждого поколения именем последнего касимовского царевича (Сеит-Бурханом) (Хайретдинов, 2007, с. 82). Однако в православных кругах Касимова говорили об обратном. Якобы под конец жизни царица стала тайной христианкой. Здесь нужно сказать что один из ее внуков, царевич Яков Васильевич, является местным святым (Блаженным) в Касимове (Беляков, 2010).

Но вернемся к роду Шакуловых. Иш-Мухаммед имел сына Дос-Мухаммеда (Дост-Мухаммед). Следует отметить, что в то же время в Касимове известны и иные представители рода. Так в августе 1653 г. отмечены Досай сеид Кутум сеитов сын, Досай сеид Кутушай сеитов сын и Шемай сеит Кутушай сеитов сын Шакуловы (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 17 об.). Это в очередной раз подчеркивает тот факт, что наши знания по генеалогии данного рода более чем не полны.

Сын Тин-Мухаммеда Ахмед также не оставил по себе каких либо известий.

Во второй половине XVII в., по-видимому, некоторые представители семьи приняли православие. В 1682 г. некий Сеид Давыдов Шакулов, в крещении Василий Петров, за вину отставлен из дворян по московскому списку и послан до указа в Киев (ДАИ, 1867, с. 101).

Якуб б. Ахмед в 1680 г. как переводчик посылался с посольством в Крым. В начале 1681 г. он умер там. До этого он якобы жил в Елатье (Азовцев, 2000). Скорее всего, эти данные следует оспорить. Дело в том, что по первой ревизии в 1720-е г. в Касимове значатся однодворцы Якуб (Егуп) б. Сеид-Ахмед (так в документе, правильное сеид Ахмед) с сыном Бектемиром и родственниками Назар-Маметом и Вал-Маметом. За отказ поменять веру в 1715 г. Шакуловы были переведены в разряд однодворцев. Имеется упоминание о том, что в Керенском уезде у мирз Девлет-Мухаммеда и Ал-Мухаммеда Шакуловых за нежелание креститься отписали 4 души крестьян в с. Никольское (Габдуллин, 2006, с. 275). Здесь только следует отметить, что до этого Шакуловы никогда не именовались мирзами. В 1723 г. в Татарской слободе г. Касимова отмечен двор некоего

Курмака сеида Перемометева сына Шакулова, 17 лет, во дворе которого проживали его дворовые люди (РГАДА, ф. 350, оп. 2, кн. 1295, л. 47).

В 1768 г. Биктемир б. Якуб (женат на сестре Кутлу-Мухаммеда Тевкелева (в крещении генерал-майор Алексей Иванович) Урай), его дети Мустафа, Бурхан а также сеиды Муса, Темир-Булат, Муртаза, Мухаммед (также, по-видимому, Шакуловы) участвовали в реставрации соборной касимовской мечети. Бурхан в этом году значится однодворческим сотником Татарской слободы (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 51–70).

После разрешения однодворцам ходатайствовать о возвращении им прав дворянства Муртаза и Муканей (Мухаммед) дети Бектемира также подали прошение в Рязанское дворянское депутатское собрание. Первоначально их претензии были признаны достаточными. Но данное определение собрания не было удовлетворено Сенатом (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 51–70; Азовцев, 1999, с. 68). При этом оказались утеряны древние грамоты представленные как доказательство древности и знатности рода в дворянское депутатское собрание. В XVIII в. отдельные представители рода покинули Касимов. Имеются сведения о том, что некоторые из них переселились в Казань и Астрахань.

О роли Шакуловых в регионе мы можем сделать еще некоторые предположения. Известно, что на Востоке (в том числе и в Западной Сибири) большое распространение получил культ мусульманских святых. Места их погребения (астана) у тоболо-иртышских татар до настоящего времени являются паломническими центрами. Также известны хранители этих святых мест, «должность» которых передается по наследству. Часто ими являются реальные или мнимые потомки святого или же его спутников. В сознании верующих «смотритель» (астана-караулце) находился по статусу выше муллы, чему он обязан своей принадлежностью к роду святого подвижника. В Западной Сибири считается, что погребенные в этих местах принесли в данный регион традиции ислама и погибли за веру. В ряде случаев их почитают как Чингисидов или же их родственников (Селезнев, Селезнева, Белич, 2009). Имеются упоминания, позволяющие предположить бытование подобной практики и в Мещере. Известно, что сеид из рода Шакуловых Якуб б. Ахмед б. Тин-Мухаммед б. Ак-Мухаммед якобы повесил некую женщину на текие царя Арслана б. Али, из которой та украла саваны и иные вещи (Вельяминов-Зернов, 1866, с. 497–498). Можно предположить, что касимовские Чингисиды (по крайней мере, первые из них) в определенный момент стали рассматриваться местными мусульманами как подвижники веры, принесшие в регион ислам. В культ святых эти представления так и не превратились, однако традиция некоего их почитания все же бытовала. Здесь нужно вспомнить, что царь Арслан был, скорее всего, женат на внучке сеида Дин-аула-ходжи (Дин-Али-ходжи), являвшегося одним из распространителей ислама в Сибири последней четверти XVI в. В роли смотрителей за могилами Чингисидов выступали представители сеидов Шакуловых, которые приходились родственниками как минимум сибирской династии касимовских Чингисидов.

На настоящий момент это практически вся информация известная нам по роду касимовских сеидов Шакуловых. Если утерянные документы со временем будут обнаружены, то наши знания об истории данного рода, безусловно, будут значительно расширены.

Однако отдельные документы архива Шакуловых все же сохранились до нашего времени. Известно, что представители рода имели склонность к собиранию древних татарских рукописей и бумаг, в том числе и не относящихся на прямую к их семье. К концу XIX в. в их архивах оказалось собрано значительное количество различных имущественных и поземельных актов XVI – начала XVIII в., относящихся к касимовским татарам. Управляющий делами Рязанской губернской архивной комиссии А.В. Селиванов в своем отчете о посещении в сентябре 1885 г. г.Касимова пишет: «Благодаря любезности одного из интеллигентных представителей татарского касимовского общества г. Шакулова, происходящего из древнего рода сеидов, удалось получить для рассмотрения целый мешок с древними столбцами и старинными бумагами. Эти бумаги преимущественно касаются земельных поместных владений, но отчасти попадаются столбцы, имеющие интерес в бытовом отношении, а также уголовного характера. В числе этих столбцов попался мне документ довольно курьезный. Это – ничто иное, как черновой оригинал виршей, написанных неизвестным автором в честь 2 Азовского похода Петра I-го в 1696 году. По всей вероятности, эти вирши были преподнесены Петру Великому при проезде его через Касимов по Оке на возвратном пути из Азова. С этого документа списана мною копия, приложенная к настоящему отчету» (Журнал, 1885, с. 4–5). Позднее вирши были опубликованы в трудах архивной комиссии. Некоторые из «столбцов» упомянутых в отчете, судя по всему, тогда же, или несколько позднее также были переданы в

архив комиссии. В настоящее время они обнаружены в составе собрания документов Государственного архива Рязанской области при описании фонда грамот XIV–XVIII вв. (ГАРО, ф. 1750, оп. 1).

Данный фонд по преимуществу представляет собой собрание даров сделанных в разные годы Рязанской ученой архивной комиссии частными лицами. Поэтому нахождение этих документов абсолютно логично. На настоящий момент нами выявлено 19 документов. Наиболее древний из них относится к 1564 г. и уже неоднократно попадал в поле зрения исследователей (Селиванов, 1888, с. 12–13; Памятники, 1978, № 31, с. 42–43). Остальные датируются рубежом XVII–XVIII вв. и еще не становились предметом исследования.

Представленные документы за редким исключением (№№ 315, 320, 335) представляют собой единый комплекс, объединенный по географическому принципу. Все они в той или иной степени связаны с с. Болотцы Касимовского уезда. В нем не позднее XVI в. испостили рядовых касимовских татар (казаков по тогдашней терминологии). Почему эти документы оказались в архиве Шакуловых до настоящего времени остается загадкой. Эта семья не была и не могла быть связанной с жителями этого села. Шакуловы всегда относились к верхушке касимовских татар. Болотские татары, хотя и относились к белому аймаку (белая кость) (Шарифуллина, 2004, с. 125), составляли низы служилых татар. Поэтому семейных связей между ними быть не могло. Хотя здесь могли учитываться иные связи, и на первое место выходили воспоминания о тех временах, когда Шакуловы возглавляли касимовских татар в военных походах.

Данные документы интересны для нас и с другой стороны. Они открывают нам ранее неизвестные страницы истории касимовских служилых татар. Это имена сельских абызов (хафизов), которые, судя по этим источникам, выполняли не только религиозные функции, но также использовались местной русской администрацией для сбора различных налогов. Среди последних, на настоящий момент, наибольший интерес вызывает сбор с брачующихся (первоженцев). Насколько нам известно, исследований на эту тему нет. Выглядит очень показательной динамика отказа мелкопоместных служилых татар от несения военной службы. Этот факт также косвенно указывает на наличие у татар иных, кроме земли, источников доходов позволяющих из года в год откупаться от службы.

В настоящее время продолжается дальнейшая работа по описанию упомянутого фонда ГАРО. Возможно это принесет нам новые открытия в деле изучения касимовских служилых татар и рода сеидов Шакуловых.

Приложение

Перечень документов из Шакуловского архива

№ п/п	Название документа	Дата	К-во листов	Примечания
315	Платежная отпись в уплате ямских и полонянских денег на 1687/88 г. с поместья Досамета Черкаева сына Бекчакова с братьями д. Немичево Касимовского у.	17.12.1687	1	
320	Платежная отпись в отсыпке стрелецкого хлеба на 1686/87 г. с поместий Досамета (Черкаева сына) Бекчакова с братьями (д. Немичево) и Ишкинея Андрочева д. Арапово Борисоглебского ст. Касимовского у.	14.05.1690	1	
335	Платежная отпись в отсыпки стрелецкого хлеба на 1696/97 г. с поместий касимовских служилых татар Алея мирзы и Тахтар мирзы Ишмамеевых детей князя Аипова с. Никольское (Пилбур) Керенского у. Список конца XVII в.	01.02.1697	1	
339	Платежная отпись в уплате денег для его великого государя службы с поместья касимовского служилого татарина солдата Кутлукайка Кутлубулатова сына Капурина.	?09.1699	1	
375	Платежная отпись в уплате медового сбора с дворов своего прихода с. Болотце Касимовского у. абызами Крымом Кутломаметовым сыном Бекчановым и Розмаметом Досаевым сыном Байрашевым, а также уплате венчальных денег с первожен-	16.09.1704	1	Упоминаются жители с. Болотце Мухаммед Кутломометев, Кулай Курмаев,

	цев того же села, вступивших в брак с 1 января по 16 сентября 1704 г.			Чантемир Уразмаев.
382	Платежная отпись в уплате медового сбора и венчальных денег с первоженца казанского служилого татарина Кадралея Мустаева сына Рогозина д. Кон(л)кино Алагорского у., взятых с абыза с. Болотце Касимовского у. Крыма Бекчанова с товарищами.	21.03.1705	1	
385	Платежная отпись в уплате медового сбора на 1705 г. с абызов Касимовского у. с. Тарбаево, с Ышакова Айдарова сына Кудабердеева, с. Болотце Крыма Кутломаметева сына Бекчанова с товарищами, с. Казаново Салмакая Уразаева сына Будаева с товарищами, с. Мышаево Аделша Кутломаметева сына Нагаева, с. Жегурминова Тулубая Ишаева сына Сюнчалеева с товарищами.		1	
394	Платежная отпись в уплате касимовским солдатом Кутлусатом Ининым денег на 1706 г. вместо службы.	25.08.1706	1	
406	Платежная отпись в уплате оброчных денег с домовых бань на 1707 г. с татар с. Болотца Касимовского у. Конюкая Тенева и Микулая Девлеткилдева с. Болотца Касимовского у.	16.11.1707	1	
421	Платежная отпись в уплате денег с домовых пчелиных заводов на 1709 г. с касимовских служилых татар абыза Крыма Кутлумаметева сына Киселева, Уразмомета Ишполдена, Ишметя Микошева с. Болотца Касимовского у.	15.09.1709	1	
424	Платежная отпись в уплате касимовскими солдатами из служилых татар денег вместо службы на 1709 г.	18.12.1709	1	Всего 13 имен.
425	Платежная отпись в уплате касимовскими солдатами из служилых татар денег вместо службы на 1709 г.	18.12.1709	1	Всего 20 имен.
426	Платежная отпись в уплате оброчных денег с домовых бань на 1709 г. с татар с. Болотца Касимовского у.	22.06.1709	1	Всего 35 имен
436	Платежная отпись в уплате оброчных денег на 1710 г. с бань татар с. Болотца и дд. Бигозино и Бороманово Касимовского у.	?06.1710	1	Всего 35 имен
444	Платежная отпись в уплате денег касимовскими служилыми татарами в возрасте от 15 до 60 лет с. Болотца (68 человек) Касимовского у. (9 человек) и г. Касимова вместо службы на 1711 г.	02.03.1713	1	Деньги платил Араслан Айбулатов
450	Платежная отпись в уплате оброчных денег на 1711 г. с 42 бань татар с. Болотца и д. Богозина Касимовского у.	29.09.1711	1	
468	Платежная отпись в уплате окладных денег на 1712 г. с 95 городских солдат другой половины из татар с. Болотца Касимовского у.	13.12.1712	1	Деньги платил солдат Аразман Крымов. Солдыты 1-й половины платили деньги 20.10.1712
527	Платежная отпись в уплате денег на окладные расходы за 1716 г. с солдат служилых татар с Болотца Касимовского у.	02.07.1717	1	Упомянуется 69 имен.
1436	Правая и разъезжая грамота окольного и воеводы Михаила Михайловича Тучкова, данная татарам Булату Елегину с товарищами на спорную погню Ковери около села Болотца Касимовского у.	17.07.1563	3	

ЛИТЕРАТУРА

1. Азовцев А.В. Новые источники по истории землевладения касимовских татар // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 68–74.
2. Азовцев А.В. Судьба потомков пророка в России. Сеидский род Шакуловых на Рязанской земле // Рязанские ведомости. 2000. 24 июня. № 122. С. 3.
3. Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 гг. // РД. Вып. 7. М., 2001. № 11. С. 219–232.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. III.
5. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (исследования татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань, 1991.
6. Беляев А.В. Касимовские корни и современные ветви с древнейших времен. М.; Касимов, 2001.
7. Беляков А.В. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2005–2006. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30.
8. Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М., 2007. С. 95–112.
9. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: 2006. Н.Новгород, 2007. С. 29–60. 2007а
10. Беляков А.В. Служилые татары Мещерского края XV–XVII вв. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. I. С. 160–195.
11. Беляков А.В. Касимовский царевич Яков (Йоаков). Мифологизация образа // Пятые Яхонтовские чтения. Рязань, 2010. С. 89–94.
12. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
13. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1.
14. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1887. Ч. 4.
15. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.
16. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Ч. 3.
17. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
18. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.
19. ГАРО, ф. 1750, оп. 1.
20. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1867. Т. X.
21. Журнал Рязанской ученой архивной комиссии: заседание 6 октября 1885 г. Рязань, (1885).
22. Исхаков Д.М. Институт Сеййидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.
23. Лен-Пуль С. Мусульманские династии. М., 2004.
24. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978.
25. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1891 г. Т. VI. Рязань, 1882.
26. ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. М., 2000.
27. Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
28. Разрядная книга 1550–1637 гг. М., 1975. Ч. 1.
29. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. I. Ч. 3.
30. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2.
31. РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1.
32. РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14.
33. РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12.
34. РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 2.
35. РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1651 г., д. 6.
36. РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4.
37. РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1671 г. д. 3.
38. РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1648 г., д. 1.
39. РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1649 г., д. 35.
40. РГАДА, ф. 350, оп. 2, кн. 1295.
41. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М., 2009.
42. Селиванов А. Правая и разъезжая грамота окольного и воеводы Михаила Михайловича Тучкова, 1563 года // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань, 1888. Т. II. С. 12–13.
43. Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.
44. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингисиды. Судьба и власть. М., 2006.

45. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
 46. Хайретдинов Д.З. Касимовское ханство // Ислам на Нижегородчине: энциклопед. словарь. Н. Новгород, 2007. – С. 82.
 47. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX веков // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2004. Вып. 33.

Список сокращений:

- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
 ГАРО – Государственный архив Рязанской области.
 РД – Русский дипломатарий. М., 1997–2004. Вып. 1–10.
 с. – село.
 АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997–2008. Т. I–IV.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
 ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею.

А.В. Беляков, Г.А. Енгальчева

**КЫРЫМНАН КИЛГЭННЭР КАСЫЙМДА:
 СӘЭТ ШАКУЛОВЛАР ҺӘМ АЛАРНЫҢ ГАЙЛӘ АРХИВЫ**

Мәкаләдә Касыйм сәэтләре Шакуловлар нәселе хақында булган мәгълүматларны гомумиләштерү өмтылышы ясала. Авторлар шулай ук бу гайләнең архивын өлешчә реконструкциялиләр.

Ачыкч сүзлә: сәэт Шакуловлар, XVI–XVIII гасырларда Рус дәүләте, йомышлы татарлар, Касыйм шәһәре.

A.V. Belyakov, G.A. Engalycheva

KRIMEAN NATIVES IN KASSIMOV: SAYYIDS SHAKULOV AND THEIR ARCHIVE

The given article is an attempt to integrate the all data regarding Kassim sayyids Shakulovs. The authors also try to partially reconstruct the archive of this family.

Keywords: sayyids Shakulovs, Russian State of XVI–XVIII centuries, Tatar noblemen, Kassimov.

Сведения об авторах:

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философии, социологии и истории» Московского государственного университета путей сообщения, Рязанский филиал (г.Рязань); E-mail: feb@gu.ru

Беляков Андрей Василий улы – тарих фәннәре кандидаты, Мәскәү дәүләт юллар университетының Рязань филиалындагы фәлсәфә, социология һәм тарих кафедрасы доценты (Рязань шәһәре).

Belyakov Andrey Vasilyevich – candidate of historical sciences, associate professor, chair «Philosophy, sociology, history», Moscow State University of Railway Engineering, Ryazan branch (Ryazan).

Енгальчева Галина Адильевна – старший преподаватель кафедры «Библиотекovedения и документoведения» Рязанский заочный институт (филиал) Московский государственный университет культуры и искусств (г.Рязань).

Енгальчева Галина Адиль кызы – Мәскәү дәүләт мәдәният һәм сәнгать университеты каршындагы Рязань читтән торып уку институты (филиалы) «Библиотека белеме һәм документлар алып бару» кафедрасының өлкән укытучысы (Рязань шәһәре).

Engalycheva Galina Adil'evna – senior lecturer, chair «Library Science and Document Science Chair», «Moscow State University of Culture and Arts», Ryazan correspondence institute (branch) (Ryazan).

УДК 355/359(=512.1)

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАХСКИХ КОЧЕВНИКОВ ОТ АБУЛХАИРА ДО КЕНЕСАРЫ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX вв.)*

© 2015 г. Л.А. Бобров

В статье рассмотрены особенности военной организации казахских номадов на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. Выделено три основных этапа эволюции казахских вооруженных сил данного периода. На первом этапе (первая половина XVIII в.) казахская армия была организована по родо-племенному принципу. Более совершенная десятичная система организации войск, унаследованная казахами от кочевников Дашт-и Кипчак XIII–XIV вв., к началу XVIII в. сохранилась лишь фрагментарно. Ожесточенные войны с Джунгарией привели к возрождению всеказахского ополчения и дали мощный импульс развитию института батырства. Данные меры позволили нивелировать некоторые негативные стороны родо-племенной системы организации вооруженных сил и существенно повысили боеспособность казахской армии. Главным содержанием второго этапа (вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.) стал рост значения ханских и султанских дружин тюленгутов, которые становятся главным партнером родовых ополчений в ходе военных кампаний данного периода. Необходимость управления многочисленными тюленгутскими дружинами приводит к частичной реанимации десятичной системы организации войск. Третий этап эволюции военной организации казахов (40-е гг. XIX в.) связан с реформами хана Кенесары. Данный правитель ввел в своих отрядах обновленный вариант десятичной системы, установил суровую военную дисциплину, жесткую вертикальную систему подчинения, элементы централизованного снабжения, систематическую боевую подготовку. Реформированная армия Кенесары показала высокий уровень боеспособности в ходе столкновений с войсками казахских правителей сохранивших верность Российской империи, а также в сражениях с российскими казаками, кокандцами и киргизами.

Ключевые слова: Казахстан, военное искусство казахов, военная организация казахов.

Важной составляющей военного искусства кочевников Центральной Азии, наряду с комплексом вооружения, тактикой ведения боя и военной стратегией, является система организации вооруженных сил. Под военной организацией мы понимаем составную часть военного искусства, включающая механизм комплектования, управления армией, боевую подготовку и систему обеспечения войск.

Изучение этого исторического феномена применительно к военно-культурному наследию народов Великой Степи является важной научной задачей. Дополнительную актуальность профильным исследованиям придает тот факт, что данная отрасль военного искусства изучена в значительно меньшей степени, чем, например, комплексы наступательного и защитного вооружения номадов. Как правило, современные историки и археологи, описывая устройство той или иной степной армии, ограничиваются упоминанием (а фактически историографическим штампом) о наличии в ней десятичной системы организации войск, а также перечислением форм управления этими войсками в бою. В действительности военная организация номадов была намного более сложной и неоднородной чем принято считать. Более того, на протяжении тысячелетий она эволюционировала, претерпевая значительные структурные изменения. Данная отрасль военного искусства, как никакая другая, была тесно связана с особенностями социально-политического и экономического развития того или иного сообщества кочевников.

Необходимо особо отметить, что вопреки расхожему мнению, далеко не каждая армия номадов была сформирована по так называемой «десятичной» системе. Подобная военно-организационная форма была характерна для армий централизованных «кочевых империй», правители которых, опираясь на внушительный аппарат управления и принуждения, имели возможность разделить армию на отряды строго определенной численности, внедрить в них суровую дисциплину и вертикальную систему подчинения. Своего расцвета «десятичная система» достигла в период существования Великой Монгольской империи. По мере ослабления центральной власти в Чингизид-

* Исследование проведено в рамках Задания № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

ских государствах, деформировалась и десятичная система организации войск монгольских и тюркских номадов.

Что касается традиционных кочевых сообществ объединенных по принципу федераций и конфедераций родов и племен, то для них была характерна иная форма организации вооруженных сил. С некоторой долей условности ее можно определить как «родо-племенная» система организации войск. Сходства и различия данных двух систем будут подробно разобраны в специальной работе. Здесь же отметим, что в чистом виде каждая из них встречалась достаточно редко. Как правило, военная организация номадов представляла собой симбиоз «десятичной» и «родо-племенной» систем организации войск, причем на разных этапах эволюции кочевого сообщества могла преобладать то одна, то другая система. Значительный интерес, в данной связи, представляет эволюция казахской военной организации XVIII – первой половины XIX вв., которая за данный период прошла путь от классической «родо-племенной» системы организации вооруженных сил в начале XVIII в. до оригинальной формы «десятичной» системы в период правления Кенесары Касымова.

Отдельные вопросы, затрагивающие тему военной организации казахов XVIII – первой половины XIX вв. были рассмотрены в трудах В.П. Курылева, А.К. Кушкумбаева, И.В. Ерофеевой, Г.И. Семенюка и др. (Курылев, 1990; Кушкумбаев, 2001, с. 84–97; Ерофеева, 2010; Семенюк, 1969, с. 269, 270). Однако профильная проблематика изучена крайне неравномерно. Так, например, если институту батыров посвящена целая серия специальных работ, то другие вопросы организационного устройства казахской армии исследованы в значительно меньшей степени. К их числу относится и проблема эволюционного развития военной организации казахов XVIII – первой половины XIX вв. К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть данный вопрос детально, поэтому ограничимся выделением основных этапов эволюции военной организации казахов, а также перечислением важнейших преобразований в военно-организационной сфере на каждом из них.

Анализ письменных источников позволяет выделить три основных этапа эволюции военной организации казахов XVIII – первой половины XIX вв.

Первый этап совпадает по времени с апогеем джунгаро-казахского противостояния (первая половина XVIII в.). На эволюцию военной организации казахов в данный период воздействовали несколько основных факторов. Важнейшими из них был кризис (и частичный демонтаж) десятичной системы организации войск вызванный прогрессирующей слабостью центральных властей, доминирование родо-племенной системы организации армии, а также необходимость противодействия масштабному вражескому нашествию.

Казахские вооруженные силы первой половины XVIII в. состояли из трех основных компонентов: ханских и султанских дружин, родовых ополчений, а также контингентов вассальных и союзных народов (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 139, 140). Самой малочисленной категорией были отряды дружинников-тюленгутов (людей лично зависимых от правителя). В этот период они еще не играли сколько-нибудь существенной роли в составе казахских вооруженных сил. Даже самые влиятельные казахские ханы первой половины XVIII в. в экстремальных обстоятельствах были вынуждены полагаться не на собственных крайне немногочисленных дружинников, а на лояльных им батыров и старшин с их родовыми отрядами. Ярким примером данного военно-политического феномена является ситуация с принятием казахами Младшего жуза российского подданства, когда защиту посланника Тевкелева и хана Абулхаира от нападения враждебных казахских отрядов осуществляли не тюленгуты хана, а воины батыра Букенбая (Казахско-русские отношения, 1961, с. 54–86). В большинстве письменных источников, фиксирующих состав казахских войск первой трети XVIII в., ханские и султанские дружины либо совершенно не упомянуты, либо указано, что они были крайне малочисленны. Резкий рост военно-политического значения тюленгутских дружин произойдет только во второй половине XVIII в. и будет связан с военными реформами хана Аблая.

Гораздо более заметную часть казахских войск составляли иноэтнические отряды, набранные из каракалпаков, башкир, киргизов, узбеков, таджиков и др. Особым многолюдством отличались каракалпакские ополчения. В отдельных военных походах первой трети XVIII в. численность каракалпаков под командованием казахских султанов и батыров превышала численность этнических казахов. Так, например, в 1724 г. под началом казахского батыра Исета Кулубая числился воинский отряд, который состоял из 757 чел., в том числе казахов – около 200 чел., каракалпаков – около 500 чел., а также нескольких десятков башкир (Бобров, 2011, с. 5).

Тем не менее, становым хребтом казахской армии, как и в предшествующую эпоху, продолжали оставаться родовые ополчения. Важное отличие казахского ополчения от своего джунгарского аналога заключалось в том, что мобилизация у джунгар проходила по приказу высшего военного командования и носила обязательный характер, в то время, как у казахов решение о созыве ополчения и участия в боевых действиях принималось родовой знатью. В результате, в военных походах участвовала лишь часть казахских родов, в то время, как другие предпочитали не ввязываться в вооруженный конфликт. Данный фактор оказывал значительное влияние, как на численность, так и на общую боеготовность казахских вооруженных сил. Современник событий И.К. Кириллов писал по этому поводу: «Все киргиз-кайсацкия орды с зенгорскими калмыками в непристойной войне и могли б тех калмык одолеть; ежели б обще согласились, а у них один хан с войною войдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмык теряют» (Казахско-русские отношения, 1961, с. 108).

Поголовное ополчение мужчин боеспособного возраста (получившее известное распространение в военной практике Джунгарии) было у казахов скорее исключением, чем правилом. Посетивший Младший жуз в середине 30-х гг. XVIII в. англичанин Д. Кэстль особо подчеркивал: «Оборона или нападение у казахов *не являлись всенародным делом* (здесь и далее курсив наш – Л.Б.). В походах участвуют мужчины и, в первую очередь, молодежь... На войне молодежью обычно командуют старшины, выполняя приказы хана» (Бобров, 2015). Еще более определенно о сборе казахского ополчения высказывались цинские военачальники: «В военных делах владетель советуется с народом; *нежелающего идти в поход не принуждают*» (Прошлое Казахстана, 1935, с. 153).

Причины данного феномена крылись в специфике структуры казахской армии, которая (в силу слабости центральной власти) была организована по родо-племенному принципу, в то время как более совершенная десятичная система сохранилась лишь фрагментарно (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 142). В рамках подобной организации войск степные роды выставляли отряды различной численности (сама численность зависела не только от мобилизационных возможностей рода, но и желаний/готовности родовой знати участвовать в конкретной военной компании). Командные посты были преимущественно выборными. Причем командующего (или командующих) армией избирала знать, а глав родовых подразделений («избранных начальников») представители того или иного рода. Командование армией обычно поручалось хану, султану или батыру проявившему себя в области военного искусства. Командиры родовых подразделений были обязаны подчиняться командующему, хотя и сохраняли определенную свободу действий и влияли на принятие военных решений: «Он (хан Абулхаир) командует вооруженными силами из 40 000 человек, но *не является самодержавным властителем, а зависит от советов старшин. Он исполняет то, что одобряют старшины. Право отдавать приказы имеют кроме хана еще и старшины*, которые все время находятся рядом с ним и которыми он командует. Они обычно происходят из хороших семей, являются мурзами, или князьями, беями, или дворянами, а также батурами, или героями» (Бобров, 2015).

Обратной стороной данного явления была излишняя самостоятельность родовой знати в ходе военной кампании. Главы родовых подразделений могли в любой момент увести свои отряды с театра боевых действий, ослабив действующую армию. В случае поражения вновь собрать войска в единый кулак было крайне сложно. И.-Г. Георги писал по этому поводу: «Когда воинственное странствование им наскучит, то они сами собою мало-по-малу возвращаются на прежние свои места, почему войско ежедневно тогда убывает... Ежели они в предприятии своем не успевают, или к тому еще и поражение претерпят, то всяк спешит ближайшею дорогою в свой улус» (Бобров, 2015). В качестве иллюстрации слов И.-Г. Георги можно привести летнюю военную кампанию 1717 г., когда многочисленная казахская армия буквально «растворилась» в степях уже после первого серьезного поражения у р. Аягоз. Ополченцы просто не вернулись под ханские знамена в результате чего «...Хаип-де хан остался только с двумя человеки и воротился до своего улуса...» (Бобров, 2009, с. 98,100).

Подобная ситуация наглядно демонстрировала слабость родо-племенной системы организации вооруженных сил. Современники оценивали мобилизационный потенциал трех казахских жузов первой половины XVIII в. в 100–280 тыс. чел., что превышало мобилизационные возможности Джунгарии (Бобров, 2015). Однако в условиях отсутствия сильной центральной власти, созыв многочисленной армии для большинства казахских ханов и султанов был непосильной задачей. Материалы письменных источников свидетельствуют, что численность казахских войск в военных компаниях первой половины XVIII в. редко превышала 5–8 тыс. чел. Только наиболее влиятельным правителям удава-

лось собрать армии большей численности. Так, хану Абулхаиру в экстремальных условиях 1723–1724 гг. удалось отобилизовать и направить против волжских калмыков казахско-каракалпакские войска численностью 10–15 тыс. чел. (Бобров, 2011, с. 4). Десятитысячной конницей оперировали в 1717 г. хан Абулхаир, а в 1733 г. хан Семеке. Двадцатитысячная армия под командованием Абулхаира действовала под Яицким городком в 1719 г. (Ерофеева, 2007, с. 152, 281). Самую большую армию, составленную из войск Младшего и Среднего жузов, собрал в 1717 г., при поддержке хана Каипа, все тот же Абулхаир. Она насчитывала около 30 тыс. воинов (Бобров, 2009, с. 87).

Военная подготовка бойцов казахского ополчения имела ряд важных особенностей, отличавшей ее от ойратского аналога. Если в джунгарских войсках существовала система военных смотров и мероприятий по боевому слаживанию различных воинских подразделений (а позднее и обучение войск по европейскому образцу), то индивидуальная и коллективная подготовка казахских воинов была построена по традиционной для степных сообществ схеме. Основные приемы и навыки оттачивались в рамках спортивных состязаний, охоты, барымты и «малой» степной войны. Это обеспечивало высокий уровень индивидуальной подготовки ополченцев, а также хороший уровень взаимодействия между воинами, набранными из одного рода и составляющих отдельный отряд. В тоже время, слабой стороной подготовки казахских войск было отсутствие эффективной системы боевого слаживания различных родовых подразделений, набранных из разных уголков Казахской степи. В условиях усиления центробежных тенденций облавные охоты с участием нескольких родов проходили все реже, в результате чего исчезала возможность отработки тактических маневров в рамках больших воинских групп. В конечном счете, это отражалось и на тактическом искусстве казахов – если в рамках родовых подразделений казахские воины действовали весьма эффективно, то между собой такие родовые отряды иногда взаимодействовали весьма неуверенно, что нередко оказывало влияние на ход всего сражения. Подобная ситуация приводила к интересному военному феномену, когда небольшие отряды казахского ополчения под руководством опытных батыров действовали более успешно, чем многотысячные армии составленные из нескольких родовых ополчений (Бобров, 2009).

Слабость центральной власти не позволяла казахским ханам и султанам создать на своей территории крупные железнорудные и железообрабатывающие центры, аналогичные джунгарским государственным мануфактурам. Задача обеспечения войск вооружением решалась за счет комплексного подхода, в рамках которого основная масса огнестрельного, длиннокалибрового оружия и доспехов импортировалась из-за границы (в основном из городов Мавераннахра), в то время как ресурсоемкие виды вооружения (древковое, короткокалибровое оружие, стрелковая амуниция и т.д.) изготавливались самими казахскими мастерами (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 121–124).

В отличие от казахских ханов правители централизованного Джунгарского хунтайджийства («Последней кочевой империи») сохранили десятичную систему организации войск. В первой половине XVIII в. джунгарские вооруженные силы находились на пике своих мобилизационных и военно-технических возможностей. Джунгарская армия входила в число наиболее подготовленных и боеспособных армий региона, о чем свидетельствовали многочисленные победы ойратов над войсками Цинской империи и успешное противодействие хорошо вооруженным регулярным корпусам Российского государства. Для того, чтобы успешно противостоять такому врагу требовались экстраординарные решения. И такие решения были найдены.

Главным ответом казахского общества на «джунгарский вызов» стало формирование всеказахского ополчения (конец 1726 – начало 1727 гг.). Это экстраординарное событие, сыграло исключительно важную роль в успехах казахских армий в военных кампаниях второй половины 20-х гг. XVIII в. Создание всеказахского ополчения позволило решить ряд важных организационных и военно-политических задач. Так, в частности, должна была значительно увеличиться численность казахских войск на театре боевых действий и повыситься управляемость армией. Создание единого командования принципиально улучшало координацию действий между отрядами ополчения, сражающимися в разных регионах Казахстана. Особое значение имел тот факт, что под началом Абулхаира был сформирована ударная армия, составленная из отборных воинов разных казахских родов. Это позволило сменить стратегию военной компании. Теперь казахские войска планомерно выдавливали джунгарские отряды с территории Казахстана ликвидируя крупные очаги сопротивления – джунгарские караульные крепости «шибэ». В конечном счете, данная стратегия оказалась успешной. Уничтожение или изгнание крупнейших джунгарских гарнизонов привело к тому, что ойратские войска были вынуждены покинуть большую часть оккупированных земель и перейти к обороне.

Другим важным явлением повысившим боеспособность казахских вооруженных сил стало бурное развитие института батырства, который стал важным организационным элементом, цементирующим и усиливавшим родо-племенную структуру казахской армии. Влиятельные батыры, имевшие богатый опыт участия в боевых действиях принимали командование над родовыми подразделениями, поддерживали дисциплину в войсках, участвовали в разработке и проведении боевых операций. Их авторитет и профессионализм, в определенной степени компенсировали структурные слабости родо-племенной системы организации войск (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 140–142).

Второй период эволюции военной организации казахов может быть локализован второй половиной XVIII – первой третью XIX вв. Главным содержанием данного периода является рост значения ханских и султанских дружин составленных из тюленгутов. В ходе разгрома Джунгарии и откочевки волжских калмыков в 1771 г. в плен к казахам попало большое количество ойратов, в том числе мужчин обладавших значительным боевым опытом. Они были включены в состав дружин казахской аристократии, что резко увеличило их численность и боеспособность. К ойратам добавились представители иных этнических групп, а также казахи, по тем или иным причинам порвавшие со своими родами. В результате численность некоторых тюленгутских отрядов возросла с нескольких десятков до нескольких сотен и даже тысяч воинов. Помимо прочего это привело к укреплению политического влияния тех степных правителей, которые сумели собрать под свои знамена наиболее многочисленные тюленгутские дружины. Наибольших успехов на данном поприще добился хан Аблай, который «...имел несколько тысяч семей тюленгутов, с помощью которых и воевал» (Курьлев, 1990, с. 13). Наличие многочисленной тюленгутской «гвардии» позволяло Аблаю уже не заискивать перед родовой знатью, вымаливая очередной отряд родового ополчения для грядущего похода, а разговаривать со старшинами с позиции силы. По отзывам современников и потомков, он «...сам судил виновных в непокорных аулах и сам со своими тюленгутами чинил расправу над ними» (Эпистолярное наследие..., 2014, с. 277). Вероятно, именно для управления тюленгутами в казахских войсках была возрождена десятичная система с соответствующей армейской управленческой структурой. По данным А.К. Кушкумбаева среди воинских командиров хана Аблая уже упоминаются «тысячники» и «сотники» (Кушкумбаев, 2001, с. 89), что может свидетельствовать о наличии в войсках Аблая отрядов по 100 и 1000 воинов. Таким образом, во второй половине XVIII в. структура казахских вооруженных сил претерпела значительные изменения. Теперь главным партнером казахских родовых ополчений становятся хорошо вооруженные и подготовленные дружины тюленгутов, в то время как значение отрядов набранных из союзных и вассальных народов существенно снижается.

В ходе военных операций второй половины XVIII в. казахские военачальники учитывали опыт создания всеказахского ополчения первой половины столетия. В походах против джунгар в 50-х гг. XVIII в. и волжских калмыков в 1771 г. войска разных казахских жузов активно взаимодействовали между собой. В решающие моменты противостояния численность казахских корпусов, действовавших против джунгар, исчислялась десятками тысяч всадников. Так, например, султан Аблай утверждал, что в компании 1754–1755 гг. действовало две больших казахских армии численностью 60 и 40 тыс. чел. соответственно (Эпистолярное наследие, 2014, с. 287). Данные цифры, скорее всего, сильно преувеличены, однако они отражают многочисленность казахского ополчения, действующего на джунгарском направлении в период крушения Ойратского государства.

Если отряды тюленгутов могли делиться по десятичному принципу, то основная масса казахских войск сохранила родо-племенную организацию, включавшую такой характерный элемент, как выборы командного состава. Я.П.Гавердовский сообщал по этому поводу в 1803 г.: «Испытанная храбрость и предприимчивость дает право быть предводителем, а общий глас народа определяет их жребий... *Стекились в единое место, все разделялись по партиям, и каждая, составивши свой круг, выбирала из среды своей храброго и отважного начальника.* Наконец, избранные сии особы назначили из своего общества двух родовых предводителей, известных опытною и мужеством. Один из оных должен был представлять главу воинства, или, лучше сказать, правителя совета, без которого никаких предприятий производить не позволялось, другому же поручалось хранение родового знамени. Если для военного предприятия шли несколько родов, то частные военачальники избирали четырех военных полководцев, из коих двое хранили главное знамя всей орды, а другие управляли советом» (История Казахстана, 2007. Т.5, с. 433, 434).

Управление войсками в бою осуществлялось с помощью устных приказов и знамен, причем первоначально каждый род имел знамя определенного цвета: «Прежде, когда в ордах господство-

вал порядок, каждый род на случай войны имел особенного цвета знамя или кусок бумажной материи, навязанный на пику. В отделениях, или аймаках, и тюрках были также распределены значки, цветом соответствующие родовому знамени. Они во время битвы служили вместо кормила для работоргующих. Толпы следовали всегда около своих знамен; где они видимы были, там более теснились воины и производили жестокою сечу. Как скоро воинство теряло их из глаз, то рассеивалось в беспорядке, считая себя побежденным. Нередко отважная храбрость и искусство от управления таковыми знаменами давала случай выигрывать сражение над сильными неприятелями» (Там же, с. 433)¹.

Реформированная казахская армия хорошо зарекомендовала себя в ходе военных кампаний второй половины XVIII в. Так, в частности, хану Аблаю удалось нанести ряд сокрушительных поражений войскам воинственных киргизских кочевников. Однако ослабление ханской власти и усиление центробежных тенденций внутри казахского общества после смерти Аблая, негативно сказались на военном потенциале казахских жузов, что проявилось в ходе военных конфликтов с Кокандом и Хивой в первой трети XIX в.

Третья волна военных реформ (40-е гг. XIX в.) была связана с деятельностью хана Кенесары Касымова и его приемников. Этот выдающийся казахский правитель, синтезировал традиционную степную военную организацию с элементами военных систем Российской империи и среднеазиатских государств. Итогом данных преобразований стал обновленный вариант десятичной системы, сохранивший все лучшие отличительные особенности данной формы организации войск, включая деление армии на отряды строго определенной численности спаянных суровой дисциплиной и вертикальной системой подчинения.

Основу войск Кенесары Касымова в первой половине 40-х гг. XIX в. составляли тюленгуты (преимущественно потомки ойратов) и примкнувшие к нему воины различных казахских родов. Согласно сообщению поручика Герна (1845 г.): «Скопище султана Кенесары Касымова состоит из собственных его теленгутов (до 1000 кибиток), которые достались ему в наследство от хана Аблая и большей частью калмыцкого происхождения и до 1000 же кибиток пришатнувшихся к нему бродяги барантовщиков из разных (казахских) родов... Кенесара действует неограниченно, за малейшее преступление наказывает смертью или рассечением головы, и потому страх к нему не имеет границы. Он говорит мало и каждое слово его исполняется буквально» (Национально-освободительная война, 1996, с. 399). За год до Герна штабс-капитан Фомаков отмечал о Кенесаре: «все окружающее он умел подчинить самой деспотической власти; войско его составлено из самых отчаянных голов, готовых на все; неповиновение или вообще неисполнение его воли, некоторая свобода в обращении наказывается немедленной мучительной смертью... Все это вооруженное скопище делится на сотни под командой юзбаша (сотников), де-башей (десятников). В каждой сотне есть знамя» (Казахско-русские отношения, 1961, 303, 304).

Для управления войсками Кенесарой был учрежден институт есаулов. В войсках были введены знаки различия. Так, например, представители командного состава («почетные люди») носили сабли в ножнах «в чехлах из красного сукна», кроме того, есаулы имели «...разные наружные отличия, состоящие из полотняных и бархатных лоскутков пришиваемых к плечу и груди» (Национально-освободительная война..., 1996, с. 401). Некоторые казахские военачальники щеголяли в «казацком штаб-офицерском платье в эполетах и шарфе» (Национально-освободительная война..., 1996, с. 284).

Для обеспечения тюленгутов и ополченцев оружием были организованы казенные оружейные («кунак-хан»). Согласно традиции каждый казахский ополченец должен был сам обеспечивать себя провиантом. Однако в условиях перманентного военного конфликта это было далеко не просто, поэтому Кенесары ввел элементы централизованного снабжения воинов продуктами питания (Там же, с. 400).

Важным направлением преобразований стала реформа боевой подготовки войск. Если ранее индивидуальная и коллективная подготовка казахских воинов была построена по традиционной для степных сообществ схеме², то Кенесары Касымов ввел систематическое обучение войск приемам владения различными видами вооружения. Посещавший воинский лагерь Кенесары киргиз-

¹ Необходимо отметить, что практика широкого использования родовых и аймачных знамен определенного цвета была широко распространена в XVIII в. Однако уже к началу XIX в. данный воинский обычай уже постепенно уходил в прошлое (История Казахстана..., 2007. Т.5, с., 434).

² Основные приемы и навыки оттачивались в рамках спортивных состязаний, охоты, барымты и «малой» степной войны.

ский посланник Калигул отмечал: «Около тысячи джигитов обучались меткой стрельбе, отдельные группы джигитов тренировались в рубке, а другие овладевали искусством пикирования» (Бекмаханов, 1992, с. 295).

Мероприятия в сфере совершенствования военной организации существенно повысили боеготовность войск Кенесары, что наглядно проявилось в ходе боев с российскими и кокандскими войсками и, особенно, в столкновениях с ополчениями казахских родов, сохранивших верность Российской империи.

Подводя итог, необходимо отметить, что на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. военная организация казахов претерпела значительные изменения. К началу рассматриваемого периода казахская армия была организована по родо-племенному принципу, в то время как десятичная система была сохранена лишь фрагментарно. Столкновение с джунгарской военной «машиной» привело к возрождению всеказахского ополчения и дало мощный импульс развитию института батырства. Опыт джунгарских войн не прошел бесследно и уже в середине XVIII в. в казахских войсках наметились тенденции возрождения десятичной системы. Главным нововведением данного периода был резкий численный рост ханских и султанских дружин тюленгутов, которые значительно усилили традиционную родо-племенную систему организации казахских войск. Высшей стадии развития казахские вооруженные силы достигли в период правления хана Кенесары Касымова, который довел до конца военную реформу, начатую его дедом ханом Аблаем. Армия Кенесары была организована на основе обновленной десятичной системы, разделена на подразделения по 10 и 100 чел. во главе с десятниками, сотниками и есаулами. В войсках внедрялась жесткая вертикальная система подчинения, основанная на суровой дисциплине. Важным нововведением Кенесары стала систематическая боевая подготовка воинов.

Завершение вхождения Казахстана в состав Российской империи (а впоследствии в состав СССР) положило начало новому этапу истории развития воинской традиции и военного искусства казахского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. 400 с.
2. Бобров Л.А. «И напали на них с копы жестоко...». Сражение на р. Аягуз (1717): предпосылки, ход, результаты // *Para-Bellum*, 2009, № 31. С. 67–104.
3. Бобров Л.А. «415 ушей в подарок губернатору». Битва в урочище Узени (1724): предпосылки, ход, результаты // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии, №2(3). 2011. С. 2–12.
4. Бобров Л.А. Современники о военном искусстве казахов XVII – XIX вв. Новосибирск: НГУ, 2015 (в печати).
5. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.
6. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
7. Ерофеева И.В. Институт батыров в структуре военной организации казахов-кочевников// Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Алматы: «Издательство ЛЕМ», 2010. С. 322–352.
8. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.: в 10 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2007б. Т. 5. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века – 619 с.
9. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сб. документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. 680 с.
10. Курьлев В.П. К вопросу об институте тюленгутов у казахов// Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 2. М.: Академия наук СССР, 1990. С. 3–31.
11. Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
12. Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). Алматы: «Гылым», 1996. 512 с.
13. Прошлое Казахстана в источниках и материалах V–XVIII вв. – М.; Алма-Ата: Наука, 1935. – 299 с.
14. Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов XVII–XIX вв. // Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX в. М.: Наука, 1969. С. 263–272.
15. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Т. I. Письма казахских правителей 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.

Л.А. Бобров

**ӘБЕЛХӘЕРДӘН КЕНӘСАРАГА КАДӘР КАЗАХ КҮЧМӘННӘРЕНЕҢ ХӘРБИ ТӨЗЕЛЕШЕ
(XVIII ГАСЫР – XIX ГАСЫРНЫҢ БЕРЕНЧЕ ЯРТЫСЫ)**

Мәкаләдә XVIII гасыр дәвамында һәм XIX йөзнең беренче яртысында казах күчмәннәренең гаскәри төзелеш үзгәрешләре карала. Бу чорда казах хәрби көчләренең эволюциясендә өч төп этап аерып чыгарыла. Беренче этапта (XVIII гасырның беренче яртысы) казах гаскәре ыру-кабилә принциплары буенча төзелгән була. XIII – XIV гасырлардан, Дәште Кыпчак күчмәннәреннән, казахларга мирас булып калган һәм тагын да камилләк гаскәргә унлыктардан төзү системасы XVIII гасыр башында фәкәт өлешчә генә сакланган була.

Калмак иле (жуангарлар) белән канкойкыч сугышлар бөтенказах опочениесен торгызуга китерә һәм батырлар институты үсешенә көчле этәргеч бирә. Бу чаралар ыру-кабилә системасы буенча гаскәр төзелешендәгә кайбер тискәре күренешләрне шомартырга мөмкинлек бирә һәм казах гаскәрен сугышчанлыгын шактый көчәйтә. Икенче этапның төп этәргече (XVIII гасырның икенче яртысы – XIX йөзнең беренче өч дистә елы) хан һәм солтан теленгүт дружиналарының эһәмияте артудан гыйбәрәт, алар бу заман хәрби кампанияләрендә кабилә ополченияләренең төп партнерына әверелә. Күпсанлы теленгүт дружиналары белән идарә итү зарурлыгы унлыктардан оешкан гаскәр системасын өлешчә торгызуга китерә. Казах гаскәри төзелешенең эволюциясендә өченче этабы (XIX гасырның 40нчы еллары) Кенәсары реформалары белән бәйле. Бу идарәчә үзенең отрядларында унлыктар системасының яңартылган вариантын кертә, кырыс хәрби дисциплина һәм вертикаль буйсыну системасын урнаштыра, үзгәртелгән тәэмин итү элементларын булдыра, даими хәрби хәзерлек тәртибен кертә. Яңартылган Кенәсары армиясе Россия империясенә тугрылык саклаган казах идарәчәләре гаскәрләре, шулай ук Россия казаклары, кокандлылар һәм кыргызлар белән бәйләнешләрдә югары дәрәжәдәгә хәрби осталыкларын күрсәтә.

Ачык сүзләр: Казахстан, казахлар сугыш сәнгате, казахлар гаскәри төзелеше.

L.A. Bobrov

**THE MILITARY ORGANIZATION OF THE KAZAKH NOMADS
FROM ABULKHAIR KHAN TO KENESARY KHAN
(18TH CENTURY – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIE)**

The article describes the features of the military organization of the Kazakh nomads during the first half of the XVIII-XIX centuries. There are three main stages of the evolution of the organization of the Kazakh armed forces. In the first phase (first half of the 18th century) the Kazakh army was organized on tribal lines. The improved organization of the troops' decimal system, inherited from the nomadic Kazakhs Desht-i Kipchak of the 13th–14th centuries. At the beginning of the 18th century, it was preserved only in fragments. The fierce war with Dzungaria led to the revival of All-Kazakh militia and gave a powerful impetus to the development of the Institute heroism (batyrstva). These measures helped to neutralize some of the negative side of the tribal system of the Kazakh army and significantly improved its fighting capacity. The main content of the second phase (second half XVIII – first third of the XIX centuries), was the increase of the significance of the Sultans' and khans' tyulenguts teams which become the main partner of the tribal militias during the military campaigns of the given period. The need for managing multiple squads' of tyulenguts leads to partial resuscitation of the decimal organization of the troops. The third phase of the evolution of the military organization of the Kazakhs (40-ies XIX century) was associated with the reforms Khan Kenesary. This ruler has entered into an updated version of the decimal system, installed harsh military discipline, rigid vertical chain of command, elements of centralized procurement, systematic military training. Kenesary's reformed army Kenesary showed a high level of combat readiness in the clashes with troops of the Kazakh rulers who remained faithful to the Russian Empire, as well as in the battles with the Russian Cossacks, Kokands and Kyrgyzs.

Keywords: Kazakhstan, Kazakh art of war, the military organization of the Kazakhs.

Сведения об авторе:

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент Кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск); E-mail: spsml@mail.ru

Бобров Леонид Александр улы – тарих фәннәре докторы, Новосибирск дәүләт университетының археология һәм этнография кафедрасы доценты (Новосибирск шәһәре).

Bobrov Leonid Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Novosibirsk).

УДК 94:327(477.7)

РУССКО-КРЫМСКИЙ ПОСОЛЬСКИЙ СЪЕЗД ПОД ЛИВНАМИ ОСЕНЬЮ 1593 ГОДА

© 2015 г. А.В. Виноградов

Статья посвящена поворотному моменту в русско-крымских отношениях последней четверти XVI века – русско-крымскому посольскому съезду под Ливнами, на котором было достигнуто предварительное мирное соглашение между Крымским ханством и Русским государством, закрепленное через полгода бахчисарайским договором 1594 года

Ключевые слова: русско-крымские отношения, Крымское ханство, посольский приказ, Гирей.

Позиция сторон летом 1593 года

К лету 1593 года русско-крымские отношения подошли к очередному повороту: продолжавшаяся с осени 1591 года взаимная дипломатическая игра двух сторон исчерпала себя; ситуация в двусторонних отношениях требовала принятия серьезных решений. Ключевой проблемой по-прежнему являлась отпуск в Крым вдовы Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея Ертуган, который должен был сопровождаться ликвидацией весьма опасного как для правящего хана, так и в целом для династии Гиреев «очага» крымской эмиграции, сложившегося на территории Русского государства во второй половине 80-х гг. Правительство московского царя Федора Ивановича во главе Борисом Федоровичем Годуновым, в руках которого сосредотачивались все нити руководства внешней политикой Русского государства, готово было пойти на «отпуск» Ертуган и даже части крымской эмиграции при условии принятия на себя обязательств крымской стороны об отказе от нападений на Русское государство. Шедшие в течении второй половины 1591 г. и всего 1592 г. «ссылки» между Москвой и Бахчисараем не привели к компромиссному решению (Виноградов, 2014, с. 18–39). Неопределенная ситуация в отношениях с Москвой усугублялась для хана Гази-Гирея II позицией Порты в вопросе о его дальнейшем нахождении на крымском престоле. Это, в свою очередь, зависело от политики Порты в отношении Русского государства, которая несла в себе определенные противоречия, что проявилось при активизации русско-османских дипломатических контактов с конца 1592 г. (посольство в Стамбул Г.Нащокина, ответная миссия в Москву Резвана чавуша), о чем было прекрасно известно в Бахчисарае¹. Порта была серьезно обеспокоена усилением позиций Русского государства на Кавказе и активизацией действий донского казачества против османских владений в низовьях Дона, в которой она не без оснований усматривала «руку Москвы» (Смирнов, 1946, т. 1, с. 148–149). С другой стороны, в Стамбуле уже к началу 1593 г. было принято решение о начале войны против австрийских Габсбургов. В этих условиях переговоры Г.Нащокина с великим везирем Синан-пашой выявили серьезную озабоченность Порты дипломатическими контактами Москвы с австрийскими Габсбургами. С 1592 года они, как известно, стремительно развивались. К моменту отбытия в Стамбул Г.Нащокина в Москве уже было известно о готовящемся посольстве М.Варкоча. Русский посланник в Стамбуле эти контакты не отрицал, так же как и продолжающиеся «ссылки» Москвы с Сефевидами, но согласно данному ему «наказу» подчеркивал, что русская сторона не намерена идти на открытой конфликт с Портой. В этом контексте Г.Нащокин также подтверждал продолжающиеся интенсивные «ссылки» Москвы с Крымом с тем, чтобы добиться «мира и дружбы» с ханом Гази-Гиреем II. Весной 1593 г. «ссылки» Москвы с Бахчисараем действительно активизировались: после приезда в Москву гонца Джан-паши мурзы в апреле в Крым был отправлен посланник С.Безобразов. Его миссия, завершившаяся на посольском съезде под Ливнами в ноябре 1593 г., привела к реальным сдвигам в русско-крымских отношениях (Виноградов, 2014, с. 40–44).

Позиция крымского хана Гази-Гирея II, разделяемая в целом лояльными ему остававшимися в Крыму представителями дома Гиреев и большей части политической элиты ханства, определялась необходимостью урегулировать отношения с Москвой до выступления крымской орды на театр

¹ Г.Нащокин традиционно в Стамбул и обратно следовал через Кафу.

военных действий против австрийских Габсбургов в Центральную Европу. Неизбежность вовлечения Крыма в начинавшийся военный конфликт стала очевидна после получения в конце июля – начала августа 1593 года послания хану от великого везира Синан-паши (Там же, с. 44).

Установление «доброго дела» между Москвой и Бахчисараем крымская сторона при активизации весной и летом 1593 г. русско-крымских дипломатических связей (миссия посланника С.Безобразова в Крым и ответная миссия посланника Ямгурчея аталыка в Москву) «официально» обуславливала следующими требованиями, частично ультимативного характера:

- отпуск вдовы Мурад-Гирея и Сеадет-Гирея Ертуган и всех лиц, входивших в состав ее «двора», и вообще всех «ближних людей» Мурад-Гирея, остававшихся в Русском государстве;
- выплата «предварительных поминок» и «запросов», как в материальном так и в денежных эквивалентах во время посольского размена для немедленной отсылки их в Крым;
- принятие на себя Москвой обязательств фиксированных выплат «поминок» после заключения русско-крымского «докончания» в Крыму.

Личная позиция хана Гази-Гирея II, обозначенная в его «тайных посланиях» как на имя государя Федора Ивановича так и на имя Б.Ф.Годунова (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед.хр. 20, лл. 30 об.–35 об., ед. хр. 18, лл. 234 об.–238) и во время «расспросов» 31 июля 1593 г. посольским дьяком А.Я.Щелкаловым, доставлявшим эти послания его эмиссара Ямгурчея-аталыка (Там же, ед. хр. 21, л. 19–20), связывала получение «запросов» в денежном эквиваленте с устойчивостью его положения на престоле. При этом если весной 1593 года речь шла о планах его смещения инспирируемых при султанском дворе его братьями Алп-Гиреем, Сахиб-Гиреем и Мубарк-Гиреем, в случае реализации которых он предполагал покинуть Крым и просить, как и его племянники в 1584–1586 гг., политической и даже военной поддержки Москвы, то к осени акценты в позиции хана изменились. Гази-Гирей II опасался, что после его отбытия на театр военных действий Москва может в какой-либо форме прийти к соглашению с габсбургской дипломатией и организовать нападения либо на «крымские улусы», либо на османские владения. В этом случае связанный установленным «добрым делом» с Москвой хан неизбежно будет смещен с престола Портой и физически уничтожен. Впрочем, все это проявилось только весной 1594 года после прибытия русского посольства князя М.А.Щербатова в Крым.

Позиция различных кланов крымской знати в отношении установления «доброго дела» с Москвой определялась по традиции стремлением взять под свой контроль ход русско-крымских «ссылок» с целью получения максимальных «материальных выгод». В лету 1593 года это ярко проявилось в интригах беков Дербиша Кулюкова и Ахмед-паши Яшлавского. Однако была еще и жесткая позиция Мансуров, возглавляемых Арсланаем «Дивеевым», клан которых находился на пике своего политического влияния.

Арсланай стремился строить свои отношения с Москвой практически самостоятельно, благо в его распоряжении находился сын Ертуган Девлет-Гиреей, отправленный к нему ханом фактически в качестве заложника.

Все это прекрасно осознавалось руководителями русской дипломатии – лично Борисом Федоровичем Годуновым, полностью державшим в своих руках ход русско-крымских ссылок и действующим с ним в теснейшей координации посольским дьяком Андреем Яковлевичем Щелкаловым. Общие контуры русской позиции были определены уже при отправлении С.Безобразова. Русская сторона дала согласие на неоднократно выдвигаемое с 1591 года предложение хана Гази-Гирея II обусловить проведение посольского размена проведением посольского съезда. Эта особая форма дипломатических «ссылок», при которой крымская сторона брала на себя предварительные обязательства отказа от враждебных действий в отношении Русского государства при условии немедленной передачи уже при посольском размене значительного количества «материальных ценностей» как в форме «поминок» Гиреям так и «жалования» крымской знати, была уже опробована в 1582 гг.

Согласование позиции по проведению посольского съезда

Вопрос о проведении посольских съездов уже давно рассматривался в переписке московских государей и крымских ханов.

Эта особая форма дипломатических переговоров начала активно практиковаться в последней четверти XVI века как в отношениях с Крымом, так и с Речью Посполитой. В дипломатических связях Москвы с Крымом посольские съезды зародились из формы размена посольств с сопутствующими переговорами. Инициатива этого принадлежала клану беков Яшлавских – московских

«амиаиатов « князей Сулешевых», которые, по замечанию С.О.Шмидта, уже в первой половине XVI века с целью убыстрения обмена посольствами выезжали к Путивлю, не дожидаясь приезда в Крым русского гонца с известиями, что русское посольство уже снаряжено и готово выехать навстречу крымскому (Шмидт, 1961, с. 373). В сентябре 1540 г. был предпринят первый опыт посольского размена с участием специального крымского представителя: «князь» Салимша сопровождал к Путивлю посольство Тагалды-мурзы для размена с посольством князя А.В.Кашина-Оболенского и отпускаемым крымским посольством своего брата «князя» Сулеша. С русской стороны размен осуществлял «Иван Ильин сын Челищев», специально отправленный к Путивлю 9 августа 1540 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 133). В эпоху Девлет-Гирея I, особенно после 1563 г. сложилось положение по которому посольский размен становился прерогативой рода «Сулешевых». Тогда «князь» Сулеш, столкнувшись с трудностями при организации размена посольства А.Ф.Нагого с задерживаемом в Москве посольством Джан-Болды при одновременном размене новыми посольствами предложил, чтобы его сын Мурад-мурза отправился «проводить» отпускаемое русское посольство к Путивлю и остался бы там дожидаясь отпущенного крымского посольства. Предложение, в принципе одобренное Иваном Грозным, было не реализовано, но к нему вернулись после 1576 г., в период нахождения в Крыму посланника Е.Л.Ржевского. Мураду «Сулешеву», уже в качестве главы клана Яшлавских, удалось к осени 1577 г. достигнуть одобрения этой формы посольского размена с его участием ханом Мухаммед-Гиреем II. Сам Мурад был назначен ханом «разменным» послом. Предусматривалось, что в случае успешного проведения посольского размена, он получит значительное «жалование». При этом с формальной стороны «князь» Мурад, прежде всего, заботился о безопасности посольского размена, так как и крымские и русские дипломаты подвергались в это время нападениям запорожских казаков. Первый посольский размен с участием «князя» Мурада – посольств Тягриберди-мурзы и князя В.В.Масальского – был сорван в феврале 1578 г. по вине крымской стороны, второй через несколько месяцев увенчался успехом. К сожалению, ход подготовки русской стороны к посольскому размену сохранился в составе русской посольской документации только за период январь и февраль месяцы 1578 г. в составе пятнадцатой крымской посольской книги в виде «наказной памяти» посольству князю В.В.Масальскому и многочисленных указных грамот путивльским воеводам. Русскому посольству вместе с отпущенными крымскими гонцами во главе с Девлет-Килдеем по прибытии в Путивль предписывалось находиться под усиленной охраной и не выезжать к реке Сейм (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 15, л.60). В случае, если ко времени их прибытия в Путивль уже будет известно, что крымское посольство находится на Сейме, к нему следовало отправить служивых татар с тем, чтобы договориться о дне размена (Там же, л. 60 об.). В случае желания Мурада Яшлавского немедленно осуществить размен следовало не препятствовать (Там же, л. 61 об). Русское посольство к месту размена должен был сопровождать значительный «эскорт» (Там же, л. 63 об.–64). Такой же «эскорт» должен был сопровождать от Сейма к Путивлю крымское посольство. В случае, если крымцы на Сейм не подойдут, следовало отправить им на встречу служивых татар, которые должны были «дождаться вестей» об их приближении. Сам размен следовало провести «не мешкая» (Там же, л. 64–64 об.). Однако «князю» Мураду необходимо было тотчас же вручить «государево жалование». Желательно, чтобы это жалование «в полном объеме» было доставлено ему с его «человеком»- гонцом, который находился среди прочих отпускаемых вместе с ханскими дипломатами представителей крымских кланов. В случае если, он не будет его дожидаться, «князю» Мураду следовало вручить только «кречатов». Кроме того, ему предназначались и «шубы», но они хранились в основной «посылке» – «казне», которая находилась под наблюдением дьяка А.Щепилова. (Там же, л. 65–65 об.). Кстати, «казну» следовало до последнего момента оставлять в Путивле. На размен отводился один день, при этом «князю» Мураду необходимо было прочитать речь «по государеву наказу». «Разменный посол» с русской стороны в при предполагаемом в начале 1578 г посольском съезде назначен. не был. Следующий размен посольств крымского во главе с его братом Арасланом и русского во главе с князем В.В.Масальским прошел в августе 1578 г. на реке Сейм под Путивлем.

Материалы по проведению посольского размена в августе 1578 г. в русской посольской документации отсутствуют, но отрывочные сведения о нем содержатся в донесениях князя Ф.И. Хворостинина о проведении посольского съезда в Ливнах 1593 г. Посольский размен занял один день и предварялся неоднократными уведомлениями крымцев о своем следовании к реке Сейм. «Князю» Мураду в качестве «разменного посла» от хана был придан вооруженный «эскорт» в несколько тысяч человек. Успех посольского размена, правда, в дальнейшем был сведен на нет фактическим провалом посольства Араслана-мурзы «Сулешева», но, тем не менее, оказал сильное воздействие на дальнейший ход дипломатических «ссылок».

Следующий посольский размен осуществился весной 1582 г. около Путивля, но о нем имеются только отрывочные сведения, главным образом, из разрядов и вновь из русской документации, посвященной подготовке и проведению посольского съезда осенью 1593 г. С русской стороны за него был ответственен думный дворянин Андрей Федорович Нагой (РК, 1550–1636, с. 342) и второстепенный дьяк Иван Шемякин (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 175 об.). С крымской стороны за размен вновь отвечал Мурад Яшлавский (РК, 1550–1636, с. 343).

Как и посольство князя В. В. Масальского в 1578 г., в 1582 г. «князь Михайло Федорович з государевою казною» стоял в Путивле и в «литовских в украинских» городах (Там же, с. 343). Посольство князя М.Ф.Барятинского было снаряжено основательно: «Послал государь в Крым посла своего князя Михаила Федоровича Борятинского. Да с ним дьяка Семейку Емельянова; да в дворенех брэнченом Василья Александра да из Смоленска Дмитрия Шушерина, да в провожатых до крымских улусов Офонасья Зиновьева с казаки да Офонасья Тютчева с стрельцы» (Там же, с. 342).

Фактически посольский размен 1582 г. завершился катастрофой – посольство князя М.Ф.Барятинского было погромлено запорожцами.

Посольский размен 1582 года уже отчетливо имел черты посольского съезда – помимо того что «для розмены» в Путивль был послан А.Ф.Нагой, «с ним же прислан з государевым жалованием, с платьем ко князем и мурзам, которые присланы на розмену, стряпчий Василий Борисов сын Сукин (Там же). В 1578 г. посольский размен проводил только Мурад «Сулешев», а в 1582 г. в нем участвовали представители и других крымских кланов. Достоверно известно, что там были Кулюковы – «князь Дербышевы дети» (Там же). Значительное количество «государева жалования», присланного специально представителям «крымской знати», прибывшим для «розмена», стало отныне непременным атрибутом последующих посольских съездов – разменов.

С 1589 г. крымская сторона уже стремится поставить вопрос о проведении посольских съездов в практическую плоскость. В посланиях хана Гази-Гирея II Б.Ф.Годунову и царю Федору Ивановичу предлагается предварить посольский размен переговорами с ответственными лицами московской администрации, причем крымская сторона даже настаивает на участии в них самого Б.Ф.Годунова. Со своей стороны, хан предлагает сначала кандидатуру Мурада Яшлавского, затем своего «первого министра» Моллакая Алея аталыка, потом его брата Монаш дувана и, наконец, вновь «князя» Мурада и «князя Дебыша Куликова». Для Мурада «Сулешева» организация посольского съезда превратилась в основную задачу. Его целью было окончательное утверждение этой прерогативы за его кланом. Усилия главы рода «Сулешевых» увенчались только частичным успехом. Москва в принципе приняла весной 1591 г. крымские предложения, но допускала, что они могут быть всего лишь отвлекающим маневром при предполагавшемся крымском нападении, что и произошло. Тем не менее, весной 1591 г. Мурад Яшлавский вместе с Дербышем Кулюковым действительно находился в районе Молочных вод с крымским посольством, что подтверждают донесения русского гонца Ивана Бибикова. Есть все основания предполагать, что он действительно должен был, в случае успеха крымского нападения, предъявить русской стороне крымские требования на посольском съезде. События развернулись, как известно, по другому сценарию: поход окончился неудачей, а сам Мурад умер при возвращении в Крым.

Тем не менее, вопрос о проведении посольского съезда по-прежнему являлся основой урегулирования русско-крымских отношений и главным предметом сложных переговоров дипломатических представителей двух сторон и в Москве и в Бахчисарае. В конце 1591 г., с приездом крымских эмиссаров Ямгурчей аталыка и Ибрагима Ази, крымская сторона начала осторожный зондаж относительно условий нового посольского съезда-размена. Подобная инициатива была весьма сдержанно встречена Б.Ф.Годуновым, однако в течении 1592 г. перспектива проведения посольского съезда стала приобретать реальные очертания.

В Бахчисарае позиция русской стороны была изложена при переговорах русского гонца М.Протопопова в мае – августе 1592 г. Русский гонец напомнил, что инициатива проведения переговоров «ближних людей» крымского хана и московского государя принадлежала крымской стороне: из послания, доставленного гонцом Аллобердеем в июле 1590 г., следовало, что хан «вскоре хотел отпустить ближнего своего человека Молла Аллея аталыка, и с ним вместе «в послех хотел послати Монаш Дувана к нашему украинному городу к Ливнам» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 19, л. 287). Протопопов напомнил также о напрасном ожидании посольства И.В.Траханионова в Новосили и затем в Ливнах вместе с назначенным для переговоров при размене окольничим С.Ф. Годуновым (Там же, л. 287 об.). Добрая воля Москвы проявилась в согласии на повторный съезд – размен после миссии в январе 1591 г. «князя» Иссея Кипчакского (вновь с посольством Монаш Дувана). Правда, ввиду смерти И.В.Траханиотова послом был назначен князь

М.А.Щербатов. При этом с русской стороны переговоры при размене должен был вновь вести С.Ф.Годунов вместе с казначеем Дементием Ивановичем Черемисовым, а хан назначил князей Мурад «Сулешева» и Дербыша «Куликова» (Там же, л. 288–288 об.). На этот раз русская сторона указала конкретные сроки: размен должен был состояться до мая месяца (Там же, л. 289). Вместо размена последовало нападение крымской орды на Москву. Озвученная Протопоповым внушительная история попыток проведения в 1590–1591 гг. русско-крымских посольских съездов-разменов предваряла требование гарантий со стороны хана в том, что, в случае согласия русской стороны посольский съезд-размен будет проведен «надлежащим образом». Собственно это же требование сохранилось и в грамотах хану от лица Федора Ивановича и от Б.Ф.Годунова.

Позиция Москвы была «услышана», но условия проведения посольского съезда опять не были согласованы. Впрочем, обе стороны уже четко определились в том, что без проведения посольского съезда посольский размен не состоится. После переговоров в Москве с очередным крымским эмиссаром Джан-пашой мурзой Б.Ф. Годунов отправил в апреле 1593 г. посланника С.Безобразова для определения конкретных намерений крымской стороны. Летом 1593 г. вопрос о посольском размене и посольском съезде был поставлен на практическую плоскость.

Окончательное решение о проведении русско-крымского посольского съезда было принято в ходе переговоров Б.Ф.Годунова с Ямгурчеем аталыком в контексте общей дипломатической ситуации в Москве в августе – октябре 1593 года.

Б.Ф.Годунов, считавший «приоритетным направлением» внешней политики Русского государства завершение конфликта со Шведской Коронай при сохранении перемирия с Речью Посполитой, считался и с усилившейся активностью габсбургской дипломатии в отношении Москвы с целью создания под эгидой австрийских Габсбургов единой антиосманской коалиции, включающей Русское государство и Сефевидов. Однако летом 1593 г. Борис Федорович убедился, что Сефевиды не будут возобновлять военную конфронтацию с Портой. В этих условиях конфронтация с Портой представлялась Годунову опасной и несвоевременной. Все склоняло фактического правителя Русского государства к установлению «добраго дела» с Крымским ханством.

Хотя позиция Бориса Федоровича Годунова была определена им во время его личных переговоров с Ямгурчеем аталыком, на нее, несомненно, повлияли переговоры с послом Сефевидов Хорсровом, затем в октябре – с имперским послом Варкочем. Кроме того, Годунов имел возможность использовать информацию, предоставленную вернувшимся из Стамбула Г.Нащокиным.

Позицию Б.Ф. Годунова при решении провести посольский съезд и направить в Крым посольство с целью заключения русско-крымского договора, судя по всему, определяли следующие соображения:

- необходимость урегулирования отношений с Крымом в долгосрочной перспективе при любом развитии событий, несмотря на судьбу правящего хана;
- использование фактора урегулирования отношений с Крымом при контактах с Портой;
- стремление направить «набеговую активность» Крыма в сторону Речи Посполитой в условиях начинавшейся войны Порты с австрийскими Габсбургами.

В «геополитическом отношении» Борис Федорович, исходя из результатов переговоров с имперскими и персидскими дипломатами, вероятно, считал, что вопрос о присоединении Русского государства к антиосманской коалиции следует рассматривать в ближайшей перспективе только гипотетически. Поэтому отвлечение сил Крымской Орды в Центральную Европу, причем на длительный период, представлялось весьма благоприятным фактором для активизации московской политики на других направлениях. Тем не менее, следовало учитывать любое развитие событий, включая очередную «ссору великую в Крымском юрте». В любом случае урегулирование отношений с Крымом должно было сопровождаться «тайными ссылками» с Гази-Гиреем II.

Годунов, несомненно, полагал, что русско-крымское урегулирование не должно было влиять на проведение активной политики на Кавказе. Мало того, он считал, что в условиях отвлечения Порты в Центральную Европу военно-политическая активность Москвы на Кавказе должна быть усилена. Показателем этого явилось отправление на Терек между июнем и началом сентября 1593 года значительных военных сил (до 15 тыс. человек) под командованием князя А.И.Хворостинина. Символично, что жесткую позицию Москвы относительно военного присутствия Москвы на Тереке на русско-крымском посольском съезде в ноябре 1593 г. излагал его брат князь Ф.И. Хворостинин.

Подготовка посольского съезда русской стороной в сентябре-октябре 1593 года

28 августа последовали переговоры Ямгурчя аталыка и Б.Ф.Годунова, на котором было окончательно согласовано проведение посольского съезда (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 54). Вскоре это решение о проведении посольского съезда было оформлено «приговором государя с бояры» (Там же, л. 63–64).

Фактическое исполнение «приговора» затянулось, с одной стороны, в связи с неопределенностью политического положения в Крыму, связанного с противоречиями между различными крымскими кланами, с другой стороны – в связи с напряженными дипломатическими переговорами, которые шли в Москве с имперским посольством Варкоча (Виноградов, 2014, с. 47–48).

В начале сентября последовали новые переговоры Ямгурчя аталыка с А.Я.Щелкалова на которых были выработаны дополнительные условия проведения посольского съезда и размена, в частности, предварительное приведение к шерти Ибрагим-паши – мурзы Яшлавского (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 64 об.–75). Одновременно с середины сентября подготавливался отпуск «царицы» Ертуган (Беляков-Виноградов, 2013, с. 48)².

В конце сентября в Москву были доставлены подлежащие отпуску крымские гонцы, в том числе Аллабердей «Сулешев», присланный в 1590 году для организации сорванного по вине крымской стороны посольского размена. А.Щелкалов уведомил его о предложении крымской стороны, причем информировал, что снаряженное еще в начале 1591 г. русское посольство до сих пор стоит наготове в Калуге и Болхове. В ответ Аллабердей посоветовал не затягивать размен до прихода «больших снегов». Затем последовал «приговор» о переводе в Москву части людей Мурад-Гирея. И все же русская сторона выжидала развития событий. Наконец, 1 октября в Ливны прибыли русские полоняники с известием, что крымское посольство вместе с С.Безобразовым вышло из Перекопа, а перед ним в Москву послан ханский эмиссар «князь Баубек Киятский». Имя нового крымского посла, правда, известно не было, но размен был возложен ханом на Ахмед-пашу мурзу «Сулешева». 4 октября в Ливны действительно прибыл «князь» Баубек с русским служилым татаринном, который доставил грамоты от С.Безобразова. Правительство уведомила воеводу С. Бутурлина о задержании в Ливнах крымских эмиссаров до получения точных сведений. Только после прибытия в Ливны толмача от С.Безобразова с подробными известиями вместе с очередным ханским гонцом и «человеком» от Ахмед-паши «Сулешева» Аллабердеем состоялся «приговор» об отправлении посольства князя М.А.Щербатова. В Ливны Бутурлину были даны новые инструкции – направить навстречу крымскому посольству детей боярских с уведомлением о скором прибытии к реке Сосна русского посольства. В случае задержки следовало сослаться на неясность намерений крымской стороны. Тем не менее, эмиссара Ахмед-паши «Сулешева» следовало не отпускать обратно навстречу крымцам, а содержать в Ливнах в «остроге» под строгим надзором («бережно»). Ханский посланник «князь» Баубек должен быть отправлен в Болхов, далее в Калугу и не допущен до Москвы. Потом его распорядились неспешно вести к Боровску. Гонца, отправленного от приближающегося к Ливнам посольства, сначала задержали в Калуге, а затем, до прояснения обстановки, также назад отправили в Болхов. Все это было изложено в целом потоке указных грамот ливенским и калужским воеводам, различным приставам (Там же, л. 120 об.–123, 125–127, 137 об.–138 об.; ИТУАК, №15, с. 92, 92–93, 93, 93–94). Кажущаяся хаотичность распоряжений русского правительства имела глубокие причины: стремление обеспечить предполагаемый отпуск знатных крымских эмигрантов и полоняников гарантиями достижения соглашения на фоне борьбы крымских кланов.

Напряженная обстановка ощущалась и среди отпускаемых крымских дипломатов. Это весьма ярко проявилось в ходе отпускной аудиенции у государя Ямгурчя аталыка и Аллабердея-мурзы «Сулешева» 16 октября. На аудиенции в объемной «речи» А.Я.Щелкалов изложил позицию русской стороны: крымские дипломаты отпускаются вместе с «царицей» Ертуган и «со всеми царевичевыми людьми»; брат Ахмед-паши «именитый московский пленник» Ибрагим-паша также отпускается; отпуск сына бека Дербыша Кулюкова Пашая-мурзы отдается «на его волю» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 139–140). Далее А.Я.Щелкалов объявил крымцам о назначении «разменными» послами князя Ф.И.Хворостинина и Б.Я.Бельского, которые должны привести к шерти под Ливнами Ахмед-пашу. В дальнейшем предполагается заключение «докончания», Московское по-

² «Приговор» об отправлении за «царицей» переводчика В.Степанова датирован 15 сентября (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед.хр. 20, л. 75). Выехали В.Степанов и приставы 20 сентября (Там же, л. 77 об.). В октябре Ертуган была доставлена в Москву.

сольство повезет в Крым «великие поминики» (Там же, л. 140–140 об.). В тот же день крымцы были препровождены в «Посольскую палату», где А.Я.Щелкалов «явил» им Ибрагим-мурзу «Сулешева» и Пашая-мурзу «Куликова» (Там же л. 145). Последовали длительные препирательства (Там же, л. 145 об.–151 об.). Пашай-мурза определенно сказал, что он остается в Москве. Аллабердей-мурза занял агрессивную позицию и заявил, что тот остается насильно. Мало того, он поставил ход посольского съезда в зависимость от отпуска Пашая-мурзы. Обстановка накалялась. А.Я.Щелкалов жестко осаживал Аллабердея-мурзу. Ямгурчей аталык осторожно пытался утихомирить «коллегу», но безуспешно. В ответ А.Я.Щелкалов намекнул на возможность пересмотра решения об отпуске Ибрагим-мурзы. Наконец, А.Я.Щелкалов, обвинив Аллабердея-мурзу в намеренном срыве «доброего дела», отпустил всех крымцев, кроме Ямгурчей аталыка, с которым удалился в «другую палату» с тем, чтобы поговорить с ним «тайно» (Там же, л. 151 об.–152). Ход «тайных» переговоров в посольскую книгу, к сожалению, внесен не был. Исходя из дальнейшего развития событий, можно предположить, что Ямгурчей аталык категорически отказался брать у А.Я.Щелкалова «тайные грамоты» к хану от имени государя Федора Ивановича и Б.Ф.Годунова, указывая, что не может гарантировать их сохранность. Действительно, на пути в Крым Ямгурчей аталык сильно рисковал из-за его конфликта с кланом Яшлавских. Послания были вручены послам, которые уже в Крыму тайно «в ночи» передали их Ямгурчею для передачи хану.

Следует обратить внимание на то, что русская сторона фактически «подставляла» Ямгурчей аталыка. Поведение посольского дьяка во время переговоров намеренно провоцировало Аллабердея-мурзу, но, очевидно, А.Я.Щелкалов имел инструкции от Б.Ф.Годунова.

В двадцатых числах октября, после того как стало известно о приближении крымцев к реке Сосна, где должен был проходить посольский съезд и размен, русское посольство князя М.А.Щербатова из Калуги двинула через Болхов и Новосиль к Ливнам (Там же, л. 349). Туда же, в Болхов, из Москвы была отправлена «царица» Ертуган со своими людьми. Ответственным за проведение посольского съезда «приговором государя з бояры» еще середине октября были назначены боярин князь Федор Иванович Хворостинин и бывший знаменитый фаворит Ивана Грозного оружейничий Богдан Яковлевич Бельский (Там же, л. 119 об.–120). Им придавался переводчик Посольского приказа Вельямин Степанов. Хворостинину и Бельскому надлежало следовать в Болхов, встретить там «царицу» Ертуган и отпускаемых крымских гонцов и двигаться на Новосиль. Основная часть «эскорта» должна была встретить их в Новосили. Следовало не допустить контактов в Болхове отпускаемых крымских гонцов с посланником Баубеком и «царицей» Ертуган. Все это было изложено в объемной указной грамоте Хворостинину и Бельскому (ИГУАК, №15, с. 90–91). Вскоре они получили подробные инструкции («наказную память») проведения посольского съезда и размена (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 186 об.–216 об). Главными чертами инструкций было следующее:

- русская сторона перед разменом ставила задачей проведения полномасштабных переговоров о «большом деле», т.е. о заключении русско-крымского договора;
- для обсуждения Хворостинину и Бельскому давался предварительный текст шертной записи;
- перед началом основных переговоров следовало определить их условия, приемлемые для обеих сторон, в связи с чем рассматривались различные варианты, не унижающие престиж;
- степень участия отпускаемых крымских представителей в переговорах зависела от позиции Ахмед-паши «Сулешева» и вообще от расстановки сил в крымском посольстве;
- в связи с этим предполагалось провести зондаж намерений крымской стороны путем выяснения вопроса о передаче жалования «крымским мурзам», находящимся в составе посольства, традиционным путем – путем составления их списка с Ахмед-пашой «Сулешевым»;
- Хворостинину и Бельскому следовало максимально использовать сведения, предоставляемые посланником С.Безобразовым, который должен принять участие в переговорах;
- следовало максимально обеспечить безопасность посольского съезда;
- вопрос о судьбе задерживаемых пока на подходе к Москве крымских гонцов ставился в зависимость от результатов переговоров;
- сам посольский размен должен был состояться только после завершения переговоров;
- вопрос об отпуске в Крым помимо первоначально присланных к Ливнам «Мурад-Киреевых людей» Ибрагим-мурзы «Сулешева» ставился в зависимость от хода переговоров.

В целом Хворостинин и Бельский действовали именно исходя из этой схемы и добились серьезных успехов.

В инструкции Хворостинину и Бельскому вносились коррективы. Наказная память была составлена 22 октября (Там же, л.168 об.). Между тем 28 октября в Москву прибыл гонец Ахмед-паши Аллобердей с «челобитьем об отпуске брата (Там же, л. 272). 29 октября состоялся приговор об отпуске Ибрагим-паши «Сулешева» (Там же, л. 277 об.), в связи с чем Хворостинину и Бельскому в тот же день были направлены новые инструкции – грамота от имени государя (Там же, л. 278–279 об.). Они предусматривали выполнение «челобитья» Ахмед-паши, которое «шурин наш слуга и конюший боярин воевода дворовый наместник Казанский и Астроханский Борис Федорович Годунов до нашего царского величества донес» (Там же, л. 278 об.) в качестве средства давления на организатора посольского размена с крымской стороны. 30 октября Ибрагим-паша был приведен к шерти в Москве (Там же, л. 279 об.) и в тот же день спешно выдворен из Москвы (Там же, л. 281). Вместе с ним был отпущен гонец Ахмед-паши – Аллабердей – с посланиями к нему от Годунова. Одновременно (т.е. 30 октября) Хворостинину и Бельскому была отправлена новая грамота (Там же, л. 295 об.–298 об.) с уведомлением о выезде именованного пленника, а также списки с грамот Годунова к его брату. Замечательно, что возможное недовольство отпуском Ибрагима-паши недоброжелателя «Сулешевых» Ямгурчей аталыка Хворостинину следовало «погасить» предоставлением ему новых даров (Там же, л. 298).

Шерть, принесенная Ибрагимом-пашой-мурзой «Сулешевым» (Там же, л. 279–279 об.), была опубликована Ф.Лашковым (ИТУАК, №9, док. №29, с. 43). Этот документ, несомненно, отражает не только личные обязательства именованного пленника, но и всего клана Яшлавских-«Сулешевых»: «И брату моему, Ахмед-паше князю, и мне, будучи в Крыме, с братью своею и со всем родством государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси и его землям хотети добро во всем» (Там же). Кроме того, шерть содержит недвусмысленные обязательства Ибрагима-паши-мурзы содействовать успеху посольского съезда и последующему заключению русско-крымского «докончания»: «и брату своему Ахмед паше князю говорити, чтоб он Казы Гирея царя на всякое добро наводил, и самому с ним и всему нашему родству о том радети, чтобы Казы Гирей царь на том правду учинил и вперёд на том стоял накрепко».

Окончательный «приговор» об отправлении в Крым посольства кн. М.А.Щербатова состоялся 30 октября (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 300).

Посольство Щербатова между тем пребывало в Новосили. Там же находились и Хворостинин с Бельским. Там же пребывала «царица» со своими людьми (56 человек) и немногие возвращающиеся в Крым приближенные Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея. Там же находились отпускаемые крымские гонцы во главе с Аллабердеем-мурзой Яшлавским и Ямгурчей аталык. Между тем крымское посольство уже прибыло на реку Сосна, о чем 2 ноября в Москве были получены донесения от ливенского воеводы Ивана Бутурлина (Там же, л. 443 об.). В тот же день Хворостинину и Бельскому отправляется третья грамота от имени государя с приказом немедленно («наспех») двигаться к Ливнам (Там же, л. 450 об.–453). Стремительное движение позволило русскому посольству и всем отпускаемым крымцам быть в Ливнах уже 4 ноября (Там же, л. 458; ед. хр. 21, л. 1 об.).

Подготовка к русско-крымскому посольскому съезду в Крыму

Как уже говорилось, последние донесения С.Безобразова были доставлены в Ливны в начале октября.

Отпуск Безобразова происходило в напряженной обстановке. Различные кланы крымской знати стремились включить в состав «разменного посольства» Ахмед-паши Яшлавского своих эмиссаров.

Безобразов выяснил, что наряду с Ахмед-пашой к шерти во время посольского съезда будут приведены представители (послы) калги Фетх-Гирея, его эмильдеш («молочный брат») Казы Байрам, Ак-мурза племянник, Арслана «Дивеева», Сулейман-мурза, сын неоднократно бывавшего «на Москве» в качестве гонца бека Иссея Кипчакского, двоюродный брат бека Дербыша, вероятно, сын его брата бека Касима Исмаил-мурза «Куликов». Официальным вторым «разменным послом», «заместителем» Ахмед-паши «Сулешева» являлся Джан Молла-мурза, однако, помимо этого хан направляет вместе с Ахмед-пашой свое очередное доверенное лицо.

Выбором своего эмиссара Гази-Гирей II в очередной раз продемонстрировал свои незаурядные качества мастера дипломатической интриги: им стал хорошо известный в Москве сын виднейшего казанского и крымского вельможи 40–60-х гг. Ак-Мухаммеда – оглана Ислам-оглан – «казанский новокрещенец князь Федор», большую часть своей жизни (с раннего детства) проведший в

Москве. Он вместе с братом прибыл туда в свите малолетнего Утямыш-Гирея³. Судьба его отца сложилась драматично: в бурных 50-х гг. он знавал падения и взлеты. Ак-Мухаммед-оглан (в русской посольской документации Ахмед-улан) прибыл в Казань из Крыма вместе с ханом Сафа-Гиреем. В этот период он постоянно упоминался в различных источниках, частично введенных в оборот И.В.Зайцевым (Зайцев, 2013, с. 146–147). Ак-Мухаммед-оглан вернулся в Крым в конце 1551 г. и занял видное место среди «ближних царевых людей» хана Девлет-Гирея I. Влияние Ак-Мухаммеда-оглана в Крыму сохранялось и в конце 60-х – начале 70-х гг. Русская посольская документация по связям с Крымом многократно упоминала Ак-Мухаммеда-оглана (Ахмед-улана) как «казанца» (РГАДА, ф. 123, оп.1, ед. хр. 14, л. 16). Ак-Мухаммед-оглан неоднократно просил хана Девлет-Гирея I содействовать отпуску из Москвы своих сыновей. Эти «просьбы» неоднократно оглашались крымскими гонцами в Москве. Так, на аудиенции у царевича Ивана Ивановича 5 июля 1565 г. гонец Акинчей исправлял «челобитье» «отпустить Ак-Магметовых детей» (Там же, ед. хр. 11 л. 348 об.). В доставленном в марте 1566 г. послании бека Сулеша Яшлавского Ивану Грозному московский «амиат» четко увязывал освобождение сыновей Ак-Мухаммеда-оглана с установлением «дружбы и любви» между Русским государством и Крымом. При этом Сулеш подчеркивал, что Ак-Мухаммед является аталыком второго сына хана Адыл-Гирея, а его удерживаемые в Москве сыновья – эмильдешами (молочными братьями «царевича») (Там же, ед. хр. 12, л. 113). В начале 70-х гг. в живых оставался один сын – «князь Федор».

В конечном итоге, «князь Федор» был отправлен в Крым в феврале 1572 г. с отпущенным гонцом Джан-Мухаммедом (Ян-Магметем), последним ханским гонцом, побывавшим в Русском государстве накануне крымского вторжения 1572 г. Отпуску «князя Федора» предшествовала переписка его отца с Иваном Грозным (Зайцев, 2013, с. 150–153). До 1593 г. «князь Федор» в русской посольской документации не упоминается.

Назначением Ислам-оглана хан решал несколько проблем. С одной стороны, «князь Федор», свободно владеющий русским языком, прекрасно знал московские реалии и лично был знаком со многими лицами (в том числе с проводившим размен с русской стороны Б.Бельским). С другой стороны, он «уравновешивал» неизбежные конфликты в крымском посольстве и среди сопровождающих его представителей различных крымских кланов. Однако главной его задачей являлось, судя по всему, добиться возвращения в Крым «царевичевых людей». Гази-Гирей II не без основания полагал, что Ямгурчей аталык не будет особенно усердствовать в решении этой проблемы: со многими представителями лиц из окружения Сеадет-Гирея, Мурад-Гирея и «царицы» Ертуган его связывали «особые отношения», сложившиеся за годы, проведенные на территории Русского государства.

И до, и после отправления из Крыма посольства Ишмамеля Ширинского шла глухая борьба всех крымских кланов за контроль над проведением посольского съезда. Официальным посланником с извещением об отправлении крымского посольства и отпуске С.Безобразова ханом был назначен бек Баубек Киятский, зять Дербыша Кулюкова, явно по его протекции. Это взбесило Ахмед-пашу «Сулешева», который опасался, что наряду с официальным ханским посланием Баубек может доставить личные послания Дербыша Кулюкова на имя государя Федора Ивановича и к Б.Ф.Годунову, которые могут содержать обвинения его в нелояльности по отношению к «доброму делу». Ахмед-паша Яшлавский по пути к Ливнам слал в Москву гонцов с требованием не допустить прибытия туда до отпуска Ямгурчей-аталыка и Аллабердея посланника бека Баубека Киятского. Один из этих гонцов Аллабердей почти догнал Баубека, но был задержан в Ливнах. Тем не менее, материалы его «расспросов» были доставлены в Москву. Б.Ф.Годунов счел необходимым согласиться на эту просьбу, и Баубек, следовавший в Москву, был задержан в Калуге, куда он прибыл 24 октября (ИТУАК, №14, с. 92). Затем посланник буквально за день до прибытия в Калугу отпускаемых Ямгурчей аталыка и Аллабердея-мурзы Яшлавского был отправлен в Боровск, где он и находился до момента прибытия в ноябре в Москву посольства «князя Ишмамеля Ширинского».

Сам же эмиссар Ахмед-паши Аллабердей, как мы видели, в конечном итоге прибыл в конце октября в Москву и доставил послания Ахмед-паши Б.Ф.Годунову.

Тем не менее, Ахмед-паша, не зная о благополучном исходе миссии своего эмиссара, продолжал проявлять исключительную нервозность. 27 октября в Москве было получено очередное доне-

³ В многочисленных обращениях хана Девлет-Гирея I, его старших сыновей и московского «амиата» бека Сулеша Яшлавского в 60-х гг. к Ивану Грозному с «просьбами» освободить сыновей Ак-Мухаммеда-оглана речь определенно идет о двух сыновьях [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 12, л. 113 об.].

сение ливенского воеводы И.М.Бутурлина о том, что ему через толмача посланника С.Безобразова доставлены две «грамоты татарским» письмом» от Ахмед-паши к Б.Ф.Годунову (Там же, с. 94). Разбираться с ними у Бориса Федоровича уже не было времени. Было ясно, что на посольском съезде произойдет столкновение интересов различных крымских кланов. Это одновременно и облегчало, и усложняло действия русской дипломатии. Все зависело от того, насколько Хворостинин и Бельский сумеют использовать противоречия среди представленной на посольском съезде самих представителей крымской знати.

Ход посольского съезда под Ливнами

Русское посольство к реке Сосна опоздало примерно на неделю и прибыло туда 4 ноября (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 458–458 об.)⁴. В связи с этим крымская сторона уже при первых контактах с эмиссарами, посланными за реку Сосна ливенским воеводой И. М.Бутурлиным, выразила резкое недовольство. При этом была получена информация С.Безобразова о трудном положении Ахмед-паши Сулешева, поставившего на организацию размена весь свой престиж и опасавшегося его срыва.

Хворостинин и Бельский незамедлительно начали переговоры, первоначально послав 4 ноября в крымский лагерь своих эмиссаров – стрелецкого голову Леонтия Лодыженского и переводчика Вельямина Степанова (Там же, ед.хр. 20, л. 458 об.; ед.хр. 21, л.2).

Хворостинин и Бельский предлагали Ахмед-паше с теми лицами из его свиты, «которым можно верить», прибыть на переговоры о «большом деле» на другой берег Сосны (Там же, ед.хр. 21, л. 5–5 об.). При этом Ахмеда-пашу информировали о скором прибытии к Сосне его отпущенного брата Ибрагим-паши (Там же, л.6.).

Русские эмиссары столкнулись с явным нежеланием Ахмед-паши переезжать на другой берег, причем не сколько из соображений безопасности, столько – престижа. При этом Ахмед-паша ссылался на факт приезда «на крымскую сторону» к его брату Мураду, сопровождавшего посольство князя М.Ф.Барятинского Андрея Нагого при размене на Сейме в 1582 г. (Там же, л. 6 об.). Ахмед-паша, в свою очередь, предлагал Хворостинину и Бельскому прибыть на «крымский» берег Сосны причем с «немногими людьми» (Там же, л. 8 об.). Русские эмиссары ответили категорическим отказом (Там же, л. 9).

Для ведения переговоров Ахмед-паша 6 ноября прислал в русский лагерь своего «заместителя» Джан Моллу-мурзу. Последний вновь повторил ссылки на предшествующие размены, передав мнение Ахмед-паши, что он «своего брата Мурада-князя не хуже» (Там же, л. 11 об.). Хворостинин и Бельский жестко ответили, что ссылки на прежние обычаи не могут в данном случае иметь место, так как теперь речь идет не просто о размене, а о переговорах «о большом деле». Переговоры зашли в тупик. В тот же день Джан Молла-мурза вторично посетил русский стан, вновь повторив крымские требования (Там же, л. 16). Его сопровождал русский толмач, с которым была доставлена грамота от находящегося в крымском лагере Семена Безобразова. Последний сообщал, что крымцы находятся у реки уже 17 дней, обстановка в их стане весьма напряженная, так как часть мурз требует срыва размена и ухода в Крым. Безобразов сообщил, что только что имел обо всем этом тяжелый разговор с Ахмед-пашой (Там же, л. 18 об.).

7 ноября с утра послы планировали вновь послать за реку к крымцам стрелецкого сотника Лодыжинского. Тут весьма кстати прибыло известие об отпуске Ибрагима-паши (Там же, л. 19 об.). Послам была доставлена грамота от государя. Ибрагим-пашу предписывалось держать в Ливнах в «костроге», но немедленно известить об этом крымскую сторону (Там же, л.20). Хворостинин и Бельский отправили в крымский лагерь отпущенного из Москвы вместе с Ибрагимом-пашой «человека» «Сулешевых» – Аллабердея, ездившего с «челобитьем» об освобождении Ибрагим-паши с грамотами к Ахмед-паше от Б.Ф.Годунова (Там же, л. 20 об.). Прибытие Аллабердея с известием об отпуске Ибрагима-паши к крымцам имело неожиданный эффект; поступили сведения, что крымцы «идут полком» к Сосне. Затем в русский лагерь вновь прибыл Джан Мола-мурза, сопровождаемый С.Безобразовым (Там же, ед. хр. 20, л. 470 об.: ед. хр. 21, л. 21 об.). Джан Молла-мурза потребовал от послов немедленно ехать к реке и сообщить Ахмед-паше, когда к нему будет доставлен брат. Джан Молла-мурза также предложил послам ехать за реку для переговоров. Перего-

⁴ О ходе посольского съезда в русской посольской документации сохранились предварительные донесения послов: статейный список (Там же, ед. хр. 20, л. 458-466) и грамоты на имя государя (Там же, л. 467–469, 486 об–489). По возвращении был представлен итоговой статейный список (Там же, ед. хр. 21, л. 1–184).

воры не принесли успеха. Аргументы русской стороны, что река Сосна «не рубеж по обе стороны реки сосны земля государева», не возымели действия (Там же, ед. хр. 20, л. 472; ед. хр. 21, л. 24). Оставшийся в русском лагере С.Безобразов подтвердил Хворостинину и Бельскому принципиальный для Ахмеда-паши характер ситуации: даже если «реку Сосну запрудити золотом и отца его Сулеша князя из земли живым на берегу поставити и царицу Ер Туган и брата его Ибрагим-пашу» все равно он не намерен ехать «на ту сторону» (Там же, ед. хр. 20, л. 473). Те же аргументы Ахмед-паша повторил вновь отправленным к нему русским эмиссарам Л.Лодыжинскому и В.Степанову в своем лагере (Там же, ед. хр. 20, л. 476 об.; ед. хр. 21, л. 25 об.–27). В довершении всего, при получении грамот от государя и «государева шурина» глава рода «Сулешевых» не снял шапку, что он, впрочем, объяснил «мусульманским обычаем». Вечером вновь в русский лагерь прибыл Джан Молла-мурза с тем, чтобы вновь звать Хворостинина и Бельского «за реку» (Там же, ед. хр. 21, л. 27–27 об.). Ситуация стала приобретать тупиковый характер. Тогда в лагерь из Ливен были вызваны Ямгурчей аталык и Аллабердей-мурза, которых послы проинформировали о сложившейся ситуации (Там же, л. 29–29 об.). Попытки прибегнуть к помощи Ямгурчей-аталыка не принесли успеха: он посоветовал отправить к крымцам Аллабердея-мурзу. Последний также отказался (Там же, л. 30 об.). Встреча послов с двумя отпускаемыми из Москвы крымскими гонцами утром 8 ноября вообще выявила тяжелый конфликт между ними, вылившийся в ожесточенную перебранку (Там же, л. 31–33). После того, как крымцы были отправлены обратно в Ливны, послы устроили совещание с Безобразовым. Последний исхитрялся все это время получать информацию о ситуации в крымском лагере. Он сообщил, что по сведениям, доставленным ему «человеком» Ислам-оглана («князя Федора»), Ямгурчей аталык якобы отправил к Ахмед-паше послание, в котором советовал не соглашаться на русские предложения.

В этой ситуации русская сторона сделала ряд встречных шагов. «За реку» в очередной раз был отправлен Лодыжинский (Там же, л. 34). В принципе, Хворостинин и Бельский согласились поставить шатер для переговоров «на их стороне». Однако и здесь глава рода Сулешевых проявил неуступчивость: он не желал приезжать к ожидавшимся его русским представителям. Речь могла идти только об одновременном «съезде». Мало того, глава рода «Сулешевых» потребовал отвести русские воинские контингенты от реки.

Было решено запросить Москву, куда были отправлены развернутые донесения Хворостинина и Бельского (Там же, ед. хр. 20, л. 458–466). Первоначальная реакция Москвы была негативной: «о том вы бы Ахмед-паше сказали что на Сосне о таких великих делах говорити не пригоже». Б.Ф. Годунов отдал предпочтение в принципе давно рассматриваемому варианту встречи на мосту через Сосну.

Однако, еще до получения инструкции, вечером 8 ноября после напряженных переговоров, была достигнута договоренность о встрече на мосту. Вначале на совещании всех послов, включая прибывших из Ливен князя М.А.Щербатова и дьяка Блохина, было принято решение предложить крымцам встретиться на плотках посреди реки. Затем было предложено провести переговоры на мосту, с этим предложением в крымский лагерь второй раз за день были отправлены Лодыжинской и Степанов (Там же, ед. хр. 21, л. 37)⁵.

Ахмед-паша в конфиденциальном порядке был извещен о количестве предназначенного ему «жалования». Наконец, вечером вернувшиеся Лодыжинский и Степанов сообщили о согласии Ахмед-паши встретиться на мосту.

Посольский съезд состоялся 9 ноября «на мосту» и ознаменовался предварительными переговорами в традиционной форме произнесения обеими сторонами «речей», принесением шерти, а также переговорами уже «в шатрах» (Там же, ед. хр. 21, л. 38 об.).

При этом крымская сторона проявила исключительную неуступчивость при определении количества вооруженного «эскорта», сопровождающего Ахмед-пашу «Сулешева» и Хворостинина и Бельского к месту встречи. Почти полдня заняли препирательства русских дипломатов с эмиссаром Ахмед-паши Джан Моллой-мурзой, который требовал, чтобы русские представители съехались с «немногими людьми». В конечном итоге количество «эскорта» было определено в 18 человек.

В результате переговоры происходили на мосту через Сосну. Там же крымцы принесли шерть. Только после этого Ахмед-паша проследовал на русскую сторону, где в шатрах ему был представ-

⁵ Вопрос о том, стоял ли этот мост до прибытия посольств или он был поставлен в эти дни в русской посольской документации, не прояснен.

лен его брат Ибрагим-паша. Там же состоялся пир с обменом приветственными «речами» и было вручено государево «жалование».

На переговоры Ахмед-паша Сулешев прибыл во главе значительной свиты крымских мурз, включавших в себя представителей наиболее известных крымских фамилий, в том числе «Куликовых» и «Дивеевых». Присутствовали эмиссар калги Фетх-Гирея, его эмильдеш Казы Байрам и Ислам-оглан, единственный из присутствующих свободно понимавший русскую речь. Однако переговоры Ахмед-паша, сам хоть и плохо владеющий русским языком, вел фактически единолично. Они были весьма продолжительными и носили напряженный характер. После обмена «речами» и констатации цели посольского съезда – достижения «великого дела»: заключения русско-крымского договора о «вечном мире» – обсуждались три главных вопроса, на решении которых настаивала крымская сторона: материального (количество «великих поминок», присылка «запросных денег» и выдача непосредственно теперь «государева жалования»), о возврате в Крым задерживаемых в Москве представителей крымской знати и о ситуации в связи с нападениями донских казаков на Азов. Последняя тема возникла в конце переговоров, уже после принесения шерти.

Русская сторона во время этих переговоров проявила себя более успешно. Хворостинину и Бельскому удалось дезавуировать основное требование крымцев – ежегодную присылку 10 тысяч рублей хану при каждом новом посольском размене после заключения «докончания». Согласие дано было в очень неопределенной форме. Впоследствии Ахмед-паша «Сулешев» неоднократно возвращался в Крыму к обстоятельствам переговоров и принесения им «шерти» на «съезде» упрекая русских послов в обмане.

Церемония принесения шерти крымцами состоялась также на мосту через Сосну (Там же, л. 56 об.)⁶.

Шерть («Шертаная запись»), принесенная 9 ноября Ахмедом-пашой и эмиссарами крымских кланов, содержащаяся в составе двадцать первой крымской посольской книги, как известно, опубликована Ф.Лашковым (ИТУАК, №9, №30, с.44–45).

Порядок приведения к шерти после Ахмед-паши крымских эмиссаров был следующим: Казы Байрам, эмильдеш калги Фетх-Гирея, Исмаил-мурза Кулюков, Ак-мурза, «Арасланая Дивеева племянник», Якши-улан, Ислам-улан, «Акмагмет уланов сын» (Исмаил оглан), Сулейман-мурза, «Иссееев княжий сын», Зиан-паша мурза «Амашуков», Джан-Молла (Янмолла-мурза) (Там же, с. 44). Таким образом, эмиссар калги шертовал вторым, представитель клана Кулюковых – третьим, клана Мансуров – четвертым, личный эмиссар хана – «казанкий новокрещенец» Ислам-оглан – пятым. Шерть была принесена «за государя своего Казы Гирея царя и калгу Фети Гирея царевича и за все царевичи и за весь Крым и за Арасланаев улус Дивеева». Упоминание в шерти Дивеева улуса фактически как особого государственного образования под властью Гиреев имело особое значение, на что неоднократно обращалось внимание в отечественной историографии (Трепавлов, 2001, с. 363).

Принесенная крымцами шерть содержала обязательство крымской стороны об отказе от нападений на Русское государство. При этом, отказ от нападений распространялся и на мурз Арсланаева улуса: «и на государеву землю войною самому царю не ходити, и царевичей, и князей и мурз с Крымскими людьми, и нагайских мурз Арасланай мурзы Дивеева с братьею, и с детьми и с племянниками с Нагайскими людьми никого не посылати» (ИТУАК, №9, с. 44).

Важным было обязательство крымской стороны обеспечивать безопасное следование посольства князя М.А.Щербатова в Крым.

Шерть фактически фиксировала порядок заключения русско-крымского договора, однако, в форме личных обязательств Ахмед-паши, который должен был по возвращении в Крым «говорити» хану, чтобы он «велел шертную грамоту написати с того списка. каков с послы прислан, и печать свою золотую к той грамоте приложил и на той бы шертной грамоте Казы-Гирей царь в головах и калга Фети Гирей царевич и все царевичи и князи и мурзы правду дали, и тое бы грамоту Казы Гирей царь с своею золотую печатью дал государевым послам, и их к государю отпустил не задержав, и своих послов к государю послал с ними вместе» (Там же, с. 45).

Детальная роспись заключения «докончания» с упоминанием «золотого нишана» была традиционной для русской посольской документации XVI столетия, но изначально трудновыполнимой, в чем собственно и заключался смысл обязательств перед Москвой главы клана Яшлавских.

Ахмед-паша действительно брал на себя не только личные обязательства. но и всего клана Яшлавских: «так же и мне Ахмед паше князю и братье моей и всему моему родству, будучи в

⁶ Подробностей этой важнейшей церемонии в статейном списке отсутствуют.

Крыму, великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руссии и его землям хотети добра во всем, и государя своего Казы Гирея царя калгу и царевичей, и князей, и мурз крымских на всякое добро наводити, чтобы Казы Гирей царь был с государем царем и великим князем Федором Ивановичем всеа Руссии в братстве и в дружбе в крепкой, и в любви на веки неподвижно, а лиха мне, и братье моей, и всему родству моему государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руссии и его землям, будучи в Крыму никакого не чинить, ни думати ни мыслити никоторого хитростью по сей шерстной записи, как в ней писано» (Там же).

Противоречия в шерти 9 ноября между личными обязательствами клана Яшлавских-«Сулешевых» и интересами других крымских кланов, не говоря уже о интересах хана Гази-Гирея и калги были очевидны. Несомненно, что крымская сторона, прежде всего, рассматривала шерть в плане личных обязательств Ахмед-паши, что через несколько месяцев вылилось в тяжелую ситуацию на переговорах М.А. Щербатова в Крыму.

После принесения шерти послы собирались пригласить крымцев в шатры, но внезапно Ахмед-паша вновь начал говорить. В «речах» Ахмед-паши зазвучали новые нотки: он огласил претензии Порты относительно «тесноты» Азову со стороны казаков и напомнил, что хан неоднократно просил их «убрать» с Дона (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 21, л. 57 об.–58). Кроме того, «черкасы» чинят «обиды и тесноты» османским владениям «с Днепра». Наконец, был поднят вопрос о «городах на Тереке». Последовала жесткая отповедь послов, которые в обширной «речи» изложили традиционную позицию русской стороны (Там же, л. 58–61).

- «тесноту» Азову казаки с Дону чинят «без государева ведома»;
- нападения на османские владения «с Днепра» чинят «запорожские черкасы с литовскими казаками», на которых московский государь вообще не имеет влияния;
- все претензии «турского салтана» уже выслушаны посланником Г.Нащокиным и переданы государю;
- вопрос о «городах на Тереке» вообще не подлежит обсуждению, так как они поставлены «по челобитию» кабардинских князей, которые служили еще «отцу государя нашего» и «государю нашему служат»;
- вопрос о «дороге турским людям «в Шемаху» является предметом обсуждения между «государем нашим и турским салтаном»;
- «турского салтана людям» по итогам «ссылок» между Москвой и Стамбулом «помехи и тесноты чинится не будет».

Тогда Ахмед-паша начал пространно вещать о многочисленных чавушах, прибывающих «к царю от турского салтана» с требованием снести «города на Тереке», и заявил, что «турского салтана государю вашему раздражать не подобает» (Там же, л. 61–62).

Послы завершили дискуссию жестким заявлением, что у них «нет приказу» от государя говорить о таких делах (Там же, л. 62–62 об.). В ответ Ахмед-паша сделал неожиданное заявление, что и у него нет «приказу от царя говорить о таких делах» (Там же, л. 62 об.).

Вторая фаза переговоров прошла в шатрах при торжественном представлении Ахмед-паши брата Ибрагим-паши и непосредственно во время пира, устроенного всем приносившим шерть крымцам (Там же, л. 63–65 об.). Ахмед-паша изъявлял многочисленные благодарности московскому государю и получил в ответ достаточно жесткое пожелание от имени государя, чтобы он и дальше «служил» ему в Крыму. Крымская знать во время пира помалкивала. На следующий день решено было осуществить посольский размен.

Размен посольств 10 ноября проходил в несколько этапов, связанных с трудностью переправы через Сосну большого скопления людей и лошадей, и занял весь день.

В день размена возникли дополнительные трудности. Сначала Ахмед-паша «Сулешев» требовал увеличения «жалования», участвовавшим накануне в посольском съезде крымской знати. Затем начался конфликт с «князем Ишмаметем Ширинским», также требовавшим вручения ему «жалования» еще до перехода через реку Сосна. Последовали длительные препирательства, причем все это время оба посольства с обозом и «эскортом» стояли на обоих берегах. Переговоры, или точнее перебранка, Хворостинина и Бельского с Ахмед-пашой и «князем Ишмаметем Ширинским» продолжалась несколько часов (Там же, л. 66 об.–68 об.). В конечном итоге, решено было вновь «съехаться» после посольского размена.

Наконец, размен состоялся. Крымские и русские посольства перебрались через Сосну. Первыми двинулись крымцы, затем посольство князя М.А.Щербатова. За ним двинулись обозы с «поминками» и «жалованием», а потом уже отпускаемые крымцы. Отпущенные крымцы переправля-

лись в следующем порядке: сначала «царица» со свитой, потом Аллабердей-мурза с отпускаемыми гонцами от «крымской знати и «царевичей» и, наконец, Ямгурчей аталык. Последний имел время для окончательного выяснения отношений с князем Ф.И.Хворостининым о своем отказе выполнять обязательства содействия размену, принятого им в Москве. Ямгурчей аталык заявил, что, в случае его появления в крымском стане до размена, его просто напросто могли «зарезать» и что вообще «не ведает» доберется ли он живым до Крыма (Там же, л. 72 об.). На этой «оптимистичной ноте» эмиссар Гази-Гирея II завершил свою вторую миссию в Москву.

По прибытии «на русскую сторону» крымский посол «князь Ишмамать Ширинский» был немедленно препровожден в шатер, где ему было вручено государево жалование.

В соответствии с данным им «наказом» Хворостинин и Бельский в максимально короткий срок отправили крымское посольство в Москву. Удалить крымцов с берегов Сосны в Ливны удалось только 12 ноября (Там же, л. 73 об.). Сами послы остались.

Ахмед-паша «Сулешев» не спешил покидать берега реки Сосна. В тот же день, 12 ноября, он возобновил контакты с Хворостининым и Бельским, требуя увеличения количества государева «жалования», приносившим шерт эмиссарам крымских кланов (Там же, л. 74–74 об.). Ожесточенные препирательства шли весь день, через В.Степанова, многократно ездившего за реку. Ахмед-паша явно опасался, что его обвинят в чрезмерном получении «жалования». Особо он опасался эмильдеша Фетх-Гирея. Впрочем, боялся он и Исмаила-мурзы Кулюкова.

Затем разразился конфликт по поводу «двора» Ертуган и крымской эмиграции. 13 ноября из за Сосны пожаловал Ислам-оглан – «князь Федор» (Там же, л. 76 об.) с претензиями особого характера. Выяснилось, что многие ключевые фигуры из окружения Мурад-Гирея, такие как «Елмамет-аталык» и «князь» Янтимир, отказались возвращаться в Крым (Там же, л. 78 об.). Послы заняли жесткую позицию, напомнив, что заранее был обусловлен добровольный характер возвращения «царевичевых ближних людей» (Там же, л. 79 об.). Тогда «князь Федор» также выразил недовольство количеством «жалования». В тот же день за Сосну был послан Вельямин Степанов с обещанием присылки дополнительного «жалования» (Там же, л. 80 об.). Однако вскоре он вернулся, заявив, что Ахмед-паша требует в очередной раз «съехаться». Послы вновь оказались у реки и имели многочасовую бурную дискуссию с подъехавшим Ахмед-пашой относительно количества «жалования» (Там же, л. 81–83). В конечном итоге Ахмед-паша был «удовлетворен» обещаниями, что очередное «жалование» будет доставлено завтра, и только после этого, явившись в обоз посольства М.А.Щербатова, объявил, что завтра же они покинут берега Сосны. Тем не менее, в разговоре с князем М.А.Щербатовым Ахмед-паша обвинил русскую сторону в задержании посланного им в Москву с дороги гонца и обрушился с нападками на Хворостинина и Бельского (Там же, л. 189 об.–190).

В итоге, 14 ноября «на прощание» на другой берег реки Сосны было отправлено дополнительное «жалование», всем приносившим шерт мурзам (Там же, л. 83 об.).

После этого Хворостинин и Бельский, наконец, отправились в Ливны. Эпопея посольского съезда завершилась.

В целом русская сторона действовала достаточно оперативно, хотя при подготовке к размену была отмечена некоторая нерасторопность.

Следует отметить высокий уровень квалификации русских дипломатов и оперативную реакцию Москвы. Непосредственно в период размена в Москву были отправлены четыре донесения от Хворостинина и Бельского – статейный список (Там же, ед. хр. 20, л. 458–467 об.) и три грамоты (Там же, л. 469 об.–481 об., 487–489, 491–492 об.). В ответ было поручено ряд грамот от имени государя, причем очередные инструкции были доставлены в день размена. Последние инструкции Хворостинину и Бельскому были отправлены 15 ноября (Там же, л. 489 об.–490 об.), уже после завершения размена. Они касались уже ускорению движения крымского посольства к Москве. Интересно, что отправление последней грамоты было оформлено приговором Боярской думы, причем отмечено, что «государь царь и великий князь велел отписать к боярину князю Федору Ивановичу Хворостинину своею царскою рукою» – высшее выражение государевой милости (Там же, л. 489).

Факт несомненного признания заслуг ведущих участников посольского съезда с русской стороны Б.Ф.Годуновым выразился в их дальнейшей успешной карьере. Отметим, что для многих из них она развивалась именно «на крымском направлении» внешней политики Русского государства.

22 ноября в Москве были получены последние донесения Хворостинина и Бельского о том, что крымцы и посольство князя М.А.Щербатова покинули берега реки Сосна и направились в Крым 14 ноября, а они 15 ноября двинулись из Ливен к Москве вместе с крымским посольством (Там же, л. 494 об.–495).

По возвращению в Москву Хворостинин и Бельский представили развернутый статейный список (Там же, ед.хр. 21, л.1–84).

Практические последствия переговоров Хворостинина и Бельского с Ахмед-пашой на посольском съезде были весьма серьезными. Помимо того, что ознакомившись с донесениями Хворостинина и Бельского, Б.Ф.Годунов определил для себя тактику переговоров с посольством бека Ширинского, действия русских «разменных послов» существенно облегчили задачу посольству князя М.А.Щербатова. Хворостинину и Бельскому удалось дезавуировать требования крымской стороны в случае принесения Ахмед-пашой уже предварительной шерти посылать с каждым новыми русскими посольствами по 10 тысяч рублей «запросных денег» и добиться согласия главы клана «Сулешевых» на существенное снижение количества отправляемых при размене «поминок» хану и представителям дома Гиреев, а также «жалования» «ближним царевым людям». Правда, это было достигнуто путем раздачи во время посольского съезда значительного количества «государева жалования» эмиссарам крымской знати, непосредственно участвующим в посольском съезде. Крымская сторона оценила действия русской дипломатии во время посольского съезда по достоинству: на переговорах с посольством князя М.А.Щербатова в Крыму крымские мурзы обвинили Ахмед-пашу в некомпетентности и превышении полномочий, а также в сговоре с «московским».

Итак, посольский съезд был успешно проведен. Русское посольство князя М.М.Щербатова в конце декабря 1593 г. благополучно прибыло в Крым, доставив в целости и сохранности огромные материальные ценности и именитую представительницу ханской семьи. Само по себе это было успехом. Однако ход посольского события по пути в Крым, связанные с попыткой Арслана «Дивеева» задержать в своем улусе «царицу» Ертуган, давали основание предполагать, что русским послам в Бахчисарае предстоят нелегкие переговоры. Действительно, путь к заключению в апреле 1594 года русско-крымского договора оказался исключительно тяжелым. Между тем, в ноябре 1593 г. при приеме в Москве крымского посольства выяснилось, что Гази-Гирей II не дал ему никаких полномочий для серьезных переговоров. Все должно было решиться в Крыму посольством Щербатова. Напряженная игра московской и крымской дипломатии продолжалась.

И все же решающий шаг двух сторон к установлению «доброго дела» был сделан именно в ходе посольского съезда под Ливнами. Ахмед-пашой, как ханским «разменным послом», представителями калги Фетх-Гирея и основных крымских кланов, прежде всего Арслана «Дивеева», была принесена «предварительная» шерть, что позволило Гази-Гирею II преодолеть сопротивление части крымской политической элиты и довести дело до заключения русско-крымского «докончания».

Следующий посольский съезд состоялся только в 1601 г. под Царевым Борисовым, но уже в другой военно-политической обстановке. Его проводил также Ахмед-паша «Сулешев». Столь значительный перерыв между двумя съездами (при всех переговорах и русской и крымской сторонами 1593–1594 гг. предусматривалось, что съезды будут проходить при каждом посольском размене) объяснялся различными внутривосточными и внешнеполитическими факторами, не позволившим обеим сторонам иметь возможности в их проведении. Прежде всего, следует отметить постоянное пребывание хана Гази-Гирея II на театре военных действий Порты против австрийских Габсбургов, затем очередной династический кризис в Крыму 1596–1597 гг. В Москве также последовали серьезнейшие события: кончина царя Федора Ивановича и длительный процесс избрания и утверждения на престол Бориса Федоровича Годунова. К тому же тенденция к силовому давлению на Москву, время от времени проявлявшаяся в Крыму, не позволяла начаться полноценным переговорам.

Интересно, что первоначально обе стороны высказывали заинтересованность относительно возможного повторения посольских съездов. В грамотах гонца Андрея Акинфова, которые он после прибытия в Крым передал хану от имени государя, было выражено пожелание узнать «кого послов своих к нашему царскому величеству на перемену Ишмаметя князя с товарищи пришлешь» (Там же, л. 382 об.–383). В марте 1595 г. Ахмед-паша «Сулешев» при переговорах с Андреем Акинфовым заявил, что ему надлежит «по государя твоего грамоте» вскоре «идти к Ливнам» «по прежнему договору для государя вашего послов и с послы своими а срок мне сказали быти к Ливнам после сего месяца марта в четвертом месяце в июле» (Там же, л. 455). Ахмед-паша также выразил пожелание: «Государь бы царь и великий князь Федор Иванович велел своих послов присылати на Ливны на тот же срок однолично безо всякого переводу и Ишмаметя князя наперед с его товарищи отпустил» (Там же, лл. 456–456 об.). Русская сторона исполнила только отпуск посольства Ширинского.

Традиция проведения посольских съездов не получила развития в полной мере и после 1601 г. Это связано с периодами длительной политической нестабильности как в Русском государстве так и в Крыму в начале XVII столетия. После окончания «Смутного времени» в Русском государстве традиция русско-крымских посольских съездов возродилась в новых исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник. 2011–2012. М., 2013.
2. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1591–1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С.18–50.
3. Зайцев И.В. Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и сын его Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С.146–156.
4. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. хранящиеся в Московском главном Архиве Министерства Иностранных дел. Публ. Ф.Лашкова // ИТУАК. 1890. №9.
5. Полное собрание русских летописей. Т.13. М., 1965.
6. Разрядная книга, 1550–1636 / Сост. Л.Ф.Кузьмина; отв. ред. В.И.Буганов. М., 1975.
6. РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Ед.хр. 3.
7. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 15.
8. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 18.
9. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 19.
10. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 20.
11. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 21.
12. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т.1. М., 1946.
13. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году. Публ. Ф.Лашкова // ИТУАК. 1892. №15. С. 70–94.
14. Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 366–375.
16. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Список сокращений:

- ИТУАК №9 – Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1890. – №9, Симферополь.
 ИТУАК, №15 – Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1892. – №15.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
 РК 1550–1636 – Разрядная книга, 1550–1636 / Сост. Л.Ф.Кузьмина; отв. ред. В.И.Буганов. Москва 1975.

А.В. Виноградов

1593 ЕЛНЫҢ КӨЗЕНДӘ ЛИВНА ЯНЫНДА РУС-КЫРЫМ ИЛЧЕЛӘРЕ МӘҖЛЕСЕ

Мәкалә XVI гасырның соңгы чирегендәге Рус-Кырым мөнәсәбәтләренә кискен борылышы булган Ливна янындагы Рус-Кырым илчеләре мәҗлесенә багышлана. Анда Кырым ханлыгы һәм Рус дәүләте арасында ярты елдан соң Бахчасарай килешүе белән беркетеләчәк тынычлык турында сөйләшү буенча килешүгә ирешелә.

Ачык сүзләр: Рус-Кырым мөнәсәбәтләре, Кырым ханлыгы, илче приказы, Гәрәйләр.

A.V. Vinogradov

THE RUSSIAN-CRIMEAN AMBASSADORIAL CONGRESS UNDER LIVNY IN THE AUTUMN OF 1593 YEAR

Article is devoted to a turning point in the Russian-Crimean relations of the last quarter of the XVI century – to the Russian-Crimean ambassadorial congress under Livny on whom the preliminary peace agreement between the Crimean khanate and the Russian state fixed in half a year by the Bakhchsarai contract of 1594 was reached.

Keywords: Russian-Crimean relations, Crimean khanate, ambassadorial order, Girei.

Сведения об авторе:

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук (г.Москва); E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Виноградов Александр Вадим улы – тарих фәннәре кандидаты, Россия Фәннәр академиясенә Россия тарихы институты өлкән фәнни хезмәткәре (Мәскәү шәһәре).

Vinogradov Aleksandr Vadimovich – Cand. Sci. (History), the senior scientific employee of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

УДК 94"15/16"

РЕЗИДЕНЦИЯ ШАМХАЛОВ ТАРКОВСКИХ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

© 2015 г. Ю.М. Идрисов

В данной статье рассматривается актуальный и дискуссионный в дагестанской историографии вопрос наличия у правителей крупнейшего на Северо-Восточном Кавказе феодального владения Шамхальства Тарковского одновременно двух резиденций. Данная проблема исследуется на широком историческом фоне.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, Шамхальство Тарковских, резиденция, Казикумух, Тарки (Таргу).

Общеизвестен факт, что практически все правители помимо официальных столиц имели особые резиденции. Названия многих из этих резиденций «на слуху», достаточно вспомнить Эскуриал и Версаль. Однако в дагестанской историографии вопрос о резиденциях имеет особое звучание. До сих пор дискуссионным остаётся вопрос о том, какая из двух резиденций правителей крупнейшего в позднесредневековой истории Северо-Восточного Кавказа государства – шамхальства играла ключевую роль. Была ли это летняя резиденция – Казикумух или же это зимняя резиденция – Тарки? Не до конца также остаётся прояснённым вопрос о причине избрания шамхалами в качестве резиденций именно этих двух достаточно отдалённых друг от друга поселений. Данная проблема имеет обширную литературу. Мы не будем вдаваться во все доводы сторон и в целях решения данной проблемы окажем предпочтение к сравнительно-историческому методу. При всех своих особенностях Северо-Восточный Кавказ в XV–XVII вв. был достаточно плотно вписан в систему историко-культурных и политических традиций мусульманского Востока. Правители Арабского халифата, Золотой Орды, Османской империи, Сефевидского Ирана и Ширвана являлись для них образцами для подражания или, говоря более образно, «законодателями политического стиля». Помимо этого, мы также обратимся к феодальным образованиям, имевшим место на Северо-Восточном Кавказе до образования шамхальства, в частности, к истории Хазарского каганата.

Итак, известно, что горный Казикумух являлся резиденцией шамхалов в летнее время года, а приморский город Тарки (Таргу) – в зимний период. Подобная дихотомия резиденций представляла собой весьма распространённое явление в пограничной и тесно переплетающейся с Северо-Восточным Кавказом Великой Степи.

Китайские хроники эпохи династии Тан содержат информацию, прямо свидетельствующую о наличии двух ставок у тюркских правителей, объясняя это заботой о скоте (Маявкин, 1989, с. 238). Вероятно, от каганов Западно-Тюркского каганата унаследовали обычай иметь две резиденции каганы Хазарии. Арабский географ Ал-Истахри отмечал, что хазарский каган жил в городе Итили только зимой, а на всё лето отправлялся в степь, выпасая лошадей, выращивая пшеницу, рис и просо. Каган Иосиф в своём знаменитом письме упоминает месяц Нисан (апрель) как дату выхода на летовку (Полюдье, 2009, с. 293).

Город Сарай-Берке был зимней резиденцией хана Узбека и считался столицей всей Золотой Орды. Летняя резиденция размещалась в Бештау (Там же, с. 299). В свою очередь, летней резиденцией крымских ханов было поместье Ашлама-Сарай, а зимней резиденцией была столица ханства – Бахчисарай.

Во всех приведённых выше случаях мы видим, что столицей считалась именно зимняя резиденция. Здесь правители проводили время с октября по апрель, то есть самое суровое время года. Вместе с тем, наличие двух и даже большего количества резиденций не обязательно сопрягалось с перегоном скота и обуславливалось полукочевым образом жизни. Так, составители сборника статей «Полюдье», в частности Ю.М. Кобищанов, вполне обоснованно предположили, что, передвигаясь по своим владениям, шамхал собирал дань (Там же, с. 266). Письменные источники подтверждают данный факт (Кушева, 1963, с. 52). Есть указание на сбор натуральных продуктов с подвластного населения феодалами, то есть полюдье, и в фольклоре. Так, в частности, в одной из старинных кумыкских песен упоминается об эрпелинском князе Тонае, который был убит во время

сбора податей с жителей селений своего владения (СМОМПК, с. 51–52). На мысль о подобном виде сбора повинностей наводит и, составленный не позднее 1570-х годов «Перечень податей шамхалу», который явно демонстрирует факт выплаты податей в безднежной, натуральной форме (Шихсаидов, 1977, с. 108–109). Подобные подати у кумыков известны под названием «ясак» (Ораззаев, 2003, с. 190). Ю.М. Кобищанов, пожалуй, первым сформулировал подобный взгляд на традиционные сезонные перемещения феодалов Дагестана из одного поселения в другое (Кобищанов, 1989, с. 42–43). Помимо шамалов, можно привести в пример правителей Кайтага – уцмиев, которые располагали резиденциями в горах (Кала-Корейш), в предгорье (Маджалис и Янгикент) и в приморье (Башлы).

В контексте отмирания традиции полюдья интерес представляет просьба шамхала Сурхая в самой середине XVII века, изложенная в письме к правителю Аварии Дугри-Нуцалу: «Когда к тебе придёт податель сего письма – мой мулазим Ахмад, приложи все старания к взятию моего хараджа с джамаата Чамалал. Не прояви небрежности в этом деле» (Айтберов, 1982). Итак, в середине XVII века для сбора хараджа шамхал прибегает к помощи союзника и к услугам особого чиновника, обозначаемого словом «мулазим». На наш взгляд, не случайно и выход Казикумуха из состава шамхальства произошёл именно после отказа от практики полюдья, то есть во второй половине XVII столетия. Несмотря на то, что слово «мулазим» имеет арабскую семантику, в исследуемый период оно являлось характерным преимущественно для Сефевидского государства, в котором обозначало дружинника. Нам думается, что Сурхай, проживший некоторый период при шахском дворе и имевший родню среди влиятельной кызылбашской знати, пытался в своём владении проводить реформы в «сефевидском духе». Одной из таких реформ и являлось перепоручение сбора ясака дружинникам.

Странствия по городам своего владения и отсутствие одной столицы было характерно и для Фландрии XV века, где у бургундских герцогов имелись резиденции в Генте, Брюгге и других городах (Полюдзе, 2009, с. 105). Однако, в данном случае первопричиной подобных передвижений являлось, прежде всего, стремление герцогов не допустить ослабления собственного суверенитета в отдалённой и богатой провинции, имевшей к тому же многовековую историю борьбы с французскими и иными правителями. Столицей собственно Бургундии был город Дижон, находящейся в значительном отдалении от Фландрии.

В мировой истории известны примеры и других причин, вынуждавших правителей периодически менять свою резиденцию, в частности, под давлением народа. Так, например, в марте 1531 года саксонские сословия, озабоченные большими тратами двора курфюрста Иоганна, советуют ему жить с двором в резиденциях Веймар, Торгау и Кобург, поочередно сменяя их, не больше года или полгода, «дабы не исчерпать совершенно запасы зерна, не вырубить все окрестные леса, не истощить пруды и не отяготить чрезмерно людей, повинностями» (Таценко, 1990, с.121). Более того, Саксония, вплоть до конца XVI века даже не имела определённой столицы. Лишь усложнение и рост структур центрального управления привели к появлению постоянного места пребывания правительства.

Среди ключевых моментов сторонников преимущества казикумухской резиденции – прекращение нахождения шамхалов в Кази-Кумухе после 1640 года, когда якобы восставшие казикумухцы изгнали шамхалов. Однако из источников мы видим, что Казикумух входил в состав шамхальства и в 1650-е и даже в 1680-е гг. (Шмелёв, 2000, с. 92–93). Вместе с тем шамхалы действительно перестали на лето переезжать в Кази-Кумух. Например, Эвлия Челеби и Адам Олеарий, оставившие подробнейшие сведения о шамхалах и шамхальстве, не сообщают о подобных переездах. Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что Адам Олеарий посещал Тарки в 1636 г., то есть еще до пресловутого «изгнания».

Подобно уцмиям Кайтага, герцогам Бургундии и курфюрстам Саксонии шамхалы уже в XVI – XVII века имели в своём распоряжении не две, а несколько резиденций. В их числе Буйнак (ныне с. Уллубийаул Карабудахкентского района РД), Кафыр-Кумух и Казанище (ныне селения в Буйнакском районе РД).

Один из основоположников современной дагестанской исторической науки Р.М. Магомедов писал: «То что Кафыр-Кумух долгое время являлся летней резиденцией шамхалов – не вызывает никаких сомнений, напротив, имеются все основания для утверждения, что первоначально резиденция шамхалов была именно это селение» (Магомедов, 1957, с. 146).

Кроме того, такой достаточно информированный в истории Северного Кавказа турецкий автор XVII века Эвлия Челеби, ссылаясь на автора сочинения «Фетава и-татарханийе» Татархана,

сына делийского султана Гиясадина Туглука, жившего в первой половине XIV в. пишет, что в древности столицей дагестанских падишахов (шамхалов) был Джулат (Отрывки, л. 85). Он же употребил в отношении значительного в его время города Эндирей эпитет «стольный город падишаха Дагестана» (Челеби, 1979, с.114–115).

С позиции критики сторонников первичного значения Казикумуха большой интерес также представляет факт нахождения в Казикумухе кладбища Самирдал, название которого, по мнению этнографа А.Г. Булатовой, восходит к названию столицы Хазарского каганата – города Семендер, локализуемого большинством историков на месте Тарки и Махачкалы. Ещё важнее тот факт, что и самих шамхалов и их наследников местных ханов казикумухцы также именовали словом «самирдал», то есть «семендеровцы» (Булатова, 1999, с. 58). Город же Семендер, по мнению подавляющего большинства исследователей, находился на территории посёлка Тарки и современной Махачкалы (Гасанов, 2015, с. 135), то есть на месте зимней резиденции шамхалов. Такое совпадение невозможно считать случайным. В довершение ко всему жители Казикумуха употребляли в отношении Тарки название Азайни, восходящее к арабскому слову «азами/азим» (отсюда кстати и слово «азимут»), означавшему «великий» (Алиев, 2001, с. 45), в данном контексте: «главный/центральный, служащий ориентиром».

Подводя итог, изложенному выше отметим: традиция шамхалов обитать попеременно в двух и более резиденциях не является исключительным явлением и имеет прецеденты в мировой истории, самые близкие в географическом отношении в прошлом Хазарии и Золотой Орды. При этом столичный статус в двух этих государственных образованиях было закреплено за зимними резиденциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтберов Т.М. Дагестанские документы XV–XVII вв. // Письменные памятники Востока. 1975. М. Наука, 1982. Цитируется по: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XV/Dag_dok1/text2.htm
2. Алиев К.М. К историко-лингвистической интерпретации одного из названий Тарков в горских языках // КНКО: Вести. Махачкала, 2001. № 2–3 (6–7).
3. Булатова А.Г. Лакцы: историко-этнографическое исследование XIX – начало XX в. Махачкала, 1999.
1. Гасанов М.Р. Семендер – раннесредневековый город Северо-Восточного Кавказа // Вопросы истории. М., 2015. № 9.
2. Кобищанов Ю.М. Полюдь в истории Дагестана // Государство и государственные учреждения в до-reволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
3. Кушева Е.И. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Наука, 1963.
4. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957.
5. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1989.
6. Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. Махачкала: Эпоха, 2003.
7. Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби» (перевод Ф. Мухамедовой) // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 85.
8. Полюдь / Под общей редакцией Ю.М. Кобищанова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
9. СМОМПК. Т. 17. Тифлис, 1893. С. 51–52.
10. Таценко Т.Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV – первой половине XVI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе XI–XVII вв. М., 1990.
11. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М., 1979.
12. Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника Тарих Дагестан» Мухаммада-Рафи к вопросу об изучении // Письменные памятники Востока, 1972. М., 1977.
13. Шмелёв А.С. К вопросу о выходе Казикумуха из состава шамхальства // Болгария, Турция, Дагестан. Вып. V. Махачкала, 2000.

Й.М. Идрисов

**ШАМХАЛ ТАРКОВСКИЙЛАРНЫҢ РЕЗИДЕНЦИЯСЕ:
ТАРИХИ ТРАДИЦИЯ ЧАГЫШТЫРМА АСПЕКТТА**

Бу мақаләдә Дагестан историографиясе өчен мөһим һәм бәхәсле булган Төньяк-Көнчыгыш Кавказдагы иң эре Шамхал феодал биләмәләренә ия Тарковскийларның бер үк вакытта ике резиденциясе булу мәсьәләсе тикшерелә. Бу проблем киң тарихи планда өйрәнелә.

Ачык сүзләр: Төньяк-Көнчыгыш Кавказ, Тарковскийлар шамхаллыгы, резиденция, Казикумух, Тарки (Таргу).

Y.M. Idrisov

**RESIDENCES SHAMKHALS OF TARKI:
A HISTORICAL TRADITION IN COMPARATIVE PERSPECTIVE**

This article discusses the current discussion, and in dagestan historiography issue of whether the lords of the largest in the North- East Caucasus fief shamkhals two residences at the same time. This problem is studied on a broad historical background

Keywords: Northeast Caucasus, Shamkhalstvo Tarkovsky, residence, Kazikumukh, Tarki (Targu).

Сведения об авторе:

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства (г.Махачкала);
E-mail: markes06@mail.ru

Идрисов Йосып Мөхәммәт улы – тарих фәннәре кандидаты, Дагестан дәүләт халык хужалыгы институтының Гуманитар дисциплиналар кафедрасы доценты (Махачкала шәһәре).

Idrisov Yusup Magomedovich – the candidate of historical sciences, the associate professor of humanitarian disciplines of the Dagestan state institute of a national economy (Makhachkala).

УДК 930.23

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С НОГАЙСКОЙ ОРДОЙ В ГОДЫ РЕГЕНТСТВА ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ И БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ (1534–1541 гг.)

© 2015 г. М.В. Мусеев

Статья посвящена рассмотрению истории русско-ногайских отношений периода политического кризиса в Русском государстве. Показано как бий Саид-Ахмад попытался добиться от окружения малолетнего великого князя Ивана IV признания своего равенства с крымскими ханами. Однако русская дипломатия этого времени успешно преодолела ряд негативных тенденций в русско-ногайских отношениях. В это время проявилась и зависимость геополитической ориентации ногайских мирз от территорий кочевания. Так, мирзы западного крыла Ногайской Орды изъявили желание на приоритетные отношения с Россией. В обмен на это они были готовы противодействовать антирусским действиям Крымского ханства и своего бия. Однако говорить об ориентации на Русское государство преждевременно. Вместе с тем, интерес мирз западного крыла к развитию дружественных отношений с Россией позволил великокняжеским дипломатам более решительно противостоять притязаниям бия Саид-Ахмада. Главным выводом работы стало то, что дипломатия правительства Елены Глинской и периода боярского правления смогла достичь сохранения итогов русско-ногайских отношений конца XV – 1-ой трети XVI веков. Одновременно сложились условия активизации своей политики в Поволжье, основанные на заинтересованности мирз правого крыла Ногайской Орды в союзных отношениях с Москвой.

Ключевые слова: русско-ногайские отношения, восточная политика России, «поминки», шерть, князь Семен Бельский, шертные грамоты, Касимов, касимовские татары, мешчерские казаки, полон.

Смерть Василия III и вступление на престол малолетнего Ивана привели к политическому кризису, обусловленному малолетством великого князя, однако это не привело к парализации органов власти (Кром, 1998, с. 13–15). На внешнеполитическом фронте главной задачей стало урегулирование конфликтов, возникших ранее, и укрепление достигнутых успехов. Особенно отчетливо это видно на материалах русско-ногайских отношений.

25 января 1534 г. в Ногайскую орду был отпущен гонец Саид-Ахмад-бия Батрак (приехал в Россию 4 декабря 1533 г. (ПКСРНО, с. 86)), вместе с ним в Ногайскую Орду отправили гонца Алиша Бахметева (Там же). В грамотах содержалось уведомление о восшествии на престол Ивана Васильевича и предложение ногайским бию и мирзам сохранить союзные отношения как это было при Василии III (ПКСРНО, с. 86–87, 88, 89–90). Одновременно дипломаты Ивана акцентировали внимание на возрождении мирных отношений, нарушенных ранее. Так, в грамоте Саид-Ахмаду-бию излагались претензии русской стороны к ногаям: нападение на Касимов (ПКСРНО, с. 87). Упоминались и «речи ... недобрые меж отца нашего великого князя Василья и тобя (Саид-Ахмад бия – М.М.)». В связи с этим предлагалось «...тем бы делом всем прежним и нынешним дерть (то есть забвение – М.М.)» «учинить на обе стороны» (Там же). Развивалась идея о пресечении взаимных конфликтов и свободной торговли, на условиях договоренностей 1507–1508 гг. (ПКСРНО, с.87, 89, 90).

27 июля 1534 г. из Ногайской Орды вернулся А. Бахметев с товарищами. Он сообщил о движении послов от Саид-Ахмад-бия и мирз. Численность посольства А. Бахметев определял в 500 человек «и с людьми». Кошум, Урак и Келмагмет мирзы послов своих не послали, так как именно их люди напали на «Мещерские места» в 1532 г. С послами ехало 5 000 гостей, гнавших на продажу около 50 000 коней (ПКСРНО, с. 91). На встречу столь многочисленного ногайского посольства направили «в ясельничего место» Д.Д. Загряжского, Р. Тургенева, В. Ларивонова. Для охраны послали И.Д. Шеина, Т. Хлуденева, Ю. Кокошкина. От Рязани до Коломны ногаев провожали князь С.И. Пуньков и Ф. Денисьев (ПКСРНО, с. 91–92). К Москве посольство добралось 5 августа 1534 г. На Всполье ногаев встречал «в ясельничего место» И. Тургенев, на подворье с едой послали сына казначея П. Головина – В.П. Головина (ПКСРНО, с. 92). Через пять дней после прибытия в Москву ногайские послы были на дворе у Ивана Васильевича (Там же).

В грамотах Саид-Ахмад-бия содержалась развернутая картина претензий ногайской стороны к Русскому государству. Бий подчеркивал, что имевшую место «роту» порушил Василий III, когда как ногаи к этому не причастны (ПКСРНО, с. 92). Острые критики русской позиции Саид-Ахмад

направлял на деятельность «мещерских казаков». По его словам, Василий III ежегодно посылал их, а они угоняли у ногаев коней тысячами (Там же). Мещерские казаки парализовали ногайско-казанскую торговлю. Бий описывал три эпизода, самым существенным из которых было ограбление каравана Барак-батыра. Караван состоял из 60 человек и вез товара на 200 000 московских денег, 400 коней и 1000 овец. При нападении четверо торговцев погибло, двое пленено, а все имущество было захвачено. Саид-Ахмад-бий требовал все это вернуть (ПКСРНО, с. 92–93, 94). Центральным местом посланий правителя Ногайской Орды стало требование изменения статуса русско-ногайских отношений и системы отправления и распределения «поминков», связанной с изменением внутренней структуры Ногайской Орды (ПКСРНО, с. 93, 94). При изложении структурных изменений Саид-Ахмад бий использовал крымские аналогии. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что они могли быть поняты в Москве, с другой, видимо, прожив некоторое время в Крымском ханстве, ногайская элита вполне усвоила крымский политический язык, который использовала при описании изменений во внутренней жизни своего государства, еще не выработав собственной терминологии. Претензии на изменение статуса русско-ногайских отношений проявились, прежде всего в именовании Ивана Васильевича «сыном»: «Сыну моему Ивану князю слово наше то», – так начинал одну из грамот Саид-Ахмад-бий (ПКСРНО, с. 94). Структурные изменения, как говорилось выше, излагались крымской политической терминологией. В грамоте Саид-Ахмада, его брат Мамай-мирза называется калгой (Там же) и ему следовало отсылать столько же кун, что и крымскому калге, а Шейх-Мамаю, столько же, что и Али-султану (ПКСРНО, с. 93).

Мамай-мирза, активный участник событий 1515(?)–1523 г., один из инициаторов крымской бойни в Хаджи-Тархане, тесть казанского хана Сафа-Гирея подробно излагал в своем послании причины его вражды с Русским государством. Мамай возлагал вину за конфликт между Русским государством и Ногайской Ордой на Василия III (ПКСРНО, с. 95–96). Исходя из посланий ногайских аристократов ясно, что лидером антирусской группы в Ногайской Орде в то время выступал Мамай-мирза. Он сам откровенно пишет об этом (ПКСРНО, с. 96), противниками же эскалации конфликта оказался Саид-Ахмад-бий и Шейх-Мамай (ПКСРНО, с. 94, 96, 97). Степные политики, а именно Саид-Ахмад, полагали, что малолетний Иван Васильевич окажется более уступчивым, чем его отец. Бий указывал Мамаю на сложное внешнеполитическое положение Русского государства: «...многово деи хрестьянства новой (т.е. Иван IV – М.М.) государь, опричь ему нас брата нет». В подтверждение этого Саид-Ахмад рисовал картину враждебного окружения России, где главенствующая роль отводилась Великому княжеству Литовскому и Крымскому ханству (ПКСРНО, с. 96). Эти доводы охладили воинственный пыл Мамаю. Слова же гонца А. Бахметева, что великий князь «...хочет казну свою руштити, а вам поминки посылати по вашему прошенью: пансыри крепкие, да белые горностаи и черные соболи в головах», убедили Мамаю, что Иван IV вновь стал «на своей правде» (Там же).

Таким образом, замораживание русско-ногайского конфликта стало следствием осознания сложности внешнеполитического положения Русского государства и ожиданием значительно большей уступчивости, в следствие этого, московских политиков как в вопросах финансовых, так и политических.

Посол Саид-Ахмад-бия карачи Кудояр при аудиенции у великого князя сообщил, что у него есть к нему речи бия. Иван Васильевич велел идти ногайским послам в Набережную палату, где переговоры с ними начали опытные дипломаты Василия III Ф.И. Карпов, дьяки М. Путятин и Ф. Мишури (ПКСРНО, с. 98). Кудояр вновь подчеркнул роль Саид-Ахмада в замораживании конфликта и потребовал вернуть все «грабежи», бывшие при Василии III. Ф. И. Карпов акцентировал внимание послов на необходимости учинить дерть для нормального функционирования русско-ногайских отношений (ПКСРНО, с. 98).

Переговоры продолжились 19 сентября 1534 г. С русской стороны вновь присутствовали Ф.И. Карпов, дьяки М. Путятин и Ф. Мишури. Русская сторона подчеркивала необходимость всем бранным делам, имевшим место ранее, «управа учинити». Процесс урегулирования должен быть обоюдным, после чего можно возобновить прежние договоренности (ПКСРНО, с. 99–100). Роль Саид-Ахмад-бия в пресечении агрессивных намерений его родни расценивалась как дружественная служба великому князю. Переговорщики подчеркивали, что делает он то «гораздо» и за это к нему русская сторона «...добро свое и свыше хотим держати» (ПКСРНО, с. 100). Судьба плененных ногаев так же нашла отражение в ответной речи московских дипломатов. Первоначально они размещались в Москве и Касимове. Те, что были пленены ранеными умерли, выжившие же оказались разосланными по разным дальним городам. Правительство Е. Глинской велело их розыскать, и тех,

что найдут – велело отдать бию. Главным объектом розыска стал Касимов, где, вероятно, концентрировалось наибольшее количество пленных ногаев (Там же.).

В заключение переговорщики объявили ногайским послам отпуск и сообщили о посылке к Саид-Ахмад-бию «доброе боярина» (Там же). Кудояр, выслушав речи, вновь акцентировал внимание русских дипломатов на необходимость возместить убытки, нанесенные ногаем касимовскими татарами (Там же.). Ф.И. Карпов «с товарищи» обратили внимание посла, что нападения на ногаев отнюдь не односторонни. Сами ногаи совершили опустошительные набеги на «Мещерские украины» перед заболеванием Василия III и летом 1534 г. стояли под Касимовым, жгли посады и села, убивали людей, уводили в полон и грабили имущество. Только предание этих дел забвению (т. е. дерти) позволит нормализовать русско-ногайские отношения. Возместить ущерб, по мнению русских дипломатов, не сможет ни ногайская сторона, ни русская, более того, в конфликте принимали участие не только подданные великого князя, но и казанцы, астраханцы. Те же городецкие казаки, «лихо учинив», к великому князю не едут. Заканчивали же речь риторическим вопросом: «Ино как то сыскати, что у княжих людей взято?» (ПКСРНО, с. 100–101). После прений по этому вопросу переговоривающиеся стороны решили все-таки учинить «всем делом предним дерть» (ПКСРНО, с. 101). Ф. И. Карпов после этого спросил готов ли он, дать Ивану IV «правду» и «посла государя нашего себе в руки взяти» (Там же). Кудояр уклонился от скорого ответа, взяв тайм-аут на размышления над русскими предложениями (Там же).

24 сентября 1534 г. состоялся заключительный раунд русско-ногайских переговоров (Там же). В этот раз Ф. И. Карпов «с товарищи» начали с вопросов торговли. Решение на просьбу ногайских аристократов не брать с их купцов пошлин (ПКСРНО, с. 97), русские дипломаты обещали дать решение позже (ПКСРНО, с. 101). Вместе с тем русская сторона обещала найти пропавших лошадей и вернуть их ногаем. Указывалось, что, и сами ногаи допускают бесчинства около города и по селам. Впредь переговорщики рекомендовали не посылать столь большого посольства и каравана (ПКСРНО, с. 101 – 102). Затем подчеркивалась необходимость «учинения дерти», а после и нового шертования, а так же требовались гарантии безопасности для русского посла отсылаемого в Ногайскую Орду (ПКСРНО, с. 102). Кудояр вновь повторил требование возмещения убытков понесенных ногаем от касимовских татар, особо отметив, что на выполнении именно этого требования дал правду А. Бахметев (Там же). Русские переговорщики ответили этот довод карачи Кудояра. Они отметили, что А. Бахметев не имел подобных полномочий, находившийся здесь же Бахметев подтвердил их слова, указав, что «...князю (бий – М.М.) дал правду на том, что послом их ко государю идти добровольно, а на ином правды не допытывал». После этого Кудояр смирился и на шертной записи дал присягу (Там же.).

Шерть 1534 г. отличается определенным своеобразием от последующих шертей в русско-ногайских отношениях. Во-первых, собственно шерть предваряется «дертью», после чего следует традиционная клаузула о дружбе и военном сотрудничестве (ПКСРНО, с. 103). При чем пункт о военном сотрудничестве претерпел заметные изменения. Так, оговаривалось условие не только по призыву великого князя ходить на недругов России, но и самостоятельно мешать противнику при его наступлении на русские украины (ПКСРНО, с. 103–104). Включен был пункт о безопасном (от ногаев) следовании русских послов и купцов Полем, по Волге и Дону (ПКСРНО, с. 104). На правящую элиту орды возлагалась ответственность за розыск и возмещение убытков, которые могли понести русские послы и купцы от возможных нападений ногаев (Там же). В завершение на ногайских аристократов возлагалась ответственность в сохранении в безопасности русских украин при близкой прикочевке к ним ногайских улусов (ПКСРНО, с. 105). Дополнительно и послы ногайского бия и мирз обязывались хранить русского посла Д. Губина в безопасности (Там же). В первые в шерть был включен пункт о безопасности русских купцов в Ногайской Орде (Там же).

Только после присяги (шертования) ногайские послы «били челом о торгу». Просьба их была удовлетворена. Для охраны «на базаре» находились воеводы Ф.М. Нагой, Ф.Г. Овчин-Плещеев и Иван Вороно (ПКСРНО, с. 105–106). Купцы исторговались быстрее, чем бийский посол Кудояр выполнил свои дела (поотделался), поэтому бояре приняли решение отпустить их раньше послов (ПКСРНО, с. 106). 30 сентября 1534 г. ногайские послы с русским послом коломенским (ПСРЛ, т. 13, с. 85) сыном боярским Д.И. Губиным были отпущены. В грамотах отправленных Саид-Ахмад-бию и мирзам Мамаю, Шейх-Мамаю, Юсуфу и Исмаилу содержался настойчивый призыв к нормализации русско-ногайских отношений, посольскому и торговому обмену на принципах сформулированных в ходе отношений 1507–1508 гг. (ПКСРНО, с. 106–109).

Главной задачей Д.И. Губина являлось добиться шертования ногайской знати. Для этого бий, после его приезда, должен был объединиться «с своею братьею и з детми и со всеми мырзами» перед послом принести присягу на шерти (ПКСРНО, с. 109–110). В детально разработанной инструкции («памяти») послу содержались правила проведения миссии и узловые проблемы, решения и выяснения которых добивался посол в ходе пребывания в орде. Так, строго запрещалось Д.И. Губину платить пошлины (ПКСРНО, с. 110, 111). Программа визита Д.И. Губина в Ногайскую Орду выглядела следующим образом: сначала в улус к Саид-Ахмад-бию, а после в улусы к мирзам Шейх-Мамаю, Мамаю, Юсуфу и Исмаилу и их женам, к которым посланы «поминки» (ПКСРНО, с. 111). При этом к другим мирзам ездить запрещалось (ПКСРНО, с. 112).

Д.И. Губин должен был настаивать на забвении прежних конфликтов. При несогласии ногаев с этим пунктом, особо подчеркивалось, что и сами они «много лиха учинили». Убивали и полонили людей великого князя, стояли под городами и жгли посады. Если ногаи «дерти тому» не учинят, то как дружбе быть? Великокняжеские дипломаты сознательно расширяли состав возможных обидчиков ногаев, включая в него крымцев, астраханцев, азовцев и казанцев, тем самым минимизируя долю участия в этих конфликтах своих подданных – касимовцев. Участие касимовцев представлялось как естественное наличие среди людей «лихих» и как следствие русское правительство снимало с себя ответственность за эти происшествия. Вместе с тем обращалось внимание на то, что еще Василий III возместил ногаям убытки из того, что было найдено в ходе розыска. Ныне же этого сделать невозможно ввиду отсутствия самих преступников. Заключая этот пассаж, Д.И. Губин должен был подчеркнуть, что при повторении столкновений необходима «управа ... на обе стороны» (ПКСРНО, с. 112–113).

В вопросе шертования Д.И. Губин должен был строго следовать тому варианту шерти, что ему дали и не позволять что-либо прибавлять (ПКСРНО, с. 114–115). Если же ногаи оставят его зимовать у себя, то посол должен наладить сообщение информации в Москву «чтобы князь велики безвестен не был» (ПКСРНО, с. 115). Особо интересовало великокняжескую администрацию наличие ногайско-казанских отношений (Там же). В Москве хотели знать дал ли Юсуф свою дочь за Джан-Али (ПКСРНО, с. 116). В задачи посла входило так же выяснение состояния дел в самой Ногайской Орде, ее отношения с Астраханским, Крымским и Казахским ханствами (Там же).

Д.И. Губину вменили в обязанность и разрешение конфликта возникшего в то время, когда он с ногайскими послами находился в Русском государстве. Ногайские купцы, отпущенные ранее, совершили нападения в начале октября 1534 г. на рязанские деревни, располагавшиеся за рекой Проней. Ногаи угнали в полон 200 человек, 300 лошадей, рогатого скота около 500 голов, а так же «рухляди безчисленно много взяли» (ПКСРНО, с. 119–120, 123). Подобная миссия возлагалась и ногайского посла Кудояра (ПКСРНО, с. 122). При этом русская сторона старалась избежать военного столкновения. Отряд И. В. Селиванова должен был лишь контролировать ситуацию на пограничье (ПКСРНО, с. 120).

2 мая 1535 г. в Москву от Д. И. Губина прибыл вожа касимовский татарин Джан-Булат, привезший отписку посла. От него стало известно о посылке Саид-Ахмад-бием в Россию гонцом карадувана (ПКСРНО, с. 123, 124).

19 ноября 1534 г. послы достигли ногайских улусов (ПКСРНО, с. 124). Послы Мамаю-мирзы, Исмаила-мирзы «и всех мелких мырз» стали требовать выдачи им поминков, посланных их господам. Д.И. Губин отказался, ссылаясь на то, что раздача производится в ставке бия. Русский посланник попробовал найти защиту у Кудояра, однако он бежал. Ногаи набросились на русское посольство: отобрали коней и разрезали «кипы», в которых везли дары для ногайской аристократии. Они хотели съечь посольские грамоты и растащили поминки. Д. И. Губину удалось сохранить дары, везшиеся в «явь» и «тай» для Саид-Ахмад-бия, Шейх-Мамаю, Юсуфа и Мамаю. Ногаи объясняли свое поведение возможностью захвата даров бием. Закончив захват имущества, ногаи бросили русское посольство в степи, взяв у него 7 лучших коней. Д. И. Губину с сопровождением пришлось догонять Кудояра. Догнав его, они продолжили свой путь в условиях спешки. Бийский посол разъяснил русскому посланнику ситуацию. По его словам обо всем знает Саид-Ахмад-бий, но он им не поможет. Бежал же Кудояр из-за угрозы для собственной жизни. Вместе с тем он обещал служить великому князю, о чем дал шерть в Москве (Там же).

Д.И. Губин отправил сообщение в Москву о возможных набегах на границы ногайских мирз после того как они установят свои эли на зимовье на Волге у Переволоки (ПКСРНО, с. 124–125). По пути послов преследовали требования выдачи поминков. Получая отказ, ногаи силой забирали дары, причитавшиеся их господам (ПКСРНО, с. 125). Уже прибыв к кочевью бия, посольство оса-

ждали требованиями выплатить пошлины. Следуя требованиям великокняжеского правительства, Д.И. Губин решительно отказывался (ПКСРНО, с. 125–126). Впрочем, это не останавливало пошлинников, и они силой отбирали имущество. В итоге у посла ни чего не осталось (ПКСРНО, с. 126).

3 февраля 1535 г. состоялась встреча Д. И. Губина и Саид-Ахмад-бия. Как таковых переговоров не состоялось. Бий выслушал речи посланника, после распорядился подать ему питье, отметив при этом, что сам не подает, так как «злобитца» на великого князя (ПКСРНО, с. 126).

Позднее Д.И. Губин узнал о готовящейся отправке ногайского гонца в Русское государство. Русского посла вызвали к бию, но на корныш не пустили. К Д. И. Губину послали с речами Теку-дувана и Ходжи-Девлета. Ногайские представители вновь озвучили претензии к деятельности касимовцев. Они потребовали возвращения бийской казны, полона и выдачи в Ногайскую Орду повинных в грабеже. Переговорщики озвучили требования изменения суммы и структуры поминков. Бий явно выразил свои претензии на равенство с крымскими ханами (ПКСРНО, с. 126–127).

При невыполнении своих требований ногаи угрожали начать войну против Русского государства. В ряду недружественных действий можно рассматривать отказ ногаев от присяги на шерти. Кара-дуван заявил, что бийский посол Кудояр-бек сам отказался взять освобожденный полон. Разгневанный бий наложил на него опалу (ПКСРНО, с. 127).

По-прежнему ногаям угрожали казахи, теперь уже в союзе с калмаками. Для предупреждения нападения на зиму по р. Эмбе выставлялись заставы. Мирзы западного крыла орды пошли походом на черкес (ПКСРНО, с. 128). Напряженные отношения сложились у ногаев с Астраханским ханством. По сообщению крымского перебежчика Баки-бека мангыта Ислам-Гирей-султан объединился с астраханцами против Ногайской Орды. Ногаи не вполне поверили этому сообщению, но послали посольство в Астрахань и взяли аманатов («взяли с собою шертью»), которые весной 1535 г. прибыли на ногайскую сторону Волги. Впрочем, несмотря на дипломатический диалог, стороны не верили друг другу. В Астрахани опасались, что ногаи хотят захватить город обманом (ПКСРНО, с. 128). Отношения с Казанским ханством стабилизировались. Юсуф-мирза выдал свою дочь за Джан-Али. Саид-Ахмад-бий декларировал свою поддержку новому казанскому хану. Он заявил казанским послам, что в случае изгнания Джан-Али, ногаи выступят против них вместе с Русским государством. Инициатором этого заявления, по данным Д.И. Губина, выступил Юсуф-мирза (ПКСРНО, с. 128–129; Беляков, Моисеев, 2004, с. 32–44). Д.И. Губин сообщал о турецком посольстве в Ногайскую Орду. Ногаи сообщали, что турки воюют с Иранским государством. Русский посланник информировал Москву о посылке Саид-Ахмад-бием своего посла Алчу к своему зятю Сахиб-Гирей-хану. Суть этого посольства, правда, для дипломата осталась неизвестной (ПКСРНО, с. 129).

Теку-дуван (чиновник, ведавший сбором пошлин) объявил Д.И. Губину о своей готовности верно служить великому князю. Он рекомендовал не потакать требованиям бия, а писать грамоты и посылать поминки по-прежнему. В награду бийский чиновник просил прислать в «тай» жалованье. Объяснялось это тем, что он выдает свою дочь замуж и теперь ему «нужно государево жалованье». Д. И. Губин советовал принять предложения теку-дувана, так как он «...временной человек и к нам, государь, его в твоих делах береженья много» (ПКСРНО, с. 129).

23 мая 1535 г. в Москву прибыл посол бия Зиен-суфа кара-дуван. 27 мая ему велели быть на дворе. Великий князь звал посла карашиваться, подал меду «в стола место». На Ногайский двор послали еду и мед (ПКСРНО, с. 130–131).

Саид-Ахмад-бий в грамоте вновь подчеркивал виновность Василия III в охлаждении русско-ногайских отношений. Главным негативным аспектом русской восточной политики он считал использование касимовских татар. «Дертъ» всем прежним делам, на чем настаивала русская сторона, возможна, только после возмещения убытков понесенных бием, что составляло по его оценке 200 000 «алтын кун». Саид-Ахмад-бий развивал свои экономические требования. Он огласил свои претензии на «взимок» своего предка эмир ал-умара (беклярбека) Эдиге в 100 000 алтын, а так же – Мухаммед-Гирей-хана в 60 000 алтын. Саид-Ахмад претендовал и на часть «выхода» некогда платившегося Русью в Большую Орду. («От кольких лет после царя, которые куны давал ему еси, тех забыл еси. И Бог тот юрт нам дал, и тот взимок нам дашь: двесте тысяч алтын кун»). При отказе или прениях по этому вопросу со стороны русских представителей Саид-Ахмад-бий угрожал походом «перед осенью» (ПКСРНО, с. 131).

Дабы подчеркнуть свое величие и серьезность своих угроз бий рисует свое внешнеполитическое положение как крайне благоприятное. Ему де повинились «Тимир Кутлуевы царевы дети», то

есть Астраханское ханство, признал вассалитет и некий «Иваков царев сын». Казахский хан Ходжи-Мухаммед с 15 сыновьями живет в Ногайской Орде. Саид-Ахмад-бию якобы подчиняются 300 000 казахов (ПКСРНО, с. 131).

Бий требовал отпустить своих послов через 15 дней после их прибытия. Освобождения полона и имущества захваченного касимовцами. Грамота Саид-Ахмад-бия заканчивалась датировкой и указанием места написания «в счастливом Сарае» (ПКСРНО, с. 131), что было свойственно дипломатике крымских грамот, но не ногайских (РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 1. Л. 114об., 129, 150об., 159об., 176 об. Ср.: ПК. С. 28, 34–35, 39, 52–53). Так же примечательно использование в титуляции посланий бия формулы «сёзюм», свойственной ханским грамотам. В переводе это передавалось как «слово» (ПКСРНО, с. 130, 164) тогда как бии и мирзы «били челом» либо использовали выражение «много много поклон» (Трепавлов, 2002, с. 192, прим. 6). Это находится в одном ряду с имущественными претензиями и ярко характеризует стремление Саид-Ахмад-бия обладать ханским титулом.

2 июня 1535 г. ногайский посол в сопровождении русского гонца Джан-Пулада покинул Москву (ПКСРНО, с. 132). Русские власти дали резкую отповедь притязаниям Саид-Ахмад-бия. О тоне грамоты московские дипломаты отзывались как нарушавшей сложившуюся практику переписки: «... в грамоте своей к нам писал еси к нам непригожу, не нам срам, больше к своему непригодству...». Русская сторона решительно отметила свое следование той практике отношений, которая сложилась ранее. Дипломаты настаивали на шертовании ногайской знати, отпуске Д.И. Губина с большим ногайским послом и разрешении бия ездить ногайским купцам в Россию с торгом (ПКСРНО, с. 132). Столь жесткая позиция, занятая Москвой, очевидно, базировалась на информации данной Д.И. Губиным, который, рисовал картину международного положения орды явно отличавшуюся от презентации Саид-Ахмад-бия (Трепавлов, 2002, с. 189–190).

В конце лета 1535 г. в Москве стало известно о готовящемся набеге крымских султанов. Исходя из известий Д.И. Губина о ногайских заставах против крымцев, русские дипломаты решили привлечь к антикрымским мероприятиям ногайских мирз, кочевавших по Волге. Они призывали ногаев крымскому хану и султанам в случае похода на Русское государство «помешку чинить» (ПКСРНО, с. 133–134).

26 сентября 1535 г. из Ногайской Орды прибыли гонцы от Д. И. Губина, сообщившие о посылке в Русское государство Саид-Ахмад-бием своего гонца (ПКСРНО, с. 145). Новая отписка русского посла оказалась еще более информативной, чем предыдущая. Д. И. Губин сообщал о серьезных внешне- и внутривосточных затруднениях Саид-Ахмада. В Хаджи-Тархан отъехали представители Ямгурчиевичей: Алач б. Ямгурчи с сыном Айваном, Сары б. Агиш, Кольват-мирза, Сююнч-Али-мирза. Напряжения в ногайско-хаджитарханских отношениях не сняло даже прибытия к Саид-Ахмаду посла Танабай-дувана. По словам Д.И. Губина, бий всю весну и лето «от них бережетца» (ПКСРНО, с. 146). Опасения Саид-Ахмада подтвердились. 31 мая 1535 г. на Сарайчук напали «Агишевы дети» и два хаджитарханских султана. Город оказался пуст, так как население его покинуло ранее. Войско устремилось в погоню, но его встретил Шейх-Мамай-мирза. Противостояние казахов с ханами Хорезма, Мавераннахра и Могольского государства затруднило отношения с ними ногаев. Убейдулла-хан запретил продавать ногаям оружие и «всякое железо», что Д.И. Губин расценивал как враждебное проявление. Однако вассал Убейдуллы Кистин-Кары сватался к дочери Саид-Ахмада (ПКСРНО, с. 146). Посол Кистин-Кары предупреждал ногаев о возможности нападения казахов. Д.И. Губин оценивал силы казахов как весьма значительные.

Первыми силу казахов испытали на себе ташкентские султаны, разбитые ими в двух сражениях. Поэтому представляется верным заключение В.В. Трепавлова, что запрет на продажу оружия ногаям диктовался не враждебностью, а осторожностью бухарских правителей, что бы оно не попало в руки врагов-казахов (Трепавлов, 2002, с. 203). Подтверждением этого может служить и то, что бухарско-ногайские торговые отношения не прерывались: 13 июня Саид-Ахмад-бий отправил в Казань своего посла Барака, с ним же поехали бухарские и ногайские купцы (ПКСРНО, с. 150–151).

Ташкентский правитель Барак б. Сююнч-Ходжи под влиянием поражения и опасения, что летом или зимой казахи захватят город, прислал к Саид-Ахмад-бию посольство с просьбой о помощи (ПКСРНО, с. 149). В орде бытовало мнение, что только благодаря борьбе с Ташкентом казахи не начали войны с ногаями (Там же).

В целом, Ногайская Орда, благодаря антиказахской направленности своей восточной политики, логично вписывалась в коалицию среднеазиатских государств созданную могольским ханом Абд ар-Рахманом (Акимускин, 2004, с. 216–220; Трепавлов, 2002, с. 204–205). Известная успеш-

ность Ногайской Орды на востоке, мало сказывалась на отношениях с западными государствами. Серьезным противником стал Хаджи-Тархан, длительное время находившийся в зависимости от ногаев (Зайцев, 2004, с. 63–64). Саид-Ахмад попытался связаться посольством со своим зятем Сахиб-Гиреем, но хаджитарханцы посла бия не пропустили (ПКСРНО, с. 147).

Однако главной проблемой Ногайской Орды стали внутривосточные затруднения, связанные с изменениями в самой орде. Последовательные изменения в управлении ордой (создание крыльевого деления, со своей структурой управления, появление в ставке бия придворного персонала) (Трепавлов, 2002, с. 190–197), сопровождались кристаллизацией состава управленческой элиты внутри самого «Эдигу уругу мангыт». Жертвой этого процесса стало семейство брата Мусыбия – Ямгурчи-бия. Не согласные с этим откочевали в Хаджи-Тархан и стали постоянной угрозой для Саид-Ахмад-бия (ПКСРНО, с. 146, 149). У бия осталось только 9 мирз «Агишевой семьи» (ПКСРНО, с. 149). Претензии бия на ханский титул вызвали весьма широкою оппозицию и внутри Ногайской Орды: от теку-дувана (ПКСРНО, с. 129) и карачи (ПКСРНО, с. 151) до мирз Шейх-Мамай и Исмаила, «вытравивших» все кочевье бия и его улуса (Там же).

По сообщению Д.И. Губина, Мамай, тесть свергнутого Сафа-Гирей-хана, и Юсуф, тесть нового Джан-Али-хана, кочевали «на летовище» близко Казани. Сююн-бике, дочь Юсуфа прислала к нему своего человека с сообщением, что Джан-Али ее не любит (как известно, у него была еще одна жена, брак с которой, вероятно, был заключен еще в Касимове). Юсуф отреагировал жестко. Он послал посла к казанским бекам с требованием сослать Джан-Али, а дочь отослать к себе.

Информация, передаваемая Д.И. Губиным, имела важное значение для русской дипломатии, но основную свою задачу привести ногайскую элиту к шерти посол так и не мог выполнить. Основным препятствием стало как нежелание бия шертовать, так и его невозможность созвать общий съезд (ПКСРНО, с. 146, 147, 151). Напряжение в отношениях бия с мирзами добавляло изъятие им поминков, посланных великокняжеским правительством. Для того, чтобы это оставалось в тайне, Саид-Ахмад приставил к Д.И. Губину теку-дувана. Бийский представитель пресекал контакты посла с посланцами мирз и пытался изъять грамоты, посланные к ним (ПКСРНО, с. 147). Саид-Ахмад-бий назначил общий съезд на 12 апреля, но на него прибыл только карачи Кудояр, с которого сняли опалу. Кудояру поручили вести переговоры с Д.И. Губиным. Саид-Ахмад подверг позицию Русского государства резкой критике за не конструктивность. Эту критику усилил Кудояр, отметив, что именно бояре воспрепятствовали исполнению требований бия (ПКСРНО, с. 147–148). Однако, возвращаясь от Саид-Ахмада в свой улус, Кудояр обвинил бия в препятствиях развитию русско-ногайских отношений (ПКСРНО, с. 149). После этого переговоры с Д.И. Губиным стали вести мулла Бузук и теку-дуван, которые продолжали традицию бия по обвинению Русского государства в не конструктивности (ПКСРНО, с. 150).

17 июля 1535 г. Саид-Ахмад пошел на Хаджи-Тархан, тогда же он принял решение отослать в Москву своего посла Исен-Али. Ночью того же дня прибыл гонец великого князя Джан-Пулад, сопровождавший ногайского посла Зиен-суфу кара-дувана. Гонца, не пустив к Д.И. Губину, обыскали. Обнаружив жалованье, задали ему вопрос: «Кому послано?». Джан-Пулад ответил, что теку-дувану, тот, в свою очередь, говорил «государевы речи», а Губину сообщил, что государево жалованье «дошло и яз де и покамест жив буду, по та места своему государю, великому князю служити хочю» (ПКСРНО, с. 152). Этот спектакль с обыском русского гонца, по всей видимости, был инспирирован самим теку-дуваном. Во всяком случае, это объясняет его откровенное признание в службе великому князю.

Саид-Ахмад-бий вызвал Д. И. Губина и Джан-Пулада на корныш. После прочтения грамоты бий отослал посла в его стан, оставил при себе Исен-Али и послал грамоту за Кудояром. Решение об отпуске Д. И. Губина Саид-Ахмад отложил до общего съезда мирз (ПКСРНО, с. 152).

Тем временем, Саид-Ахмад-бий выехал к Хаджи-Тархану, по образному определению Д.И. Губина, «славы деля». Он послал посольство в Хаджи-Тархан с требованием выдать выехавших туда ногайских мирз или примирить его с ними (ПКСРНО, с. 153).

В условиях ногайской угрозы хаджитарханский хан «шертию крепко» укрепился с ямгурчевичами и отослал посольством в Крымское ханство двух мирз «Агишевых детей». Сам бий так же оказался решительно настроен: назначил общий («всем кочем») поход на осень. Однако в среде ногаев сохранялось опасение, что если они не победят или хотя бы не замирятся, то где им зимовать «со все де стороны недрузи ногаем». Хаджитарханский посол Танабай-дуван часто («многжды») вел доверительные беседы с Д. И. Губиным, убеждая его, что хаджитарханский хан «с великим князем хочет жити дружно» (ПКСРНО, с. 153).

Д.И. Губин сообщал о возможных набегах мирз правого крыла на рязанские или мешчерские украинны (ПКСРНО, с. 147, 153). Так же он информировал о визите казанского посла Мухаммеда 1 августа 1535 г. с целью восстановления дружественных («как было преж сего») отношений (ПКСРНО, с. 154). 5 августа 1535 г. Саид-Ахмад-бий послал в Русское государство отослал своего гонца Исен-Али. Со слов теку-дувана стали известны обстоятельства его отправления. Бий отставил кандидатуру Исен-Али и принял решение отправить посольством карачи Кудояра вместе с Д.И. Губиным. Однако Исен-Али потребовал отправить в Москву именно его, так как он сможет добиться требуемых выплат. В противном случае он пригрозил бию отъехать от него со всей семьей. По мнению теку-дувана, бий уже готов снять требование выплат, если великокняжеское правительство проявит твердость. Ногайский чиновник предлагал задержать в Москве Исен-Али (ПКСРНО, с. 154).

В пользу такого мнения свидетельствовало и то, что карачи и «временники» требовали у Саид-Ахмада снять требование возвращения «Баракова грабежа». Сторонниками жесткой линии в переговорах по этому вопросу оставались только Алач и Бузюк-мулла, чье имущество пропало в результате ограбления каравана Барак-батыра (Там же).

24 сентября 1535 г. Исен-Али прибыл в Москву. Саид-Ахмад-бий продолжал требовать возвращения «Баракова грабежа» и «девятных поминок», по статусу полагавшихся ханам (ПКСРНО, с. 155–156). Бий настаивал на возмещении Исен-Али пропажи 17 коней. Высказывал претензии к касимовцам: в Мещере ногаи выкупили своего полоняника за коня, мешчеряки коня отдали, а пленника не отдали. Саид-Ахмад сообщал о поимке половины «Ямгурчевых детей» и предлагал (при желании великого князя) отослать их в Россию (ПКСРНО, с. 156). Это предложение, на мой взгляд, красноречиво свидетельствует о выдавливании Ямгурчевичей из политической жизни Ногайской Орды, так как в политической борьбе постзолотоордынские государства использовали наряду с физическим устранением противников, ссылку их в сопредельные страны (Моисеев, 2006, с. 484 – 485). Интересна приписка, выполненная на обороте бийского послания от имени Бучюк хафиза, Алача и теку-дувана. Они просили «поклон им приказать» в том случае, если великий князь своему «юрту добра» захочет (ПКСРНО, с. 156).

В грамоте Ходжи-Мухаммада-мирзы содержалось предложение конфликта с Русским государством. Он, со своей стороны, прекратит набеги, если тоже сделают касимовцы. Предлагал возобновление торговых отношений (ПКСРНО, с. 157–158).

7 октября 1535 г. в Москву вернулся гонец Джан-Пулад, привезший третью отписку от Д.И. Губина и сообщивший, что Саид-Ахмад отпустил русского посла на Родину (ПКСРНО, с. 158). Д.И. Губин писал о готовности мирз правого крыла к мирным отношениям с Русским государством, если только великокняжеское правительство прекратит агрессию касимовцев (ПКСРНО, с. 159).

25 августа 1535 г. на съезде мирз Саид-Ахмад вновь повторил свои имущественные требования к Русскому государству. Д.И. Губин вступил в дискуссию с ногайской стороной, но это ни к чему не привело. Саид-Ахмад соглашался на шертование только при выполнении своих требований. Д.И. Губин прибег к последнему средству пригрозив, что если бий отпустит его «без дела», то так же поступит и великий князь (ПКСРНО, с. 159–160). Однако бий остался непреклонен. Возвращаясь в стан, Д.И. Губин был обнадежен Кудояром и теку-дуваном, что Саид-Ахмад пришлет к нему своих представителей и они объявят о согласии его на московский вариант шерти (ПКСРНО, с. 160). Д. И. Губин вместе с Кудояром прождали день решения бия, рано по утру следующего дня кудояр поехал к Саид-Ахмаду выяснит о его решении. Вернувшись, он сообщил русскому послу, что бий остался на старых позициях и их надежды не оправдались. После этого послы двинулись в Русское государство. На обратной дороге их к себе пригласил Ходжи-Мухаммад-мирза. Он подчеркнул свою готовность к мирным отношениям с Москвой при условии прекращения нападений касимовцев (ПКСРНО, с. 160–161). Саид-Ахмад попытался отобрать у Д.И. Губина грамоты, посланные к Мамаю. Их должен был изъять теку-дуван и дать для переписки Бузюк-мулле, чтобы Мамай не знал о посланных к нему поминках, но Д.И. Губину удалось послания сохранить у себя (ПКСРНО, с. 162).

По описанию русского посла, ногайское посольство было внушительным. При этом состав их представляется разношерстным. Так, некоторых послов назначил сам Кудояр. Сами мирзы не знали кто поехал в Русское государство из ордобазарцев с торговыми целями, а так же для поиска пленников. Уже в дороге Д.И. Губин узнал от Богданки полоняника серебряного мастера об убийстве Джан-Али и возведении на престол власти в Казанском ханстве Сафа-Гирея. 29 сентября Губин отправил Богданку к великому князю (ПКСРНО, с. 162 – 163).

24 октября 1535 г. Д.И. Губин и ногайские послы прибыли в Москву. 23 ноября 1535 г. послов вызвали к великому князю (ПКСРНО, с. 164). Общие претензии ногайских аристократов были направлены против касимовских татар (ПКСРНО, с. 164, 165). Делался акцент на необходимости повышения как качественное так и количественное поминков, отсылаемых к ним для нормального развития русско-ногайских отношений (ПКСРНО, с. 164–165, 166, 167). 21 февраля 1536 г. начались переговоры с ногайскими послами. Ф.И. Карпов, М. Путятин и Ф. Мишурин спросили Кудояра есть ли наказ «оприч грамот». Кудояр огласил готовность своего сюзерена быть в союзе с Русским государством против Крымского, Казанского ханств и Великого княжества Литовского при условии отсылки к нему поминков аналогичных поминкам крымского хана (ПКСРНО, с. 167–168). Ф.И. Карпов отметил, что бий не шертовал, а великий князь «дружбу не выкупает» (ПКСРНО, с. 168). Кудояр объяснял позицию бия тем, что русская сторона не вернула «Бараков грабеж», но теперь Саид-Ахмад готов на дружественные отношения с Москвой и при новом русском после обязательно шертует. Русские представители осведомились: готовы ли ногайские послы дать правду в том, что Саид-Ахмад в самом деле шертует в ходе нового русского посольства (ПКСРНО, с. 168).

Кудояр подтвердил эти намерения, потребовал прекратить нападения касимовцев и освободить плененных ногаев. Ф.И. Карпов принял претензии ногайской стороны. Пообещал казнить нападавших. Русские власти предупреждали ногаев, что они послали отряд касимовцев на Волгу «от Казанцев беречи», но если они пойдут под ногайские улусы, то призывали их казнить. Тех же из них после совершения преступлений вернется в Россию великокняжеское правительство обещало покарать (ПКСРНО, с. 169).

23 февраля 1536 г. шертная запись была прочитана перед ногайскими послами и те, одобрив ее, присягнули (ПКСРНО, с. 169–170). Русское правительство оставалось на своих позициях. Оно предлагало придать забвению дела происходившие при Василии III. Ввели требование безопасности следования русских купцов через степь, в случае нападения на них виновных казнить, а пленников и «грабеж» вернуть без откупа. При кочевании у границ Русского государства, на «украины» не нападать. Правительство Елены Глинской настаивало не брать с посла пошлин, это же требование распространялось и на русских купцов (ПКСРНО, с. 170–173). Учитывая ситуацию в орде, предполагалась возможность шертования Саид-Ахмад-бия одного, без мирз (ПКСРНО, с. 173).

Через два месяца после общеногайского посольства, возглавляемого карачи Кудояром, в Москву приехали послы от мирз правого крыла Ногайской Орды. Посольство прислали Кель-Мухаммад-мирза, Чемаш-мирза, Усек-мирза, Исмаил-мирза, Урак-мирза, Уразлы-мирза, Джан-мирза и крымский Баки-бек мангыт (ПКСРНО, с. 134–135). Послы, прибыв в Москву, не захотели стоять на одном дворе с бийским послом Кудояром, поэтому их разместили на Городецком дворе за Яузой (ПКСРНО, с. 135). Не смотря на то, что это посольство прибыло много позже бийского, на двор их вызвали 2 января 1536 г., тогда как после первого визита 23 ноября 1535 г. бийских послов держали без официальных переговоров до конца февраля 1536 г.

Общим местом грамот мирз стало подчеркивание дружественности к Русскому государству, готовность препятствовать нападениям Крымского ханства, ожидание от Москвы поминков (ПКСРНО, с. 135, 136, 137). Кель-Мухаммад-мирза обещал противодействовать не только крымцам и хаджитарханцам, но и сообщать об агрессивных намерениях ногайской аристократии (ПКСРНО, с. 136). Исмаил-мирза ограничивал союзные обязательства, отказываясь вступать в борьбу с Казанским ханством и Великим княжеством Литовским. Он же просил прислать к нему пушку и пушечника (ПКСРНО, с. 137).

Подобная позиция мирз правого крыла Ногайской Орды давно обратила на себя внимание историков. Анализируя русско-ногайские отношения, они пришли к выводу об особой роли этих мирз в дипломатических контактах (Перетяткович, 1877, с. 134, 143, 180; Шмидт, 1954, с. 212; Шмидт, 1977, с. 49; Шмидт, 1999, с. 120). Вместе с тем необходимо отметить, что выраженной геополитической ориентации западных мирз на Россию в 30-х гг. XVI века не было. Так, Исмаил-мирза исключал возможность участия в русско-казанском противостоянии. Легко заметить, что мирзы правого крыла были готовы противодействовать крымскому хану, но они и так находились в «стороже» от Крыма (ПКСРНО, с. 128, 133). При этом за эту службу ногаи ждали соответствующих поминок, при отсутствии их они намеривались напасть на русские украины (ПКСРНО, с. 137). Очевидно, что стимулом к сближению с Россией стала политика Саид-Ахмад-бия направленная на аккумуляцию всех поминок идущих из Москвы в своих руках (ПКСРНО, с. 124, 125, 127, 147, 162).

Это привело к отсутствию необходимых вещей у большинства ногайских мирз, особенно «молодых».

Интерес правительства Елены Глинской к группировке западных мирз диктовался не в последнюю очередь информацией о наличии у них агентов в Крымском ханстве и Хаджи-Тархане (ПКСРНО, с. 138). Ногайские мирзы брались оберегать русские украинцы от крымцев по осень. Русские дипломаты высоко оценили эти предложения и к ним отправили посольством П.Д. Левского (ПКСРНО, с. 139). Дабы укрепить наметившийся союз подготовили шертную запись. Перед присягой послы попробовали получить с Русского государства денежные выплаты. По их словам, те мирзы, что кочевали по левому берегу Волги получали с Хаджи-Тархана 60 000 алтын, а с «московские земли» – 40 000 алтын. Если Русское государство готово к подобным выплатам, ногаи присягнут на шерти. Ф. И. Карпов «с товарищи» остался не преклонен: «Государь наш дружбы не выкупает...». Если будут мирзы держать к великому князю дружбу, то и он готов «поминки свои посылати». Этот ответ вполне удовлетворил послов и они, прочитав шертную запись, одобрили ее и присягнули (ПКСРНО, с. 139–140).

Шертная запись базировалась на антикрымских предложениях ногайских мирз (ПКСРНО, с. 140). Развитием стали пункты об освобождении русского полона захваченного крымцами и возвращение его в Русское государство (ПКСРНО, с. 140–141), не нападении их самих на русские украинцы. По прибытии к мирзам П. Д. Левского ожидалось их шертование (ПКСРНО, с. 141).

9 февраля 1536 г. послы покинули Москву. В грамотах ногайских мирз призывали к шертованию (ПКСРНО, с. 142). Перед русским послом стояла у мирз задача избегать любых обязательств, ссылаясь на то, что «государево слово моей правды боле» (ПКСРНО, с. 144). С П. Д. Левским к мирзам отправили две станицы служилых татар, после того как его отпустят, то одну – следовало оставить у мирз «для вестей» (ПКСРНО, с. 145).

Успех переговоров с мирзами западного крыла Ногайской Орды, отчетливое представление об оппозиции политике бия позволили русскому правительству более резко противостоять требованиям Саид-Ахмад-бия. 26 февраля 1536 г. к бию в Ногайскую Орду отправили Н. С. Волошенина. В грамоте Саид-Ахмаду содержалось требование прекратить свои не обоснованные претензии (ПКСРНО, с. 173). Общим местом всех посланий к ногайской аристократии явился призыв шертовать, свободной торговли (ПКСРНО, с. 174, 175–176). Русские власти обещали Саид-Ахмад-бию разыскать пленных ногаев и отпустить (ПКСРНО, с. 174).

Н.С. Волошенину предписывалось пошлин никаких не давать, настаивать на шертовании (ПКСРНО, с. 177, 178). В наиболее болезненном вопросе русско-ногайских отношений – «мещерском» – посол от имени Русского государства обещал безопасность (ПКСРНО, с. 178). Вопрос о поминках однозначно увязывался с процессом шертования ногаев (ПКСРНО, с. 179).

Таким образом, к началу 1536 г. русской дипломатии в целом удалось преломить неприятную для себя тенденцию в русско-ногайских отношениях. Благодаря информации, полученной от Д.И. Губина, в Москве имели отчетливое представление о положении дел в Ногайской Орде. Политику бия, направленную на конфронтацию с Русским государством, не поддерживало большинство мирз, племенной аристократии и дворцового аппарата орды. Искусственное затягивание переговорного процесса начало раздражать их, и от молчаливого противодействия этой политики они перешли к открытому возмущению. Очевидным успехом стали инициативы мирз правого крыла Ногайской Орды и, хотя говорить о геополитической ориентации их на Россию еще преждевременно, стягивание этих мирз в орбиту русской внешней политики было заметно.

Необходимо отметить, что правительство Елены Глинской надеялось не только на дипломатические мероприятия по организации безопасности русских границ. В наиболее критических районах проводилась систематическая градостроительная политика. В этом контексте происходило строительство городов в Мещере. В декабре 1535 г. было велено поставить «град древян» на р. Мокше в месте называемой Рунза. Постройка объяснялась тем, что «в тех местех несть градов близу». Строительство закончили 27 марта 1536 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 105). В конце марта 1536 г. из Москвы приказали переставить Темников «на иное место» на р. Мокше, так как старый город оказался «мал и некрепок». Перенос и перестройка Темникова завершены 2 августа 1536 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 109, 110).

25 августа 1536 г. в Москву из Ногайской Орды вернулся гонец Джан-Пулад вместе с послами от мирз западного крыла (ПКСРНО, с. 183). Главой посольства выступил ордобазарец Ян-Сары (Джан-Сары?). Он жаловался на грабеж казанцев (ПКСРНО, с. 183, 184). В посланиях Кель-Мухаммад-мирзы, Урак-мирзы и Джан-мирзы содержались заверения в искренней дружбе с Рус-

ским государством (ПКСРНО, с. 184, 185, 187). Урак-мирза объявлял казанского хана извечным недругом ногаев (ПКСРНО, с. 186). Сохранялись претензии к деятельности касимовцев в степи. Мирзы требовали освободить захваченных ими 60 человек (ПКСРНО, с. 184, 186, 187). Кель-Мухаммад подтверждал готовность мирз западного крыла противостоять крымцам при их нападении на русские границы (ПКСРНО, с. 184). Урак-мирза брал на себя роль осведомителя Русского государства о тайных планах верхушки Ногайской Орды (ПКСРНО, с. 185). Он же настаивал на свободной торговле с Россией, а так же на адресных (к каждому мирзе) посольствах (ПКСРНО, с. 185–186).

16 октября 1536 г. послы Кель-Мухаммада и других мирз приглашены на двор. Мед им подавали в серебряных ковшах, тогда же состоялась церемония отпуска послов на Родину. С ними направлялся гонец Р. Еманов «с товарищы» (ПКСРНО, с. 187). Требование освобождения 60 пленников не нашло поддержки у правительства Елены Глинской. Дипломаты отмечали, что они напали на русские земли и поэтому выдаче не подлежат (ПКСРНО, с. 188–189). Р. Еманов вез и «опасную» грамоту Черкес-беку казанскому, укrywшемуся у мирз правого крыла Ногайской Орды после переворота в Казани (ПКСРНО, с. 189).

20 ноября 1536 г. в Москву вернулся П. Д. Левский с послами от Кель-Мухаммада и мирз (ПКСРНО, с. 189, 190). Тон посланий на этот раз отличался резкостью. Мирзы негодовали отказом русских властей в освобождении 60 пленников, недостойными поминками (ПКСРНО, с. 190, 191, 192). Это посольство, по образному выражению Кель-Мухаммад-мирзы, пришло «правды твоей отведати» (ПКСРНО, с. 190). Он отмечал, казанский хан постоянно присылает к ним послов, чтобы они пошли войной на Москву. В случае присылки достойных поминок, Кель-Мухаммад обещал не оказывать помощи Казани и беречь от Крыма. Он отмечал, что, стремясь к честным отношениям с Русским государством, напал на казанских купцов и послал Джан-мирзу с отрядом в 1 000 человек под Крымское ханство (ПКСРНО, с. 190–191).

3 января 1537 г. Н. С. Волошенинов вернулся из Ногайской Орды, его сопровождали послы от Саид-Ахмад-бия и мирз. Бий, по сообщению Н.С. Волошенина, продолжил политику по затягиванию переговорного процесса (ПКСРНО, с. 192). 26 января 1537 г. послы прибыли в Москву, 23 февраля 1537 г. после совещания бояр с великим князем Иваном IV, приняли решение о возвращении к старой церемонии встречи послов. Саид-Ахмад-бий требовал от Ивана Васильевича признать его себе «государем и братом» (ПКСРНО, с. 193).

Послы пробыли в Москве до июня 1537 г., в связи с задержкой, вызванной с «поиманием» князя Андрея Ивановича Старицкого. 19 июня 1537 г. послы были собраны на дворе. Ф.И. Карпов выступил с программной речью. Претензии Саид-Ахмада решительно дезавуировались. «И нам государь един Бог, а братья нам – турецкой салтан и иные цари» (ПКСРНО, с. 194), – заявил дипломат. С одной стороны, это очевидная манифестация суверенности Русского государства, с другой – это заявление свидетельствует о качественных изменениях, происшедших в представлениях о месте Москвы в постзолотоордынском мире. Русские идеологи решительно отказывались от тождества великих князей и улуг биев (эке нойонов), сложившегося во время ига (Селезнев, 2004, с. 15). Отныне московские великие князья равны царям, при чем позиционировалось равенство в первую очередь турецким султанам, вес и значение которых в мусульманском мире были общеприняты. То есть можно говорить, что русская политическая мысль выходила из золотоордынского политического понятийного поля и оперировала более «общими» категориями.

25 июня 1537 г. ногайские послы Кель-Мухаммед-мирзы и Саид-Ахмед-бия и мирз отправились домой, с ними к Саид-Ахмед-бию поехали гонцы, возглавляемые Девлет-ходжи (ПКСРНО, с. 195). Русские дипломаты требовали прекратить «безлепицу» более не писать, вопрос с поминками увязывался с шертованием (ПКСРНО, с. 196, 198). Предлагалось произвести обмен пленными (ПКСРНО, с. 197, 198).

19 октября 1537 г. в Москву прибыло посольство от Саид-Ахмед-бия и мирз (ПКСРНО, с. 199). Бий сообщал о структурных изменениях в орде. В «царево место» Саид-Ахмед определял себя, калгой назначили Шейх-Мамай, беклярбеком – Хаджи-Мухаммеда, преемником его определили сначала Мамай, но тот отказался из-за гнева на Русское государство. Тогда его место получил Юсуф-мирза (ПКСРНО, с. 200; Трепавлов, 2002, с. 190–191). Под эти изменения Саид-Ахмед потребовал соответствующие выплаты. Так ханские поминки («хан болек») причитались ему, те, что шли Бахадыр-султану (сын Мухаммед-Гирей-хана, погибший в Хаджи-Тархане в 1522 г.) – Шейх-Мамаю, то же предполагалось и для Хаджи-Мухаммеда. Мамаю полагалась «нурединова пошлина» (ПКСРНО, с. 200). Бий требовал скорейшего освобождения пленников и не держать послов бо-

лее 10 дней, мирзы присоединились к этим положениям (ПКСРНО, с. 200, 201). Юсуф-мирза общал о своем успешном походе на казахов (ПКСРНО, с. 202). Урак-мирза подчеркивал, что он выполняет союзные обязательства: не позволяет нападать на русские украинцы, однако мешеряне набеги не прекратили (ПКСРНО, с. 203). «Молодые» мирзы подчеркивали объединения «старшей братья» (ПКСРНО, с. 202, 203), на общем съезде бий, мирзы, карачи и беки решили придерживаться союза с Русским государством (ПКСРНО, с. 202, 203, 205). Основой союза стало желание получить поминки от русских властей (ПКСРНО, с. 202). Саид-Ахмад-бий для легитимации своего положения возвел на ханский престол в Ногайской Орде Хан-Пулад-султана (ПКСРНО, с. 205), по, весьма вероятной интерпретации В.В. Трепавлова, это казахский султан Хакк-Назар (Трепавлов, 2002, с. 191–192).

Таким образом, к сентябрю 1537 г. в Ногайской Орде положение Саид-Ахмед-бия упрочилось. Ногайская племенная элита приняла нововведения своего бия. Новая структура определила властные полномочия ведущих мирз. Это единение отразилось и на русско-ногайских отношениях: ногаи готовы к союзу с Москвой, но в обмен требуют поминки. Однако, Кель-Мухаммад-мирза и Урак-мирза – лидеры правого крыла орды – готовы препятствовать агрессивным намерениям своих соплеменников.

27 ноября 1537 г. русские гонцы из Крыма сообщили, что Баки-бек мангыт убил Ислам-Гирея, жен и улус его захватил. Среди захваченных оказался и московский беглец, известный авантюрист князь С. Бельский¹ (ПКСРНО, с. 205–206). В связи с полученной информацией правительство задержало ногайских послов, отпустили только послов Ходжи-Мухаммада и Баки-бека мангыта. С ним отправили гонцов во главе К. Кудинова 12 декабря 1537 г. (ПКСРНО, с. 206).

Русское правительство просило у Баки-бека С. Бельского на откуп, Ходжи-Мухаммаду предлагали выступить в этой операции посредником (ПКСРНО, с. 206–207).

22 июня 1538 г. К. Кудинов вернулся вместе с послами от Хаджи-Мухаммеда, Баки-бека и других мирз (ПКСРНО, с. 207). Хаджи-Мухаммед и Баки сообщали о включении в процесс выкупа князя С. Бельского черкасского князя, крымского хана Сахиб-Гирея и кафинского санджак-бея Ахмад-паши (ПКСРНО, с. 208, 209–210). Хаджи-Мухаммед-мирзе удалось убедить Баки-бека отдать Бельского русским за цену черкасского князя. В изложении Баки цена эта состояла из 4 панцирей с полным доспехом, 10 шуб горлатных, 2 шубы горностаенных с атласом, 10 шапок черных, 4 шапки красные, 2 шубы «хребтовые белы», 2 – собольи, 3 – куньи, 15 сукон ипских, 5 поставов сукон, 5 кадей меду, 5 седел «с уздами и с похвьями и с паперсинами», 11 паробков и 100 «копья литовских грошей» (ПКСРНО, с. 209).

Кель-Мухаммед-мирза выдвинул претензии к Русскому государству в нарушении шерти (ПКСРНО, с. 210). Он требовал вернуть украденное имущество и освободить пленных (ПКСРНО, с. 211). Сообщал, что возглавлял поход Баки-бека на Исмаил-Гирея (ПКСРНО, с. 210).

27 июня 1538 г. послов собрали на дворе. Переговоры касались вопроса о выкупе князя С. Бельского. Послы Хаджи-Мухаммеда-мирзы и Баки-бека присоединились к требованиям Кель-Мухаммеда освободить пленных ногаев. Русская сторона согласилась с этими претензиями (ПКСРНО, с. 211). 9 июля 1538 г. на двор вызвали посла Хаджи-Мухаммед-мирзы, после непродолжительной встречи с великим князем, он прошел на Казенный двор. Там его встретили Ф.И. Карпов и М. Путятин. Они выдали 39 пленников и пообещали выдать еще, если найдут (ПКСРНО, с. 211–212).

В июне 1538 г. состоялись переговоры с Кудояром. Вели их по-прежнему Ф.И. Карпов и дьяки М. Путятин и Ф. Мишуринов (ПКСРНО, с. 212). Требование бием и его окружения «крымских поминков» русские переговорщики решительно отвели. Они заметили, что позиция Саид-Ахмед-бия мало согласуется с его же предложениями союза. В вопросе получения ногаями поминков русские дипломаты вводили принцип службы, что сближало их с жалованьем. Отношения предлагалось вести на принципах, имевших место при Василии III. В Ногайскую Орду к бию отправлен посланник Я. А. Кашинцев (ПКСРНО, с. 213). В грамотах бию и мирзам содержалось недвусмысленное требование прекратить взыскивать «крымские поминки» (ПКСРНО, с. 214, 215). Русская сторона обещала продолжить розыск пленных и вернуть их на Родину, требовала обеспечить безопасность своего посла (ПКСРНО, с. 215).

¹ Подробнее о князе С.Ф. Бельском, см.: Кром, 2000, с. 98–115; Зайцев, 2005, с. 298–317; Ерусалимский, 2011, с. 191–192, 339–340, 350, 352.

Я.А. Кашинцев в Ногайской Орде должен был подтвердить решительность мер, предпринимаемых для защиты ногаев от касимовцев. В случае их нападения на ногайские кочевья, великокняжеское правительство призывало давать им вооруженный отпор. Договор о защите ногаев от касимовцев предполагалось заключить в Москве после возвращения Я.А. Кашинцева и больших ногайских послов (ПКСРНО, с. 217–218).

В орде Я.А. Кашинцев должен выяснять перекочевку и зимовки ногаев. Отношения их с Казанью, Хаджи-Тарханом, Крымом и Казахским ханством. Готовят ли ногаи поход на казахов (ПКСРНО, с. 221).

21 июля 1538 г. послам Хаджи-Мухаммеда, Баки-бека и Исмаила объявлено об отправке к их господам послом И.Г. Выродкова. 25 июля 1538 г. послу Мамайя сообщили об отправлении с ним посла Шемета Мотякина (ПКСРНО, с. 222).

Перед И.Г. Выродковым стояла задача подтвердить дружественность русского правительства по отношению к мирзам правого крыла Ногайской Орды. Он должен сообщить ногаям, что выкуп доставит А. С. Упин в Елатьму, где по плану московских властей прошла бы процедура выкупа князя С. Бельского (ПКСРНО, с. 223, 225). Согласившись с предлагаемым выкупом, в Москве отказались от включения в него 11 человек, в связи с недопустимостью дачи христиан в откуп (ПКСРНО, с. 226).

В грамоте к Хаджи-Мухаммеду упоминается его запрос о помощи в постройке города на «Бобекове селище». Он просил прислать к нему 100 «топорщиков», 10 пищальников и некоего доброго человека. Правительство Елены Глинской тактично отказало в помощи, сославшись на невозможность сейчас прислать людей. Однако, подчеркнуло свою готовность помочь в будущем (ПКСРНО, с. 227). Этот момент демонстрирует маскируемое нежелание русских оказать помощь в степном градостроительстве, что можно объяснить заинтересованностью в союзе с мирзами правого крыла. Так, Хаджи-Мухаммед предлагал в случае войны Русского государства с Крымским ханством и Великим княжеством Литовским послать на крымцев 20 000 человек под командованием Алимирзы (ПКСРНО, с. 227).

Исмаил-мирзе отводилась роль посредника в процессе выкупа князя С. Бельского, его же просили освободить сына подьячего К. Лобанова – Андрея (ПКСРНО, с. 229, 230). Самым напряженным аспектом в русско-ногайских отношениях стали столкновения кочевников со степняками. Русское правительство решительно отметало обвинения Кель-Мухаммад-мирзы в «поруке шерти», сводя все инциденты к частным преступным инициативам. Дипломаты намерено расширили список участников нападений. Среди них казанцы, азовцы, крымцы и «иные баловни казаки» с которыми смешивались касимовцы. «На лихо их никто не учит», а после набегов они разъезжаются по своим землям (ПКСРНО, с. 23–231). Вместе с тем русское правительство продемонстрировало свою решительность в вопросе наведения порядка на пограничье. Было оглашено начало розыска в Касимове, по итогам, которого виновные должны понести суровое наказание, а пленные ногаи вернуться на Родину (ПКСРНО, с. 231).

К сожалению, на этом посольская книга обрывается, и дальнейший ход русско-ногайских отношений восстанавливается на весьма скудных летописных сведениях. 28 августа 1538 г. вернулся из Ногайской Орды Я. А. Кашинцев, его сопровождали послы Саид-Ахмед-бия, Хаджи-Мухаммед-мирзы и других мирз. Согласно летописи ногайские послы просили великого князя «учинить» Саид-Ахмеда с собою в дружбе, а так же они добивались разрешения на торговлю (ПСРЛ, т. 13, с. 125). 6 мая 1539 г. вернулся от Хаджи-Мухаммед-мирзы И.Г. Выродков, который должен был выкупить князя С. Бельского, однако, его миссия оказалась безуспешной (ПСРЛ, т. 13, с. 128–129). Осенью 1539 г. в Москву прибыли послы от мирз правого крыла Ногайской Орды, в марте 1540 г. прибыли послы от Саид-Ахмед-бия и мирз. Они били челом от своих господ, что бы «князь великий их жаловал и дружбу свою к ним держал» (ПСРЛ, т. 13, с. 130, 131). Отношения поддерживались и дальше. В мае 1540 г. пришли послы от Кель-Мухаммед-мирзы, в ноябре 1540 г. прибыли послы от Хаджи-Мухаммед-мирзы и сообщали о намерении его «великому князю служить прямо» (ПСРЛ, т. 13, с. 132, 134). 24 ноября приехали послы от Саид-Ахмед-бия и мирз. Предметом переговоров, по сообщению летописи, вновь стало желание ногаев, что бы русские власти держали к ним дружбу, так же как это было при Василии III (ПСРЛ, т. 13, с. 134–135).

Однако умиротворенности в русско-ногайских отношениях не было. В декабре 1540 г. ногайские отряды приняли участие в походе Сафа-Гирей-хана на Муром. Шах-Али в Мещере «обезвредил» ногайских загонщиков (ПСРЛ, т. 13, с. 135). Впрочем, эти события не привели к разрыву в отношениях с ногаями. В феврале 1541 г. к Саид-Ахмед-бию отправился русский посол П. Д. Тур-

генов, вероятно, он должен был привести ногаев к шерти (ПСРЛ, т. 13, с. 135–136). В мае 1541 г. в Москву прибыли послы от мирз правого крыла Ногайской Орды, летопись упоминает только о торговых целях этого посольства (ПСРЛ, т. 13, с. 137).

В июле 1541 г. на Русское государство совершил провальный поход крымский хан (ПСРЛ, т. 13, с. 137–139), участие в нем принимали и ногаи (ПСРЛ, т. 14, с. 137, 138). Однако представлять этот поход как единый фронт «всех татарских улусов», а также Турции (Каргалов, 1998, 245) нельзя. Участие в походе принял крымский мангыт Баки-бек, одно время проживавший в Ногайской Орде, с ним, по русским данным, прибыли ногаи, но упоминаний о деятельности собственно ногайских мирз мы не находим. По всей видимости, ногайская элита отнеслась с равнодушием к предприятию Сахиб-Гирей-хана. Уже в сентябре 1541 г. в Москве было посольство от мирз правого крыла Ногайской Орды. Они просили великого князя быть с ними в крепкой дружбе, а в ноябре 1541 г. новое ногайское посольство сообщило об изменении власти в орде: на ногайский престол взшел Шейх-Мамай-мирза (ПСРЛ, т. 13, с. 140). Это оказалось последним известием о русско-ногайских отношениях до 1548 г.

В изучаемый период русско-ногайские отношения характеризовались борьбой вокруг статуса Ногайской Орды. Саид-Ахмед-бий решительно отказался от традиции вассалитета ногайской аристократии перед московским великим князем. Эта политика опиралась на внутривнутриполитическом кризисе в Русском государстве, связанном с фактом малолетства Ивана IV. Правительство Елены Глинской последовательно отвергало попытки ногайской дипломатии утвердить новое понимание русско-ногайских отношений. Камнем преткновения стал процесс шертования. Ногаи требовали признать бия «отцом» русскому князю, возместить убытки понесенные ими при Василии III, а также увеличить количество «поминков» и даже объявили свои претензии на ордынский «выход». При удовлетворении своих требований ногаи были готовы шертовать Ивану IV. Русская дипломатия в лице сподвижников покойного великого князя Василия III Ф.И. Карпова и дьяков М. Путятина и Ф. Мишурина решительно воспротивилась такому нажиму ногайской знати. Главным контрдоводом стало последовательное указывание ногайскому бию на его место в международной иерархии. В процессе шертования русские власти усматривали необходимый момент для положительного развития русско-ногайских отношений, подчеркивая, что великий князь «дружбу не выкупает». Большую роль в противостоянии политике Саид-Ахмед-бия сыграла информированность русского внешнеполитического истеблишмента о реальном положении дел в Ногайской Орде. В этой связи необходимо отметить миссию русского посланника Д.И. Губина, который смог наладить бесперебойное снабжение оперативной информацией московских дипломатов. Благодаря его деятельности, в Москве своевременно узнали о наличии серьезной оппозиции политике Саид-Ахмеда в самой Ногайской Орде, в расчете на которую московская дипломатия и строила свою политику, направленную на дезавуирование притязаний бия.

В это время проявилась и зависимость геополитической ориентации ногайских мирз от территорий кочевания. Так, мирзы западного крыла Ногайской Орды изъявили желание на приоритетные отношения с Россией. В обмен на это они были готовы противодействовать антирусским действиям Крымского ханства и своего бия. Однако говорить об ориентации на Русское государство преждевременно. Так как, именно эти мирзы являлись основной движущей силой антимосковской борьбы за Казань. Вместе с тем, интерес мирз западного крыла к развитию дружественных отношений с Россией позволил великокняжеским дипломатам более решительно противостоять притязаниям Саид-Ахмед-бия.

Существенным моментом, осложнявшим русско-ногайских отношений, стала затянувшаяся вражда ногаев и касимовцев, сопровождавшаяся взаимными нападениями. Для преодоления кризиса отношений московские власти предприняли последовательные действия направленные на оздоровление обстановки на степном фронтире. Эта политика состояла из двух основных моментов. Во-первых, русские власти освобождали пленных ногаев и приказывали касимовцам не тревожить ногайские кочевья. В результате, правительство Е. Глинской решило произвести розыск в самом Касимове для освобождения пленных ногаев и наказания виновных. Во-вторых, в Мещере – месте нападений ногаев – было развернуто активное градостроительство.

Дипломатия правительства Елены Глинской смогла достичь сохранения итогов русско-ногайских отношений конца XV – 1-ой трети XVI веков. Одновременно сложились условия активизации своей политики в Поволжье, основанные на заинтересованности мирз правого крыла Ногайской Орды в союзных отношениях с Москвой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимушкин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-е годы XVI в. – 60-е годы XVII в. // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран. Культура. История. Филология. Спб.: «Наука», 2004.
2. Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сборник научных трудов. Рязань, 2004. Т. 5.
3. Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI – начала XVII в. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2011.
4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
5. Зайцев И.В. «Позабыв Бога и наше жалование, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского) // Ad Fontem / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005.
6. Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М.: «Русская панорама», 1998.
7. Кром М.М. Политический кризис 30–40-х годов XVI века (Постановка проблемы) // Отечественная история, 1998, № 5.
8. Кром М.М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4.
9. Моисеев М.В. Выезд татар и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006.
10. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
11. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
12. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13.
13. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 1.
14. Селезнев Ю. В. Социально-политическая иерархия Золотой Орды и система титулований на Руси в XIII–XIV веках // Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004.
15. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.
16. Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954.
17. Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Труды Чувашского НИИ. Вып. 71. Чебоксары, 1977.
18. Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М.: «Наука», 1999.

Список сокращений

- ПКСРНО – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

М.В. Моисеев

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ И БОЯРЛАР ИДАРӘСЕ ЗАМАНЫНДА РОССИЯНЕҢ
НУГАЙ УРДАСЫ БЕЛӘН МӨНӘСӘБӘТЛӘРЕ (1534–1541 ЕЛЛАР)

Мәкалә Рус дәүләтендә кризис вакытында рус-нугай мөнәсәбәтләре барышын яктыртуга багышланган. Сәед Әхмәт бинең кечкенә яшьтәге бөек кенәз Иван IV даирәсеннән үзен Кырым ханнары белән бертигез икәнән раслатырга тырышуы күрсәтелә. Ләкин рус дипломатиясе рус-нугай мөнәсәбәтләрендә үзе өчен кайбер тискәре тенденцияләргә жинүгә ирешә. Бер үк вакытта нугай морзаларының геополитик ориентацияләренә күчәнү жирләренә бәйлеләге ачыклана. Әйтик, Нугай Урдасының көнбатыш канаты морзалары Россия белән мөнәсәбәтләргә өстенлекле итү теләген белдерәләр. Алар алмашка Кырым ханлыгының һәм биләрнең русларга каршы эшчәнлегенә каршылык күрсәтергә эзер булуларын әйтәләр. Ләкин аларның Рус дәүләтенә йөз тотуы турында сөйләргә әле иртәрәк. Шул ук вакытта Нугай Урдасының көнбатыш канаты морзалары Россия белән дустанә мөнәсәбәтләргә үстерүгә кызыксынуы бөек кенәз дипломатларына Сәед Әхмәт бинең таләпләренә кыюрак каршы торырга мөмкинлек бирә. Бу эшнең төп нәтижәсе булып Елена Глинская хөкүмәте һәм боярлар идарәсе дипломатиясенә XV гасыр – XVI йөзгә беренче өч дистә елында рус-нугай мөнәсәбәтләрендә ирешелгән нәтижеләрне саклап калуы тора. Бер үк вакытта Нугай Урдасының көнбатыш канаты морзаларының Мәскәү белән союздаш мөнәсәбәтләр урташтырудагы кызыксынуы аңа Идел буенда сәясәттен активлаштыру өчен шартлар тудыра.

Ачыкч сүзләр: рус-нугай мөнәсәбәтләре, Россиянең көнчыгыш сәясәте, «бүләкләр», ант, кенәз Семен Бельский, ант бирү грамоталары, Касыйм, касыйм татарлары, мешера казаклары, әсирләр.

M.V. Moiseev

**RELATIONSHIP OF RUSSIA WITH THE NOGAI HORDE IN YEARS
OF ELENA GLINSKAYA'S REGENCY AND BOYARS BOARD (1534 - 1541)**

The article is devoted to the history of Russian-Nogai relations period of political crisis in the Russian state. Shown as by Said-Ahmad tried to make the environment a minor Grand Duke Ivan IV recognition of their equality with the Crimean khans. However, the Russian diplomacy of that time, has successfully overcome a number of negative trends in the Russian-Nogai relations. At this time seen and the dependence of the geopolitical orientation of the Nogai Mirzes from the territories of nomadism. So, western Mirzes the West wing of the Nogai Horde have expressed a desire for priority relations with Russia. In exchange, they were willing to oppose the anti-Russian actions of the Crimean khanate and its beating. But to talk about the orientation of the Russian state prematurely. However, the interest Mirzes the «West wing» to the development of friendly relations with Russia has allowed the Grand diplomats more determined to resist the claims of Said-Ahmed-Bey. The main conclusion was that the diplomacy of the government Helena Glinskaya and seigniorial period, the Board was able to achieve conservation outcomes of the Russian-Nogai relations in the late XV – the 1st third of the XVI centuries. At the same time has created an environment intensify its policy in the Volga region, is based on the interest mirzes the right wing of the Nogai Horde in the Union's relations with Moscow.

Keywords: Russian-Nogai relations, eastern policy of Russia, «pominki», shart, duke Semen Belsky, charters of shart, Kasimov, kasimovs tatar, meshersky kossaks.

Сведения об авторе:

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, зав. сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», отдел «Музей Археологии Москвы» (г.Москва); E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Моисеев Максим Владимирович – тарих фәннәре кандидаты, Мәскәүнең ДБМО «Музей Москвы» музей берләшмәсе» сектор мөдире, «Мәскәү археологиясе музей» бүлеге (Мәскәү шәһәре).

Moiseev Maksim Vladimirovich – Cand. Sci. (History), Head of sector Moscow city museum, Museum of archeology of Moscow (Moscow).

УДК 94"1551/1577"(477.75)

**ОСМАНСКИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
КРЫМСКО-ОСМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ
ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I
(1551–1577)***

© 2015 г. И.А. Мустакимов

В статье дан обзор комплекса тюркоязычных (в основном османских) источников по истории крымско-османских отношений третьей четверти XVI в., отложившихся в древлехранилищах Турции и некоторых других стран. Основным хранилищем документов по названной теме является Османский архив при Премьер-министре Турецкой Республики (*Başbakanlık Osmanlı Arşivi*), в котором отложились документы ведомств Османской империи. Документальные источники по истории крымско-османских отношений середины – третьей четверти XVI в. отложились также в архиве и библиотеке Музея дворца «Топкапы» (*Topkapı Sarayı Müzesi*), библиотеке «Сулеймания» (*Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi*).

Намечены пути дальнейшего поиска документов по истории крымско-османских отношений в архивохранилищах Турции.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, Польско-Литовское государство, дипломатия, документальные источники. Османский архив при Премьер-министре Турции, Музей дворца «Топкапы», библиотека «Сулеймания».

Османские и сохранившиеся в гораздо меньшем количестве татарские документальные источники для изучения истории крымско-османских отношений XV–XVI вв. в своих исследованиях привлекали Й. фон Хаммер-Пургшталь, В.Д.Смирнов, А.Н.Курат, Х.Иналджик, А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькеже, Т.Гёкбилгин, Ж.Вайнштейн, М.Бериндеи, А.Фишер, Д.Колодзейчик, Ю.Озтюрк, И.В.Зайцев и многие другие авторы (Hammer-Purgstall, 1856; Fisher, 1981; Kurat, 1966; İnalçık, 1948; Berindei, 1972; Смирнов, 2005; Лемерсье-Келькеже, 2009б; Беннигсен, 2009; Гекбилгин, 2009; Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009б; Вайнштейн, 2009; Зайцев, 2004; Зайцев, 2009; Kolodziejczyk, 2000; Kolodziejczyk, 2012; Öztürk, 2014; Документы, 2008; Мустакимов, 2015б и др.).

Первые европейские исследователи этого предмета, не имея возможности работать в архивах Османской империи, пользовались османскими и татарскими документами, отложившимися в европейских архивах, а также письмовниками (*мюншеат*), содержащими образцы переписки мусульманских государей. Среди этих письмовников первое место занимал знаменитый сборник османского автора второй половины XVI в. Феридун Ахмед-бея (ум. 1583 г.) «Мюншеат ас-салатин» («Переписка государей»), законченный в 1574 г. (Mecmûa, 1274; Mecmûa, 1275). Несмотря на то, что достоверность представленных в сборнике Феридун Ахмед-бея документов (особенно раннего периода) является дискуссионной, эта компиляция имеет определенное значение для изучения истории крымско-османских отношений. В частности, она показывает представления османских правящих кругов второй половины XVI в. о месте крымских ханов в иерархии мусульманских и немусульманских правителей (Özcan, 2000, s. 20–22; Kastritsis, 2013, p. 99).

Открытие архивов Османской империи в XX в. позволило ввести в научный оборот большое количество документов по проблеме крымско-османских отношений. Тем не менее, богатство документального материала, отложившегося в древлехранилищах Турции, настоятельно требует своего изучения и введения в научный обиход.

* * *

К середине XVI в. крымские ханы уже три четверти века являлись вассалами османских падишахов. Вместе с тем, было бы несправедливо представлять крымских правителей конца XV–XVI вв. безропотными исполнителями воли османских падишахов (Трепавлов, 2009, с. 15; Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009б, с. 74, 83, примеч. 46; Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009в, с. 221–222, 248). Среди ханов XVI в. выделяется фигура Девлет-Гирея I. Ему удалось не только

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00394.

долго и относительно стабильно править ханством, пользуясь благоволением Высокой Порты, но и по мере возможности проводить внешнюю политику, отвечавшую собственно крымским интересам (Виноградов, 2007, с. 63–66).

Третья четверть XVI в., на которую приходится период правления хана Девлет-Гирея I (1551–1577), ознаменована большими изменениями в международной ситуации в Восточной Европе. В 1552–1556 гг. Московское государство завоевало Казанское и Астраханское ханства и вышло к Кавказу. Установление российского контроля над Средним и Нижним Поволжьем, попытки Московии закрепиться на Северном Кавказе вызвали обеспокоенность правящих кругов Крымского ханства и Османской империи. Эскалация ситуации в регионе вылилась в попытку Блистательной Порты установить свой контроль над Нижним Поволжьем. Это намерение Стамбула вызвало обеспокоенность хана, не желавшего усиления Порты в этом регионе, что привело бы к еще большей утрате самостоятельности Крымского ханства. В 1569 г. по инициативе Порты был осуществлен османско-крымский поход на Астрахань с целью присоединения Нижнего Поволжья к Османской империи. Неудачное завершение этого похода (отчасти из-за скрытого сопротивления хана) стало своеобразной вехой, надолго стабилизировавшей геополитическую ситуацию в данном регионе. Самостоятельные попытки Девлет-Гирея I переломить ситуацию в противостоянии с Москвой в свою пользу большого успеха не имели.

Во внутренней жизни Крымского ханства продолжается постепенная османизация, выразившаяся, в частности, в изменении формуляра и языка актов ханской канцелярии, в период правления Девлет-Гирея I подвергшихся сильному влиянию османской канцелярской традиции (Усманов, 1979, 134–135; Kolodziejczyk, 2012, p. 345–346, n. 298).

В «классический период» истории Османского государства (1520–1617) управление Османской империей осуществлялось по трем линиям – военно-административной, финансово-податной и судебной (İnalçık, 2015, s. 99, 102). Военно-административным направлением руководил великий везир, в османской табели о рангах являвшимся главным должностным лицом империи. Управление в финансовой сфере осуществляли дефтердары (руководитель (*баишдефтердар*) и заместители руководителя финансово-налогового ведомства (один, с середины XVI в. – двое)). Судебная власть была сосредоточена в руках кадиаскера Румелии (считался «старшим» кадиаскером) и кадиаскера Анатолии. Заключение по важным вопросам мусульманского права давал шейх-уль-ислам – глава корпорации улемов (мусульманских законоучителей) Османской империи. В соответствии с этим разделением функций в бюрократическом аппарате Порты документальные источники по крымско-османским отношениям, обычно представленные копиями документов, рассеяны по многочисленным реестрам, хранящимся в различных архивохранилищах и архивных фондах.

К настоящему времени документальные источники по истории крымско-османских отношений третьей четверти XVI в. выявлены в Османском архиве при Премьер-министре Турции (*Başbakanlık Osmanlı Arşivi*), архиве и библиотеке Музея дворца «Топкапы» (*Topkapı Sarayı Müzesi*), библиотеке «Сулеймания» (*Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi*).

Первое место по количеству и информативной ценности имеют копии султанских указов и посланий, записанные в «Реестрах важных дел» (*Мюхимме дефтерлер*). В них регистрировались тексты султанских посланий иноземным и вассальным правителям и указов, изданных от имени султана высшим органом управления Османской империи классического периода – имперским Диваном (*Диван-и хумаюн*). Реестры, помимо прочего, содержат копии высочайших посланий крымским ханам, польским королям, а также указов санджакбеям, кадиям, уполномоченным финансово-налогового ведомства (*эминам*) и прочим османским чиновникам. В этих документах затрагиваются вопросы взаимодействия Крымского ханства и Блистательной Порты в военной, внешнеполитической и экономической сфере (Лемерсье-Келькеже, 2009а, с. 44–46).

Самые ранние дошедшие до наших дней «Реестры важных дел» относятся к 951–952/1544–45 гг. (TSM, E–12321)¹ и 959/1552 г. (TSM, Koğuşlar 888). Эти реестры хранятся соответственно в архиве и библиотеке Музея дворца «Топкапы». В Османском архиве отложилась основная часть «Мюхимме дефтерлер» – 266 томов за 961–1323/1553–1905 гг., с лакунами за некоторые годы². В частности, недостает записей за 1556–1558, 1561–1564, 1566 гг.

¹ Этот реестр опубликован (Торкар, 2002).

² Ряд «Реестров важных дел», в том числе тома, относящиеся к третьей четверти XVI в., опубликованы (3 Numaralı, 1993а; 3 Numaralı, 1993б; 5 Numaralı, 1994а; 5 Numaralı, 1994б; 6 Numaralı, 1995а; 6 Numaralı, 1995б; 6 Numaralı, 1995в; 7 Numaralı, 1998а; 7 Numaralı, 1998б; 7 Numaralı, 1999а; 7 Numaralı, 1999б; 7 Numaralı, 1997а; 7 Numaralı, 1997б; 12 Numaralı, 1996а; 12 Numaralı, 1996б; 12 Numaralı, 1996в).

**Список «Реестров важных дел» (*Mühimme Defterleri*)
за период правления Девлет-Гирея I, хранящихся
в Османском архиве³**

№ п/п	Годы		Кол-во страниц
	хиджры	нашей эры	
1	961–962	1553–1554	317
2	963–964	1555–1556	245
3	966–968	1558–1560	570
4	967–968	1559–1560	213
5	973	1565	703
6	973	1565	673
7	975–976	1567–1568	1017
8	977–978	1569–1570	173
9	977–978	1569–1570	122
10	978–979	1570–1571	356
11	978–979	1570–1571	646
12	978–979	1570–1571	646
13	978–979	1570–1571	252
14/1	978	1570–1571	578
14/2	978	1570	1220
15	979	1571–1572	287
16	979	1571	394
17	979	1571	30
18	979	1571–1572	148
19	980	1572	371
20 ⁴	×	×	×
21	980–981	1572–1573	336
22	981	1573	353
23	981	1573–1574	365
24	981–982	1573–1574	345
25	981–982	1573–1574	347
26	982	1574	343
27	983	1575–1576	408
28	984	1576	399
29	984	1576–1577	230
30	985	1577	370
31	985	1577	311

Многие адресованные султанам донесения и послания предварительно рассматривались на имперском Диване. Менее важные вопросы рассматривались на Диване великого везира (*Икинди Диваны* или *Паша Диваны*).

По ряду проблем, считавшихся не столь значительными, великий везир или его заместитель (*каймакам* или *мухафиз*) имели право издавать указы от имени падишаха без доклада или согласования с последним, и даже без рассмотрения на имперском Диване. Такое же право в финансовых вопросах имели руководители финансово-налогового ведомства – дефтердары, а в вопросах мусульманского права – кадиаскеры Румелии и Анатолии (Heyd, 1960, p. 14–15).

Некоторые реестры в Османском архиве, причисленные к «Мюхимме дефтерлери» (№№ 1 (961–962/1553–1554 гг.), 2 (963–964/1555–1556 гг.), 4 (967–968/1559–1560 гг.), 15 (979/1571 г.), 25 (981–982/1573–1574), представляют собой «Бююрулду дефтерлери» («Реестры бююрулду»), т.е. распоряжения великого везира, почти исключительно посвященные пожалованиям и административным назначениям⁵. Применительно к теме настоящей статьи в «Бююрулду дефтерлери» содержатся сведения о пожалованиях родственников и приближенных Девлет-Гирея I и о том, за кого из

³ См. (Başbakanlık, 2000, s. 10–11).

⁴ «Реестр важных дел» за № 20 отсутствует.

⁵ Об источниковедческих особенностях «Мюхимме дефтерлери» и «Бююрулду дефтерлери» см. (Heyd, 1960, p. 3–31; Мустакимов, 2008, с. 27–32).

османских должностных лиц ходатайствовал хан. Кроме того, описания причин ходатайств (хорошая служба, доблесть, проявленная в сражениях и т.п.) позволяют составить более полное представление о событиях, происходивших в Северном Причерноморье в третьей четверти XVI в. (Мустакимов, 2008, с. 29).

Один «Реестр буюрулду» (BOA, A.DVN.MHM.ZYL, d. 1) за 980–981/1572–1573 гг. и два «Реестра важных дел» (BOA, A.DVN.MHM.ZYL, d. 2; BOA, A.DVN.MHM.ZYL, d. 3) за 982–983/1574–1575 гг. и 983–984/1576 г. соответственно содержащие копии документов, связанных с Крымским ханством, отложились в коллекции «Дополнения к «Реестрам важных дел» (*Muħimme Zeyli Defterleri*)⁶.

Просмотр коллекций «Реестров важных дел» и «Дополнения к «Реестрам важных дел» позволил выявить более 100 новых, не введенных в научный оборот документов, имеющих отношение к Крымскому ханству периода правления Девлет-Гирея I.

Сведения «Мухимме дефтерлери» и «Буюрулду дефтерлери» дополняются данными реестров, содержащих указы, подготовленные в финансовом ведомстве Порты.

Среди таковых – «Реестр указов Имперского Дивана по финансовым вопросам описи Камиля Кепеджи» (*Kamil Kεpeci Divan-i Humayun Ahkam Defteri*) № 63 (BOA, KK. d. 63) и «Реестр, поступивший из финансового ведомства» (*Maliyeden Mudevver Defter*) № 233 (BOA, MAD. d. 233). Второй реестр, по сути, является продолжением первого. Эти два тома содержат копии указов и тезкире (проектов указов) по финансовой части за 960/1553 г. Среди них – 11 документов, связанных с Крымским ханством. Указы адресованы санджакбеям, кадиям, назирам и эминам Кафы, Аккермана и Джанкермана (Очакова). Копии указов и тезкире касаются вопросов территориального разграничения Крымского ханства и Порты, выплаты жалования ханским слугам из доходов Кафы, выплаты жалования янычарам, приданным Девлет-Гирею, выделении средств крымскому хану и кафинскому санджакбею для финансирования похода на закавказские владения Сефевидов, освобождения от таможенных пошлин судна с товарами хана и др. Единственным в своем роде является султанский указ хану о содействии кафинскому уполномоченному дворцового интендантства (*ħassa ħardĵ εmini*) в приобретении последним сливочного масла у подданных хана для нужд султанского двора (BOA, KK. d. 63, s. 433). Уникальность этого документа, датированного 16 джумада I 960 г. х. (30 апреля 1553 г. н. э.), заключается в том, что все известные нам документы, исходившие из Порты в адрес хана и до, и после этого документа, представляли собой султанские послания. К сожалению, не удалось установить, не был ли этот указ отменен или переоформлен как султанское послание.

В другом реестре описи Камиля Кепеджи записана копия султанского указа от 26 муħаррама 985 г. х. / 15 апреля 1577 г. н. э. уполномоченному дворцового интендантства в Кафе об установлении порядка выплаты средств из доходов Кафы на содержание благотворительного учреждения (*имарет*), основанного ханом Менгли-Гиреем I. Указ составлен в ответ на обращение хана Девлет-Гирея I (BOA, KK. d. 87, s. 77).

Еще одной группой реестров, содержащих сведения об османо-крымских контактах, являются «Реестры указов, подготовленных в канцелярии финансового ведомства» (*Evamir-i Maliye Kalemi Defterleri*)⁷. В одном из реестров содержится копия указа уполномоченному дворцового интендантства в Кафе о закупке «татарских верблюдов» для Астраханского похода 1569 г. (BOA, EVM, d. 26278, s. 93).

Некоторое значение для изучения истории крымско-османских отношений третьей четверти XVI в. имеют расходные книги султанских дворцов, частью опубликованные О.Л.Барканом. В них содержатся сведения о времени пребывания и расходах на содержание ханских гонцов, прибывавших к султанскому двору (Barkan, 1979, s. 107, 138, 146).

Ценные сведения по истории крымско-османских отношений XVI в. содержат документы османско-польских и крымско-польских дипломатических сношений, отложившиеся в польских, турецких, российских и иных древлехранилищах. Часть этих источников, в первую очередь договорные грамоты, опубликована и проанализирована в фундаментальных работах Д. Колодзейчика (Kolodziejczyk, 2000; Kolodziejczyk, 2012).

В XVI в. Польско-Литовское государство и Россия были единственными крупными и независимыми европейскими государствами, с которыми граничило Крымское ханство. «Крымский во-

⁶ Об этой коллекции см. (Başbakanlık, 2000, s. 18).

⁷ Подробную характеристику этих реестров см. (Başbakanlık, 2000, s. 166).

прос», для польско-литовской стороны заключавшийся в недопущении татарских набегов на территории Польши и Литвы, занимал немаловажное место в дипломатических сношениях Польско-Литовского государства и Османской империи. Важным источником по истории крымско-османских отношений являются ахд-наме (договорные грамоты) османских султанов, данные королям Польши. В первой трети XVI в. сюзеренитет Порты над Крымским ханством мало-помалу начинает находить отражение в османо-польских договорных актах.

В интитуляции итальянского перевода ахд-наме 1528 г. султан впервые назван «государем Скифии и Тартарии» (Kolodziejczyk, 2000, p. 228). В послании султана Сулеймана I от 1531 г. польский король извещается об отсутствии необходимости в осуществлении прямых контактов с тогдашним крымским ханом Саадет-Гиреем, поскольку последний не является самостоятельным правителем, обязан своим тронном султану, которому должен повиноваться. Любопытно, что одновременно великий везир Рустем-паша в ответ на просьбу польской стороны предписать хану во исполнение положений данного ахд-наме не нападать на польские земли рекомендовал королю обратиться напрямую к крымскому хану, поскольку-де он «самостоятельный государь» (Kolodziejczyk, 2012, p. 451).

С 1553 г. в ахд-наме впервые была включена статья о том, что османский падишах является гарантом ненападения крымцев на польские пределы при условии осуществления Польшей ежегодных платежей в Крым и соблюдения ей условий соглашения ('ахд) (Kolodziejczyk, 2000, p. 119, 237, 240–241). Этот же пункт присутствует в ахд-наме от 1554 г., повторяющем положения ахд-наме от 1553 г. (Kolodziejczyk, 2000, p. 249, 253), ахд-наме принца Селима от 1564 г. (Kolodziejczyk, 2000, p. 257), султана Селима II от 1568 г. (Kolodziejczyk, 2000, p. 267), султана Мурада III от 1577 г. (Kolodziejczyk, 2000, p. 272, 277). Включение данного пункта, являясь успехом польской дипломатии, одновременно свидетельствовало об усилении контроля Порты над внешней политикой Крымского ханства на польском направлении в эпоху Сулеймана I и его ближайших преемников. Стремление османской стороны к исполнению в том числе этого пункта договорных грамот подтверждается неоднократными посланиями султанов крымскому хану Девлет-Гирею I, в которых, между прочим, указывается на необходимость соблюдения условий ахд-наме, выданных польским королям⁸.

Сохранились и некоторые сведения о крымско-османских контактах в области мусульманского правоприменения. В библиотеке «Сулеймания» выявлен список фетвы⁹ шейх-уль-ислама Абу-с-Сууда эфенди (жил в 1490–1574 гг.), адресованной Девлет-Гирею I. Хан испрашивал вердикта главного законоведа Османской империи по вопросу о необходимости уплаты закята¹⁰ с доходов, поступающих в ханскую казну (Süleymaniye, Esad Ef. 3835, vrk. 138b–139a). Фетва не датирована, ее список содержится в рукописи письмовника, содержащего образцы финансовых и административных документов, писем и фетв. Манускрипт ориентировочно датируется первой половиной XVIII в.¹¹

Определенное значение для истории крымско-османских отношений имеет «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» («Реляция о победе Казанского государства») некоего Шарифа Хаджи-Тархани – произведение в жанре «фатх-наме», составленное в 1550 г. на тюркском («старотатарском языке») и описывающее отражение русской осады Казани зимой того же года¹². Оно написано незадолго до прихода к власти в Крыму Девлет-Гирея и адресовано, прежде всего, османскому султану. Несомненно, что передано в Порту оно было через Крымское ханство. Целью его было привлечение внимания Порты к опасности, нависшей над Казанским ханством. Ознакомление с оригиналом рукописи, хранящейся в Публичной библиотеке Зейтиноглу района Тавшанлы провинции Кютахья (Tavsanli Zeytinoglu Ilce Halk Kutuphanesi, 43ZE375) подтвердило, что список датируется 1560-ми годами и позволило продолжить изыскания над вопросом о роли поволжских ханств в крымско-османских отношениях.

⁸ Копии таких посланий и упоминания о таких посланиях см., например (6 Numarali, 1995a, s. 76, hüküm 97; 7 Numarali, 1999a, s. 412, hüküm 2752; 12 Numarali, 1996b, s. 249–250, hüküm 1170).

⁹ Фетва – решение по какому-либо общественному, политическому или правовому вопросу, выносимое на основании шариата.

¹⁰ Закят – обязательный годовой налог в пользу нуждающихся, предписанный шариатом.

¹¹ Датировка произведена на основании самой поздней даты в образце документа: [1]117/1705–1706 г. (Süleymaniye, Esad Ef. 3835, vrk. 137b).

¹² Об этом источнике см. (Мустакимов, 2015a, с. 155–162).

Проведенные исследования показали необходимость продолжения работы по выявлению сведений о крымско-османских отношениях в Османском архиве, прежде всего в реестрах, относящихся к коллекциям *Maliyeden Mudevver Defterler*, *Kamil Kepeci Tasnifi*, *Evamir-i Maliye*, *Kefe Mukataasi Kalemi Defterleri*, *Ruus Defterleri* – наименее изученным исследователями.

Сведения о крымско-османских отношениях периода правления Девлет-Гирея I могут быть обнаружены и в Архиве ведомства шейх-уль-ислама при Стамбульском муфтияте (*İstanbul Müftüülüğü Meşihat Arşivi*). В реестре назначений (*Ruznamce*), составленном в канцелярии кадиаскера Румелии за 952–959/1545–1552 гг. нами найдена запись о включении 5 сафара 956 г. х. / 5 марта 1549 г. н. э. некоего Закарии по ходатайству хана [Сахиб-Гирея] в число кандидатов (*mulazim*) на замещение должности мударриса или кадия (*İstanbul*, s. 18). Полагаем, что продолжение изысканий в реестрах, отложившихся в архиве ведомства шейх-уль-ислама, также может оказаться перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беннигсен А. Турецкий поход 1569 г. на Астрахань // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009.
2. Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009. 2009а.
3. Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009б – Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Крымское ханство в начале XVI в.: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009. 2009б.
4. Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009. 2009в.
5. Вайнштейн Ж. Послание Селима II польскому королю Сигизмунду Августу об Астраханской кампании 1569 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009.
6. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Ч. I. М., 2007.
7. Гекбильгин Т. Османский поход на Астрахань в 1569 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009.
8. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции / Сост. И.А.Мустакимов. – Казань, 2008.
9. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004.
10. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009.
11. Лемерсье-Келькеже Ш. Один неопубликованный источник по истории России XVI века // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009. 2009а.
12. Лемерсье-Келькеже Ш. Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 г. по документам Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009. 2009б.
13. Мустакимов И.А. «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» Шарифа Хаджи-Тархани: некоторые итоги и перспективы изучения // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. № 5. 2015а.
14. Мустакимов И.А. Азов в крымско-османских отношениях периода правления хана Девлет-Гирея I (по османским документам) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. 2015б.
15. Мустакимов И.А. Введение // Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008.
16. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. М., 2005.
17. Трепавлов В.В. Тюркские народы Евразии и Османская империя // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Сост. и отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009.

18. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. Казань, 1979.
- 19.6 Numaralı Mühimme Defteri (972/1564–1565). Özet – transkripsiyon – indeks I. Ankara, 1995. 1995a.
- 20.6 Numaralı Mühimme Defteri № 6 (972/1564–1565). Özet – transkripsiyon – indeks II. Ankara, 1995. 1995b.
- 21.6 Numaralı Mühimme Defteri (972/1564–1565): Tıpkıbasım. Ankara, 1995. 1995b.
22. Barkan, O.L. İstanbul Saraylarına ait Muhasebe Defterleri // Belgeler. Ankara, 1979. – Cilt: IX, Sayı: 13.
23. BOA, A.DVN.MHM.ZYL, d. 1.
24. BOA, A.DVN.MHM.ZYL, d. 2.
25. BOA, A.DVN.MHM.ZYL, d. 3.
26. BOA, EVM, d. 26278.
27. BOA, KK, d. 63.
28. BOA, KK, d. 87.
29. BOA, MAD. d. 233.
30. Başbakanlık Osmanlı Arşivi Rehberi. İst., 2000.
31. Berindei, 1972 – Berindei, M. Le probleme des “Cosaques” dans la seconde moitié du XVIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. T. 13. № 3.
- 32.5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566). Özet ve indeks. Ankara, 1994. 1994a.
- 33.5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566). Tıpkıbasım. Ankara, 1994. 1994b.
34. Fisher, A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 1981. Vol. 5. № 2.
35. Hammer-Purgstall, J. von. Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Aus Türkischen Quellen zusammengetragen mit der Zugabe eines Gasels Schahingerais. Wien, 1856.
36. Heyd, U. Ottoman Documents on Palestine 1552–1615. A Study of the Firmans according to the Mühimme Defteri. Oxford, 1960.
37. İnalçık, H. Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569) // Belleten. Cilt: 12. Ankara, 1948.
38. İnalçık, H. Osmanlı İmparatorluğu Klâsik Çağ (1300–1600). İst., 2015.
39. İstanbul Müftülüğü Meşihat Arşivi, Rumeli Kazaskerliği Ruznamceleri, № 178.
40. Kastritsis, D. Ferîdün Beg’s Münşe’âtü’s-Selâfîn (‘Correspondence of Sultans’) and Late Sixteenth-Century Ottoman Views of the Political World // Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space. Bazzaz, S., Batsaki, Y. & Angelov, D. (eds.). – Washington, DC: Center for Hellenic Studies/Harvard University Press, 2013.
41. Kolodziejczyk, D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century): An Annotated Edition of ‘Ahdnames and Other Documents. Leiden; Boston, Brill, 2000.
42. Kolodziejczyk, D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, Brill, 2012.
43. Kurat, A.N. Türkiye ve İdil Boyu. 1569 Astrahan Seferi. Ten-İdil Kanalı ve XVI–XVII Yüzyıl Osmanlı Rus Münasebetleri. Ankara, 1966.
44. Mecmûa-i Münşeâtü’s-selâfîn. Cilt: I. İst., 1274.
45. Mecmûa, 1275 – Mecmûa-i Münşeâtü’s-selâfîn. Cilt: II. İst., 1275.
- 46.12 Numaralı Mühimme Defteri (978–979/1570–1572): Özet, transkripsiyon ve indeks I. Ankara, 1996. 1996a.
- 47.12 Numaralı Mühimme Defteri (978–979/1570–1572): Özet – transkripsiyon – indeks II. Ankara, 1996. 1996b.
- 48.12 Numaralı Mühimme Defteri (978–979/1570–1572): Tıpkıbasım. Ankara, 1996. 1996b.
49. Özcan, A. Münşeâtü’s-selâfîn // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. İst., 2000. Cilt: 32. S. 20–22.
50. Öztürk, Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475 – 1600). İst., 2014.
51. Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi, Esad Ef. 3835.
52. Tavşanlı Zeytinoğlu İlçe Halk Kütüphanesi, 43ZE375.
53. Topkapı Sarayı Arşivi H. 951–952 Tarihli ve E–12321 Numaralı Mühimme Defteri / Yay. haz. H. Sahillioğlu. İst., 2002.
54. TSMA, E–12321.
55. TSM, Koğuşlar 888.
- 56.3 Numaralı Mühimme Defteri (966–968/1558–1560): Özet ve transkripsiyon. Ankara, 1993. 1993a.
- 57.3 Numaralı Mühimme Defteri (966–968/1558–1560): Tıpkıbasım. – Ankara, 1993. 1993b.
- 58.7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon – indeks I. Ankara, 1998. 1998a.
- 59.7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon – indeks II. Ankara, 1998. 1998b.
- 60.7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon – indeks III. Ankara, 1999. 1999a.

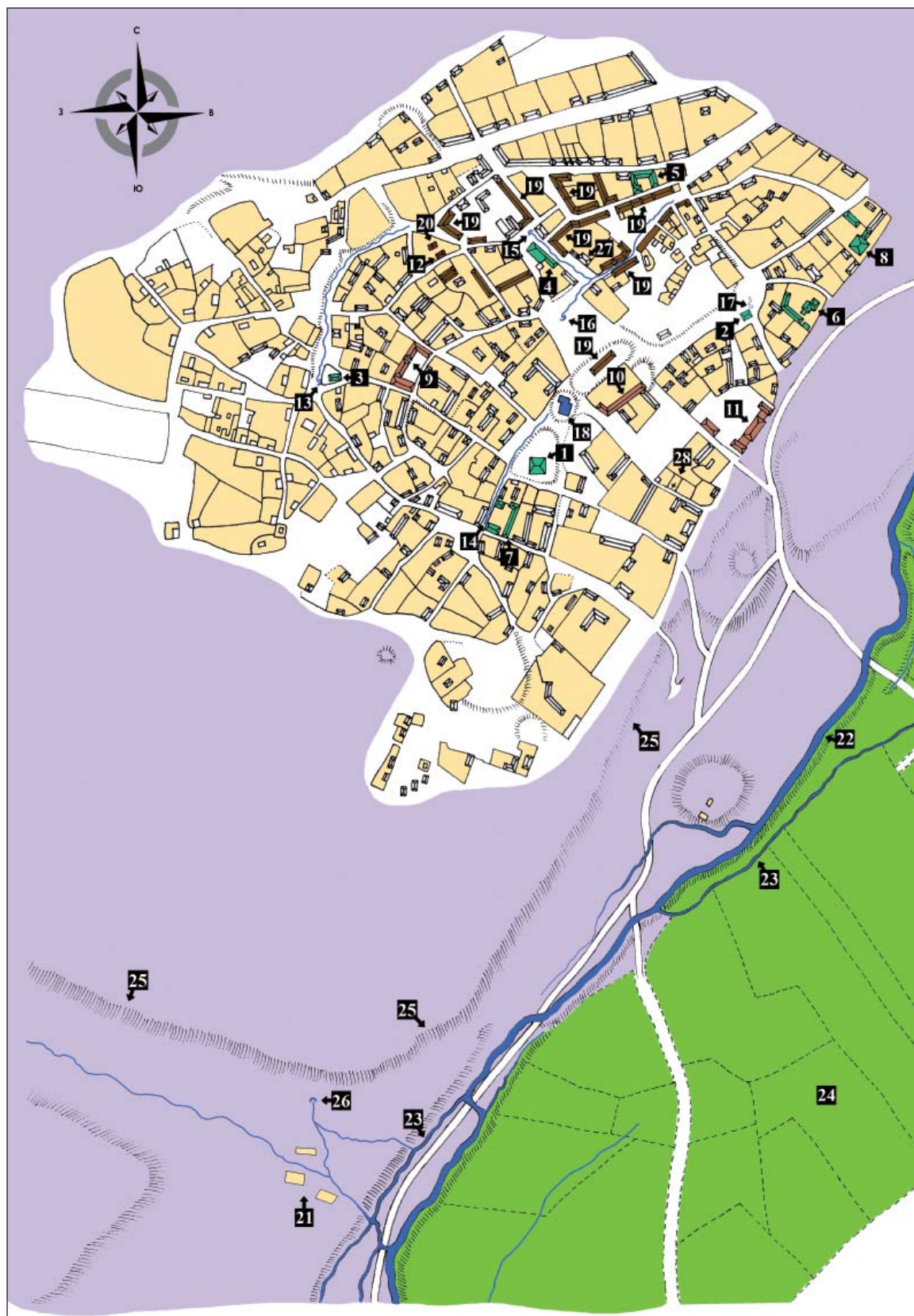

Рис. 1. Город Ак-Мечеть. Реконструкция генерального плана.

- 1 – Кебир Джами (Ак-Мечеть). 2, 3 – Мечети. 4–6 – Теккие. 7, 8 – Медресе. 9–11 – Каравансарай.
12 – Гостевой дом иностранных купцов. 13–17 – Фонтаны. 18 – Баня. 19 – Лавки, торговые места.
20 – Храм в гостевом доме иностранных купцов. 21 – Местонахождение пригорода, где располагался дворец калга-султана. 22 – Река Салгир. 23 – Каналы на реке Салгир. 24 – Сады и огороды.
25 – Скальные обрывы. 26 – Фонтан в пригороде. 27 – Русская церковь конца XVIII в. 28 – Греческая церковь

К статье Галляма Р.Г. «Была ли Крымская податно-административная даруга в Казанском ханстве? (Научная гипотеза)»

Карта Казанской губернии XVIII в.

К статье Мухаметшина Д.Г. «Эпитафические источники
Казанского ханства XV – первой половины XVI вв.»

Рис. 2. Вид на кладбище с. Татарское Танаево.
Зеленодольский район РТ. Фото 2015 г.

Рис. 1. Памятник Ирдинчи сыну Ямгучи. 943 г.х. (1536/37 г.).
Размеры: 23x44x130 см. Татарское Танаево.
Зеленодольский район РТ. Фото 2015 г.

Рис. 3. Памятник Джафару сыну Янгыла.
930 г.х. (1524 г.). Размеры: 15x45x110 см.
Малые Кайбицы. Кайбицкий район РТ.
Фото 2015 г.

Рис. 4. Памятник Тугашу сыну Тангрибирди.
957 г.х. (1550 г.). Размеры: 15x45x70 см.
Старое Тябердино. Кайбицкий район РТ.
Фото 2015 г.

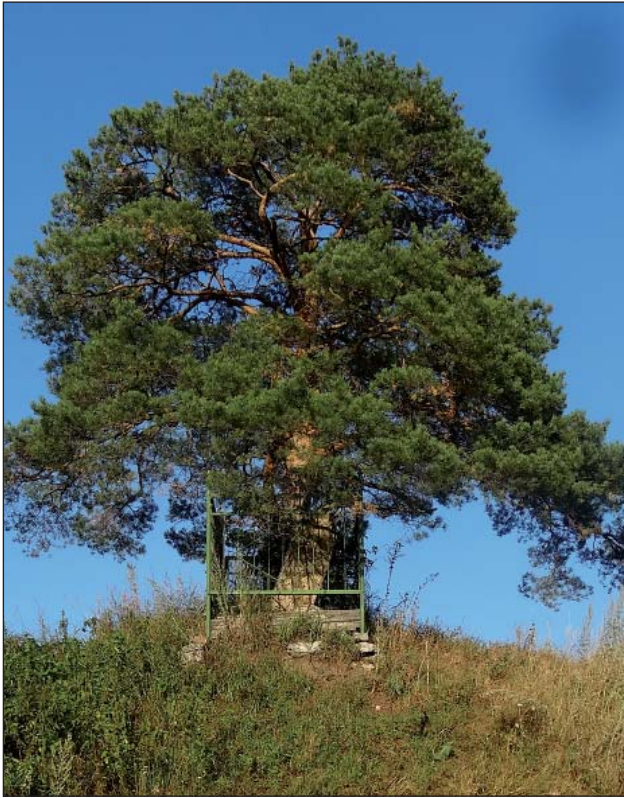

Рис. 5. Эпитафия периода Казанского ханства в с. Старые Зюри. Тюлячинский район РТ. Фото 2014 г.

Рис. 6. Памятник Науруз – жены султана Шейх-Гали. 934 г.х. (1527/28 г.). Размеры: 11x50x120 см. Старые Кибя-Кози. Тюлячинский район РТ. Фото 2014 г.

Рис. 7. Памятник Мухаммада сына Аюба. 877 г.х. (1472 г.). Размеры: 23x60x120 см. Большие Нырсы. Тюлячинский район РТ. Фото 2014 г.

Рис. 8. Фрагментированная эпитафия из Казанского Кремля. Фото 2015 г.

61.7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon – indeks IV. Ankara, 1999. 19996.

62.7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım I. Ankara, 1997. 1997a.

63.7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım II. Ankara, 1997. 1997b.

Список сокращений:

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi.

d. – defter.

TSM – Topkapı Sarayı Müzesi.

TSMA – Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi.

И.А. Мөстәкыймов

**БЕРЕНЧЕ ДӘҮЛӘТ – ГӘРӘЙ ХАН ХӨКЕМДАРЛЫГЫ ДӘВЕРЕНДӘГЕ (1551–1577)
КЫРЫМ-ГОСМАНЛЫ МӨНӘСӘБӘТЛӘРЕ ТАРИХЫНА КАРАГАН ГОСМАНЛЫ
ДОКУМЕНТАЛЬ ЧЫГАНАКЛАРЫ**

Мәкаләдә XVI йөзнең өченче чирегендәгә кырым-госманлы мөнәсәбәтләре тарихына караган Төркия һәм кайбер башка илләрнең архив һәм китапханәләрендә сакланучы төрки телле (нигездә госманлы) чыганақларына күзәтү ясала. Мәкаләнең исемендә телгә алынган тема буенча иң күп чыганақлар Төркия Жәмһүрияте Премьер-министры каршындагы Госманлы архивында (*Başbakanlık Osmanlı Arşivi*) саклана. Аның фондлары нигездә Госманлы дәүләтенең нәзарәтләре (ведомстволары) эшчәнлегә нәтижәсендә барлыкка килгән документлардан гыйбарәт. XVI йөз уртасы – өченче чиреге кырым-госманлы мөнәсәбәтләре тарихына караган документаль чыганақлар шулай ук «Тупкапу» сарае музейнең (*Topkapı Sarayı Müzesi*) архивында һәм китапханәсендә, «Сөләймания» китапханәсендә (*Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi*) дә саклана.

Мәкаләдә кырым-госманлы мөнәсәбәтләре тарихын өйрәнү юнәлешендә Төркия архив һәм китапханәләрендә алга таба гыйльми эзләнүләр алып баруның юллары күрсәтелә.

Ачык сүзләр: Кырым ханлыгы, Госманлы дәүләте, Ләһестан-Липка дәүләте, дипломатия, документаль чыганақлар, Төркия Жәмһүрияте Премьер-министры каршындагы Госманлы архивы, «Тупкапу» сарае музейе, «Сөләймания» китапханәсе.

I.A. Mustakimov

**OTTOMAN DOCUMENTARY SOURCES ON THE HISTORY OF CRIMEAN-OTTOMAN
RELATIONS DURING THE REIGN OF KHAN DEVLET GIRAY I (1551–1577)**

In article the review of a complex of Turkic (generally Ottoman) sources on the history of Crimean-Ottoman relations during the third quarter of the 16th century postponed in the archives and libraries of Turkey and some other countries is given. The main storage of documents on the called subject is the Prime Ministry Ottoman Archives (*Başbakanlık Osmanlı Arşivi*) in which documents of Ottoman ministries and chanceries were postponed. Documentary sources on the history of Crimean-Ottoman relations of the middle 16th – the third quarter of the 16th century also in the Archives and Library of Topkapı Palace Museum (*Topkapı Sarayı Müzesi*), Süleymaniye Library (*Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi*) were postponed.

In paper ways of further search of documents in history of the Crimean-Ottoman relations in the archives of Turkey are planned.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, Polish-Lithuanian Commonwealth, diplomacy, documentary sources, Prime Ministry Ottoman Archives, Topkapı Palace Museum, Süleymaniye Library.

Сведения об авторе:

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, заведующий сектором, Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан (г. Казань); E-mail: imus@rambler.ru

Мөстәкыймов Ильяс Альфред улы – тарих фәннәре кандидаты, сектор мөдире, Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты каршындагы Баш архив идарәсе (Казан шәһәре).

Mustakimov Ilyas Alfredovich – Ph.D., chief of section, General Archival Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (Kazan).

УДК 94 (470.4)"14/15"

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВВ.

© 2015 г. Д.Г. Мухаметшин

В статье собраны воедино все известные науке эпиграфические памятники периода Казанского ханства, отражена история накопления источников и исследований отдельных проблем татарской эпиграфики. На основе историко-эпиграфических экспедиций автора 2014–2015 гг. уточнена разработанная Д.Г. Мухаметшиным классификация эпитафий XV – первой половины XVI вв. В статье дана развернутая характеристика текстам эпитафий, титулам и терминам родства, встречаемые на эпитафиях Казанского ханства.

Ключевые слова: Казанское ханство, эпиграфика, изучение и датировка эпитафий, классификация, титулатура, термины родства.

Во второй половине XIV в., на рубеже XIV–XV столетий среди болгарских земель стало выдвигаться Казанское княжество. Его усилению способствовал наряду с другими причинами отход болгарского населения из Закамья на относительно спокойные земли Предкамья, ибо Закамские земли, бывшая центральная часть Волжской Булгарии, стали местом столкновений степных кочевников с болгарским земледельческим населением.

Казанское ханство в период своего расцвета на рубеже XV–XVI вв. и в первой половине XVI столетия занимало значительную территорию. Границы его проходили на западе по рекам Сура, Ветлуга и Мокша, на юге – по рекам Сок, Кинель, на востоке – по Сылве, Белой, на севере – по реке Чепца и нижнему течению Вятки (Исхаков, 2009, с. 36; История татар, цветная вкладка, карта).

На данной территории проживало болгаро-татарское население, чуваша, мари, удмурты, часть башкир и мордва. Основное население (булгаро-казанское) преимущественно концентрировалось в бассейнах рек Казанка, Меша и нижнего течения Свияги. Именно на этой территории обнаружены эпиграфические памятники Казанского ханства. Небольшая часть болгарско-татарского населения проживала на севере в среднем течении реки Чепца и на востоке по рекам Ик и Белой.

На эпитафии Казанского ханства впервые обратил внимание К.Ф. Фукс (Фукс 1817, с.42–43). Памятник был обнаружен при строительстве Гостиного двора, сегодня хранится в мечети Марджани. В дальнейшем эпитафия опубликовалась неоднократно.

В первой половине XIX в. эпиграфические памятники периода Казанского ханства исследователями еще не выделялись из общей массы болгаро-татарских эпитафий. Впервые дифференцированный подход к ним намечается у Н. Ильминского (Ильминский, 1851) и К. Насыри (Насыри, 1975). Так, среди памятников Предволжья К. Насыри выделяет памятники Казанского ханства и более позднего времени (Насыри, 1975, с.41).

В.К. Магницким были собраны сведения о 17 кладбищах с надгробиями данного региона (Магницкий, 1866, 1874). Часть из них – эпитафии Казанского ханства.

В известной работе С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии» отмечены 44 пункта с эпитафиями: памятники XV–XVI веков там единицы. Отдельные памятники, отмеченные С.М. Шпилевским из сел Иски Казань, Карабаян, Чита, М. Меретяки, Нырсы, Кибя-Кози, Казаклар исследователями позднее были определены как эпитафии Казанского ханства.

В конце 20 – начала 30-х гг. XX в. значительное количество эпитафий Казанского ханства вводит в научный оборот Али Рахим (Рахим, 1929; 1930; 2008). В Арском кантоне им было исследовано 61 камень: из них 3 – XV в., 3 – конец XVI – начала XVII вв., остальные относятся ко времени Казанского ханства (Рахим, 2008, с. 232).

Два эпитафия периода Казанского ханства из с. Шигали Чувашской АССР были опубликованы С.Е. Маловым (Малов, 1947, 1948).

В дальнейшем изучение эпиграфических памятников было продолжено известным этнографом и эпиграфистом Г.В. Юсуповым. Эпитафиям XV в. им была посвящена специальная статья (Юсупов, 1951), еще одна статья была опубликована по вновь выявленным эпитафиям Казанского ханства (Юсупов, 1963). Эпитафиям периода Казанского ханства он уделял большое внимание и в

своем фундаментальном труде «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику». Неопубликованные материалы экспедиции Г.В. Юсупова по Атнинскому району РТ 1959 г., посвященные эпитафиям XVI в., были изданы М.И. Ахметзяновым (Г.В. Юсупов, 2005). Отдельные эпитафии Казанского ханства были опубликованы М.И. Ахметзяновым (Ахметзянов, 1998, 1999 и др.).

Исследуя археологические памятники, Р.Г. Фахрутдинов в своей сводной работе отметил наличие 81 кладбищ с надгробиями XV – первой половины XVI вв. (Фахрутдинов, 1975, с.78).

В монографии Д.Г. Мухаметшина отмечено около 250 памятников XV – I половины XVII вв., выявленных в 94 населенных пунктах (Мухаметшин, 2008, с. 46).

Во время археологических раскопок на территории Казанского Кремля были обнаружены несколько фрагментированных эпитафий (Гариф, 2010, с. 22–23, №204–213) XV – первой половины XVI вв.

Сведения обо всех известных науке эпиграфических памятников периода Казанского ханства были воедино собраны Н. Гарифом в его исследовании «Казан ханлыгы чоры ташъязмалары». Там отмечено наличие 297 эпитафий на территории Татарстана, Чувашии и Республики Марий-Эль (Гариф, 2010, с. 12–28).

Известные науке эпиграфические памятники XV – I половины XVI вв. компактно расположены на территории северного Предволжья и восточного Предкамья. За пределами этой территории имеется только несколько пунктов с эпиграфическими памятниками: поселок Карино в Кировской области, с. Мантово Тетюшского района, урочище Балыгуз у с. Билярска Алексеевского района Республики Татарстан. Памятники XV века занимают территории, крайние точки которых расположены на севере – у с. Средние Аты Арского, на юго-востоке – у с. Большие Яки Мамадышского района, на юго-западе – у с. Тат. Танаево Зеленодольского района Республики Татарстан.

В первой половине XVI века территория распространения надгробных камней значительно расширяется. На севере эпитафии обнаружены у с. Нохрат Слободского района Кировской области, на юге – в Закамье у с. Билярск Алексеевского, в Предволжье – у с. Мантово Тетюшского районов Республики Татарстан. Самая восточная находка сделана у с. Берсут–Сукачи Мамадышского района Республики Татарстан, на западе – у с. Липша Звениговского района Республики Марий-Эль и у с. Шигали Урмарского района Чувашской Республики.

По времени самая ранняя эпитафия (1417 г.) выявлена на кладбище у с. Большие Яки Мамадышского района Республики Татарстан, к 20-м гг. XVI столетия традиция установления эпиграфических камней достигает своего апогея и продолжает развиваться до 50-х гг. XVI столетия.

Вопрос классификации эпитафий Казанского ханства впервые ставится в работе Али-Рахима. Анализируя большое количество памятников XVI столетия в контексте орнамента, оформления и палеографии, он вводит понятие «стиль». Стиль памятников с конца XV века по XVII век, отличающийся рельефным шрифтом сульс и пышным растительным орнаментом, по его мнению, был заимствован казанцами извне (Рахим, 1930, с.149).

Г.В. Юсупов чисто хронологически выделяет памятники XV в., памятники I половины XVI в. и эпитафии II половины XVI – I половины XVII вв. (Юсупов, 1960, с.39, 40). По его классификации памятники Казанского ханства разделяются на 2 периода: памятники XV в. и памятники первой половины XVI века. Тогда, по его мнению, устанавливается довольно однородный стиль надписи надгробий со стройным шрифтом сульс и с текстом на татарском языке и традиционным орнаментом под аркой (Юсупов, 1960, с.147). Более детализированная классификация им не была проведена.

Включение Г.В. Юсуповым эпитафий второй половины XVI – I половины XVII вв. в данную классификацию связано с тем, что после присоединения Казани к России тот же стиль продолжает существовать в несколько видоизмененной форме. Качественно новый тип памятников появляется только в конце XVII века. Поэтому нами эпитафий второй половины XVI – I половины XVII вв. так же рассматривается вместе с эпитафиями Казанского ханства (Мухаметшин, 2008).

Разработанный Али Рахимом «стиль» сыграл важную роль в датировке эпитафий. Поскольку у большинства памятников, в силу плохой сохранности, дата чтению не поддается, датировка памятника, как правило, производится по его «стилю».

Новая классификация эпитафий Казанского ханства была предложена Д.Г. Мухаметшиным. В основу предпринятой нами классификации положен хронологическо-территориальный принцип. Эпиграфические памятники XV и первой половины XVII вв. нами разделяются на три региональных округа: Казанский, Касимовский и Каринский. Касимовский и Каринский округа дают однотипные памятники, а среди эпитафий Казанского округа выделяется несколько типов, которые хорошо укладываются в хронологические рамки (Мухаметшин, 2008, с. 56).

Памятники этого периода по форме верхней части – полукруглые, без арки и килевидные со стрельчатой аркой. Арки невыразительные, плечики отсутствуют: в заполнение арок более ранних памятников расположена кораническая формула, а с 20-ых годов XVI в. – сложное переплетение растительных мотивов. Эти памятники имеют прекрасно выполненный бордюрный орнамент, состоящий из растительного мотива. Тексты эпитафий обычно состоят из 5–7 строк, разделенных между собой рельефными полосами. Как правило, первые 3–4 из них занимают изречение из Корана. Большинство эпитафий 20–50 гг. XVI в. имеет боковую надпись и надпись-штамп на обороте памятника. Надписи, в основном, выполнены рельефным шрифтом, почерком сульс. В конце эпитафия шрифт становится мельче. Но тексты отдельных памятников вырезаны углубленным шрифтом.

На сегодня известно около 300 эпитафий периода Казанского ханства, все они, кроме трех, находящиеся в Кировской области, концентрированы вокруг Казани. Даты у более половины памятников утеряны, поэтому датировка эпитафий по типам очень актуальна.

Первый тип – памятники примитивной обработки с остrokонечным или прямоугольным верхом, шестиконечной звездой или формулой в верхней части. Их размеры составляют 19–20х50–60х110 см. Почерк простой с элементами сульса, крупный врезанный шрифт к концу текста становится мельче. Такие памятники обнаружены у сел Большие Нырсы Сабинского (рис. № 7, см. цв. вкл.) и Большие Яки Мамадышского районов РТ. Хронологически они охватывают 20–70-е гг. XV в.

Памятники первого типа являются результатом развития эпитафий второй половины XIV века. Здесь тот же мотив шестиконечной звезды, простой врезанный шрифт, но в структуре текста появляются компоненты, характерные для более поздних типов. Корни памятников I типа уходят еще глубже – к эпитафиям первой половины XIV века Кирменско-Джукетауского округа – с.Кирмени 50-х гг. XIV в., с.Ямашурмы 1362 г., которых следует рассматривать как единый переходный тип от золотоордынских эпитафий к памятникам Казанского ханства.

Второй тип характеризуется бордюром, состоящим из ячеистого орнамента или плетенки. Верхняя часть памятников – полукруглая. Основные размеры плит таковы: 11–14х47–65х61–70 см. Как видно, памятники этого типа отличаются небольшой толщиной, а памятники с ячеистым орнаментом выделяются еще своей значительной шириной. Почерк памятников – простой врезанный или рельефный. Между строками текста имеются врезанные или рельефные полосы. Данный тип включает памятники из селений Тат. Азелей, Средние Аты, Урывкино, Чирпи, Тат. Ходяшево (Юсупов, 1960, табл. 53) и др. Эти памятники очень выразительны своим бордюрным орнаментом. Г.В. Юсуповым описано три вида бордюрного орнамента, входящих во второй тип: ячеистый, джут и веревочный.

Г.В.Юсупов отмечает наличие аналогов такого орнамента в материалах Средней Азии, Руси, Болгара (Юсупов, 1960, с.140), а «джут», по мнению Ф.Х.Валеева, относится к узорам четвертого комплекса и употребляется в резьбе по камню и дереву (Валеев, 1969, с 136).

3-й вид орнамента в виде двойной плетенки по бордюру также имеет аналоги в болгарском искусстве. Таково, например, оформление бордюра ряда болгарских костяных поделок.

Своеобразное оформление имеет памятник у селения Среднее Аты. Бордюры его окаймлены рельефно высеченной арабской вязью. Это пока единственный своего рода памятник в эпиграфике. Все памятники 2 типа хронологически не выходят за пределы 80–90-х гг. XV вв.

К третьему типу относятся памятники с остrokонечным и килевидным верхом со стрельчатой аркой. Почерк этих памятников – простой и крупный, тяжелый сульс.

Принадлежащие к этому типу надгробия у населенных пунктов Ямашурма, Ниж. Берески, Ниж. Серда, Тат.Ходяшево, Ст. Узюм и Епанчино имеют остrokонечную и простую арку без плечиков с формулой «Он живой, который не умирает» в тимпане. Размеры памятников составляет 18–22х47–53х120–144 см. Тексты памятников с остrokонечным верхом имеют врезанный шрифт, а тексты памятников полукруглым и килевидным верхом исполнены рельефным шрифтом. Бордюрный орнамент разнообразен: рельефная полоса, виноградная лоза и геометрический орнамент; состоящий из зигзагообразной линии. Своеобразна и техника исполнения текстов некоторых памятников (с.Тат. Ходяшево), где свободное от букв пространство не выбрано, что значительно облегчало изготовление памятника. Подобной техникой выполнен и текст одного из Мало-Атнинских надгробий.

Своеобразное оформление имеет Нижне-Сердинская эпитафия. Здесь сочетаются растительный (в верхней части бордюра), геометрический (нижняя часть бордюра) и веревочный (между строками надписи) орнаменты.

Немногочисленные памятники 3-го типа хронологически не выходят за пределы 20-х годов XVI века. Только примитивно оформленный памятник у поселения Н.Берески установлен в 946 г.х. (1539/1540 гг.).

Четвертый тип включает в себя памятники с верхом стрельчатой и остроконечной формы и с бордюрным орнаментом в виде виноградной лозы, опущенной по всей длине памятника. Орнамент верхней части составляет «затейливое плетение, состоящее из сочетаний листьев и цветов, розеток, завершаются трилистником – тюльпаном; в центре розетка, по обе стороны ее продолговатые стилизованные листья» (Дульский, 1929, с.24). По мнению Г.В. Юсупова, подобный орнамент был широко распространен в архитектурной декорировке памятников Казанского ханства (Юсупов, 1960, с.148).

К четвертому типу относятся памятники из населенных пунктов Чувашли, Берсут-Сукачи, Наласа, Верхняя Серда, Тат. Танаево (рис. № 1), Ст. Тябердино (рис. № 4), Ст. Масры, Ямашурма, Хохлово, Ст. Шигали, Бол. Березы, Н.Уры, Верхние Кибя-Кози (рис. № 6), Иски Казань и др. Их размеры такие же, как у памятников третьего типа.

Памятники четвертого типа хронологически относятся к 30–40 гг. XVI в. У них появляются штамп на обратной стороне, растительный пышный мотив, боковая надпись.

Пятый тип включает памятники с бордюрным орнаментом, обрамляющим часть плиты, где расположена надпись. В верхней части таких надгробий врезан орнамент, изображающий плетение растительных форм, но более усложненного типа (рис. № 3). На оборотной стороне врезан штамп. Боковая надпись на обеих сторонах начинается со слов «Сказал пророк, да будет мир над ним» и приведено одно из изречений Мухаммада.

На эпитафиях мы наблюдаем четыре вида бордюрного орнамента: виноградная лоза, мотив тюльпана, цветочный мотив и своеобразный мотив побега.

«Стильные» памятники Казанского ханства (пятый и шестой типы) продолжают существовать и во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Они не отличаются от эпитафий пятого типа, но намечается некоторое уменьшение толщины камней. Верхняя часть эпитафий килевидная или стрельчатая, в тимпане растительный орнамент, характерный для памятников Казанского ханства. Бордюр представляет растительный орнамент типа виноградной лозы, но с очень крутыми изгибами стебля и значительно уменьшенный за счет включения в композицию крестообразной розетки. Заключенный в овальную рамочку, этот мотив повторяется на бордюре каждой стороны памятника от трех до шести раз. Единичные памятники этого типа продолжали свое существование в конце XVII и даже в начале XVIII века, например: в селениях Максабаш – 1080 г.х. (1669/70 г.), Нижн. Ура – 1099 г.х. (1687/88 г.), Нурлаты – 1122 г.х. (1712/13 г.).

Оформление боковых частей памятников XV – I половины XVI вв. простое. У первого и второго типов надписи или орнамент по бокам отсутствуют, лишь некоторые памятники третьего типа имеют надпись на боковых частях. У эпитафий четвертого – пятого типов боковые надписи расположены в одну или в две строки и заключены в прямоугольные или остроконечные рамки. На некоторых памятниках встречается в сочетании с надписью мотив побега с очень крупными изгибами стебля (надгробие из Арского района). На боковых частях третьего – пятого типов памятников врезан надпись на арабском и тюркском языках: *«вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое»*.

На обороте эпитафий четвертого – пятого типов имеется надпись-штамп лица, установившего данное надгробие, или прекрасно выполненный орнамент геральдического и цветочного характера. Редко подобный штамп имеется и на татарских памятниках XVIII–XIX вв.

Тексты эпиграфических памятников Казанского ханства всех типов композиционно близки друг другу. Несколько отличаясь от текста болгарских памятников, они состоят из пяти компонентов, расположенных в следующей последовательности: кораническая формула, слова, связанные с календарем, имя и титулы погребенного, словосочетание, обозначающее понятие смерти, благожелательная формула.

Для надписей первого типа характерны часто встречающиеся на болгарских эпитафиях коранические формулы *«Каждая душа вкусить смерть»* и *«Именем Аллаха, милостивого, милосердного»*, а для надписей второго и третьего типов – *«Он живой, который не умирает»*.

О словах, связанных с календарем. Как правило, в памятниках приводятся год, месяц, дни месяца и в некоторых случаях, как пережиток, дни недели. Появление даты на втором стиле является новым признаком, что характерно и для памятников более позднего времени. На болгарских эпи-

тафиях датой обычно завершается текст, только за редким исключением дата приводится в середине эпитафии.

В эпитафиях Казанского ханства группа, состоящая из имени и титулов погребенного, очень краткая. Необходимо отметить отсутствие генеалогии, столь характерной для болгарских памятников. Даже на эпитафиях султанов, беков и религиозных деятелей приводится лишь имя отца. В эпитафиях XVI века эта часть текста идет со связующим словом «ким».

Для памятников XV – первой половины XVI вв. характерно словосочетание, выражающее понятие смерти «из мира бrenного в мир вечности переселился». В тексте шестого типа надгробий встречаются слово «умер» или выражение «погиб от рук неверного».

Как правило, словосочетание, выражающее понятие смерти, завершает эпитафию. Редко встречается благожелательная формула.

Структура текста эпитафий XV – I половины XVI вв. всех типов построена по тюркоязычной конструкции. Лишь эпитафия 1543 г. у села Ст. Менгер отличается наличием слов, связанных с обрядом захоронения, выраженные на арабском языке, – «это лучезарная могила». Памятники этого периода отличаются большим количеством коранических изречений. В силу этого, отпадает слова, связанные с обрядом захоронения и благожелательная формула. В качестве примера приводим текст эпитафия у поселения Татарское Танаево Зеленодольского района РТ (рис. № 1).

*Сказал Аллах преславный и всевышний
Все что на ней (на земле) бrenно и останется вечно (лишь)
Лицо господа твоего обладателя величия и почтения
По летоисчислению девятьсот сорок третьем
Месяца джумади ал-ахир Йамгучи
Сын Ирдинчи из мира бrenного в мир
Вечности (переселился).*

Сокращение структурных компонентов в тексте, в силу этого исторической информации, в какой-то мере компенсируется богатым, пышным орнаментом лицевой стороны и обязательным оформлением боковых частей и оборотной стороны камня. Текст оборотной стороны можно рассматривать как продолжение текста лицевой стороны.

На оборотной стороне большинства камней четвертого – пятого типов имеется трафаретная надпись о том, кем поставлен этот памятник. Например: «Этот памятник мать (его) Даулат-султан воздвигла» (с. Мамдель), «Этот памятник родительница (его) Куркли-бика воздвигла» (с. Старые Менгеры) и др. Следовательно, надпись на обороте в какой-то мере дополняет текст на лицевой стороне. Правда, имеются и особенности в этих дополнениях. Так, слово «лауха» – плита, надгробный памятник, соответствующее третьей части текста болгарских эпитафии, здесь выражено в ином контексте. Возможно, отдельные из них связаны с именами резчиков по камню. Такая традиция восходит к болгарским эпитафиям. В XIII–XIV вв. мастера на камнях ставили свои знаки – тамги, которые сохранились на трех памятниках из Болгар. На верхней части обратной стороны отдельных болгарских памятников врезаны трудночитаемые надписи. Надписи–штампы казанских эпитафий можно рассматривать как продолжение этой традиции, но конкретные имена резчиков по камню не сохранились. На эпитафиях новых типов, установленных во второй половине XVII – первой половине XVIII вв., вырезаны имена *Кильмухаммада бин Ишмана* (Предкамье) и *Бик Пулада* (восточные районы Чувашии). Более наглядно эту традицию мы наблюдаем на памятниках XVIII–XIX вв., она сохраняется вплоть до середины XX столетия (памятник у села Октябрьское (Мазарлык) Кузнецкого района Пензенской области).

Далеко от основной территории распространения эпиграфических памятников Казанского ханства находятся три надгробия у селения Нохрат (Карино) Слободского района Кировской области, ранний из которых датируется 909 г.х. (1504 г.).

Остальные памятники, относящиеся к 1522 и 1555 гг., идентичны друг другу. Орнаментом в виде побега, близкого к разорванному меандру, украшен только бордюр эпитафий. Шрифт обеих памятников простой врезанный. Своеобразен и текст эпитафий, начинающийся с обращения «О Мухаммад, о Али». Далее следуют три коранические формулы, характерные для болгарских эпитафий. На боковых частях памятников надписи или орнамент отсутствует. На обороте третьего памятника вырезано лирическое обращение к умершему.

По текстам можно установить, что здесь погребены члены одной семьи: жена Али Суфия – *Ай Бикач*, его сын *Сейтяк* и его внук *Джиганиша*. Памятник самого Али-Суфия отсутствует.

Эпитафии у селения Карино по своему оформлению, структуре текста стоят ближе к золотоордынским эпитафиям Кирменско-Джукетауского округа XIV в. и резко отличаются от стильных эпитафий Казанского ханства, прежде всего, заглавной формулой «*О Мухаммад, о Али*». Это единственный случай во всей татарской эпитафике XIII – первой трети XX вв. заслуживает особого внимания в плане распространения шиизма в Булгарском улусе XIII–XIV вв. Вероятно, часть болгарского населения, исповедующие шиизм, был выдвинут далеко на север и последующие годы смог сохранить свои религиозные традиции.

Подводя итоги классификации эпитафий, можно констатировать, что среди памятников Казанского округа XV – I половины XVI вв., выделяется пять типов, которые хронологически распределяются таким образом: 1-й тип – до 60-х годов XV в.; 2-й тип – 70–80-е годы XV в.; 3-й тип – конец XV – начало XVI вв.; 4-й тип – 30–40-е гг. XVI в.; 5-й тип – 30–50-е гг. XVI в.

В связи небольшим количеством сохранившихся археологических памятников периода Казанского ханства эпитафии можно рассматривать как источники по орнаментике, каллиграфии, искусстве резьбы по камню татар средневековья. Ещё в конце 20-х годов XX века П.Е. Корнилов писал: «Изучение надгробных памятников, как памятников материальной культуры, не имело места до сих пор последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства» (Корнилов, 1929а, с.2). Первый опыт классификации орнамента эпитафий Казанского ханства сделал П. М. Дульский. Он выделил три вида орнамента: мотив тюльпана, виноградная лоза и пышный мотив переплетения растительных форм (Дульский, 1929, с. 25). Ф.Х. Валеев в своем капитальном труде «Орнамент казанских татар» в татарской орнаментике выделил восемь исторически сложившихся комплексов, состоящих из родственных по происхождению однотипных мотивов и узоров (Валеев, 1969, с. 130–143). Орнаментика татарских надгробий периода Казанского ханства входит в первую, третью, четвертую комплексы. В первый комплекс он включает узоры, образованные из простейших линейных мотивов и фигур: зигзагов, мотивов жгута, треугольников и др. Такие узоры характерны для эпитафий второй группы, относящиеся к XV в. Ф.Х. Валеев не связывает орнамент первого комплекса с конкретным этапом этнической истории казанских татар (Валеев, 1969, с. 132).

Цветочно-растительные узоры третьего комплекса, образованные из мотивов тюльпана, трилистников, лотоса, пальметты и др. по Ф.Х. Валееву, мы наблюдаем на третьем и четвертом типах эпитафий. По его мнению, третий орнаментальный комплекс связан с кочевым, степным миром и его влиянием на предков казанских татар (Валеев, 1969, с. 136).

Четвертый орнаментальный комплекс входит мотивы, распространенные в болгарском монументальном искусстве: шести-восьмиконечные звезды, розетки, сложные плетенки, пальметки, трилистники, килевидные и стрельчатые арки (Валеев, 1969, с. 136). Они характерны и для четвертого и пятого типов эпитафий Казанского ханства, относящиеся к 30–50 гг. XVI в.

Эпитафические памятники XV–XVI вв. дают значительный материал по социальной терминологии казанского феодального общества: титулы, термины титулатурного характера, тахаллусы, термины родства и др. На это обратили внимание Али-Рахим (Али-Рахим, 2008, с. 278), Г.В. Юсупов (Юсупов, 1960, с.155).

Д.Г. Мухаметшиным собраны воедино все известные по эпитафиям Казанского ханства социально-историческая терминология (Мухаметшин, 2008, с. 54–56, 106–107). Самым высоким титулом среди них является «султан», зафиксированный на памятниках у населенных пунктов Чувашли, Ниж. Серда, Служилая Ура, Старый Узюм, Старые Менгеры. В средневековых тюрко-татарских ханствах XV–XVI вв. титул «султан» применялся к царевичам, не занимавшим официально престол. Так называли себя и казанские ханы: Султан ал-гали Ибрагим хан (Великий государь Ибрагим хан), Султан ал-гали Сахиб-Гирей хан (Великий государь Сахиб-Гирей хан (Усманов, 1979, с.54, 37). Однако в указанных примерах основным титулом казанских правителей является хан, а термин «султан ал-гали» эпитетом (сплавом титула и эпитета), показывающим монаршеское происхождение владельца титула. В такой форме данный термин мы видим на памятниках Казанского ханства из селений Чувашли, Служилая Ура, Ст. Узюм и Ст. Менгеры. На этих эпитафиях термин «ас-султан ал-гали» стоит не после имени погребенного, где согласно тюркской конструкции текста, как правило, должен стоять титул, и даже не перед именем. Между данным термином и именем погребенного расположена дата эпитафии. К тому же, на отмеченных выше эпитафиях из Чувашли, Нижней Серды и Ст. Узюма погребенные имеют еще и другой титул – «ходжа». Поэтому термин ас-султан ал-гали (султан великий) в данном случае является эпитетом, показывающим их знатное происхождение погребенного.

Слово «султан» входит еще и в состав сложного женского имени, выделяя знатность его владельца. Например, *Нур-Султан* (с.Верхние Кибя-Кози), *Даулат-Султан* (с.Мемдель), *Жанай-Султан* (с.Ст. Менгеры) и др.

Титул «бек» зафиксирован на двух памятниках из Казани, где в одном из них он отмечен трижды – при имени отца, сына и внука, что говорит о переходе по наследству данного титула. На другом камне читается имя «*Султан бека*» (Гариф, 2010, с. 22). Титул «бек» упомянут на 11 золотоордынских эпитафиях (Мухаметшин, 2008, с. 105, приложение 3–1). На многих джучидских актах титул «бек» связан с крупными военно-административными единицами – даругами.

На трех памятниках у селений Куркачи, Иски Казань упоминается широко известный по письменным источникам титул мирза. Нередко титулу «мирза» (мурза) дается такое определение: «сын или ученик эмира, дворянин второго ранга». Титул «мирза» имел хождение и после падения Казанского ханства. Например, он зафиксирован на памятнике 1689/70 г., хранящемся в Национальном музее РТ.

Титул «ходжа» отмечен на памятниках из населенных пунктов Чувашли, Ниж. Серда, Узюм, Ниж. Метески, Иски Казань. В тексте последней эпитафии он упомянут при именах отца и сына. Этот титул в значении «хозяин, землевладелец» присутствует на золотоордынских эпитафиях (Мухаметшин, 2008, с. 42).

Титул «бай» – богатый, уважаемый человек – зафиксирован в тексте трех памятников (селения Н.Метески, Наласа, Ст. Узюм). В тексте последнего камня он упомянут при именах отца и сына.

Титулы «челеби» (Бакырчи) и «ага» (Тат. Ходяшево) в татарском обществе XV – первой половины XVI вв. не получили широкого распространения. Они, по одному случаю, зафиксированы и в Болгаре на эпитафиях персон центрально-азиатского происхождения (Мухаметшин, 2008, с. 41; приложение 3–1).

Духовенство в татарском феодальном обществе XV–XVII вв. играло значительную роль. Среди титулов духовенства первенство принадлежало сеидам и шейхам.

Титул «сеид» (села Чемерцы, Малые Меретяки) известен по Казанскому летописцу. Об очень высоком положении сеида можно судить по запискам Герберштейна, который в I половине XVI в. писал: «Он (сеид) пользуется у них таким уважением и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя протягивают ему руку, сидящему на лошади, и, наклонив голову, прикасаются к ней; это представлено одним только царям, ибо князьям касаются не руки его, а колена, знатные лица ног, а простой народ прикасается рукою только к платью его или лошади» (История Татарии, 1937, с.116). Мир-Али сеид из Чемерцы имел еще титул «устаз» – высший духовный учитель, наставник.

Титул «шейх» – глава мусульманской общины, миссионер – встречается в тексте памятников из селений Тат. Ходяшево, М.Меретяки, Ст. Узюм, Молвино, В.Серда, Б.Менгеры. Этот титул упомянут также в ярлыке Сахиб-Гирея (История Татарии, 1937, с.101–102), где он стоит после титула «сеид».

Хаджи – человек, совершивший паломничество в Мекку. Этот титул встречается на памятниках из населенных пунктов Акзигитово, Васюково, Тат. Ходяшево, Молвино, Куркачи и других мест. Имея широкое хождение в татарском обществе, данный титул нередко встречается и среди членов одной семьи. Например, титул «хаджи» на эпитафии из с. Акзигитово употребляется при именах отца и сына. В единичных случаях встречаются такие титулы служителей культа, как «*дerviш*» (селения В.Серда, Карино), «*ишан*» (с.Иски Казань), «*суфи*» (с.Карино), «*мулла*» (с.Иски Казань), «*хафиз*» (с.Чувашли). Однако, несмотря на многочисленность низшей категории служителей культа, они на эпитафиях не получили широкого отражения.

Женских титулов на эпитафиях выявлено немного. Широко распространены титулы «бика» (бикач) – жена бека, знатная женщина (селения Т.Ходяшево, Нурлаты, Н.Берески, Чепчуги, Куркачи, Иски Казань, Б.Менгеры, Карино и др.). В большинстве случаев данный термин встречается на обороте мужских эпитафий в надписи-штампе. На Иски Казанской эпитафии XV века упомянут титул «хатун», известный из золотоордынских эпитафий Болгара.

Все памятники с титулами социального и религиозного характера, кроме одного случая, обнаружены в сельских населенных пунктах. Это связано, во-первых, с малым числом сохранившихся памятников в самой Казани (1 – целый и 8 фрагментов) (рис. № 8). Во-вторых, казанские феодалы были погребены на своих феодальных усадьбах. По архивным данным Н.Гариф составил список из 34 таких населенных пунктов, связанных с феодалами Казанского ханства (Гариф, 2010, с.95–98),

на некоторых из них сохранились эпитафические памятники. К таковым относятся населенные пункты Кодряково, Бол. Кибя-Кози, Камаево, Кузембетьево.

Термины родства на татарских эпитафиях представлены значительно шире. Термин «углы» (его сын) упоминается почти во всех эпитафических памятниках XV–XVI вв. В основном, этот термин встречается на лицевой части эпитафия, то есть памятник является мужским, а на женских эпитафиях термин «сын» встречается в связи с отцом или с лицом, установившим памятник. На двух памятниках XV века употребляется арабская форма этого термина «бин» (села Тат. Ходяшево, Бол. Нырсы).

Термин «гияли» – супруг (а) – употребляется в значении «мужа», и в значении «жены» на эпитафиях селений Иски Казань, Н.Метески, Чемерцы, Чувашли, Наласа, Татарское Танаево, Тохтамыш.

Термин «бинте» – дочь – зафиксирован в селениях Тат. Ходяшево, Касимово, Карино, Ниж. Берески, Ст. Менгеры, Ниж. Серды, Ибры и Нурлат. Интересно употребление тюркской формы этого термина «кыз» – дочь на памятнике у поселения Ниж. Берески.

На эпитафиях встречаются термины «валида» – родитель (ница) – (Ст. Менгеры, Ст. Кишит) и более дифференцированные формы этого термина «ана» – мать (Чемерцы, Мемдель), «ата» – отец (Хохлово, Ниж. Серда, Кодряково).

На одном памятнике (Ст. Узюм) употребляется слово «йучунь» – племянница, что зафиксировано и на более поздних памятниках Касимова (Мухаметшин, 2008, приложение 3–3).

Эпитафические памятники XVI века, в том числе, эпитафии с титулами должностных лиц, концентрируются вокруг значимых селений (центры даруг) Казанского ханства: Ст. Узюм, Б.Менгеры – по Алатской даруге; Иске Казань, Чепчуги, Куркачи – по Арской даруге; Тат. Ходяшево, Казакларово Челны – по Ногайской даруге; Малые Меретьяки – по Зюрийской даруге; Нурлаты, Молвино – по Галицкой даруге.

Эпитафии конца XV – I половины XVI (третий и пятый типы) распространяются на Предволжье, на Закамье (Балынгуз), на Вятские земли (Нократ), но основным местом их бытования остается Заказанье. На значительной территории, занимаемой татарским населением, устанавливается единый стиль эпитафических памятников со стрельчатой верхней частью, пышной орнаментацией по бордюру и тимпану, трафаретным текстом. Наблюдается единство стиля в оформлении оборотной стороны и боковых частей эпитафий. В резьбе по камню мастера достигли такого совершенства, что события 1552 года, потеря государственности у татарского народа не сразу сказалось на развитии татарской эпитафики. Еще столетие, до середины XVII в., сохраняется этот совершенный стиль эпитафических памятников, единичные памятники этого типа были поставлены даже в первой половине XVIII в.

В последние годы начали уделять внимание охране этого вида историко-культурного наследия. Кладбища и местонахождения отдельных памятников огораживаются забором, благоустраивается территория и находящиеся рядом родники (населенные пункты Татарское Танаево (Зеленодольский р-он) (рис. № 2), Старо-Атряское (Тетюшский р-он), Больше Менгерское (Атнинский р-он), Чаллинское (Рыбнослободской р-он), Старые Зюри (Тюлячинский р-он) (рис. № 5) в Республике Татарстан; селения Тат. Калмаюрское (Чердаклинский р-он, Ульяновская обл.), Новое Буяново (Шемуршинский р-он, Чувашия) и др.). Здесь мы видим желание включить кладбища, эпитафические памятники в систему экскурсионного обслуживания населения. В этом плане удачная работа было сделано в Болгарском музее-заповеднике. Часть эпитафий, хранящиеся в фондах, были реставрированы и выставлены для обозрения в Музее болгарской цивилизации в архитектурном памятнике – мавзолее XIV в.

Единичные эпитафии выставлены в музеях Татарстана, но этим проблему сохранности памятников не решить. Нужна государственная программа охраны этого уникального историко-культурного наследия татарского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметзянов М.И. Тайны эпитафий // История Лаишевского края. Б.м., 1997. С. 114–117.
2. Әхмәтҗанов М.И. Олы Жәке ташъязмасы тарих сөйли // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. №3–4. Форзац 4.
3. Әхмәтҗанов М.И. Биектау төбәгенен 13–17 гасырлардан калган татар эпитафикасы // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. Казань, 1999. 90–123 б.
4. Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Татар. кн. из-во. Казань. 1969. 202 с., ил.

5. Гариф Н.Г. Казан ханлыгы чоры ташъязмалары. Казан: ТФА Тарих институты басмаханәсе, 2010. 128 б.
6. Гариф Н.Г. Казан ханлыгы чоры ташъязмалары. Казан: ТФА Тарих институты басмаханәсе, 2010. 62–67 б.
7. Дульский П.М. Несколько слов по поводу орнаментики памятников XVI–XVII вв. // МОРПП ТАССР. Казань, 1929. Вып. 3. С. 22–27.
8. Ильминский Н.И. Татарские надписи из времен Казанского ханства в Лаишевском уезде // Известия Археологического общества. М., 1951. Т. III. С. 114–118.
9. История татар с древнейших времен. В семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. Казань. 2014. 1080 с.
10. История Татарии в документах и материалах. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 503 с.
11. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
12. Корнилов П.Е. К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи // Материалы по охране, реставрации и ремонту памятников ТССР. Казань, 1929. Вып. 3. С. 1–4. 1929 б.
13. Магницкий В.К. Старые, оставленные кладбища во втором стане Чебоксарского уезда // Казанские губернские ведомости. 1866. № 46.
14. Магницкий В.К. Археологические достопримечательности во 2 стане Чебоксарского уезда // Казанские губернские ведомости. 1874. № 12.
15. Малов С.Е. Булгаро-татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. М., Л.: Наука, 1947. Вып. I. С. 37–45.
16. Малов С.Е. Булгаро-татарская эпиграфика // Эпиграфика Востока. М.-Л.: Наука, 1948. Вып. II. С. 39–48.
17. Марданов Р., Надиев И. Кече Кайбычтагы борынгы кабер ташлары // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005ю 2(41). 98–101 б.
18. Мухаметшин Д.Г. Г.В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики // Поволжская археология. 2014. №4. С. 154–177.
19. Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты /Серия «Археология евразийских степей». Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 132 с. + ил.
20. Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. Сб. статей. Казань: 1993. С.118–133.
21. Мухаметшин Д.Г., Галлямов Р.Г., Хаялиев Р.Р. Предварительные итоги историко-эпиграфической экспедиции в Кайбицкий и Зеленодольский районы РТ // Материалы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Болгар, 2015. С.52–60.
22. Насыри Каюм. Археология материаллары (Зөя өязе авыллары буенча) // Насыри Каюм. Сайланма әсәрләр. 2 т. Казан: Татарстан кит. нәшр., 1975.
23. Рахим Али. О двух татарских надгробных памятниках XVII-го века // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып.3. Казань, 1929. С. 14–21.
24. Рахим Али. Татарские эпиграфические памятники XVI века // Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьентык / Төз. Раиф Мәрданов, Ирек Надиев. Казан: Жьен, 2008. 480 б. («Шәһесләребез» сериясе).
25. Рахим Али. Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып.4. Казань, 1930. С. 49–57.
26. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань: ТКИ, 1975. 219 с.
27. Филиппов А.Г., Катанов Н.Ф. О двух татарских памятниках, находящихся близ с. Старого Тябердино Цивильского уезда, и одним армянском, в с. Кирельском Тетюшского уезда // Иностранное обозрение. 1914. Кн. 6.
28. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 317 с.
29. Фукс К.Ф. Краткая история Казани. Казань. 1817. 60 с.
30. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. 585 с.
31. Юсупов Г.В. Татарские эпиграфические памятники XV века (К вопросу о происхождения казанских татар) // Эпиграфика Востока. Вып. V. М., 1951. С.78–94.
32. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 332 с.
33. Юсупов Г.В. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства // Эпиграфика Востока. Вып. XVI. М., 1963. С.72–78.
34. Юсупов Г.В. Эпиграфические памятники Атинского района Республики Татарстан // Татарская археология. 2005. №1–2 (14–15). С. 71–91.

Ж.Г. Мөхәмәтшин

**XV ГАСЫР – XVI ГАСЫРНЫҢ БЕРЕНЧЕ ЯРТЫСЫ
КАЗАН ХАНЛЫГЫ ЭПИГРАФИК ЧЫГАНАКЛАРЫ**

Мәкаләдә Казан ханлығы чорына караган эпитафик һәйкәлләрнең барысы жыйнап бирелә, чыганақларны туплау һәм татар эпитафикасының аерым проблемнарын өйрәнү яктыртыла. Авторның 2014–2015 еллардагы үткәрелгән эпитафик экспедицияләр нәтижәсендә Ж.Г. Мөхәмәтшин тарафыннан эшләнгән XV йөз – XVI гасырның беренче яртысы эпитафик һәйкәлләр классификациясе төгәлләштерелә. Мәкаләдә Казан ханлығы чорына караган эпитафик һәйкәлләр текстларына, аларда очрый торган титулларга һәм туганлык терминнарына киңәйтелгән бәяләмә бирелә.

Ачыкч сүзләр: Казан ханлығы, эпитафика, эпитафик һәйкәлләрне өйрәнү һәм вакытын ачыклау, классификация, титуллар, туганлык терминнары.

D.G. Mukhametshin

**EPIGRAFICHESKY SOURCES OF THE KAZAN KHANATE
OF XV – THE FIRST HALF OF THE XVI CENTURIES.**

In article all epigrafichesky monuments known to science Kazan khanate are aggregated, the history of accumulation of sources and researches of separate problems of the Tatar epigrafika is reflected. On the basis of a historical epigrafichesky of expeditions of the author of 2014–2015 the classification of epitaphs of XV developed by D.G. Mukhametshin – the first half of the XVI centuries is specified. In article the developed characteristic is given to texts of epitaphs, titles and terms of relationship, met on epitaphs of the Kazan khanate.

Keywords: Kazan khanate, epigrafika, studying and dating of epitaphs, classification, titulatura, terms of relationship.

Сведения об авторе:

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Болгар, Республика Татарстан); E-mail: djamil78@list.ru

Мөхәмәтшин Жәмил Габдрахман улы – тарих фәннәре кандидаты, Болгар дәүләт тарихи-архитектура музей-заповеднигы эйдәп баручы фәнни хезмәткәре (Болгар шәһәре).

Mukhametshin Jamil Gabdrakhimovich – candidate of historical sciences, leading researcher of the Bulgarian state historical architectural museum-zapovednik (Bulgar, Republic of Tatarstan).

УДК 930.23

ПОХОДЫ КАЗАНСКИХ ТАТАР НА НИЖЕГОРОДСКИЕ ЗЕМЛИ в 1535–1536 гг.

© 2015 г. М.А. Несин

В данной работе автор, на основе комплексного привлечения широкого круга источников, уточняет ход и хронологию событий, связанных с походами казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. Привлекаются не рассмотренные иными исследователями свидетельства разрядных записей об участии нижегородского воеводы в защите Балахны от казанцев, кроме того, на основании изучения разрядных данных предлагается новая датировка похода нижегородских и муромских воевод к Лысково. При этом, обращается внимание на не используемые прежде учеными сведения о построении русских полков во время этого похода. По-новому датируются свидетельства летописцев XVII в. о походе татар к Нижнему Новгороду, который в них указан под 1537 г.

Ключевые слова: Нижний Новгород, Балахна, Сафа-Гирей, Казанское ханство, казанские татары, Елена Глинская.

Походы казанских татар на Нижегородскую землю в 1535–1536 гг. неоднократно упоминались исследователями Казанского ханства, Московского государства и московско-казанских отношений (Тихомиров, 1962, с. 8 Каргалов, 1998, с. 265–267; Худяков, 1991, с. 99). Однако, до сих пор они не были комплексно изучены с рассмотрением всех имеющихся в научном обороте сведений источников.

В 1535 г. в результате переворота к власти в Казани пришел Сафа-Гирей. А прежний хан, московский ставленник Джан-Али, был свергнут и казнен. Это пришлось московскому правительству не по нраву. В Москве это трактовали не иначе, как «измену» и не желали мириться с победой противников московского влияния.

О дальнейших событиях подробно повествует составленный около середины XVI века Летописец о начале царствования князя Ивана Васильевича в повестях «О казанских татарах», а также «о Балахне», которые в наиболее полном виде дошли до нас в составе Никоновской летописи, но также содержатся в Львовской летописи и др. (ПСРЛ, 1904, с. 105–107; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 23–24).

Вообще, в Летописце в данной погодной записи под особыми заготовками приведены сразу несколько рассказов о нашествиях казанских татар на Нижегородский край. Они идут подряд, иногда без какой-либо связи между собой. Тем не менее, две вышеупомянутые повести представляют связное повествование и написаны схожим языком, поэтому, скорее всего, восходят к одному и тому же источнику. Не исключено и его нижегородское происхождение. Кроме того, что здесь относительно подробно сообщается о разорении Балахны, есть уникальные сведения о неожиданном ночном нападении татар на Нижегородские «места» 24 декабря 1535 г. и неудавшейся военной хитрости нижегородских воевод.

Согласно Летописцу о начале царствования Ивана Васильевича, в декабре того же 1535 г. Иван IV и его мать, великая княгиня Елена Глинская (а фактически – Елена Глинская от имени себя и малолетнего сына. – М.Н.) послали на Казанские земли войска под руководством мещерских воевод – князя Семена Гундорова и Василия Замытского (ПСРЛ, 1904, с. 105; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 23).

Это, в свою очередь, видимо послужило причиной ответного похода казанских татар на русские земли. Согласно этому же источнику, на р. Суре мещерские воеводы встретили казанское войско, направлявшееся в «Нижегородские места». От столкновения с ним они уклонились, а также раздумали продолжать поход на Казанское ханство и повернули назад к себе в Мещеру (город на р. Оке, существовавший на территории нынешней Рязанской обл.). В Москву они о своем отступлении не сообщили (ПСРЛ, 1904 с. 106; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 23).

Что касается татар, то они пошли далее и ночью 24 декабря, когда местные жители были «сонные», неожиданно – «безвестно» – вторглись в «Нижегородские места» и, «повоевав» их, пошли прочь (ПСРЛ, 1904 с. 106; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 24).

Согласно Никаноровскому хронографу XVII в., они пограбили Городец, Березополье и «около» Нижнего города (ПСРЛ, 1962, с. 142). Вероятно, татары повоевали и нижегородские посады. Воскресенская летопись XVI в. упоминает, что той зимой они пограбили и Нижний Новгород (ПСРЛ, 1859, с. 291). Кроме того, в некоторых памятниках XVII в. – Никаноровском Хронографе и Нижегородском летописце – сказано, что татары пришли из-под Мурома и бились с нижегородцами с 3 часа до полуночи (или согласно Нижегородскому летописцу – до 9 часа) (ПСРЛ, 1962, с. 142; Нижегородский летописец, 1886, с. 34). Нижегородский летописец, где это известие привлечено в более развернутом виде, добавляет, что татары осаждали нижегородский кремль 3 дня и выжгли 200 дворов на Большом посаде (Нижегородский летописец, 1886, с. 34).

Правда, в данных источниках это отнесено к следующей зиме. И исследователи иногда также вслед за ними относят это поход к январю 1537 г. (Каргалов, 1998, с. 268). Но согласно нижегородскому летописцу, где этот текст приведен наиболее полно, казанцы вскоре двинулись на Балахну (Нижегородский летописец, 1886, с. 34). А это позволяет допустить, что речь идет о тех же событиях зимой 1535/1536 гг. Ведь согласно источникам XVI в., захват Балахны татарами произошел в том году. Тем более, в начале 1537 г. под Муромом татарские войска, как известно, потерпели серьезное поражение. И едва ли им после этого хотелось идти осаждать солидный нижегородский кремль, у защитников которого были в наличии и пушки, и пищали. Так что, надо полагать, к Нижнему Новгороду они подошли не от Мурома, а с востока ночью 24 декабря 1535 г. Согласно Летописцу о начале царствования князя Ивана Васильевича, нижегородские воеводы, очевидно, не стали сражаться с татарами в открытом бою. Но когда казанцы пошли назад, думали ударить на них с тылу, ожидая, что татары придут в Казанское ханство «к мещерским воеводам, а они сзади» (ПСРЛ, 1904 с. 106; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 24). Как мы видим, нижегородские воеводы задумали хитроумный план, который бы мог быть блестяще выполнен, если бы Гундоров и Замыцкий не вернулись в Мещеру, а, согласно приказу Елены Глинской, воевали на территории Казанского ханства. В итоге, нижегородские воеводы просчитались, и казанцы благополучно вернулись на свои земли. А воеводы Нижнего Новгорода со своими воинами не напали на татар, но, как видно, остались стоять на казанских рубежах до получения дальнейших распоряжений из Москвы. Узнав о том, что мещерские воеводы не перехватили казанскую рать на территории ханства, Елена Глинская велела нижегородцам возвратиться назад, а Гундорову и Замытскому приказала явиться в Москву, где их отправили в заточение за измену в назидание остальным. А казанцы вскоре решили предпринять новый поход. Согласно Летописи, через считанные дни – 6 января – они вновь вторглись в русские пределы и напали на Балахну, подпалив городские дворы (ПСРЛ, 1904 с. 106; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 24). Интересна не привлекавшаяся прежде исследователями разрядная запись: «Тово же лета приходил царь козанской на Болохну и посады пожог, а на Болохне был тогда боярин и воевода Иван Васильевич Хобар Симской с товарищи. И бой им с козанским царем был и Ивана Хобора тогда побили, а Иван утек на Болохну в мале силе» (Разрядная книга, 1977, с. 260). Последний кусок, безусловно, дефектный – в Балахне крепость будет возведена только полгода спустя, поэтому разбитому «на Балахне» отряду Симского «утечь» «в Балахну» было некуда. Очевидно, он «утек» в Нижний Новгород и сообщил тамошним воеводам «весть» о взятии Балахны татарами.

Летописец о начале царствования князя Ивана Васильевича в повести «О Балахне» также повествует о том, что русские люди в Балахне вступили в неравный бой казанскими татарами. Но он не упоминал воеводы, а сосредотачивал внимание на населявших Балаху «черных людях», которые, согласно нему, были не приучены к военному делу. Поэтому, когда они собрались и вышли навстречу татарам, многих из них перебили и взяли большой полон. (Вероятно, отряд Хабора Симского был небольшой и не играл решающей роли в битве. Поэтому летописец его не упомянул. Но не исключено, впрочем, что он постеснялся писать о поражении служилого войска, а все представил в трогательном свете в виде разгрома татарами кучи храбрых, но не обученных воинскому делу поселян). Когда находившиеся в Нижнем Новгороде воеводы услышали «весть» о вторжении татар в Балахну и выступили к ним навстречу, те отступили с большим полоном состоящим, надо думать, прежде всего, из балахонцев (ПСРЛ, 1904 с. 106–107; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 24).

В более лапидарном известии Воскресенской летописи тоже говорится об устроенном татарами 6 января 1536 г. поджогах «посада» Балахны и «поимании» многих «беглых» людей «на Волге» (вероятно, тех же не обученных военному делу балахонцев), а также отступлении казанцев после того, как на них двинулись русские воеводы (ПСРЛ, 1859, с. 291). Несколько иначе описывает поражение балахонцев Казанский летописец. Он, наоборот, пишет, что когда татары подошли на

утренней заре, балахонцы оплошали, потому что (как видно с вечера) были пьяны, веселясь «о Боге» (ПСРЛ, 1903, с. 315). Надо сказать, летописец спутал дату и отнес нападение татар не к началу января, а к февралю – «мясной недели», хотя Балахна была захвачена 6 января, на день Богоявления. Любопытно, что сам летописец отмечает, что балахонцы веселились «о Боге». Другое дело, что версия о массовом пьянстве балахонцев накануне праздника выглядит несостоятельной, так как накануне Богоявления на Руси не было традиции массового празднования. Кроме того, Казанский летописец уверяет, что татары брали не живой «плен», с которым не хотели себя обременять, а добро балахинцев, богатые ткани и др. И с этим ушли в Казанское ханство. Но это выглядит странным, поскольку, по словам того же источника, казанский отряд насчитывал 6000 человек (ПСРЛ, 1903, с. 315) – достаточное количество воинов, чтобы управиться с живым полонем даже из богатого, крупного поселения. Балахна, которая в то время еще не считалась городом, не имела крепости и находилась в подчинении Узольской волости.

Далее, Летописец о начале царствования князя Ивана Васильевича в следующей повести о новом нашествии казанских татар на Нижегородский край, сообщает, что в том же месяце – в январе 1536 г. – казанцы опять пришли под Нижний Новгород, о чем пришла весть воеводам муромским и нижегородским. И главный муромский воевода князь Федор Мстиславский вместе с нижегородскими воеводами пошел на них войной, побил у них 50 человек под Лысковом (у правого берега Волги, немного ниже по течению Нижнего Новгорода. – *М. Н.*), но из-за наступления темноты больше не стали преследовать и повернули назад, а татары после этого сами в ту же ночь побежали прочь (ПСРЛ, 1904 с. 107; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 24). Ученые обычно относились с доверием к этой хронологической летописной привязке и полагали, что в январе 1536 г. казанцы вновь пришли под Нижний Новгород (Каргалов, 1998, с. 266). Между тем, согласно документальному свидетельству разрядной записи, это все произошло в марте. Ведь с сентября 1535 г. Мстиславский был воеводой в Коломне (Разрядная книга, 1977, с. 248), а в Муром переведен лишь 20 февраля, после чего в марте и принял участие в походе против татар к Лысково: *«Тово же году февраля с 20-го числа стояли воеводы в Муроме в городе боярин князь Дмитрий Федорович Бельской да князь Олександра Одреевич Хохолков Ростовской. В Муроме же за городом были воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Михайло Михайлович Курпской Корамыш, да Иван Петрович Федоров Челяднин, да Григорей Юрьевич Захарьин, да князь Иван Михайлович Троекуров.*

В Новегороде в Нижнем в городе окольнічей Иван Семенович Брюхо Морозов.

А за городом в Нижнем воеводы князь Юрь Иванович Темкин Ростовской да окольнічей Иван Семенович Воранцов Фока, да Иван Иванов сын Хобаров, да князь Семен княж Федоров сын Олабышев, да князь Иван княж Федоров сын Мезецкой.

И марта в 6 день писал ко государю и великому князю к Москве из Нижнева Новгорода окольнічей Иван Семенович Брюхо Морозов, что козанские люди начевали за десять верст от города на Ельне. И князь великий велел итить из Муroma к Нижнему Новотороду воеводам и роспись к ним прислал, и велел быть по полком:

В большом полку князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Михайло Михайлович Курпской Корамышев.

В передовом полку князь Юрь Иванович Темкин Ростовской да князь Иван Михайлович Троекуров.

В правой руке Иван Петрович Федоров Челяднин да князь Семен Федорович Алабышев.

В левой руке окольнічей Иван Семенович Воранцов Фока да Иван Иванович Хобаров.

В сторожевом полку Григорей Юрьевич Захарьин да князь Иван Федорович Мезецкой Сухой.

А ходили воеводы за козанскими людьми до Лыскова острова Волгою» (Разрядная книга, 1977, с. 259–260). Ценность этого документа в том, что здесь есть подробные сведения о расположении полков в походе на Лысково. Прежде исследователи их не приводили в своих трудах.

Зато к январю 1536 г. мог относиться приход войска татар и черемисов. (Корякова слобода находилась на левой стороне Волги берегу против Юрьевца – *М. Н.*). О нем сообщает Летописец о начале царствования князя Ивана Васильевича. Хотя он почему-то помещен в этом источнике после похода на Лысково, в отдельной повести «О казанских» (ПСРЛ, 1904 с. 107; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 24). Согласно тому же источнику, их там разбили нижегородские воеводы Семен Сабуров и Иван Карпов (ПСРЛ, 1904 с. 107; ПСРЛ, 1914, с. 436; ПСРЛ, 1965, с. 24). Согласно вышеуказанной разрядной записи, с 20 февраля они уже не значились в числе воевод Нижнего Новгорода или окрестных городов. Лишь летом 1537 г. Карпов – да и то без Сабурова – указан как ниже-

городский воевода (Разрядная книга, 1977, с. 269). Скорее всего, они состояли на воеводской службе в Нижнем Новгороде именно в январе 1536 г., ибо за этот период в разрядных записях по Нижнему имеется некоторая лакуна (известно лишь имя боярина Хабарова Симского, оказавшегося в Балахне во время прихода татар). Согласно Летописцу о начале царствия князя Ивана Васильевича, нижегородцы в Коряково многих татар побили, а многих пленили и отправили в Москву.

В марте, как было указано выше, татары вновь пришли в Нижегородский край, в район Ельни и Лыскова.

Таким образом, изучение дошедших до наших дней летописных и разрядных записей позволяет уточнить хронологию и ход походов казанских татар на Нижегородские земли в период с 1535 по 1536 гг. В период с декабря по март казанские воины совершили 4 похода. Последним из них было мартовское, когда они приходили в ближние окрестности Нижнего Новгорода, к Ельне и Лысково. Больше в 1536 г. они в Нижегородский край не приходили, хотя Сафа-Гирей в последствии не раз посылал на Русь рати. В том числе был послан отряд и на Нижегородские земли. Другое дело, что поскольку, как мы видели, сведения поздних летописцев о приходе казанцев к Нижнему Новгороду следующей зимой 1537 г. на самом деле, скорее всего, относятся к изучаемым нами событиям 1535 – 1536 гг., то надежные свидетельства о следующем вторжении казанских татар в эти края относятся уже к сентябрю 1541 г, когда подошли к Нижнему Новгороду и убили «под посадом» 36 нижегородских «бояр», захватили часть нижегородцев в полон и вернулись в Казанское ханство (ПСРЛ, 1962, с. 142). Если в декабре 1535 г. (равно как и в сентябре 1541 года), казанцы, повоевав на территории Нижегородский края, ушли назад по своей воле, то в январе и в марте 1536 г. отступали в сторону Казанского ханства после того, как против них выступали нижегородские воеводы. Тем не менее, эти их походы, равно как и многочисленные походы на другие русские земли, тоже, по-видимому, ради грабежей и для досаждения московскому правительству, с которым у Сафа-Гирея были напряженные отношения, но не ставили задачи присоединения Нижегородских земель к территории ханства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каргалов В. В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998.
2. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886.
3. ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13.
4. ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 20. Ч. 1.
5. ПСРЛ М., 1965. Т. 29.
6. ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8.
7. ПСРЛ М., 1962. Т. 27.
8. ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19.
9. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т I. Ч II. М., 1977.
10. Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.
11. Худяков М.Г. Очерки истории Казанского ханства. Изд. 3-е, доп. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань, 1923). М., 1991.

М.А. Несин

1535–1536 ЕЛЛАРДА КАЗАН ТАТАРЛАРЫНЫҢ ТҮБӘН НОВГОРОД ЖИРЛӘРЕНӘ ПОХОДЛАРЫ

Автор бу хезмәтendә, күп төрле чыганаclarны өйрәнеп, 1535–1536 елларда казан татарлары тарафыннан Түбән Новгород жирләренә ясаган походларына белән бәйле вакыйгалар барышын яктырта. Моңарчы галимнәр игътибарыннан читтә калып килгән разряд язмаларындагы Түбән Новгород воеводасының Балахнаны саклауда катанашуы хақында мәгълүмат фәнни әйләнешкә кертелә. Разряд кенәгәләрен өйрәнү нигезендә Түбән Новгород һәм Муром воеводаларының Лысковога походының яңа датасы атала. Галимнәрнең күз уңыннан читтә калган бу походта рус полкларының төзелеше бәян ителә. XVII гасыр рус ельязмачылары тарафыннан 1537 елда булган дип саналган казанлыларның Түбән Новгородка ясаган һөжүменә яңа датасы атала.

Ачыкч сүзләр: Түбән Новгород Балахна, Сафа-Гәрәй, Казан ханлыгы, казан татарлары, Елена Глинская.

M.A. Nesin

**CAMPAIGNS OF THE KAZAN TATARS
ON THE NIZHNY NOVGOROD LANDS IN 1535-1536 YEARS**

In this work the author, on the basis of complex attraction of numerous sources, specifies the course and chronology of the events connected with campaigns of the Kazan Tatars on the Nizhny Novgorod lands in 1535-1536 years. The evidence of accounting records about participation of the Nizhny Novgorod voivode in protection of Balakhna against citizens of Kazan which isn't considered by other researchers is attracted, besides, on the basis of studying of accounting data new dating of a campaign of the Nizhny Novgorod and Murom voivodes to Lyskovo is offered. Thus, the attention to the data on creation of the Russian regiments which aren't used before by scientists during this campaign is paid. Certificates of chroniclers of the XVII century on a campaign of Tatars to Nizhny Novgorod which in them is specified under 1537 year are in a new way dated.

Keywords: Nizhny Novgorod, Balakhna, Safa Giray, Kazan Khanate, Kazan tatars Elena Hlynskaya.

Сведения об авторе:

Несин Михаил Александрович – аспирант НовГУ им. Ярослава Мудрого (г. Санкт-Петербург);
E-mail: petergof-history@yandex.ru

Несин Михаил Александр улы – Ярослав Мудрый исемендәге Новгород университеты аспиранты
(Санкт-Петербургда шәһәре).

Nesyn Michael Aleksandrovyich – phd student Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (St. Peterburg).

УДК 930.23

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СМЕРТИ ИБАК-ХАНА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ТЮМЕНСКОГО ХАНСТВА В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВВ.

© 2015 г. А.В. Парунин

Статья представляет собой попытку комплексного анализа обстоятельств смерти Ибак-хана из династии Сибирских Шибанидов. Упор делается на рассмотрение сюжета сибирских летописей – т.н. «тайбугидской легенды». На основе анализа летописных сведений, а также материалов дипломатической переписки анализируется вектор внешнеполитической деятельности лидеров Тюменского ханства, направление которого напрямую увязывается с исследованием причин и характера смерти Ибак-хана.

Ключевые слова: Шибаниды, Тайбугиды, Сибирь, историография, источниковедение, летописи, внешняя политика

В политической истории Тюменского ханства смерть Ибак-хана трактуется в себе поворотный момент, связанный, прежде всего, со сменой внешнеполитических ориентиров сибирских Шибанидов. Переключение на противостояние с Казанским ханством представляется загадочным, ибо до той поры Тюмень старалась поддерживать дружественные отношения с Москвой и даже выступала против ее антагонистов. Вхождение в оппозицию к новым геополитическим реалиям представляется нерациональным и малообъяснимым. Так или иначе, толчком к этим событиям послужило назначение нового хана и исчезновение со страниц письменных источников предыдущего.

Слабость источниковой базы о сибирских Шибанидах наглядно проявилась в описании смерти Ибак-хана, которую ряд исследователей локализует 1495-м годом (Вельяминов-Зернов, 1864, с.391; Маслюженко, 2008, с. 101; Нестеров, 1988, с.15; Нестеров, 2002, с.18; Нестеров, 2003, с.116; Трепавлов, 2002, с.118; Файзрахманов, 2007, с.127). Д.М. Исхаков и А. Frank склоняются к 1493-му году (Исхаков, 2006, с.60; Frank, 1994, p.14).

Подчеркнем, единственный источник, сообщающий о гибели Ибак-хана – корпус сибирских летописей. Румянцевский летописец сообщает: «По летех же неколицех Адоров сын Моамет казанского царя Упака уби и град Чингиден разруши, и постави себе град на реке Иртиши, и нароче Сибирь. И ту пожив и умре» (ПСРЛ, т.36, 1987, с.32). Основная редакция Есиповской летописи прибавляет некоторые подробности: «Князь же Мар женат был на сестре казанского царя Упака. (Сей же казанский царь) Упак зятя своего Мара уби и градом облада, и владе много лет. Маровы же дети Ядер и Ябалак умре своей смертью. По сем Ядеров сын Мамет казанского царя уби Упака и град свой Чингиден разруши, и отиде оттуду внутрь Сибирския земли, и постави себе град на реке Иртише, и назва его град Сибирь, сий рече начальний. И живише в нем царь лета многа и умре» (ПСРЛ, т.36, 1987, с.47). Те же сведения приводят Титовская и Забелинская редакции (ПСРЛ, т.36, 1987, с. 81, 108).

Казалось бы, ситуация вполне ясна и перед нами вполне обыденный механизм смены власти. Тем не менее, есть все основания считать вышеупомянутый сюжет легендой. Для иллюстрации приведем отрывок из основной редакции Есиповской летописи: «Река, глаголемая Ишим вниде устьем своим в реку Иртиш, иже прежде именовал. На сей же реце Ишиме бе царь Моаметова закону именем Он. И воста на него его же державы от простых людей именем Чингис, и шед на него, яко разбойник, с прочими, и уби царя Она, и царство сам приемлет Чингис. Некто же от слуг царя Она соблюде от Чингисова убийства сына Она царя, ему же имя Тайбуга. По неколицех же летех уведано бысть царю Чингису про Тайбугу, яко сын есть царя Она, и приемлет сего, и великою честью почте его, дарует же сему княжение и власть в людех.

По сем же князь Тайбуга прося у царя Чингиса отпущения: идеже хочет царь, он же да идет тамо с воинством. Царь же Чингис собрав воинство много и вооружено и отпусти его по реце Иртишу, идеже живяху чюдь. Князь же Тайбуга, шед с воинством, многия царю покори по реце Иртишу и по великой Оби живущих тамо и оттоле возвратися восвоися с радостью. Царь же Чингис, слыша от Тайбуги, яко покори ему многия и подручны сотвори, наипаче честь ему дарует. Паки же

Тайбуга (проси) от царя Чингиса, ино да отпустит его, идеже хошет, тамо да пребывает. Царь же отпусти его: «Идеже, – рече, – хошеши тамо да пребываеши». Изыде же князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда град, и наречен его Чингиден; ныне же на сем (месте) град Тюмень. Жит же Тайбуга во граде (сем) много лет: ту и умре» (ПСРЛ, т.36, 1987, с.46).

Упомянув об источниках летописи, Савва Есипов пишет следующее: «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца т(ата)рского...» ((ПСРЛ, т.36, 1987, с.42). Я.Г. Солонкин, рассматривая источники основной редакции Есиповской летописи, предполагает, что некоторые сюжеты (в частности, смерть Кучума), могут быть результатом устного предания (Солонкин, 2008, с.36). К этому мнению склоняется и Д.Н. Маслюженко (Маслюженко, 2010, с.9), приводя в пример и такой мифологический конструкт как «Ишимское ханство». Описанная ситуация приводит к необходимости выявлять идейную направленность «летописца татарского», в сюжете которого воплотились исторические предания, в частности, мифологическое происхождение династии Тайбугидов. Нельзя забывать и о том, что не дошедшие до нас татарские летописи представляют собой продукт интеллектуальных раздумий русских книжников (Маслюженко, 2010, с.18–19), пытавшихся переработать оригинальные известия в новое идеологическое русло, которое, прежде всего, превозносило победы русских на сибирской территории.

Неизбежно встает вопрос: как мы можем доверять сообщениям сибирских летописей, если они зачастую представляют собой «копию с копии»? Для поиска ответа на столь злободневный вопрос, на наш взгляд, нужно разделять летописное известие на ряд блоков, в частности, отделять легендарный пласт от непосредственно исторических событий.

К известиям легендарного характера можно отнести вышеупомянутый эпизод из Есиповской летописи, а также сообщения о «Чингызе» и «Онсومه» и сопутствующих событиях, упомянутых в Ремезовской летописи (Сибирские летописи, 1907, с.318), а также у Г.Ф. Миллера (Миллер, 1999, с.186). Очевидно, упор на происхождение Тайбуги и его династии, а также на мнимое родство, натолкнули А.К. Бустанова на предположение, что легенда о Тайбугидах формировалась в первой половине XVI в. (Бустанов, 2010, с.34; Бустанов, 2011, с.46–47), в период существования княжества.

Письменная культура княжества Тайбугидов находит свое отражение в летописании. В январе 1555 г. в Москву прибывает посольство «от Сибирскаго князя Едигеря и от всей земли Сибирской». В грамоте высказывалось предложение наложить на землю Сибирскую дань. Отметим, что после переговоров «царь и государь послал к ним посла своего» (ПСРЛ, т.13, 1904, с.248). Отчетное посольство Едигера в сентябре 1557 года, помимо дани, ознаменовалось сопровождающей шертной грамотой «с княжею печатью» (ПСРЛ, т.13, 1904, с.285), что свидетельствует о развитом делопроизводстве при княжеском дворе. Все сказанное наводит на мысль о существовании собственной культурной традиции в Сибирском княжестве, в том числе и направленной на идеологическое обоснование существования обособленной политической власти. Гораздо сложнее вопрос – как именно сохранилась «тайбугидская легенда» во время существования Сибирского ханства Кучума, особенно если учитывать, что именно Шибаниды вытеснили оппозиционную династию.

О сохранении домена Тайбугидов свидетельствуют сибирские летописи: «Слышав же сия князь Сейдяк Бекбулатов сын, яко атаман Ермак с товарищи на перекопи убиении быша, прочие же бежаш(а) из града, и яко облада градом царевич Алей Кучюмов сын. И собрася со всем домом своим и с воинскими людьми, и прииде ко граду Сибири, и град взя, и царевича Алея и прочих и изгна из града. Приемлет же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываше во граде» (ПСРЛ, т.36, 1987, с.64). Проще говоря, поход Ермака в Сибирь привел к ослаблению политической власти Кучума и активизации оппозиционного клана. Наличие «дома своего» и «воинских людей» свидетельствует в пользу сохранения политической структуры Тайбугидского домена, вероятнее всего, сохраняется и письменная культура. Дальнейшая активная внешнеполитическая деятельность Сейдяка свидетельствовала о попытке укрепиться в новых геополитических реалиях, включая и договорные процессы с Москвой. Однако этот аспект отношений выходит за пределы нашего исследования, но все вышесказанное позволяет объяснить наличие у Саввы Есипова не дошедшей до нашего времени «татарской летописи».

В исследовательской литературе присутствует иная точка зрения, выраженная в трудах Е.К. Ромодановской и А.Т. Шашкова. По мнению А.Т. Шашкова, первым зафиксировал «Тайбугидскую легенду» сподвижник Ермака Черкас Александров, получивший информацию от Сейдяка, плененного служилыми людьми тобольского воеводы Данилы Чулкова в 1587 году (Шашков, 2001, с.18). По версии исследователя, Черкас Александров опирался на письменные татарские источники и фольклор; составление т.н. «Повести летописной» произошло в начале XVII в., а летопись

Саввы Есипова является уже частичной переработкой уже имеющихся материалов (Шашков, 1996, с.132–133, 152). Н.И. Никитин счел гипотезу интересной, однако воздержался от содержательных комментариев (Никитин, 2001, с.64). Гипотеза получила аргументированную критику Я.Г. Солодкина (Солодкин, 2010, с.69–73)¹.

К вопросу о поисках истоков «Тайбугидской легенды» примыкает и сообщение жалованной грамоты царя Федора Ивановича Кучуму, датированное 1597 годом: «Из давних лет Сибирское Государство была вотчина прародителей наших, блаженные памяти Великих государей русских царей, как еще на Сибирском государстве был дед твой Ибак царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителем Великим государем царем; а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирском государ(стве) князи Таибугина роду Магмет (князь), (по)сле его Казы князь, а после Казыя Едигер князь, и те все князи деду нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, с Сибирские земли дань давали» (Исхаков, 2006, с. 187). Текст грамоты, являющей собой широкий исторический контекст взаимоотношений Москвы с сибирскими правителями, намекает на необходимость мирного урегулирования продолжающегося конфликта. Примечательно упоминание Тайбугидских правителей в той последовательности, что и в сибирских летописях: этот факт явно свидетельствует о наличии единого источника информации. По предположению А.Т. Шашкова, им мог быть Сейдяк (Шашков, 2001, с.18). Между тем упоминания о «Тайбугине роде» могли фигурировать и в дипломатической документации Едигера к Ивану IV, что наводит на мысль о возможной многовариантности происхождения легенды.

Параграф о смерти Ибак-хана выглядит следующим образом: «(По нем же) княжил сын его Ходжа, по сем Ходжин сын Мар. (Маровы дети Адер и) Ябалак. Князь же Мар женат был на сестре ка(за)нского царя Упака. (Сей же казанский царь) Упак зятя своего Мара уби и градом облада, и владе много лет. Маровы же дети Ядер и Ябалак умре своею смертью. По сем Ядеров сын Мамет казанского царя уби Упака и град свой Чингиден разруши и отиде отгуду внутрь Сибирския земли, и постави себе град на реке Иртише, и назва его град Сибирь..» (ПСРЛ, т.36, 1987, с.47).

Можно заключить следующее. Источник, послуживший основой для составления Есиповской летописи, явно носил в себе легенду о происхождении династии Тайбугидов и основу для легитимизации рода – мнимое родство с Чингисханом. Несмотря на пристальное внимание летописца к Тайбугидам, трудно обвинить источник в антишибанидской направленности. Тем не менее, сюжет противостояния намекает на разрыв естественного порядка вещей: линия правления Тайбугидских династий была прервана занявшими «град Чингиден» сибирскими Шибанидами, а именно «казанским ханом Упаком». Однако справедливость была восстановлена и вскоре «хан Упак» был убит. Все это позволяет отнести исследуемый фрагмент к т.н. «Тайбугидской легенде» и усомниться в историчности подобного исхода событий. Дело в том, что сообщение об убийстве «казанского хана Упака» (Ибак-хана) не имеет подтверждений в иных источниках, а сам факт его исчезновения со страниц летописей приводит к резкой смене политического вектора.

В историографии по причине фрагментарности источниковой базы подход к обстоятельствам и политическим итогам смерти Ибак-хана был обусловлен прежде всего авторской позицией. Г.Л. Файзрахманов, придерживаясь концепции перманентной угрозы Москвы, видел в убийстве Ибак-хана восстановление династии Тайбугидов, якобы правивших до этого в Чимги-Туре и Кызыл-Туре. При этом исследователь в плане хронологии событий придерживается сведений Есиповской летописи (Файзрахманов, 2007, с.122). Д.Н. Маслюженко, при реконструкции событий, также опирался на сведения сибирских летописей, связав удельный сепаратизм в Тюменском ханстве с неудачей военного похода Ибак-хана и ногаев с последующей осадой Астрахани в 1493-м году (Маслюженко, 2008, с.101). М.В. Моисеев, рассматривая политическую борьбу элит в Казанском ханстве, считал шибанидских династий креатурами антимосковской казанской партии. Исследователь отмечал, что поход Мамука а Казань был вызван тем, что в 1495 г. Шибаниды лишились своего коренного юрта (Моисеев, 2013, с.24), и были принуждены к поиску иных военно-политических альтернатив. Схожая позиция прозвучала и в работе В.В. Трепавлова (Трепавлов, 2002, с. 118). Д.М. Исхаков отметил, что, несмотря на убийство хана, династия Шибанидов по-прежнему зани-

¹ Интересен и следующий момент: если Савва Есипов пользовался при составлении свода трудом Черкаса Александра, почему он не упомянул о своем источнике, а сделал сноску лишь на «летописца татарского»?

мала позиции в Чимги-Туре: независимость Тайбугиды де-факто обрели уже в начале XVI в. (Исхаков, 2006, с.60–61). К схожим выводам обратились А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров (Матвеев, Татауров, 2012, с.98), тем не менее отметив, что «перенос столицы из Чимги-Туры в Искер в 1480–1490-х гг» был «историческим фактом» (Матвеев, Татауров, 2012, с.55)². А.Г. Нестеров квалифицировал внешнеполитическую деятельность Ибак-хана как «великодержавную», направленную на удовлетворение имперских амбиций; смерть же хана, и поражение его младшего брата Мамука в Казани – как затухание Тюменского ханства (Нестеров, 1988, с.14–15; Нестеров, 2003, с.115–116).

Несмотря на разность позиций в отношении внешнеполитической деятельности Ибак-хана, исследователи оказались единодушны в одном: его убийство Тайбугидами сыграло решающую роль в гибели ханства и положило начало существованию новому политическому образованию в Искере. Но нередки и замечания, что традиция политического правления в Чимги-Туре после описываемых событий не иссякла.

О том, что сибирские Шибаниды, несмотря на сообщения сибирских летописей, по-прежнему являлись крупной политической фигурой, сообщают иные источники. Весна-лето 1496 г. для Казанского ханства ознаменовалась агрессивными действиями со стороны младшего брата Ибак-хана Мамука, который в союзе с ногами и частью казанской элиты, захватил власть в Казани, заставив бежать в Москву Мухаммед-Эмина. Этим событиям в Никоновской летописи посвящен обширный абзац (ПСРЛ, Т.12, 1901, с.242–243). Несмотря на удачный захват столицы ханства, Мамук не сумел разобраться в иных политических реалиях, не обрел сторонников, совершив при этом опрометчивый поступок – собрал военный поход против Арских князей. Поход провалился, а оппозиционные силы в Казани закрыли город, в результате чего Мамук вынужден был отправиться обратно в Сибирь, где по дороге и скончался.

Если же следовать исторической канве сибирских летописей, агрессия Мамук-хана против Казани, а, соответственно, и против сюзерена – Москвы – представляется абсолютно нелогичной. Резко возросший удельный сепаратизм местных беков, вылившийся в убийство законного хана и «разрушении» столицы неизбежно должен был быть наказан. Иметь в тылу достаточно сильного противника для Мамук-хана было бы непозволительной роскошью. Безусловно, можно интерпретировать фразу («...и отиде оттуду внутрь Сибирския земли, и постави себе град на реке Иртише, и назва его град Сибирь...») как попытку обособиться, но Махмет Тайбугид должен был понимать, что новоиспеченный хан захочет восстановить пошатнувшийся авторитет ханства и выступить в поход на обидчиков. Однако же ничего подобного источники не фиксируют: вместо этого Мамук, собирая вокруг себя внушительные силы ногаев и казанцев, отправляется в опрометчивый поход, вступая в конфронтацию с Москвой.

Разумеется, можно предположить, что описываемые события в сибирском летописании действительно имели место быть, а Мамук выполнял своего рода функции «опального хана», озадаченного поиском нового домена. Но и такой подход не обретает свою логику, поскольку мы помним, что в 1499-м году брат Мамука Агалак вместе с Ураком «князем Казанских князей» предпринял неудачный поход на Казань (ПСРЛ, т.12, 1901, с.250). Наличие при Шибаниде оппозиционной казанской элиты явно намекает на сохранение политической структуры Тюменского ханства и ее удовлетворительное функционирование. И этот факт свидетельствует против возможной конфронтации с бывшими беками из числа Тайбугидов.

Последнее сообщение касательно Тюменского ханства, более напоминающее истории набегов детей последнего хана Большой Орды Ахмата, относится к 1505-му году: «Князь великий Иван Васильевич свел с Великия Перми вотчия князя Матфея Михаловичя, а на Великую Пермь послал наместника своего князя Василья Андреивичя Ковра. Сеи же бысть первьи от русских князеи. А приехал в неделю цветную, а в понедельник на страстной недели рать пришли без весте ис Тюме-

² Обращает на себя внимание и следующий факт: исследователи, формулируя свою позицию по корпусу сибирских летописей, имеющих по сути единый протограф – «летописец татарский», содержащий в себе уже описанную выше «тайбугидскую легенду», делают достаточно глобальные выводы. Событие с переносом столицы стало связываться с намерением «дистанцироваться от кочевого мира», а также с созданием «государства по подобию Казанского или Бухарского ханств» (Матвеев, Татауров, 2012, с.55). Исследователи при этом забывают, что Тайбугиды, несмотря на попытки создания мнимого родства с Чингизханом, не могли претендовать на ханский титул. Судя же по сообщению русских летописей, Шибаниды продолжали функционировать в Чимги-Туре, осуществляя оттуда свои внешнеполитические акции. Очевидно, «столица», которая одновременно могла пониматься и как сакральный центр, в которой новоиспеченный хан проходил обряд интронизации, сохраняла свои комплексные функции вплоть до начала XVI в.

ни, Кулук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми. Города не взяли, а землю Нижнюю извоивали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли» (ПСРЛ, т.37, 1982, с.99). Примечательна тенденция перехода от полномасштабных военных действий с отдельно взятым ханством до небольших и безуспешных набегов с целью захвата добычи. Налицо тенденция военно-политического затухания государства Сибирских Шибанидов. На основании имеющихся письменных источников мы не можем утверждать, были какие-либо другие внешние обстоятельства гибели ханства, помимо военных неудач.

Рассматривая позднюю историю Тюменского ханства в свете исследования обстоятельств гибели Ибак-хана, нельзя не обойти вниманием еще один вопрос. Это нередко встречаемая в исследовательской литературе проблема миграции сибирских Шибанидов в Среднюю Азию в начале XVI в. (Исхаков, 2006, с.61; Маслюженко, 2008, с.114). Вопрос был поставлен Т.И. Султановым в 1982-м году (Султанов, 1982, с.18–21), где исследователем выяснялась родо-племенной составляющая войска Шейбани-хана. Внук Абу-л-Хайра Шейбани-хан в начале XVI века вел завоевательные походы в Средней Азии (Кляшторный, Султанов, 2009, с.357–358), и (согласно сведениям Ибн Рузбихана) в составе его войска были выходцы из Узбекского улуса. Сведения Рузбихана позволили Т.И. Султанову предположить, что Узбекский улус стал ядром войска Шейбани-хана, а его успешные походы привели к оттоку населения в Среднюю Азию (по подсчетам исследователя – 240–360 тыс) (Султанов, 1982, с.20–21)³.

В связи с этим не совсем ясно, как именно среднеазиатские дела увязываются с затуханием государства сибирских Шибанидов?

В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» есть фрагмент, связанный с откочевкой людей от Ибак-хана: «И с устья Сыра пришло много людей, ради него (Мухаммад Шайбани-хана) отделившись от Ибак-хана. Имена этих пришедших.....» (МИКХ, 1969, с.26). Но по контексту повествования можно определить, что речь идет о периоде, связанном с убийством Шайх-Хайдар-хана, отца Шейбани, которое произошло в начале 1470-х гг. Иные документальные подтверждения массовой откочевки сибирских Шибанидов отсутствуют.

Нелишне здесь упомянуть и о свидетельствах иностранных путешественников и писателей первой половины XVI в., которые отмечали «Шибанских Татар» в Сибири (Маслюженко, 2008, с.115–116; Маслюженко, Рябинина, 2009, с.170–171).

Не менее интересна и судьба племянника Агалака Ахкурта, посольство которого в составе ногайского прибыло в Москву в августе 1508 г (Посольские книги, 1995, с.72–73). Посол Ахкурта его сын Ак-Довлет в итоге получил устный ответ: на предложение передать в кормление Ахкурту Казань, либо Мещеру был получен отказ. Примечательно, что «грамоты князь велики к Ахкурту царевичю не прислал» (Посольские книги, 1995, с.77). Нахождение Ахкурта и его сына в Ногайской Орде, а также отсутствие упорядоченных дипломатических контактов с Москвой свидетельствует о децентрализации власти в Тюменском ханстве после смерти Кулука в 1505-м году. Иначе говоря, кризис политической элиты вылился в ослабление правящей династии и постепенную откочевку царевичей⁴. В частности, Д.Н. Маслюженко предположил наличие собственного улуса Ахкурта близ Ногайской Орды, на Яике (Маслюженко, 2011, с.66). Подобными обстоятельствами исследователем объяснялась и откочевка сибирских Шибанидов в Среднюю Азию. Резонное замечание, тем не менее, вступает в очевидное противоречие со сведениями иностранных путешественников.

Столь подробный исторический экскурс приводит нас к необходимости подчеркнуть, что военно-политическая жизнь Тюменского ханства не угасла, не оборвались связи с Ногайской Ордой и оппозиционной казанской партией. Грамоты Агалака и его племянника Ахкурта в составе дипломатических миссий ногаев подтверждают их важное положение, однако они уже не выступают их формальными политическими лидерами.

Гипотеза о постепенном затухании Тюменского ханства наталкивает на мысль об отсутствии сколько-нибудь серьезного внешнего вмешательства в дела сибирских Шибанидов. Агрессивная

³ Отметим, что исследователь не упоминал Сибирских Шибанидов среди числа тех «узбеков по происхождению», что присоединились к Шейбани-хану на Сырдарье.

⁴ Примечательно, что поход Кулук-салтана в Пермские земли происходил практически одновременно с посольством Агалака к Ивану III, что говорит в пользу междоусобной борьбы в Тюменском ханстве на фоне его военно-политического ослабления. На данный факт указывает и Д.Н. Маслюженко (Маслюженко, 2011, с.63). Трудно судить, как именно Агалак с племянником и его семьей оказались у ногаев, но можно отметить, что Шибаниды на данный период времени решили использовать различные политические рычаги для укрепления своего положения.

внешняя политика Мамук-хана могла осуществляться во многом при наличии спокойного тыла. Письменные источники также сообщают о походах «ис Тюмени» Агалака и Кулук-салтана. Раскол же среди царевичей мог быть вызван лишь военными неудачами. Иных причин, кроме сюжета «тайбугидской легенды», обнаружить не удалось. В связи с этим велика вероятность, что в реальности не было никакого военного противостояния Тайбугидов и представителей дома Шибана: сюжет же легенды вполне мог быть направлен на критику «плохих» Шибанидов, которые вмешались в размеренно текущие дела «хороших» Тайбугидов. Также напрашивается вывод и о том, что в действительности обстоятельства гибели Ибак-хана нам неизвестны.

Возвращение Шибанидов в Сибирь в середине XVI в. и одновременное вытеснение оппозиционных княжичей не привело к истреблению последних. Вторжение русских в Сибирь привело к активизации тайбугида Сейдяка, который завладел Искером вместе «с домом своим и с воинским людьми». Здесь резонно предположить, что и во времена Кучума, активно стремившегося к централизации власти, существовал тайбугидский улус. Подобную ситуацию можно экстраполировать и на начало XVI века, когда слабость шибанидских царевичей вызвала отток подчиненных им беков с дальнейшей попыткой основать собственный политический центр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бустанов А.К. Тайбугиды, Кучум и среднеазиатские улемы в сакральных текстах сибирских мусульман // Мир ислама: история, общество, культура: Тезисы докладов II Международной научной конференции. 28–30 октября 2010 г. М., 2010. С.33–35.
2. Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2011. С.33–78.
3. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.2. СПб., 1864. 498 с.
4. Исаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
5. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 432 с.
6. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Приоболжья в средние века. Курган, Издательство Курганского государственного университета. 2008. 168 с.
7. Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.) / Д.Н.Маслюженко, С.Ф. Татауров (отв. ред.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011, с.62–68.
8. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Ситуация в Сибири и Тюмени в конце XV – начале XVI века по данным иностранных путешественников // IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 24–25 апреля 2009 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. С.170–171.
9. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань. Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
10. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / С.К. Ибрагимов и др. (сост.). Алма-Ата. Наука. 1969. 655 с.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т.1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.
12. Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013, с.20–30.
13. Нестеров А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история: Автореф. дисс.....канд.ист. наук. – М., 1988. 20 с.
14. Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М.: ИСАА при МГУ, 2003. С.109–121.
15. Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С.51–87.
16. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. / В.И. Буганов и др. (ред.). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 357 с.
17. ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. СПб., 1901. 266 с.
18. ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. – СПб., 1904. 303 с.

19. ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.
20. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.
21. Сибирские летописи. М., 1907. 397 с.
22. Солодкин Я.Г. О происхождении одного уникального известия Есиповской летописи // Шатиловские чтения: материалы XII краеведческой конференции 5 ноября 2008 года. Нижневартовск: МУ «Нижневартовская типография», 2008. С.34–38.
23. Солодкин Я. Г. Об источниках оригинальных известий Погодинского летописца (к истории книжной культуры Сибири XVII в.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. N 3 (41). С. 69–73.
24. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, ГРВЛ, 1982. 134 с.
25. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
26. Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. – Казань: Татар. кн. Из-во, 2007. 431 с.
27. Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России. Вып. 1: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург: Волот, 1996. С. 116–161.
28. Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России Вып. 4: Евразийское пограничье. – Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.
29. Frank A. Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers on Inner Asia. Bloomington (Ind.) – №24. 1994. P.1–26.

Список сокращений:

ИСАА – Институт Азии и Африки
 МИКХ – Материалы по истории Казахских ханств
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

А.В. Парунин

**ИБАК ХАННЫҢ ҮЛЕМЕ БЕЛӘН БӘЙЛЕ ВАКЫЙГАЛАРНЫ ӨЙРӘНҮ МӘСЪӘЛӘСЕ ҺӘМ XV
 ГАСЫР АЗАГЫ – XVI ГАСЫР БАШЫ ТӨМӘН ХАНЛЫГЫ ТАРИХЫНЫҢ КАЙБЕР
 ПРОБЛЕМАЛАРЫ**

Мәкаләдә Себер Шыбанилар нәселенән булган Ибак ханның үлеме вакыйгаларын комплекслы анализлау омтылышы ясала. Анализда себер елъязмалары сюжетына – «Тайбугалар легендасына» басым ясала. Елъязма мәгълүматлары, шулай ук дипломатик хат язышу материаллары нигезендә Төмән ханлыгы житәкчеләренең тышкы сәясәт векторы билгеләнә, аның юнәлеше турыдан-туры Ибак ханның үлеме сәбәпләре һәм характеры белән бәйләп карала.

Ачык сүзләр: Шыбанилар, Тайбуга нәселләре, Себер, историография, чыганаclarны өйрәнү фәне, елъязмалар, тышкы сәясәт.

A.V. Parunin

**RELATIONSHIP OF RUSSIA WITH THE NOGAI HORDE IN YEARS
 OF ELENA GLINSKAYA'S REGENCY AND BOYARS BOARD (1534–1541)**

Article represents attempt of the complex analysis of circumstances of death of Ibak-khan from a dynasty Siberian Shibanidov. Emphasis is placed on consideration of a plot of the Siberian chronicles – so-called «a taybugidsky legend». On the basis of the analysis of annalistic data, and also materials of diplomatic correspondence the vector of foreign policy activity of leaders of the Tyumen khanate which direction directly coordinates with research of the reasons and nature of death of Ibak-khan is analyzed.

Keywords: Shibanidy, Taybugidy, Siberia, historiography, source study, chronicles, foreign policy.

Сведения об авторе:

Парунин Алексей Владимирович – научный сотрудник, ОГБУК «Государственный научно-производственный центр по охране культурного наследия Челябинской области» (г. Челябинск); E-mail: therion12399@gmail.com

Парунин Алексей Владимир улы – фәнни хезмәткәр, ӨДМБО «Чиләбе өлкәсе мәдәни мирасны саклау буенча дәүләт фәнни-житештерү үзәге» (Чиләбе шәһәре).

Parunin Aleksey Vladimirovich – the research associate, OGBUK «The state research and production center on protection of cultural heritage of Chelyabinsk region» (Chelyabinsk).

ТАТАРСКАЯ ПОЛИТИКА СИГИЗМУНДА II АВГУСТА

© 2015 г. Я.В. Пилипчук

Данная статья посвящена истории взаимоотношений Великого Княжества Литовского и Крымского ханства в 1548–1572 гг. Новизна данного исследования состоит в том, что в данной статье впервые детально рассмотрен татарский вектор политики Сигизмунда II Августа. Рассмотрены главные тенденции политики Великого Княжества Литовского в период 1548–1572 гг. Нужно отметить, что в обороне литовской и польской границ играли пограничные старосты и князья. Сигизмунд II Август продолжал политику своего отца, направленную на союз с Крымским ханством против Русского государства. Нападения казаков на крымцев и крымцев на жителей пограничных регионов Великого Княжества Литовского делали этот союз шатким. Литовцам приходилось мириться с нападениями пограничных беев на литовское пограничье в условиях Ливонской войны. Войска Великого Княжества Литовского были вынуждены только обороняться, Сигизмунд II Август боялся полномасштабных действий крымцев на своих границах. С обеих сторон границы фронтальные элиты не желали жить мирно. И хотя больших походов подобных на те, что были направлены на Москву в 1571–1572 гг., не было, но набеги татар доставляли серьезный ущерб пограничному населению. В борьбе с набегами крымцев сформировалось запорожское казачество, которое с городов на Киевщине начало свое движение на юг. Главным дестабилизирующим фактором в Восточной Европе стала деятельность Дмитрия Вишневецкого, которая вызвала поход Девлет-Гирея в 1557 г. против литовцев. Дмитрий Вишневецкий был тем, кто доставлял серьезные проблемы крымцам и туркам. Деятельность Бернарда Претвича вызвала поход Сахиб-Гирея в 1549 г. Следует отметить, что политика Девлет-Гирея по отношению к Великому Княжеству Литовскому и Польскому Королевству была жестче, чем у его предшественника (Сахиб-Гирея) и первоначально он был настроен по отношению к России более лояльно.

Ключевые слова: Сигизмунд II Август, Девлет-Гирей, Дмитрий Вишневецкий, Великое Княжество Литовское, Крымское ханство, крымцы, казаки, русские.

Одним из интереснейших аспектов истории Великого Княжества Литовского являются дипломатические взаимоотношения и военные столкновения с татарами. Особенно стоит остановиться на времени Сигизмунда II Августа, который был последним независимым великим князем литовским. Именно на его правление приходится активизация низовских казаков Дмитрия Вишневецкого. Кроме того, середина XVI в. был эпохой больших геополитических изменений. Завоевание Московским государством Казанского и Астраханского ханств, обусловило увеличение враждебности крымцев по отношению к России и обусловило пролитовскую и пропольскую политику хана Девлет-Гирея. Задачей данного исследования является анализ главных тенденций политики Сигизмунда II Августа по отношению к Крымскому ханству, а также выяснение роли казачества в отношениях между Литвой и Крымом.

Смерть Сигизмунда I Старого привела к изменению политики крымцев по отношению к Великому Княжеству Литовскому. Если раньше Сахиб-Гирей предпочитал договариваться с великим князем литовским и королем польским, то с приходом к власти нового короля, он решил военными силами изменить устоявшееся положение дел и наказать литовцев за покровительство казакам. Бернард Претвич в своем дневнике описывал тревожные времена конца 40-х гг. XVI в. Он сообщал, что в 1548 г. сопровождал рыбаков, поскольку не было такого, чтобы рыбаков кто-то не захватил в плен. Бернард Претвич сообщал, что двинулся на Ингул, чтобы освободить из плена рыбаков, попавших в плен на Синюхе. Потом около города Бар (в четырех милях от него) он столкнулся с отрядом буджакских татар Исиходжи (Исы-Ходжи), Тортая и Кихея (сына Синана). После этого отряд Гослицкого и Бадовского (вассалов Претвича) гнал татар аж до Тилигула, где столкнулся не только с татарами, но и с турками. Обе стороны понесли значительные потери. В 1548 г. татары под руководством Синан-мирзы, Иса-Ходжи, Бигоча, Таксари совершили рейд под Брацлав и захватили в плен многих людей около города. В плен попало 12 воинов князя Богуша Корецкого, а сам он еле спасся бегством в Брацлав. Корецкий просил у Бернарда Претвича помощи. Тот призвал себе на помощь панов Сенявских, литовского татарина Шейх-Мансура и поручика Карлинского. Около Очакова они нагнали татар и освободили пленных. Когда в 1549 г. крымцы пришли на

Волынь, то Бернард Претвич вместе с Яном Гербуртом и Николаем Сенявским нападали на отдельные отряды крымцев и часто их побеждали. Эти данные подтверждал и Марцин Бельский. Турецкие источники сообщали о действиях Бернарда Претвича еще в 1549–1550 гг. (Бернард Претвич, 1997, с. 57–58, 72–73; Bielski, 1856, s. 1110).

Мацей Стрыйковский отмечал, что в 1549 г. крымцы вторглись на Волынь, взяли большую добычу и благополучно вернулись домой (Стрыйковский, 2011, с. 924). В Львовской летописи под 1548 г. сказано, что сгорел город Ярослав (Бевзо, 1971). В Киевской летописи XVII века сказано, что в 1549 г. татары взяли Передмирку (Киевская летопись, 1888). Согласно сведениям Острожского летописца в 1550 г. татары взяли Брацлав (Бевзо, 1971). По данным Марцина Бельского в 1549 г. крымцы взяли Перемырский замок и захватили князя Вишневецкого вместе с женой в плен. От Перемырки они двинулись вглубь литовско-польских земель, но узнав о том, что против них выступили Ян Тарновский и Петр Кмита, отступили (Дзира, 1971, с. 99; Bielski 1856, s. 1110–1111).

В 1549 г. в результате набега крымцев на Черкассы в плен попал дядя Дмитрия Вишневецкого Федор Михайлович. Л. Подхородецкий указывает, что крымцы в 1549 г. опустошили Галичину, Волынь и Подолье и со значительной добычей вернулись в степи. В 1551 г. крымцы, воюя на границах Литвы, взяли Брацлав, один из важных городов. По данным Марцина Бельского, в том году крымцы вместе с молдаванами Ильяша взяли город, перебили всех жителей и сожгли его до основания. Для борьбы с крымцами местное население самоорганизовалось и создало войско за свои деньги. Крымцам заняться литовскими и польскими делами вплотную мешала необходимость поддерживать Казанское ханство против Московского государства, а также воевать с ногайцами и Хаджитарханом. Внимание хана отвлекали и походы на черкесов, которые достаточно полно описаны Реммаль-Ходжей. Сахиб-Гирей также был вынужден принимать участие в кампаниях османского султана Сулеймана I Кануни. В 1538 г. он участвовал в походе на Молдавию, а в 1549 г. воевал в Венгрии. Набег 1551 г. на Брацлав, по мнению польского исследователя, был вызван интригами Габсбургов, которые хотели втянуть Ягеллонов в свою войну против турок. Поход же 1549 г. возглавлял калга-султан Амин-Гирей. В 1551 г. крымцы вместе с османами штурмовали Брацлавский замок, который им удалось взять с помощью блокады и артиллерии. В 1550 г. Бернард Претвич характеризировал Дмитрия Вишневецкого как выдающегося борца против татар. В 1551 г. в Краков прибыли послы от аристократии казанцев, которые просили литовцев и поляков помощи против Московского государства. Однако, вероятно, ответ Сигизмунда II Августа был негативным. В 1551 г. Литве и Польше было не до дел Казанского ханства. Необходимо было думать о безопасности собственных границ. Крымское войско было уже не тем легучим войском, которое разоряло небольшие поселения и не могло брать значительные города. Взятие крымцами Москвы в 1571 г. показало, что крымцы с помощью пушек и пехоты могут брать города (Podhorodecki, 1987, s. 99; Kolodziejczyk, 2011, p. 90; Грушевский 1995; Кузнецов, 2013, с. 63; Зайцев, 2004, с. 169; Khodarkovsky, 2004, p. 19–21; Дзира, 1971, с. 99; Bielski, 1856, s. 1107–1108).

Нужно сказать, что относительное миролюбие Сахиб-Гирея в отношении Литвы имело свои объяснения. Крымский хан поддерживал казанского хана Сафа-Гирея в его войне против Московского государства. Наиболее подробно о походах Сахиб-Гирея писал Реммаль Ходжа. Кроме того, он совершил в 1545 г. поход на Хаджитархан, чтобы наказать местного хана. В 1546 г. он оборонял Крым от ногайцев. Однако одним из излюбленных театров боевых действий был Северный Кавказ, то есть земли адыгов и кабардинцев. В 1539 г. Сахиб-Гирей вместе со своим вассалом Кансавуком из племени жанэ (живущих на Таманском полуострове) ходил походом на черкесов, которые до того нападали на османские владения на Тамани. В 1542 г. Сахиб-Гирей ходил походом уже на самого Кансавука и победил его. В 1545 г. по призыву кабардинского князя Эльбозады крымцы пришли, чтобы прекратить смуту в Кабарде, а также еще во владения бжедугов. В 1551 г. Сахиб-Гирей был занят войной с черкесами-хатукаевцами, которые до того под Азаком напали на турков. Хатукаевцев возглавляли Антонук и Алегук. Большинство походов на черкесов было осуществлено с санкции Османов (Остапчук, 2001, с. 397–400).

К концу жизни Сахиб-Гирей изменил свою позицию с пролитовской на антилитовскую, поскольку литовская власть покрывала и способствовала походам казаков на крымские земли. Девлет-Гирей, взшедший на престол в 1551 г., старался наладить отношения с Литвой и Польшей. Еще в 1551 г. он отправил посольство во главе с Битяком, сыном Абд-ар-Рахмана, чтобы заключить мир. В письме от мая 1552 г. крымский хан подчеркивал намерение жить в дружбе с поляками и литовцами. Отмечалось, что предшественники Девлет-Гирея, а именно – Менгли-Гирей, Мухаммед-Гирей и Сахиб-Гирей желали жить в дружбе и союзе с Литвой. Вспоминались также времена

Витовта, Казимира и Хаджи-Гирея. Крымский хан подчеркивал, что его предшественники жаловали литовских князей землями, и литовцы платили за них налоги-выход. Кроме собственно земель Великого Княжества Литовского, в ярлыке упоминались: Козельск, прилегающие к Путивлю регионы, Ягалтаевая тьма, Сарагул. Подчеркивалось, что крымский хан со всеми своими людьми готов воевать против Московского государства. Хан призывал Сигизмунда II Августа не вспоминать обиды давно минувших дней. Крымцы соглашались допускать литовских добытчиков соли в Хаджибейский лиман. Девлет-Гирей обещал обеспечить безопасность границ ханским войском. Он гарантировал, что не позволит буджакцам, жителям Очакова и Азака нападать на литовские и польские границы. Нарушителей запрета он обещал жестоко наказывать. Со своей стороны Девлет-Гирей просил по 200 мер лондонского сукна с Литвы и Польши. Он требовал общую дань в 15 тыс. золотых, прибавляя к обычной дани еще 3 тыс. золотых. Также просил три девярых упоминков. Хан ограничивал размеры крымских посольств, чтобы не обременять литовскую казну. В 1552 г. Сигизмунд II Август предоставил охранную грамоту послу крымского хана. Посла звали Дервиш Мухаммед б. Булгак. Ему и двум его братьям – Теми-Берке и еще одному брату – эта грамота была выдана на проживание в Литве. 30 июля 1552 г. монарх польский и литовский писал воеводе новгородскому Яну Горностаю по поводу отправления назад татарского посла и гонцов с упоминками. Упоминались посольства Александра Владыки и Юрия Тышкевича к крымцам и то насколько дорого обходятся упоминки. В том же году Сигизмунд II Август писал татарским беям Темиру б. Булгаку, Дервишу Мухаммеду-мирзе и Битаку б. Абд ар-Рахману относительно перемирия с Девлет-Гиреем. Великий князь литовский говорил, что желает быть в мире с крымцами, а также знает, что казаки воевали под Очаковом. Он говорил, что предупредил жителей пограничных областей о недопустимости набегов на татар и обещал свести казаков с Днепра (Kolodziejczyk, 2011, p. 90–94, 740–752; Lietuvos Metrica, 2011, p. 105, 113–116, 122).

Однако в 1551 г. Сигизмунд II принял ряд мер, чтобы укрепить оборону границы. Предписывалось увеличить гарнизоны, укрепить и отремонтировать замки и пополнить припасы на случай вторжения. Предписывалось старостам Киевской земли взаимодействовать с воеводами на Волыни, в частности, с Острожскими. На обеспечение воинов государство выделяло деньги. Письма были написаны старосте Черкасскому и Каневскому Яну Хрещеновичу, старосте брацлавскому и винницкому Богушу Корецкому, маршалку Волыни и старосте Владимира Василию Острожскому. Также он писал и тамошним ротмистрам. Указывалось на опасность со стороны крымцев и молдаван. В 1552 г. Сигизмунд II Август писал Николаю Радзивилу о необходимости укрепить оборону. Монарх говорил, что необходимо перебросить воинов из Польши на Подолье, проявлял обеспокоенность состоянием Винницкого замка, напоминал о том, что именно беспечность пограничного старосты дала татарам взять Брацлав. Он также указывал, что крымцы оправдывали свои действия действиями Богуша Корецкого, Бернарда Претвича и Дмитрия Вишневецкого (Метрыка Вялікага княства Литовскаго, 2000, с. 152–160, 171–172; Lietuvos Metrica, 2011, p. 96–98).

Причиной столь миролюбивого поведения Девлет-Гирея стала необходимость для Крымского ханства бороться за большеордынское наследие против Московского государства. Кампании Ивана Грозного против Казани дали крымскому хану повод действовать. В 1552 г. Девлет-Гирей подошел к рязанским волостям и, узнав о войске русских, которое ожидало его у Оки, отступил назад. Казанское ханство осталось без помощи и было обречено на гибель. На обратном пути крымцы осадили Тулу, но посланные царем на помощь войска А. Курбского своим появлением в тылу врага вынудили Девлет-Гирея отступить. В следующих годах русские построили крепости Шацк и Болхов, еще больше усилив свою оборону (Пенской, 2012, с. 17–24).

Падение Хаджи-Тархана в 1554 г. и установление там русской власти, прикрывающейся марионеткой по имени Дервиш-Али еще больше разозлило крымцев. Девлет-Гирей обратился к Сигизмунду II Августу с предложением организовать общий поход против Москвы. Однако великий князь литовский и король польский предпочел проигнорировать это предложение и поэтому в 1555 г. Девлет-Гирей двинулся в поход только во главе крымцев. Московское государство было готово к вторжению. Одна часть русского войска них стояла на Оке, другая часть во главе с Шереметьевым двинулась в степи и стояла около Путивля. Когда Девлет-Гирей начал форсировать Северский Донец, то начали разветывание многие русские полки. Крымцы продвинулись к Одоеву, но узнав, что против них двинулись основные силы неприятеля, Девлет-Гирей отступил. К тому же по крымским отрядам около Тихой Сосны ударил отряд Шереметьева. Оказавшись под угрозой окружения, хан был вынужден отступить из-под Тулы. Крымцы в битве под Судьбищами победили Шереметьева и вырвались из окружения. После похода 1555 г. крымский хан отправил к Сигизмунду II Августу

послание в котором указывал, что царь задумывает плохое против Литвы. Во втором послании он сообщал о своей победе над русскими (Пенской, 2012, с. 24–58; Негри, 1844; Халим Гирей, 2004).

Марцин Бельский сообщал, что в 1556 г. Франц Гослинский во время одного из походов в степь был пойман и убит татарами (Bielski, 1856, s. 1122–1123). В Львовской летописи под 1558 г. сообщалось о действиях татар на Подолье (Бевзо, 1971). В 1558 г. 20 тыс. крымцев под командованием калга-султана Мухаммеда-Гирея II ходили походом на Подолье и Волынь. Они сначала вторглись в Брацлавскую, а потом разорили Барскую и Хмельницкую волости. После этого они двинулись с Брацлавщины на Волынь и Подолье. Крымцы провели удачный поход и вернулись с ясырем в 40 тыс. чел (Бевзо, 1971; Грушевский, 1995). В ответ свои набеги совершали люди из пограничья Литвы и Польши. Например, в 1552 г. на Крым ходил Александр Владыка. Большие проблемы татарам создавал Дмитрий Вишневецкий, который был известен в украинских думах и народных песнях как Байда. Он основал базу для набегов на острове Хортица. Чтобы ее ликвидировать крымцы совершили большой поход в 1557 г. Они взяли и уничтожили Сечь. В 1557–1558 гг. отряды крымцев подходили к Черкаскам, Каневу, Белой Церкви, Ахматову, Хмельнику, Бару, Меджибожу. Дмитрий Вишневецкий до этого в июне 1556 г. взял в осаду Очаков, а в октябре 1556 г. взял Ислам-Кермен (Podhorodecky, 1987, s. 99, 101, 106–107; Бевзо 1971; Kolodziejczyk, 2011, p.94; Голобуцкий, 1994, Розділ 2; Грушевський, 1995; Кузнецов, 2013, с. 78, 92, 108–109, 113–129).

Деятельность Дмитрия Вишневецкого была важным фактором, который мешал альянсу Литвы с Крымом. В начале 50-х гг. XVI в. он основывает свою базу на острове Хортице и собирает около себя казаков, готовых для войны против татар и турков. Своими набегами он беспокоил крымцев, которые в 1557 г. писали на него жалобы. Сигизмунд-Август II на случай войны с Москвой хотел его выслать в Ливонию, чтобы он находился вдалеке от южной границы. Монарх отправил Дмитрию Вишневецкому письмо, в котором предписывал кондотьеру не допускать того, чтобы казаки грабили крымских послов и чабанов. Великий литовский князь и король польский в переписке с крымским ханом представлял дело так, что база на Хортице будет выгодна и османам, и Гиреям, поскольку обезопасит их от московских войск. Реальность же было несколько иной. В 1556 г. совместно с казаками из Путивля Миной и Дьяком Ржевским Дмитрий Вишневецкий воевал против крымцев в нижнем течении Днепра. Литовское правительство отвечало крымцам, что Вишневецкий тут ни причем и, что поход совершили русские казаки. Эти объяснения не удовлетворили Девлет-Гирея, который опустошил пограничье. Дмитрий Вишневецкий бежал к черкаскам. В 1557 г. Вишневецкий перешел на службу к русским властям. В 1558 г. московское правительство предложило литовцам антикрымский союз, однако Сигизмунд II Август не пошел на это, поскольку хотел отвоевать у русских некоторые территории. В 1558 г. Вишневецкий вместе с Адашевым воевал в Крыму и на нижнем течении Днепра, а в 1559 г. возглавляя отряд из донских казаков и черкесов сделал попытку овладеть Крымом с востока. В то же время на Нижнем Днепре действовал Адашев. Его флотилия неожиданно напала на Восточный Крым и причинила крымцам большие убытки. В 1560–1561 гг. Думитрашку (так османы называли Дмитрия Вишневецкого) действовал на Кавказе, в частности, в союзе с черкесским вождем Кансавуком.

В 1561 г. Дмитрий Вишневецкий вернулся под власть Сигизмунда II Августа, который вернул ему прежние владения и звания. Вишневецкий фактически командовал своим личным небольшим войском. Это и не удивительно, поскольку границы фактически охраняли частные армии магнатов. Великокняжеское войско насчитывало же всего 4 тыс. В начале 60-х гг. XVI в. он воевал против турок около Очакова и принял участие в молдавской усобице. Великий князь литовский и король польский своим циркуляром от 1560 г. старался удержать казаков от набегов, однако безуспешно. В 1568 г. правительство отправило письмо казакам, в котором порицало их в том, что они своими набегами подвергают страну опасности. Запрещалось грабить крымских чабанов (Грушевский, 1995; Яворницкий, 1990, Глава 1; Лемерсье-Кельеже, 1970, с. 47–51, 61–62; Винар, 1964, с. 24–30, 37–38; Кузнецов, 2013, с. 136–155, 159–169; Davies, 2007, p. 34–37; Пенской, 2012, с. 70–102, 112–122; Lietuvos Metrika, 2011, p. 186–187).

Сигизмунд II Август предпринял меры для возобновления мирных отношений с Крымским ханством. В 1559 г. он отправил в Крым посольство Скимуна Тышкевича. В ответ на это посольство хан отправил миссию Хаджи-Али-бея. В 1560 г. в ярлыке и шартнаме вспоминались хорошие отношения между Менгли-Гиреем и Сигизмундом I Старым. Подтверждались права великого князя литовского и короля польского на принадлежавшие им земли. Как и в документе 1552 г., Девлет-Гирей был готов поддержать претензии Литвы на район Путивля, Ягалтаевой тьмы и Козельска. Впрочем, если великий князь литовский и король польский пожелает отвоевать другие земли, по-

терянные его предшественниками, то хан обещал помочь. В документе 1560 г. подтверждались право литовцев и поляков добывать соль в Хаджибейском лимане, право торговать в Крымском ханстве. Хан обещал препятствовать нападениям буджакцев, жителей Очакова и Азова на литовские границы и наказывать нарушителей. В ярлыках рядом с ханом упоминался калга-султан Мухаммед-Гирей, а в качестве подданных упоминались и ногайцы. Вероятно, это были ногайцы рода Мансур и ногайцы Малой Орды. В 1560 г. в Вильно было достигнуто соглашение о союзе Польши и Литвы с Крымским ханством против Московского государства. Крымцев представляло посольство из татар Реджеб-шейха, Акуш-оглана и итальянца Симонэ Гарибальди. В 1571 г. Девлет-Гирей был уже недоволен условиями, закрепленными в договорах 1552 и 1560 гг., и Сигизмунду II Августу пришлось отправить в Крым миссию Юрия Буковского. Великий князь литовский и король польский предлагал Девлет-Гирею не ездить в Краков и Вильнюс, а получать упоминки в Брацлаве или Киеве. Нужно сказать, что в 1569 г. активные отношения Великого Княжества Литовского с Крымским ханством прекратились, поскольку вследствие Люблинской унии Вольнь, Киевщина и Брацлавщина были переданы Королевству Польскому, которое стало одной из частей конфедеративного союза двух государств – Речи Посполитой. Шерть Девлет-Гирея – это не межгосударственное соглашение, а личная договоренность между Сигизмундом II Августом и крымским ханом. К тому же, она значила только то, что сам хан не будет нападать на польские и литовские земли. Уплата упоминков еще не была гарантией того, что на границы не будут нападать пограничные беи (Kolodziejczyk, 2011, p. 95–96, 100, 753–768; Podhorodecki, 1987, p. 108–109; Khodarkovsky, 2004, p. 51–55, 65–67).

В 1561 г. послам отправлялись инструкции относительно доставки упоминков. Так, Скумину Тышкевичу предписывалось, если его на литовских землях не встретят татары, нужно подождать, поминки оставить в Киеве до поры, когда татары придут с охраной от хана и смогут гарантировать безопасность послов и успешную транспортировку упоминков. Это специально оговаривалось, поскольку на южной границе занимались разбоем ордынские казаки из Очакова. Киевскому воеводе предписывалось действовать осторожно и предоставить охранную грамоту Дмитрию Вишневецкому, который вернулся на службу к великому князю литовскому. Перед этим он позволил Дмитрию Вишневецкому вернуться в Литву. Монарх сообщал черкасскому старосте Михаилу Вишневецкому, что Дмитрий вернулся из Пятигор (из земель черкесов). Упоминки предписывалось передавать только при гарантиях безопасности. Также Сигизмунд отправил информацию Девлет-Гирею через его послов Ага Али-бея и Хасан-Кула, что упоминки Гиреям находятся в Киеве и, что крымцам необходимо встретить Скумина Тышкевича, дабы упоминок дошел до адресата. На службу к Литве для кампании в Ливонии пришли 24 ордынских казака из Буджака – Ас-Ходжа, Бокаичик, Карача-ага, Дчаниш, Муса, Искандер, Лულчан, Сахиб-тархан, Ага, Менаш, Бай-Сайид, Али Челеби, Биш, Асланберди, Чобан-ага, Мастура-ага, Акмолла-Ага, Дчекаш, Тюгей, Сиврибаш, Босан Али, Кырк Мухаммед, Кионгене-Ага, Дчарлы Гады Ага, Богай-Ага. Михаилу Вишневецкому предписывалось, что если войско Девлет-Гирея или калги-султана пойдет на русские земли через литовскую территорию, то его людям предписывалось их пропустить. Король польский и великий князь литовский хвалил дипломатические таланты Скумина Тышкевича, который золотом и словом настроил крымского хана против московского царя (Lietuvos Metrika, 2011, p. 447–449, 481–486).

Договоренности между монархами не прекратили набеги крымцев на литовское и польское пограничье. Крымцы отметились набегами в 1561, 1563, 1564, 1566, 1568, 1569 гг. Почти все из них были направлены на Подолье. По сведениям Марцина Бельского, в 1562 г. крымцы в набеге на Подолье и Галичину принесли большие опустошения. Он также сообщал о больших опустошениях в Галичине и Польше в 1566 г. Гетман и воевода Сенявский был окружен в Меджибожском замке. В 1566 г. крымцы действовали в союзе с молдаванами, которые напали на Покутье. Александр Гванини сообщал, что в 1566 г. татары опустошили Русь (Галичину) и Подолье. Воевода Сенявский был окружен в Меджибоже (Гваньїні, 2009, с. 174; Дзира, 1971, с. 99; Bielski, 1856, p. 1141–1142, 1166; Podhorodecki, 1987, p. 117). В Острожском летописце сказано, что татары осадили Меджибож в 1564 г. (Бевзо, 1971). В Львовской летописи сказано, что в 1567 г. татары были на Подолье. Этот поход является походом 1566 г., который описали Марцин Бельский и Александр Гванини. В ходе этого похода на Подолье крымцы опустошили много селений и городков (Бевзо, 1971).

Походы крымцев в 60-х гг. на Подолье были средними по размеру и, наверняка, их осуществляли пограничные беи. В целом, картина должна была совпадать с ситуацией, описанной у Бернарда Претвича до 1549 г. В 1568–1569 гг. литовским и польским пограничным войскам удалось отбить у татар ясырь. По данным Марцина Бельского, в 1568 г. Ольбрахт Ласки разгромил под Очаковым

крымцев. Острожский летописец сообщал, что Ласки ходил на татар в Очаков и загнал их в море в 1568 г. Нужно отметить, что поводом для жалоб султану, а также хану, были нападения 20–30 тыс. чел., на нападения 2–3 тыс. великий князь литовский и король польский даже не реагировал. Были и микронападения нескольких сот кочевников, которые происходили до 20 раз на год. С этим всем Сигизмунд II Август был просто вынужден мириться в свете Ливонской войны с Московским государством. Под 1562 г. король и великий князь писал киевскому воеводе Михаилу Вишневецкому, чтобы тот, если русские войска двинутся на Киев, просил помощи у крымского хана и ждал подмоги от волынцев. До Ливонской войны с миссией в Крым был направлен Юрий Быковский, который должен был добиться того, чтобы Девлет-Гирей подтвердил делами свои обещания. По данным Сигизмунда II Августа, крымцы уже в мае 1562 г. были на русских границах, а основные силы должны были подойти позднее. Также киевскому воеводе в союзе с татарами предписывалось не допустить строительства на Днепре русской крепости (Дашкевич, 2011, с. 255–256, 259–260; Метрыка Вялікаго княства Литовскаго, 2001, с. 33–35; Bielski, 1856, s. 1166; Бевзо, 1971).

Шимон Старовольский, описывая украинские земли, указывал, что Подолье и Киевщина граничат с татарами и опустошаются ими. Отмечалось, что жители этих регионов воинственны. Польский хронист и географ называл жителей Киевщины казаками и считал, что казаков было до 40 тыс. (такая численность, скорее, соответствует XVII в. – Я.П.) (Вирський, 2008, с. 136–137, 168–169). Блез де Виженер сообщал похожие данные, говоря о том, что Подолье могло бы процветать, однако постоянные набеги татар и отсутствие природных преград против них делали край не таким богатым (Виженер, 1890).

По данным европейцев, в районе будущего Войска Запорожского в 70-х гг. XVI в. уже собралось несколько тысяч казаков. С XVI в. на границах Великого Княжества Литовского появляется термин «Украина». Первоначально этот термин обозначал пограничные земли. В 1596 г. «польный гетьман» С. Жолкевский, упоминая о восстании С. Наливайко, сообщал, что вся Украина поднялась против поляков. При этом польский гетман под термином «Украина» понимал все населенные украинцами земли, которые служили окраиной Короны Польской и Речи Посполитой. В середине XVII в. король Ян-Казимир называл Украиной воеводства Подляшское, Белзское, Волыньское, Русское (Галичина), Подольское. Примечательно, что и более ранние короли Речи Посполитой – Стефан Баторий и Сигизмунд II – упоминали эти земли именно под таким названием. Термин «Украина» упоминали Й. Верещинский, С. Бельский, Ш. Окольский. В 1650 г. французский инженер Гийом Левассер де Бонплан составил описание Украины. Украиной им были названы земли Среднего Поднепровья. Рядом с термином Русь для обозначения украинских этнических земель П. Конашевич-Сагайдачный, Б. Хмельницкий, И. Выговский упоминали Украину (Khodarkovsky, 2004, p. 48; Храпачевский; Боплан, 1990; Щербак, 2000, Розділ 1).

Нужно отметить, что крымцы продолжали давление на Москву. В 1562 г. Девлет-Гирей появился под Мценском во главе 15 тыс. крымцев. Вместе с ним шли царевичи Адил-Гирей и Мухаммед Гирей. Мценский воевода Ф. Татев оборонял осажденный город. Кроме Мценска крымцы разоряли окраины Одоева, Новосилья, Болхова, Черни, Белева. В русских источниках звучала мысль, что хан напал на русское пограничье, исполняя волю Сигизмунда II Августа. Еще в 1558–1559 гг. царь Иван Грозный обвинял литовских послов в том, что литовцы субсидируют крымцев для того, чтобы те нападали на русские владения. Однако Девлет-Гирей, проводя свою внешнюю политику, руководствовался только своими интересами. Так, в 1569 г. он саботировал поход на Астрахань, не желая видеть как земли Тахт-Эли окажутся под турецкой властью. В 1563 г. крымцы Мухаммеда-Гирея и Адиль-Гирея напали на Михайлов, а также разорили пронские, рязанские и дедиловские места. Иван Грозный остроил Новосиль и приказал соорудить Орел, Епифань и Данков. Девлет-Гирей же хотел максимально отодвинуть позиции русских от своих земель. В 1564 г. Девлет-Гирей обещал Ивану Грозному воевать против его врагов и отказался осуществить поход на Астрахань в том году, как это предлагали османы. Татарская знать же выдвинула требования: вернуть татарам Казань и Хаджи-Тархан и платить дань времен Мухаммеда-Гирея I. Иван Грозный отверг эти условия. В 1564 г. войска Девлет-Гирея осадили Переяславль-Рязанский, но не добились успеха. А. Басманов и Ф. Татев же разбили отряды ширинских беев. В 1565 г. Девлет-Гирей осадил Болхов, но узнав о подходе русских войск, отступил в степь. В 1567 г. Осман-мирза из рода Ширин напал на русское пограничье. В 1568 г. отряды Адиль-Гирея и Гази-Гирея безрезультатно воевали на русских границах. В 1569 г. турки и крымцы пришли под Астрахань, но не смогли ее взять (Пенской, 2012, с. 130–153, 156–167; Bielski 1856, s. 1180–1184; Стрийковский, 2011, с. 942).

На протяжении 50–60-х гг. продолжалась пограничная война между христианами и мусульманами, только ее вели в основном не великие князья и ханы, а пограничные беи Крымского ханства, воеводы Московии, старосты из пограничных областей Королевства Польского и Великого Княжества Литовского. Инициатива принадлежала аристократии, которая жила на фронтире и получала прибыли от набегов. Крымцы активно занимались работоторговлей. Освобождение христиан-пленников из рабства у мусульман русские и литовцы считали своим обязательством. Литовцы в виде казаков отвечали им набегам с захватом плена и имущества, а также с освобождением христиан. Мир был невозможен при таких условиях. Восприятие литовцами и русскими татар как людей чуждой мусульманской культуры также мешало диалогу. Татары и ногайцы аналогично воспринимали русских и литовцев как гяуров и кяфиров, против которых необходимо вести газават. В связи с этим, стоит привести данные казанского историка Шерифи об осаде московским войском Казани. Война против русских описывалась им как газават, как защита дар-аль-ислама против неверных. Если же внести поправку на условия степи и на наступательный, а не оборонный характер войны крымцев в восточноевропейских степях, то стает понятным, почему все попытки Сигизмунда II Августа и Девлет-Гирея найти общий язык проваливались. К слову, в песне о Дмитрии Вишневецком под кличкой Байда выражен образ борца против мусульман и рыцаря Христа. Поход Ивана Грозного на Казань также конструировался летописцами как борьба христиан с мусульманами (Davies, 2007, p. 25; Khodarkovsky, 2004, p. 21–26, 34–36; Шерифи, 1995).

После падения Хаджи-Тархана московское правительство вошло в прямой контакт с черкесами и кабардинцами. Приняв Кабарду и некоторые черкесские княжества в свои вассалы, Иван Грозный натравливал их на крымцев. Князья Темрюк, Сибук, Таздар нападали на кочевья крымцев. Черкесы племени жанэ под предводительством Кансавука также атаковали крымцев, правда, в союзе с Дмитрием Вишневецким. По большому счету, в 1560–1568 гг. Девлет-Гирей тревожил русских и литовцев пограничными набегам. Большая война наподобие времен Менгли-Гирея и Сахиб-Гирея началась только с 1570 гг. Этот поворот был связан с тем, что царь не платил дани и не шел на компромисс в отношении Казани и Астрахани. В 1570 г. калга-султан Мухаммед-Гирей опустошил окраины Переяславля-Рязанского и Каширы, а под Зарайском татары столкнулись с русскими отрядами и были побеждены. Отряд Алп-Гирея воевал под Новосилем. Поход 1571 г. был одним из наиболее удачных крымских походов. Крымцы прошли не только дальние фюпросты войск, но и форсировали Оку и вышли к Москве. Столица государства была сожжена, а царь Иван Грозный вынужден был просить о мире. На требования Девлет-Гирея вернуть Хаджи-Тархан и Казань он отвечал соласием, однако предлагая заменить территориальные уступки щедрой данью. В 1572 г. произошло воистину знаменательное событие. Под Молодями русское войско нанесла тяжелое поражение крымцам, в результате чего натиск Девлет-Гирея на Ивана Грозного серьезно ослаб (Пенской, 2012, с. 169–190, 234–261; Смирнов, 1958, с. 25–28).

Нужно сказать, что отношения между государствами на Северном Кавказе также наложили отпечаток на ситуацию в Восточной Европе. В 1559 г. против Тюменского шамхала московское правительство направило войско. По просьбе Темрюка был сооружен Сунжинский городок. Премник Темрюка Канбулат продолжал ориентироваться на Русь. Одним же из упорных противников Москвы были кумыки. Тюменский шамхал в 1554 г. укрыл у себя бежавшего из Хаджи-Тархана хана Ямгурчи. В 1555 г., чтобы избежать похода русских войск, он просил о подданстве. В 1557 г. Тюмень посылала упоминки Москве, а в 1560 г. астраханский воевода М. Черемисин совершил поход на это государство. От его войск пострадало и Казикумухское шамхальство, поскольку московские войска разорили Тарки (современная Махачкала). В 1567 г. русские основали крепость Терки. В 1571 г. Османы добились срытия этой крепости. В посольских документах крымцы указывали на давние связи и тесные контакты Крымского ханства с Кази-Кумухским шамхальством. Правитель этого государство назывался крым-шамхал. Войска последнего воевали против грузин, совершая набег через перевалы. В 1593 г. Тюмень была аннексирована Россией.

В 1562 г. Темрюк и Доманук вообще были вынуждены бежать из Кабарды под давлением сторонника крымцев Пшеапшока. Крымский хан Девлет-Гирей своим заявлением о контактах с Кази-Кумухом намекнул русскому царю, что не допустит его дальнейшего продвижения на юг. Он предлагал Москве союз за уступку Астрахани. Крымский хан указывал, что в таком случае будет нападать на литовцев и черкесов, а московские земли не будет беспокоить. В Кавказской Тюмени нашли укрытие сыновья Йусуфа. Союз с Малой Ногайской Ордой позволил черкесам Пшеапшоки не быть раздавленными Россией и Большой Ногайской Ордой. Возглавлял этот улус Гази, который мигрировал из Большой Ногайской Орды, не согласившись с политикой бия Исмаила. Малая Но-

гайская Орда помогла Пшеапшоку на некоторое время изгнать из Кабарды Темрюка, который вернулся назад в середине 60-х гг. XVI в. с русской подмогой. В 1565 г. крымцы совершили набег на Кабарду. Осенью 1569 г. Мухаммед-Гирей двинулся в Черкессию. В 1570 г. Девлет-Гирей приказал Адил-Гирею воевать против Темрюка и Ташрука. Крымцы поддерживали своих союзников в Черкессии – Исламбека, Капшука, Муртазу-мирзу. В 1570 г. в первой битве малочисленное войско Адил-Гирея было разбито Темрюком, однако в июле того же года калга-султан взял реванш. Он разбил кабардинцев и абазин, сыновья Темрюка Мамстрюк и Беберюк попали в плен. Для освобождения их из плена Темрюку пришлось подклясть Ивана Грозного, чтобы отпустили русским пленным в декабре 1570 г. (Смирнов, 1958, с. 27–41; Гусейнов, 2012, с. 223–226; Кушаева, 1963, с. 199, 230–241; Маршаев, Бутаев, 1992; Кабардино-русские отношения 1959, № 11, 15).

Необходимо сказать, что Сигизмунд II Август имел кое-какое представление о политике на Северном Кавказе. В 1553 г. он поздравлял Девлет-Гирея с победой над войском Езбузлуко, который хотел заключить союз с русскими против крымцев. Сообщалось, что в июне 1553 г. крымцы, выйдя из Азова, разгромили черкесов-бесленей и взяли в плен их князя с женой и детьми. Поводом для похода был названы переговоры Езбузлуко с Иваном Грозным. Девлет-Гирей кратко говорил о победе над черкесами, при этом сообщая, что он наказал ордынских казаков, которые совершили поход на литовское пограничье. Также сообщалось, что он отпускает в Литву литовских послов Скумина Тышкевича и Львовича. К Скумину он приставил Чанболу-емельдеша, а через Мамыш-мурзу просил как подарок два панцыря (вероятно, два комплекта европейских доспехов. – Я.П.) (Кабардино-русские отношения, 1959, № 2–3).

В 1552 г. в Москву после падения Казани прибыло посольство от черкесских князей Машука, Танашука, Ивана Езбузлукова. В инструкции русскому послу, который был отправлен в 1554 г. к Сигизмунду II Августу на возможный вопрос о пятигорцах предписывалось отвечать, что черкесы находятся в русском подданстве. Эта ситуация очень не устраивала Девлет-Гирея, и он в 1554 г. осуществил поход на черкесов. Но его активность только подстегивала черкесские посольства к Москве: в 1555 г. к русским прибыли Додорук (Тутарык) Езболуев, Сибок с сыном Кудадином и братом Ацимгуком. Машук был князем черкесов бесленей, а Сибок – черкесов жанэ (владения Езбузлуко Е. Кушева локализовала в землях абазинцев). В 1557 г. Девлет-Гирей осуществил очередной поход на черкесов и Машук с Сибоком бежали к русским. В Московии они приняли христианство и крестились. В 1557–1559 гг. войска Темрюка Идаровича помагали Дмитрию Вишневецкому воевать против крымцев, а в 1560 г. к нему присоединились Сибок и Машук. В 1560 г. Девлет-Гирей отговаривал царя от союза с черкесами. В 1561 г. Иван Грозный выдворил Дмитрия Вишневецкого из земель черкесов, поскольку тот затеял свою собственную игру, и поручил ему возвратиться на Запорожье, чтобы вредить крымцам и литовцам. В 1562 г. стало известно, что Дмитрий перешел на службу к Сигизмунду Августу. Это действие имело важное значение, поскольку сын Сибока – Александр – и Гавриил Чекрашанин перешли к литовцам. Таким образом, через Вишневецкого были налажены контакты Литвы с черкесами. Сигизмунд-Август II написал специальное письмо с позволением слуге Девлет-Гирея Кутуш-мирзе для перехода на службу к литовцам. Он до того был крымским гонцом, через которого на службу к литовцам поступили черкесы (Кушева, 1963, с. 202–209, 215–221; Lietuvos metrika, 2011, p. 472).

В 1563 г. князя Сибок и Канук просили государя уже у крымского хана, и тот назначил им наместником Ислам-Гирея. В том же году ожидали похода крымцев на владения Темрюка Идаровича, который остался верен Москве. У адыгского князя Пуштыка был сын крымского хана Ширван, у Сибока – Сафа-Гирей, у жанеевцев и адоховцев находились два сына Мухаммед-Гирея. Таким образом, сразу у нескольких Гиреев аталыками сделались черкесские князья, что на практике означало, что черкесские вожди приняли власть крымцев, согласились считаться их вассалами. Русские так же легко как приобрели влияние в Черкессии, так же его и потеряли. Ливонская война не дала им возможность оказывать значительную помощь кавказским союзникам, а высылка Дмитрия Вишневецкого с Кавказа и Дона в Поднепровье обрушила русскую власть в регионе. Девлет-Гирей делил черкесов на своих и турецких (по подданству). И только кабардинцы остались вассалами Московского государства. Причем не все, а только верные Темрюку кабардинцы. На сторону крымцев и Малых Ногаев Гази б. Урака перешел Пшеапшока, этот кабардинский князь выдал за Гази свою дочь. Во время набегов Большой Ногайской Орды на Малых Ногаев Гази с своим улусом уходил в владения своего тестя. В 1576 г. Гази погиб в столкновении с людьми Темрюка. Захват Иваном Грозным Казани и Хаджи-Тархана, а также экспансия Москвы в районе Дона и Северного Кавказа отвлекли главные силы крымцев от Литвы и Польши. Набеги крымцев в

60-х гг. XVI в. уступали масштабами походам былых эпох и далеко не все из них отмечены в польских хрониках, беларуско-литовских и украинских летописях (Кушева, 1963, с. 217–224; Трепавлов, 2005, с. 285–286).

Внешняя политика Великого Княжества Литовского при Сигизмунде II Августе унаследовала динамику и тенденции, которые существовали при Сигизмунде I Старом. Изменилась только политика Сахиб-Гирея, который со сменой правителя в Польше и Литве начал осуществлять нападения на земли и границы этих государств. Пришедший ему на смену Девлет-Гирей был настроен на союз с Польшей и Литвой. Крепкому альянсу Крымского ханства и Великого Княжества Литовского мешала деятельность Дмитрия Вишневецкого. Однако даже после 1563 г. ситуация на границах оставалась напряженной, несмотря на заверения литовцев и крымцев в дружбе и мире. Пограничные беи и старосты получали прибыль от набегов, несмотря на угрозы со стороны центральных властей. Миру на границе мешало пограничное население, которое враждебно относилось к своим оппонентам по ту сторону границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевзо О.А. Львівський літопис та острозький літописець. К., 1971. 200 С. Avialable at: <http://litopys.org.ua/ostrog/ostr.htm>
2. Боплан Г.Л. де. *Опис України*. К.: Наукова думка – Кембридж (Мас.): Український науковий інститут, 1990. 256 с. Avialable at: <http://litopys.org.ua/boplan/opys.htm>
3. Виженер Блез де. *Описание Польского Королевства* // Мемуары относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI в.). К., 1890. Avialable at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Vizhener/text.phtml?id=395>
4. Винар Л.Р. *Князь Дмитро Вишневецький*. Мюнхен: Українська Вільна Академія Наук у Німеччині, 1964. 95 с.
5. Вирський Д. *Річпосполитинська історіографія України (XVI – середина XVII ст.)*. Ч. 2. К.: Інститут історії НАН України, 2008. 266 с.
6. Гваньїні Олександр. *Хроніка Європейської Сарматії*. К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.
7. Голобуцький В. *Запорізьке козацтво*. К., 1994. Avialable at: <http://litopys.org.ua/holob/hol.htm>
8. Грушевський М.С. *Історія України-Руси*. Т. 7. К.: Наукова думка, 1995. 628 с. Avialable at: <http://litopys.org.ua/hrushrus/iur7.htm>
9. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Тюменское княжество в контексте истории взаимоотношений Астраханского ханства и Кумыкского государства с русским в XVI в. // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып. 4. Казань: Ихлас, 2012. С. 223–226.
10. Дашкевич Я.Р. *Майстерня історика: джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни*. К.: Літературна агенція Піраміда, 2011. 792 с.
11. Дзира І. *Татаро-турецькі напади на Україну XIII–XVI ст. за хроніками Бельських та Стрийковського* // *Український історично-географічний збірник*. Вип. 1. К.: Наукова думка, 1971. С. 83–102.
12. Зайцев И.В. *Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.)*. М.: РУДОМИНО, 2004. 216 с.
13. *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.* Т. 1. М., АН СССР, 1957. Avialable at http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVI/Russ_Kab_otn_1/1–20/11.htm
14. *Киевская летопись* // *Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России*, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. Avialable at http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620–1640/Kiev_let/text.htm
15. Кузнецов О.Ю. *Рыцарь Дикого Поля. Князь Д.И. Вишневецкий*. М.: ФЛИНТА, 2013. 224 с.
16. Кушева Е.Н. *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, Вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.* М.: Издательство АН СССР, 1963. 369 с.
17. *Лемерсье-Кельеже Ш. Литовський кондотьєр XVI в. – князь Дмитрій Вишневецький и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов* // *Франко-русские экономические связи*. М.-Париж, 1970. С. 38–64.
18. Маршаев М., Бутаев Б. *История лакцев*. Махачкала, 1982. Avialable at: <http://www.lakia.net/lak/resurce/book/russian.html>
19. Метрыка Вялікаго княства Литовскаго. Кн. 28. *Книга запису (1522–1552)*. Менск: Athaeneum, 2000. 312 с.
20. Метрыка Вялікаго княства Литовскаго. Кн. 44. *Книга запису (1559–1566)*. Менск: Арты-Фэкс, 2001. 229 с.
21. Негри А. *Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов* // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: Городская типография, 1844. Т.1. с. 379–392. Avialable at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430

22. Остапчук В. Хроника Реммаля Хаджи История Сагиб-Гереея как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2001. С. 391–421.
23. Пенской В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2012. 320 с.
24. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: АСТ, 2001. 480 с., 12 л. Available at: http://militera.lib.ru/bio/skrynnikov_rg/index.html
25. Смирнов Н.А. Политика России на Северном Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Издательство Социально-Экономической литературы, 1958. 243 с.
26. Стрийковський Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.
27. Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерки истории // Тюркологический сборник, 2003–2004: Тюркские народы в древности и Средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 273–311.
28. Український степовий кордон в середині XVI ст. Спогади Бернарда Претвича. Запоріжжя-Київ: РА ТанDEM-У, 1997. 84 с.
29. Шерифи. Зафер-наме-и вилает-и казан // Гасырлар авазы-Эхо веков. 1995. № 1. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Scherifi/text.phtml?id=1857>
30. Щербак В. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. К.: Видавничий дім «KM Academia», 2000. 300 с. Available at: <http://litopys.org.ua/coss1/shch.htm>
31. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь: Доля, 2004. 288 с. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kрым/XV/Rozovyj_kust_chanov/6.phtml?id=12926
32. Храпачевский Р. Русь, Малая Русь и Украина // Российские и славянские исследования: сборник научных исследований. Вып. 1. Минск: БГУ, 2004. С. 34–43. Available at: http://rutenica.narod.ru/rus_ucr.html
33. Яворницкий Д. История запорожски казаков. Т.2. К.: Наукова думка, 1990. 660 С. Available at: <http://www.cossackdom.com/book/bookyvor/izk2/index.html>
34. Kronika Polska Marcina Bielskigo. T.2. Ksiega IV–V. Sanok: Naklad i druk Karola Polaka, 1856. S. 701–1222.
35. Davies B.L. Warfare, State and Society on the Black Sea steppe, 1500–1700. London-New-York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. XV, 256 p.
36. Howorth H.H. History of the Mongols. Part II. Division I: The so-called Tartars in Russia and Central Russia. London: Longmans, Green and Co., 1880. – 626 p.
37. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 2004. XIV, 290 p.
38. Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.
39. Lietuvos Metrika. Uzasymu Knyga 37. Vilnius: Lietuvos istorijos institucija, 2011. 632 p.
40. Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska. Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987. 359 s.

Я.В. Пилипчук

СИГИЗМУНД II АВГУСТНЫЦ ТАТАРЛАРГА КАРАТА СӘЯСӘТЕ

Бу мәкалә 1548–1572 елларда Бөек Литва кенәзлеге һәм Кырым ханлыгы мөнәсәбәтләренә багышланган. Бу хезмәтнең яңалыгы Сигизмунд II Августныц татарларга карата сәясәте жентекләп тикшерелүдән гыйбарәт. 1548–1572 елларда Бөек Литва кенәзлеге сәясәтенең төп тенденцияләре яктыртыла. Әйтергә кирәк, Литва һәм Польша чикләрен саклауда чик буе старосталары һәм кенәзләр мөһим роль уйнаганнар. Сигизмунд II Август Рус дәүләтенә каршы юнәлтелгән Кырым ханлыгы белән союзга йөз тоткан этисенең сәясәтен дөвам иткән. Казакларның кырымлыларга һөжүмнәре һәм кырымлыларның Бөек Литва кенәзлегенә чик буе төбәкләренә һөжүмнәре бу союзны тотрыксыз иткән. Литвалыларга Ливон сугышы шартларында чик буе биләренә чик буе жирләренә һөжүмнәренә түзәргә туры килгән. Бөек Литва кенәзлеге гаскәрләре фәкәт сакланьрга мәжбүр булганнар, Сигизмунд II Август чик буйларында кырымлыларның киң масштаблы хәрәкәтләреннән курыккан. Ике якның да чик буе элиталары тыныч яшәргә теләмәгән. 1571–1572 еллардагы кебек Мәскәүгә юнәлгән сугыш хәрәкәтләре булмаса да, татарларның һөжүмнәре чик буенда яшәгән халыкларга житди зыян салган. Кырымлыларның һөжүмнәренә каршы көрәштә запорожье казаклары формалашкан, алар Киев төбәге шәһәрләреннән көньякка таба хәрәкәт итә башлаган. Көнбатыш Европада төп тынычлызлык факторы булып Дмитрий Вишневецкий эшчәнлеге торган, ул 1557 елда Дәүләт-Гәрәйнең литвалыларга каршы сугыш хәрәкәте башлавына сәбәпче булган. Дмитрий Вишневецкий кырымлыларга да, госманлыларга да житди проблемнар тудыручы. Бернард Претвич эшчәнлеге 1549 елда Сәхиб Гәрәйнең сугыш хәрәкәтләре башлавына китергән. Әйтергә кирәк, Дәүләт-Гәрәйнең Бөек Литва кенәзлегенә һәм Польша корольлегенә мөнәсәбәте аңа кадәр булган Сәхиб-Гәрәй ханга караганда кырысрак, ә Россиягә карата беренче вакытта яхшырак булган.

Ачыкч сүзләре: Сигизмунд II Август, Дәүләт-Гәрәй, Дмитрий Вишневецкий, Бөек Литва кенәзлеге, Кырым ханлыгы, кырымлылар, казаклар, руслар.

Ya.V. Pylypchuk

TATARIAN POLITIC OF SIGISMUND II AUGUST

This paper deals with the history of relations of the Grand Duchy of Lithuania and the Crimean Khanate in the 1548–1572. The novelty of this study lies in the fact that this paper was first discussed in detail about Tatar vector of policy of Sigismund II Augustus. We consider the main trends of the policy of the Grand Duchy of Lithuania in the period 1548–1572. Sigismund II August continued his father's policy in relation to the Tatars. Grand Duke of Lithuania and King of Poland concluded peace treaties with Crimean Tatars. Troublemakers on borderline were tatar beys and pokish-lithuanian elders. Bernard Pretvich held significant place in the defense of Ukrainian regions of Rzecz Pospolita. He established the system of defense and minimize the effects on small and medium tatar raids. On the strength of its checked by Sakhiv-Gheray in 1549 and 1551, who organizing two big campaigns. Bernard Pretvich successfully intercepted and defeated some Tatar troops, but was unable to prevent the Tatar khan devastate Podillya, Galicia and Volyn in 1549 year. Campaign 1551 ended for the Tatars local success – taking the town of Bratslav. Sigismund II Augustus, given the hostility of Sahib Giray, was in no hurry to assist Kazan allies Crimean Khan. Grand Duke of Lithuania and King of Poland with the following Crimean khan – Devlet Giray – wanted to live in peace. However, in mid-XVI. An important destabilizing factor in this regard was the Zaporozhye Cossacks. At its head was Dmytro Vyshnevetsky. Activities of this condottiere led to a sharp deterioration in relations between the Crimeans with the Lithuanians and Poles. In 1557–1558 Devlet-Gheray led a large raid on Kyiv region, Bratslav region and Podillya. Further Tatar raids were caused of activity of border beys, but seriously beat the Lithuanian borderland during the Livonian War. Lithuanians and Poles have been forced to go to the defense, despite the fact that the main forces of the Crimean Tatars were directed against the Russians. The most sensitive were Tatar raids in 1563 and 1566 years. Frontier elites of Grand Duchy of Lithuania, the Kingdom of Poland and the Crimean Khanate were not interested in the peace and enriched by the raids.

Keywords: Sigismund II August, Devlet-Gheray, Dmytro Vyshnevetsky, Great Duchy of Lithuania, Crimean Khanate, Crimean Tatars, Cossacks, Russians.

Сведения об авторе:

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины (Украина, г. Киев); E-mail:bachman@meta.ua

Пилипчук Ярослав Валентин улы – тарих фәннәре кандидаты, Украина Милли фәнни академиясе А.Ю. Крымский исемендәге Көнчыгышны йөрәнү институтының кече фәнни хезмәткәре (Украина, Киев шәһәре).

Pylypchuk Yaroslav Valentinovich – Cand. Sci. (History), Junior Researcher, Department of Eurasian Steppe, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine, Kiev).

УДК 94(=11/=8)

КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ АЮКА-ХАНА И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С ТЮРКАМИ

© 2015 г. Я.В. Пилипчук

Данная статья посвящена внешней политике Калмыцкого ханства в эпоху правления Аюки-хана. Аюка был практически независимым правителем на протяжении долгого периода времени и старался наладить контакты с Османской империей и империей Цин. В период его правления отношения калмыков с Джунгарским ханством охладели, но не доходили до открытого конфликта. Когда было выгодно, Аюка выступал на стороне России и украинцев против Крымского ханства и Кубанской Орды ногайцев. В начале XVIII в. Аюка начал проводить антироссийскую политику, активно переписываясь с крымскими ханами, кубанскими сераскерами и османским султаном. Аюка также вступил в контакт с казахами, каракалпаками и башкирами. Целью такой политики было сдерживание распространения российской власти в восточноевропейской степи. Аюка не выступал открыто против России и в Северной войне оказывал небольшую помощь Петру I. Победа русских войск под Полтавой сместила баланс сил в Восточной Европе, и русский царь ограничил свободы калмыцкого хана, в частности, на право взаимоотношений с османами и империей Цин. Контакты калмыков с крымцами с того времени осуществлялись, главным образом, через кубанских сераскеров. Часть недовольных возросшей зависимостью от России калмыков мигрировала на Кубань во главе с Дондук Омбо. Отношения калмыков с казахами существенно ухудшились в 20-х гг. XVIII в. Калмыки проводили активное наступление на Кабарду и кумыков, подавляя там антироссийские настроения.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, Крымское ханство, Кубанская Орда, ногайцы, Османы, казахи, калмыки, башкиры.

Одним из важных аспектов истории Восточной Европы являются взаимоотношения калмыков с их тюркскими соседями. Время правления Аюки-хана традиционно является одним из наиболее богатых на сведения источников периодов. О политике Аюки-хана сообщалось в русских и османских архивах. О калмыках на русской службе упоминали как европейцы (Даниель Крман, Ферран), украинцы (Григорий Грабянка, Самийло Вэлычко, Самовыдэць), турки (Мехмед Рашид), собственно калмыки (автор «Истории камыцких ханов» и Габан-Шараб), тибетцы и китайцы (Крман, 2010; Грабянка, 1992; Величко, 1991; Літопис Самовидця, 1971; Галенко, 2010; История Калмыцких ханов, 2003; Габан Шараб 2003). Эпоха Аюки-хана щедро освещена в историографии. Калмыцко-тюркские взаимоотношения периода Аюки-хана наиболее детально отображены в работах В. Колесника, В. Тепкеева, Ж. Сабитова, Ш. Лемерсье-Келькеже (Колесник, 2003; Тепкеев, 2006; Сабитов, 2014; Лемерсье-Келькеже, 2009). Задачей данного исследования является анализ динамики и основных характеристик тюрко-калмыцких отношений в 1672–1724 гг.

Перед тем как приступить к анализу событий правления Аюки-хана, необходимо проанализировать сведения письменных источников. А они противоречивые. Правление Аюки-хана получило описание в «Истории калмыцких ханов». Говорилось, что он перенял власть у своего отца Пунцука. Аюка привел на Волгу ногайцев, сбежавших из-под власти России. В 1673 г. он поклялся подобно своему отцу, что не будет нападать на российские владения. Также он клялся, что не будет вести переговоры с турецким султаном, персидским шахом, крымским ханом. Солом Церен присягал на верность России в 1674 г., но когда началось башкирское восстание, то в 1681 г. вместе с башкирами ограбил города Оренбургской и Казанской губерний. Аюке приписывалась победа над хасаками (казахами) и туркменами. Сообщалось, что они стали данниками хана. Далай-лама пожаловал Аюке ханский титул. Аюка выдал свою дочь за джунгарского Цеван-Рабдана. К калмыкам во главе с Цаган-Батуром перекочевали теленгиты в 1686 г. и их расселили на Ахтубе. В 1697 г. при встрече с Б. Голицыным Аюка достиг уступок от России. Указывалось, что если калмыки будут воевать с бухарцами (узбеками), каракалпаками, хасаками (казахами), то Россия обязана ему предоставить пушки. В 1697–1698 гг. Аюка охранял южные рубежи России. Гарантировалось, что калмыков не будут силой крестить. Также гарантировалось, что если калмыки будут разбиты неприятелем, то русские должны оказать им помощь. Под 1701 г. отмечалось, что между Аюкой и Чакдоржабом был конфликт из-за женщины. Другой сын Аюки – Санджиб – с 15 тыс. людей переселился в Джу-

нгарию. В 1707 г. Аюка напал на Пензенскую и Тамбовскую губернии. Пленных продавали в Бухару, Хиву, Персию и на Кубань. В 1708 г. П. Апраксин поставил перед ханом вопрос: «Чем вызваны эти действия?». Аюка-хан сказал, что набег это дело рук Монке-Темира дербетского. Аюка обещал не позволять своим тайшам нападать на российские земли, в случае набегов башкир и крымцев, просил позволения укрыться в русских городах. В 1720 г. Аюка по просьбе Петра I отправил 5 тыс. калмыков против восставших башкир и 10 тыс. против донцев, снова поднявших восстание против центральной власти. «История Калмыцких ханов» в этой части является апологией Аюки-хана и рисует его сторонником России (История Калмыцких ханов, 2003).

Османский летописец Мехмед Рашид в своей хронике, рассказывая о событиях 1708 г., сообщал о восстании казаков К. Булавина и поддержке их со стороны Игнатов (казаков-некрасовцев). Сообщалось, что против них московский царь отправил войско во главе с боярином (В. Долгорукова) и Аюку-калмука с приписанным к нему войском татар. Сообщалось, что Булавин не смог оказывать им сопротивления. Остатки повстанцев численностью в 8 тыс. бежали к ногайцам. Турецкий хронист также считает его сторонником России (Галенко, 2010, с. 272–273).

Однако в отношении контактов Аюки с Россией не все так гладко. Так, в Османском архиве сохранилось два письма от калмыков, составленных на османско-турецком языке. После вежливого обращения в первом из писем говорилось, что к османам от калмыков прибыл ногаец Мухаммед Салих-бек. Сообщалось, что турки обязуются быть другом друзьям хана и врагами его врагам. Отмечалась близость к калмыцким владениям улусов Крымского вилайята. Предписывалось сохранять мир и добрые отношения с крымским ханом Девлет-Гиреем II и его народом, чтобы получить одобрение у султана. Послом, доставившим послание к Аюке, был Пехлеван Кулыбай. В конце письма приводился список подарков, доставленных калмыками в Османскую империю. Во втором письме Аюка через садр ал-азама Пехлевана Кулыбая отправил послание османам. Аюка сначала говорил, что получил удовольствие от того, что его посол был принят и ему была оказана честь, а потом деловым тоном сообщил, что один из эштеков, который был под властью московского правителя, совершил поход на реку Этиль, которая известна как Терек и захватил внешнюю часть местной крепости. Однако он не смог взять внутреннюю часть и попал в плен, и московский царь его казнил. Тогда каракалпаки, казахи и племя эштеков объединились, а султаном эштеков был провозглашен правитель из каракалпаков. Говорилось, что три народа заключили договор о набеге на русских и на войну с ними на протяжении 15 лет. Тогда к Аюке прибыл московский посол, просивший помощи против эштеков, но Аюка отказал ему. Второй посол требовал удержать эштеков от набегов на Московское государство. И на это требование Аюка не согласился. Он говорил, что правительственные войска убили султана эштеков, и пока между русскими властями и ними кровная вражда, калмыки не могут оказать помощи, поскольку они с этими народами общего происхождения. Указывалось, что Аюка даже помог эштекам, отправив им на помощь войска, и 40 тыс. правительственных войск потерпели поражение от эштеков на льду реки Этиль. Все известия об этом Аюка приказал передать османам. Калмыцкий правитель доводил до сведения турок, что он пребывает в полном согласии с Девлет-Гиреем II, и что крымский и калмыцкий хан выдают своих воров друг другу. Говорилось, что когда Аюка отправил посольство к султану, у калмыков находились послы от эштеков, казахов и каракалпаков. Сообщалось, что четыре народа, при желании султана, готовы выступить против России. Эштеки – это башкиры, а война с российскими властями – это очередное башкирское восстание. Аюка тенденциозно преувеличил роль калмыков в этих событиях и свою лояльность к османам. Целью посольств было обеспечить альянс с османами (Тепкеев 2006, с. 159, 162–163; Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 269–271).

В украинских летописях калмыки изображены как враждебная сила Крымскому ханству. Григорий Грабянка отмечал, что против крымцев и буджакцев кампания была предпринята И. Сирко вместе с калмыками в 1673 г. Под 1678 г. в этой же летописи говорилось, что калмыки пришли на помощь украинцам и русским под Бужином и двинулись на Чигирин. Под 1696 г. сообщалось, что крымцы, услышав про поход калмыков, около Сорочинец обратились в бегство. В Летописи Самовидца под 1673 г. указывалось, что И. Сирко вместе с запорожцами и калмыками воевал в Крыму и в Буджаке. О роли калмыков в Чигиринских походах сей летописец умолчал. Вместо калмыков упомянуты касимовские татары и ничего не говорилось о их участии в военных действиях под Бужином. Молчал он и об роли калмыков в отражении татарского набеге 1696 г. и о их участии в осадах Азака. Самийло Вэлычко ничего не сообщает о событиях 1673 г. Под 1679 г. было указано, что Каспулат Муцалович Черкасский с черкесскими и калмыцкими ордами стоит на Муравском шляху

за Ворсклой. Про события под Чигирином указывалось о присутствии в российском войске астраханских и касимовских татар под 1678 г. Не сообщалось о калмыках и при описании осады Азака. Астраханские татары – это юртовские татары, подвластные России и Калмыцкому ханству. Украинские летописцы склонны приуменьшать влияние калмыков в военных действиях против турок и крымцев (Грабянка, 1992; Літопис Самовидця, 1971; Величко, 1991).

В 1673 г., после своего воцарения, Аюка отправил 10 тысячный отряд против Крымского ханства. Другой отряд под руководством Мазан-Батыра пришел под Азак на помощь донцам. Осенью 1675 г. запорожцы И. Сирко и калмыки Мазан-Батыра вторглись во владения Крымского ханства за Перекопом. В правление Аюки калмыки уже сообщали России о своих намерениях воевать против Крымского ханства. В 1677 г. Аюка разбил у Тамбова отряд крымцев, вторгшийся по Муравскому шляху. В 1677–1678 г. противоречия с донцами переросли в открытую войну. При помощи царского правительства и стрельцов конфликт был урегулирован. В 1678 г. отряды кабардинцев и калмыков вместе с русскими и украинцами сражались с турками и крымцами, а также украинцами Ю. Хмельницкого под Чигирином. В 80-х гг. XVIII в. часть калмыков поддержала Сеитовское восстание башкир, но шертовав России в 1683 г., отреклись от помощи башкирам. В 1683 г. Аюка перенес ставку на Урал и вынудил казахов платить дань-албан. В 1684 г. к калмыцким тайшам за помощью обращался король Речи Посполитой Ян III Собеский. Калмыцкая помощь ему была нужна для войны с крымцами и турками. Король просил калмыков прислать на помощь запорожскому кошевому атаману большое количество конницы. Отряды калмыков привлекались и в далекие походы. Так в 1702 г. отряды дербетов принимали участие в кампании в Прибалтике, нападая на шведские тылы. В 1701 г. Аюка отправил на помощь России 3 тыс. воинов. Такой же отряд был отправлен в 1707 г. В конце лета 1706 г. в Киев прибыл отряд в 8 тыс. калмыков, посланный в Речь Посполиту для войны против шведского генерала Мадефельда. Их путь прошел по украинским и польским землям. На Полтавскую битву калмыки опоздали и притворно огорчились тем, что не предприняли участия в баталии. Даниэль Крман указывал, что калмыки находятся на путях и нападают на шведские коммуникации. О намерении калмыков сражаться под Полтавой он ничего не говорил. Важное место в политике Аюки занимала Гетманщина. И. Мазепа в переписке с Карлом XII обещал склонить на свою сторону калмыков, однако это не удалось, поскольку Аюка выжидал и хотел присоединиться к победителю. Впрочем, калмыки еще до Полтавской битвы сражались в составе русских войск. Отряд калмыков принимал участие в битве под деревней Лесной в 1708 г. В 1709 г. Аюка был согласен предоставить России 3 тыс. воинов. В целях пропаганды Петр I же огласил, что на его стороне будут сражаться 30 тыс. калмыков. В поход выступило 3,3 тыс. воинов под началом Чакдоржаба. Однако, Аюка не спешил к месту боя и на момент осады Полтавы шведами его войско было у Камышенки, у Волги. Передовые калмыцкие отряды нападали на коммуникации шведов, но более этого не делали. Калмыки приняли участие в Полтавской битве в самом финале, преследуя отступающие шведские силы до Переволочны (Тепкеев, 2006, с. 20–21; Шовунов, 1991; Руденко, 2009, с. 230–235; Крман, 2010, с. 170–171).

Впрочем, военные действия против крымцев и османов не означали постоянных конфликтов с ними. В 1692 г. он выдал свою дочь за крымского хана, а в 1693 г. подарил 8 тыс. коней крымцам. В османской летописи Силахдара Фындыклылы сказано, что вместе с крымским ханом к туркам прибыло посольство от калмыков. В 1694 г. азакский Кубек-ага подошел к Волге. Сближение с Гиреями стало возможно вследствие территориальных споров с казаками. В отношении России Аюка старался проводить политику прежних тайшей. Он был вынужден лавировать между Романовыми и османами. В 1696 г. калмыки поддержали российские войска в Азовском походе. В этой операции участвовало 3 тыс. калмыков. Калмыки отразили попытку войска крымцев во главе с Нуреддин-султаном деблокировать Азак. В битве победили калмыки, а крымцы были вынуждены отступить. Царь же предписывал воеводам не допускать прямых контактов калмыков с Крымским ханством (Тепкеев, 2006, с. 21–22; Шовунов, 1991).

В 1673 г. между кумыками и калмыками разразилась война. Будаи атаковал Терский городок, а калмыки и русские атаковали владения шамхала Чеполова эндиреевского и Каракасая ногайского. В 1674 г. кумыки и ногайцы просили мира, поскольку Аюка нанес им много убытков. В 1682 г. русский чиновник отмечал, что кумыки боятся калмыцкого хана. В 1686 г. Аюка писал в Москву, что кумыки побили калмыков, а в 1687 г. просил против них войск. Причиной этого было, как упоминали калмыцкий и дагестанский хронисты, убийство брата Аюки кумыком Муртазали. В 1693 и 1694 гг. Аюка совершил удачные походы на кумыков. Обе стороны нанесли друг другу чувстви-

тельные удары. В 1722 г. кумыки Сурхая и лакцы Дауд-бека напали на российские укрепления Орта-Буган и Миликент. Против них, кроме регулярных войск, были отправлены калмыки и донцы (Идрисов, Абусаламов, 2013; Идрисов, 2015; Идрисов, 2013; Идрисов 2009; Шмелев, 2004; Шовунов, 1991; Батыров, 2008, с. 154–155).

Петр I обязывался в Карловицком договоре удерживать калмыков и казаков от набегов на крымцев и ногайцев, в ответ османы обязывались сдерживать крымцев и ногайцев от походов на российских вассалов. Отменялась уплата Россией упоминков Гиреям. Однако условия договора было сложно придерживаться. Крымцы хотели возобновления уплаты упоминков, а в 1700 г. донцы и 700 калмыков напали на кубанских ногайцев. В 1701 г. крымцы и кубанцы числом в 1,5 тыс. под руководством нуреддин-султана Сеадет-Гирея пришли на Дон против дербетов Мунке-Тимура. Соединившись с донцами и отрядом царицынского воеводы у Пашина городка, калмыки разбили татар и ногайцев. В калмыцких улусах было 15 тыс. джмбойлуков и едисанцев. Ногайцы из этих Орд, возглавляемые Джагматом и Агашем, также находились на Кубани. Кубанцы в составе ханского войска приняли участие в 1703–1704 гг. в походе на Царицын, Пензу, Саратов, Симбирск. Нужно отметить, что перед этим калмыцкие разведовательные отряды в 1703 г. вторгались в крымские владения. Но Аюка не прерывал отношений с Крымом. Калмыцкое посольство прибыло на Байрам к крымцам. Француз Ферран сообщал, что когда калмыки прибывали к Перекопу, то их встречал чауш, а капуджибаши их переодевали и представляли хану. Перед ханом послы падали ниц. Хан платил послам ежедневное содержание и дарил им суконные одеяния. Калмыки поддерживали активные торговые отношения с крымцами и торговали с ними на Кубани. В 1704 г. в улусах ходили слухи о том, что крымцы собираются в поход против калмыков и в связи с этим Аюка пошел на переговоры с османами. Посольство Аюки прибыло в Стамбул в конце 1703 г. или в начале 1704 г. Миссию возглавлял Иш Мехмед ага из ногайцев, подвластных калмыкам. Аюка доводил до сведения султана, что он предан Османской империи и готов исполнять его приказания. Ответ османов был настороженным. Султан требовал указать степень зависимости калмыков от османов, а также жить в мире с мусульманами, в частности, с Гази III Гиреем. Султан требовал, чтобы сын Аюки Чакдоржаб выявил свою преданность и лояльность. В 1703–1704 гг. проходил обмен пленными между сторонами. В 1704 г. к азовскому губернатору И. Толстову прибыл крымский посол Ботокай, который просил наказать донцев и калмыков, которые ходили к Перекопу, убили трех человек и угнали 800 коней. В 1704 г. русские и крымцы произвели размежевание земель на Кубани и возле Азова. Границей стала река Ея. В 1706 г. 5 тыс. крымцев и ногайцев напали на Азов, а более мелкие отряды – на владения Аюки и Мунке-Тимура. Сартлан-мирза на переговорах требовал сатисфакции за набеги калмыков и донцев на Крым и Кубань. В 1707 г. велись новые переговоры об обмене пленными и возмещения убытков (Тепкеев, 2006, с. 22–32).

События 1708 г. существенно изменили расклад сил в регионе. Каплан-Гирей осуществил поход на Кабарду. Кабардинцы попросили помощи у Аюки, однако тот отказал в помощи. Поражение крымцев в Канжальской битве привело к смене Каплан-Гирея Девлет-Гиреем II. Эта смена правителей была проведена османами. Крымцы объясняли поражение тем, что кабардинцам помогали российские власти, которые отправили на помощь кабардинцам черкесов и калмыков. И. Толстов отрицал причастность России. Да и в калмыцких летописях не сообщалось о действиях в Кабарде, равно как и в османских хрониках. На сторону кабардинцев перешли черкесы, ранее подчинявшиеся крымцам. Необходимо отметить, что 1708 г. был богат на события. В этом году на борьбу против европеизации России и вмешательства России в донские дела поднял восстание К. Булавин. В Приуралье полыхало восстание. Султан Мурад из рода Кучумовичей во главе башкир пробился на Северный Кавказ и в союзе с ногайцами и кумыками напал на российскую крепость Терки. Также планировалось привлечь к союзу чеченцев. Однако башкиры были разбиты, а Мурада казнили. Внуки Аюки Дондук-Омбо и Дасанг саботировали карательные акции против донцев и других восставших. В 1709 г. Аюка заключил мир с башкирами, самоустранившись от подавления башкирского восстания. Калмыцкий хан отправил в Турцию посольство ногайца Мехмед Салих-бека. Османы отвечали уклончиво, благодарили за преданность Османской империи и за то, что не поддержали черкесского восстания против крымцев. Нужно сказать, что позиция Аюки была выжидательной. Это объяснялось тем, что в конце 1708 г. в Гетманщину из Речи Посполитой пришли войска шведского короля Карла XII. Даниэль Крман сообщал, что перед Полтавской битвой калмыки нападали на шведские коммуникации, но не приняли решительного участия в битве. В 1710 г. Аюка отправил Пехлеван Кули-бека в Стамбул. Хан уверял, что помог башкирам разбить большое российское войско. Указывалось, что

между Девлет-Гиреем II и Аюкой было достигнуто полное взаимопонимание. Он уверял, что будет наказывать тех калмыков, которые будут нападать на крымцев. В самом деле, калмыки не помогали башкирам, хотя те отправляли к ним послов. К Аюке прибывали послы от казахов и каракалпаков. Переговоры с османами были фактором давления на Россию. В случае удачи переговоров предполагалось заместить российский протекторат османским и создать широкий антироссийский фронт из турков, калмыков, крымцев, ногайцев, башкир, каракалпаков, казахов. Однако победа русских под Полтавой в 1709 г. и нарастание присутствия России в Речи Посполитой и в Прибалтике привели к невозможности реализации этих планов Аюки, который в 1710 г. был вынужден подписать новые договорные статьи с Россией. Петр I увеличивал выплаты Аюке и поставлял больше свинца и пороха калмыкам. Зимой 1710–1711 гг. калмыки кочевали на Дону, создавая угрозу для фланга крымцев в случае их наступления на Слободскую Украину. В 1711 г. калмыки приняли участие в подавлении башкирского восстания. В 1710–1713 гг. калмыки участвовали в очередной турецко-русской войне. Нападения калмыков на крымцев были одним из поводов к ее оглашению (Тепкеев, 2006, с. 32–38; Батыров, 2008, с. 150–154).

Петр I обещал Аюке многочисленные выгоды за активные действия против крымцев. Аюка имел и свои причины для похода. Он хотел вернуть в свои владения едисанов и джембойлуков, сбежавших с Волги на Кубань. Хан уверил царя, что кубанцы не смогут противостать ему. В письме М. Чирикову говорилось о мирном договоре с Крымским ханством, по которому указывалось, что если Россия будет воевать с османами, то и крымцы с калмыками воевать будут. Кубанские ногайцы и казаки-некрасовцы совершили набег на Пензенский и Саратовский уезды. На обратном пути их настигли донцы и калмыки нойона Чемета. Чемет потерпел поражение и попал в плен, что ускорило выступление Аюки, который напал на Кубанскую орду. Калмыков возглавлял Чакдоржаб, а войско составляло более 20 тыс. Вместе с калмыками шел немногочисленный русский отряд под руководством П. Апраксина. Авангард калмыков из 14 тыс. рассеял основные силы кубанцев, а потом взяли столицу Бахты-Гирея – Копыл. Кубанская Орда потеряла убитыми около 18 тыс., а 20 тыс. было уведено в плен. Все взрослое мужское тюркское население было перебито калмыками. Отряд Джан-Арслан-бека, который разорял Пензенский и Саратовский уезды, на обратном пути на реке Сал был разбит калмыками. Успех калмыков на кубанском направлении объяснялся тем, что основные силы крымцев и ногайцев находились в Молдавии и на Днепровском Правобережье. После их возвращения в свои родные степи, Джан Арслан-бек совершил набег на пограничную линию, и в 35 верстах выше устья реки Калауса кубанцы были разбиты калмыками Аюки. Османская империя в ответ на это планировала кампанию против калмыков. Против калмыков организовать коалицию хотел и бухарский правитель Абу-л-Фейз Саид Мехмед Бахадур-хан, который информировал о готовности выступить параллельно османам против калмыков. В 1713 г. кубанцы готовили нападение на калмыков, а Аюка информировал русского царя о том, что такой поход готовится. Однако войско во главе с Бахты-Гиреем двинулось вместе с запорожцами на Воронеж. В 1713 г. был подписан Адрианопольский мирный договор между Россией и Османской империей. Чакдоржаб через свою жену Джалу наладил отношения с кубанцами, которые собирались в поход на Кабарду. Однако Бахты-Гирей по своему видел будущее и готовился к походу на калмыков. Чакдоржаб сообщил о готовящемся походе кубанцев, и царь отправил ему на помощь войска казанского губернатора П. Апраксина, которые дошли до Харькова. Основные силы кубанцев повернули уже от Сала, и лишь отдельные отряды прошли к Царицыну и Саратову. В 1714 г. Чакдоржаб собирался осуществить самостоятельный поход на кубанцев, но ему помешала погода с оттепелями. Аюка предложил Бахты-Гирею мир, на что тот ответил отказом. В 1714 г. ходили слухи о новом походе кубанцев на калмыков. Россия, занятая войной со Швецией, не могла им существенно помочь. В 1715 г. Чакдоржаб совершил разведовательный набег на крымцев, на что Бахты-Гирей ответил своим набегом. В одной из битв калмыки потеряли 3 тыс. воинов и ханскую ставку. А. Бекович-Черкасский и М. Чириков вынуждены были оказать помощь калмыкам, но избегали битв с кубанцами, которые увели из калмыцких улусов 10300 кибиток племен едисан, джембойлук, бурлак. Успехами Бахты-Гирей был обязан своей агентуре среди юртовских татар. Российские власти не оказали действенной помощи, а приказали саратовскому комендантанту присматривать за Аюкой (Тепкеев, 2006, с. 38–51; Батыров, 2008, с. 150–154; Грибовский, Сень 2010, с. 203–205; Грибовский, Сень, 2013).

В 1716 г. Чакдоржаб сообщил о готовящемся походе кубанцев с крымцами на калмыцкие улусы. Российские дипломаты в переговорах с османскими коллегами поставили вопрос о кубанских набе-

гах. В ответ на это османы говорили, что те имеют полное право так делать из-за прежних набегов калмыков. Османы обязывались сообщить России о готовящемся набеге. Правда, набегу Бахты-Гирея помешало восстание кубанских ногайских мирз и казаков-некрасовцев. Бахты-Гирей под влиянием обстоятельств обратился к Аюке, обещав вернуть ногайцев, бежавших в 1715 г. Его согласилась поддержать и Россия. В 1717 г. союзное войско разбили ногайцев джембойлуков и едисанцев. Бахты-Гирей после этого организовал набег на русские земли. Вместе с ним шли черкесы, каракалпаки, калмыки, казаки-некрасовцы. Чакдоржаб сообщил о набеге, когда крымцы уже были у Царицына. Кубанцы опустошали земли в Среднем Поволжье. В 1718 г. калмыки Чакдоржаба двинулся на Кубань, но на Куме кабардинский Исламбек предупредил, чтобы тот не выступал вместе с кубанцами. В 1720 г. представителям власти в Поволжье предписывалось ограждать калмыков от контактов с турками, крымцами и ногайцами. Тогда же Россия и Османская империя достигли соглашения. Крымский хан Сеадет-Гирей IV в 1720 г. совершил поход на Кавказ против Кабарды. Арсланбек Кайтукин обратился за помощью к казакам и калмыкам. В 1721 г. калмыки и русские, находясь в гребенских городах, примирили кашкатавскую и баксанскую группировки кабардинских князей. Чакдоржаб саботировал поход на Кубань. Он исполнял волю Аюки, который переписывался с Бахты-Гиреем. Аюка не предпринял участия в «Персидском походе» в 1722 г., а лишь отправил отряд Бату, в котором находился татарин Хаз-Мамбет, переодетый в калмыкскую одежду. «Персидский поход» был вызван фактическим падением Сефевидского государства и занятием османами и афганцами части его территории. Крымский хан Сеадет-Гирей IV сообщал о продвижении российских войск в Прикаспии. Крымцы и османы готовились к войне с Россией, а Аюка лавировал, пытаясь избежать участия в войне. В 1722 г. умер Чакдоржаб, а между Аюкой и сыном Чакдоржаба Дасангом произошла война. Возвращение Петра I из «Персидского похода» позволило избежать войны с крымцами и Османами. В 1722 г. калмыки вместе с кабардинцами воевали против черкесов, абазинцев и кубанцев. Калмыки вели наступательную войну. Сеадет-Гирей лишил власти Бахты-Гирея, который вел переписку с Аюкой, Донбук-Омбо, Дондук-Даши. Русский царь назначил в Поволжье Н. Львова как своего полномочного представителя, который должен был напоминать Аюке, чтобы тот не нарушал договора России с Османской империей. В 1723 г. ожидали набег кубанцев. Пользуясь этим 15 тыс. ногайцев бежали к крымцам из калмыцких степей. В 1724 г. Россия заключила с Османской империей договор о разделении Кавказа на сферы влияния. В 1723 г. Дасанг потерпел поражение в борьбе за престол. Аюка торжествовал, но не долго – умер от старости в 1724 г. Нитар-Доржи в 1724 г. отправил посла Аритара к кубанскому сераскеру Салих-Гирею с просьбой дать им кочевья на Кубани. Баксадай-Доржи искал заступничества у России. Бахты-Гирей предлагал выйти из-под власти России и создать государства из земель ногайцев, калмыков и кабардинцев. Этот проект был популярен у калмыцких тайшей. Дондук-Омбо и Дондук-Даши предлагали калмыкам уйти за Кабарду, что вызвало возражения у Церен-Дондука и Дарма-Бала, которые отвечали, что это не решит проблем и, что вследствие этого калмыки будут вынуждены платить ясак крымцам, как его платят кабардинцы. На место Аюки Россия назначила Церен-Дондука, но не как хана, а наместника. Положение калмыков было сложным, поскольку зимой на них могли напасть крымцы, а летом – казахи. Дондук-Омбо и Дондук-Даши ушли к кубанцам в 1724 г. (Тепкеев, 2006, с. 52–65; Батыров, 2008, с. 154–155; Грибовский, Сень, 2013).

Аспект взаимоотношений калмыков с казаками требует специального рассмотрения. Пассивная позиция казахов до 1700 г. объяснялась альянсом между Аюкой и правителями Джунгарского ханства. На границе XVII–XVIII вв. Аюка нанес ряд чувствительных ударов казахам и туркменам, взяв под контроль земли на Мангышлаке и в бассейне Эмбы. Однако хунтайджи джунгар в 1701 г. отобрал у Санджиба улусных людей, а его самого отправил назад в Калмыкию. По сути, это обозначало разрыв союза. В 1702 г. казахи напали на калмыков и джунгар. В 1703 г. прибыло посольство от Каип-Султана и Теуке-хана с предложением мира, и стороны на некоторое время договорились о мире. В 1704 г. к калмыкам бежали каракалпакские Чингизиды Хасан, Байбулат и Ишим. К калмыкам прибыло посольство от каракалпаков, которые остались после смерти Жангира без хана. У Аюки в качестве аманата остался Хасан, а ханом каракалпаков стал Ишим. При дворе Аюки находился и будущий казахский хан Абу-л-Хайр. В 1707 г. каракалпаки и казахи во главе с Каипом выступили против калмыков и сражались в битве при Юруктау. В 1708 г. кубанские казахи во главе с Игнатом Некрасовым неожиданно напали на ставку Аюки. Сами калмыки весной 1708 г. воевали против башкир. Летом ситуация изменилась и один из калмыков – Загалдай – сообщил, что калмыки действуют вместе с донскими казаками, некрасовцами, казахами, каракалпаками и башкирами. Аюка не был союзником

донцев и некрасовцев, но не помогал России. В 1709 г. Аюка заключил мир с башкирами. Мир Мухаммед Амин-и Бухари сообщал, что в 1709 г. джунгары напали на казахов. В том же году каракалпакский принц Рысмухаммед был провозглашен ханом башкир, правда, вскоре был вынужден вернуться назад. В том же году вернулся в родные степи Абу-л-Хайр, который в 1710 г. был провозглашен казахским ханом. Казахи посылали к калмыкам послов, чтобы договориться об антироссийском союзе. Аюка готовил альянс кочевых народов против России, однако новая расстановка сил в Восточной Европе после Полтавской битвы многое изменила. В 1711 г. калмыки выступили на стороне России против башкир. Каип-хан в письме османскому султану указывал, что Аюка нарушил договор и напал на Рус и Ногай. Рус – это запорожские или донские казаки, а Ногай – это ногайцы Кубанской Орды. В письме от 1713–1714 гг. отмечалось, что казахи два раза сражались против калмыков. Говорилось, что Каип и его сын Татар готовы поднять меч ислама против русских и калмыков. В 1712 г. против казахов воевали джунгары. В 1714 г. Аюка принял большое посольство от империи Цин. Казахи долго не могли проводить активную наступательную политику против Аюки из-за давления джунгар (Сабитов, 2014, с. 122–125; Лемерсье-Кельеже, 2009, с. 269–271; ИКРИ, 2005, с. 358–370; Бобров, Борисенко, Худяков 2010, с. 117).

Каип-хан в письме от 12 сентября 1716 г. сообщал Петру I, что хочет быть в мире с Россией и, если русский царь соизволит воевать против джунгар, то казахи выступят на его стороне. Сообщалось, что казахи отбили у джунгар пленного русского офицера. Правда, русский толмач указывал, что сам хан того офицера не видел, а война с джунгарами России не нужна, а казахский хан находится во вражде с Аюкой и кантайшей (хунтайджи Цеван-Рабданом). Примечательно, что русский толмач не видел разницы между джунгарами и калмыками, называя их калмыками, повторяя, таким образом, тюркскую мусульманскую традицию в отношении к джунгарам и калмыкам. Русский человек из Тобольска указывал, что царь позволяет джунгарам кочевать там, где и прежде, невзирая на сооружение новых российских поселений, так как и Аюка кочует в степях около русских городов. В ноябре 1716 г. российскому послу Н. Белоусову было предписано добиваться мира с казахами. В 1717 и 1718 гг. стороны обменялись письмами о желании быть в мире между собой. Казахи желали, чтобы Россия помогла им в войне против джунгар, причем Каип просил об этом много раз. В письмах от 1719 г. Петр I через казанского губернатора отвечал Каипу согласием оказать помощь против джунгар, при этом Россия требовала выдачи служивых татар и казахов, нападавших на русскую границу. В русских документах от 1720 г. отмечались столкновения донцев и яицких казаков с казахами и каракалпаками. Указано, что каракалпаки Султан-Мурада, а также казахи Ак-Мурзы, Абу-л-Хайра, Каипа, ходили в набеги на русские города и на калмыцкого правителя Аюку. Отмечалось, что в 1719 г. Абу-л-Хайр приходил с войском в 2 тыс. воинов на владения Аюки. Говорилось, что на реке Черемше казахи столкнулись с казаками и драгунами. Также сообщалось, что казахи совершали набеги на башкир и теленгутов (ИКРИ, 2005, с. 272–273, 275–299).

Согласно документу Военной коллегии от 30 ноября 1723 г., Абу-л-Хайр высказался за войну против России и Аюки. В документе от 12 декабря 1723 г. Петр I приказал Аюке готовиться к отражению вторжения казахов и каракалпаков. Говорилось о вражеском войске числом в 40 тыс. человек. В документе от 3 февраля 1724 г., который представил В. Бакунин астраханскому губернатору, говорилось, что джунгары нанесли сильное поражение казахам и что те в большом числе откочевали к Уралу. В документе от 11 февраля 1724 г. говорилось о падении казахских городов под ударами джунгар. В документе от 22 марта 1724 г. от имени Якова Татаринова сообщалось о падении Абу-л-Хайра на волжских калмыков. Войско казахов и каракалпаков насчитывало 13 тыс. воинов. Они разбили передовой отряд калмыков Доржи Назарова на Тарлыцких вершинах около Саратова. Доржи Назаров в документе от 30 июля 1724 г. сообщал, что враг может прикочевать к Волге, и что он собрал войско для отражения вторжения. Астраханский губернатор А. Вольнский уведомил, что каракалпаки идут на Саратов. Доржи Назаров через своего посланца Зубака в документе от 20 августа 1724 г. сообщал, что разбил каракалпаков у Урала. 24 августа 1724 г. состоялась Узенинская битва между калмыками и казахами с каракалпаками. О битве сообщали пленный каракалпак Апан Кайсаров и пленные казахи Атбай Туганов, Чихантай Ублишев, Каратай Сумергенов. Общая численность казахов оценивалась в 10 тыс. плюс каракалпакские отряды. Сын Доржи Назарова Лубжи разбил каракалпаков при помощи пушек и захватил пленных. А. Вольнский указывал, что вместе с казахами и каракалпаками были башкиры. В. Бакунин в письме от 9 февраля 1725 г. указывал, что четыре отряда казахов ходили в набеги на калмыков, джунгар (кантайшу), башкир, узбеков и были разбиты во всех кампаниях. 13 июля 1725 г. калмыцкий зайсанг Самтан

сообщал о том, что казахи прикочевали к Эмбе. Церен Дондук сообщал астраханскому губернатору о том, что отправил 20 тыс. воинов против казахов и каракалпаков на Эмбу. Калмыки одержали победу и, по известиям полковника Друмонта, казахи бежали к реке Илек. Таким образом, в 1723 г. 15 тыс. воинов Абу-л-Хайра подошли вплотную к камыкским кочевьям, а 5 тыс. казахов и каракалпаков разорили улус Лекбея. В 1724 г. каракалпаки дважды атаковали калмыков и те смогли спастись лишь в Гурьеве. В конце зимы – начале лета казахи собрали войско в 10–13 тыс. во главе с Абу-л-Хайром, которые напали на улус Лубжи (сына Доржи Назарова). Летом 1724 г. Доржи Назаров собрал значительные силы в числе 18 тыс. воинов, Абу-л-Хайр собирался двинуть против калмыков 40 тысячное войско. В случае поражения калмыки планировали укрыться в Саратове. В начале августа отряд Зубака столкнулся с каракалпаками около Урала. У казахов к тому моменту было 10 тыс. воинов под началом Исета Кулубая. 21 августа казахи нанесли поражение отряду Лубжи, однако тот смог уйти и ему пришел на помощь Лекбей. После этого, 22 августа, состоялось столкновение у Узени, где отряд казахов был разбит превосходящими силами калмыков из племен хошоут и торгоут. 23 августа к Лубжи и Лекбею подошли основные силы Доржи Назарова, и калмыки смогли взять лагерь казахов, в котором оборонялся Исет Кулубай (ИКРИ, 2005, с. 308–317, 344–345, 347–349; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 117; Бобров, 2013, с. 7–15).

В 1723 г. джунгары развернули большое наступление на казахские владения, взяли много городов и дошли до Сырдарьи. Ф. Беневени отмечал, что черные калмыки разорили казахов. С 1726 г. казахи объединились и в 1728 г. в битве при Караисыре нанесли джунгарам поражение. Весной 1730 г. казахи под руководством Абу-л-Хайра победили джунгар в Анкарайском сражении. После этого сражения произошел раскол между казахами, и Старший жуз откололся от других и стал кочевать возле владений узбеков. После одержанных побед над джунгарами в других жузах не было единства. В 1717 г. через земли Младшего жуза казахов отправилась экспедиция А. Бековича-Черкасского на Хиву. Однако Аюка предупредил местного хана Ширгази о нападении российских войск в 1717 г. Весь российский отряд был перебит узбеками. В 1726 г. казахи Младшего жуза после дипломатических миссий Беневени и Урусова были согласны принять российскую протекцию на условиях, подобных калмыцким. Опасаясь джунгарских вторжений, Абу-л-Хайр кочевал около земель башкир и в 1731 г. принял российское подданство. К этому его вынудили набеги калмыков, джунгар, бухарцев и даже нападения отдельных башкирских племен. В 1732 г. Доржи Назаров убеждал Абу-л-Хайра не терпеть российского подданства, но был выбит казахами со своих кочевий на Эмбе и был вынужден откочевать на Урал (Таймасов 2009, 140–158; ИКРИ 2005, 300).

Описанное в материалах османо-калмыцкой переписке событие, связанное с эштеками, было Алдан-Кусюмовским восстанием башкир 1704–1711 гг., к которому примкнула некоторая часть татар. Причиной восстания было наступление царской администрации на привилегии башкир, колонизации Башкортостана служилыми людьми и крестьянами, а также и сопротивление строительству заводов на башкирской земле. Причиной восстания также была русификация и насаждение православия (эти причины обусловили Сеитовское восстание, то есть Второе Башкирское восстание). В 1704 г. в Волжско-Уральском регионе было решено провести перепись и ввести множество новых налогов, которые бы собирали переписчики с башкир и татар. Естественно, мусульмане восстали, и в 1707 г. силы Алдара Исекеева и Кусюма Телекеева прорвали Закамскую линию и подошли к Казани. Вожди Третьего башкирского восстания надеялись на помощь калмыков, каракалпаков, казахов. Чтобы переломить ситуацию, русские власти мобилизовали и регулярное войско, и казаков. В 1708 г. российским войскам помогали отряды Чакдоржаба. Нужно отметить, что калмыки были далеко не едины в отношении башкир. Чакдоржаб был союзником России, Монке-Темир из дербетов был их противником, а Аюка придерживался нейтралитета. Несмотря на большой авторитет Аюки, разные калмыцкие правители считали себя в праве проводить собственную политику (Таймасов 2009, с. 92–94, 107–126).

Аюка был современником и более раннего башкирского восстания, а именно – Сеитовского восстания, которое возглавил татарский мулла Сеит Садиров. Башкиры подняли восстание в 1675 г. Восстание охватило и часть Сибири и Волго-Уральский регион. Восставшие нападали на русские поселения. Их посланники искали помощи у крымцев. Тяжелое положение обусловленное войной с Речью Посполитой, Гетманщиной, Русским государством обусловило то, что Крымское ханство не могло оказать башкирам действенной помощи. Зато башкир поддерживали калмыки, а также ногайцы, которые сожгли Билярск. Через некоторое время Аюка был вынужден сменить позицию, поскольку

Россия имела рычаги давления на него, а именно – могла поддержать оппозицию хану. Калмыки смогли подавить восстание, которое завершилось в 1683 г. (Доннели, 1995, с. 64–65).

Отдельно следует упомянуть о взаимоотношениях калмыков с империей Цин и Джунгарским ханством. Нужно сказать, что попытку установить отношения с маньчжурами первыми предприняли калмыки. Хан Аюка в 1699 г. отправил посольство в Китай к императору Канси. Однако посол не вернулся обратно и, вероятно, погиб по дороге или был перехвачен еще джунгарами на пути в Китай. Османский посол информировал Петра I, что Аюка самостоятельно сносится с иными государствами. В 1690–1697 гг. джунгары вели тяжелую войну с маньчжурами и союзными с ними халха-монголами. Торгоута Санджиба подозревали в намерении выступить совместно с Канси против джунгар. Цеван-Рабдан отобрал у него улусных людей, а маньчжурских послов в составе миссий Баочжу в 1702–1703 гг. оставил ни с чем, отказавшись признавать подданство богдыхану. Посольство Аюки 1702–1703 гг., отправленное с целью возвратить людей Санджиба, было неудачным. Санджибу выдали только десять человек. И далее Аюка требовал выдать ему 15 тыс. кибиток, но каждый раз получал отказ от джунгар. Впрочем, Канси отметил, что Цеван-Рабдан присоединил к себе торгоутов. В 1704 г. в Пекине под предлогом невозможности возватиться через Джунгарию был задержан Арабджур, который был племянником Аюки. Он возвращался из паломничества в Лхасу. Владения отца Арабджура Назара Мамутова находились в Заволжье. Арабджур принял цинское подданство, а в 1710 г. в Пекин прибыло посольство от Аюки во главе с Самтаном Кулюковым. Калмыцкие послы говорили, что Калмыцкое ханство самостоятельное государство, которое находится в мире с Россией. В 1712 г. в Калмыкию было отправлено посольство во главе с пятью мандаринами. Эта миссия получила название посольства Тулишеня, который оставил записки о своем странствии через Селенгинск, Иркутск и Тобольск и прибыл на Волгу. Аюка попросил Сенат позволить встретиться с послами от династии Цин и это было ему позволено. В 1713 г. Петр I дал об этом грамоту, а в 1714 г. цинские послы прибыли в калмыцкие кочевья. Русские узнали от послов, что император не уполномочивал их на переговоры с российской стороной, и, что калмыки ранее отправляли посольство к Цинам. Посланец Аюки к русским властям Лаузан просил, чтобы те пропустили калмыцкое посольство в Китай. Китайцы представляли дело так, что хотят возвращения Арабджура, и что Цеван-Рабдан не пропускает его назад, жизни племянника хана на дороге домой угрожают казахи и каракалпаки. Потом они пытались выставить Цеван-Рабдана как врага калмыков. Однако опытный Аюка не верил таким объяснениям, и мандарины открыли истинную цель поездки, а именно – создание антиджунгарской коалиции. Аюка дал уклончивый ответ и не намеревался затевать большой войны с джунгарами, касательно Арабджура же заявил, что если тот желает вернуться, то пусть вернется через российские владения. В 1715 г. русский царь отказался предоставить послам Аюки позволение пройти российскими землями в империю Цин. Русский канцлер Г. Головкин настоятельно рекомендовал Аюке воздержаться от посольств в Китай. В инструкциях астраханскому губернатору же советовал не пропускать послов от калмыков или иных правителей в Китай. В 1719 г. Чакдоржаб просил пропустить его жену, едущую в Тибет через Казань и Тобольск, чтобы не подвергать ее риску быть схваченной казахами и каракалпаками. В 1720 г. русский царь отказал в этом калмыцкому тайше. Это было предпринято с тем, чтобы не допустить конфликта России с джунгарами, которые могли атаковать сибирские русские города. Лишний фронт при войне со шведами и крымцами России был не нужен. Позже калмыкам таки удалось пробраться в Китай окольными шляхами. Послы сообщали богдыхану о том, что Аюка умер. Посольство должно было прибыть в Китай позже 1724 г., но ранее 1730 г. (об этом русским властям стало известно после того, как китайцы прибыли с посольством в Москву). Аюка же пытался умилоствивить Петра I тем, что называл целью своих посольств в империю Цин экономические причины, чему, однако, русский самодержец не верил. Аюка не был намерен воевать против джунгар, поскольку при его дворе большую роль играла джунгарка Дарма-Бала (Ноздрина, 2007, с. 31–54; Габан Шараб, 2003).

Отношения Калмыцкого ханства с джунгарами были куда интенсивнее. В 1718 г. от джунгар к калмыкам прибыл Шакур-лама в составе посольства, возвращавшегося из Тибета. Далай-лама повелевал, чтобы калмыки из-под российской протекции откочевали к единоверному хану. По сведениям тибетского источника Аюка, Дарма-бала и Шакур-лама готовились откочевать в Джунгарию. Однако в русских источниках нет указания на подобные намерения. И сам Цеван-Рабдан был не заинтересован в этом, потому что это осложнило бы его взаимоотношения с Российской империей. Ему было не до калмыков. В 1717–1722 гг. он воевал против Канси. Кроме того, Аюка не стремил-

ся из могущественного владыки превратиться во второразрядного нойона, у которого к тому же, как это показал пример Санджиба, хунтайджи мог забрать улус. Калмыки лишь на словах признавали свое подчинение далай-ламе и хунтайдже. В 1724 г. в Калмыкию прибыло посольство из Джунгарии, которое было отправлено джунгарами в 1721 г. Оно прошло транзитом через российские владения. Астраханская администрация знала о желании Дарма-балы откочевать к джунгарам. Джунгарские послы сообщили ей, что в 1724 г. Цеван-Рабдан не смог подойти к Уралу из-за войны с казахами и что подхода его войск стоит ожидать весной 1725 г. С тем, чтобы помешать откочевке калмыков, российские власти стянули к Уралу войска. Весной 1725 г. Дарма-Бала, Церен-Дондук, Доржи Назаров и Досанг намеревались бежать в Джунгарию, а миссия джунгарского посла Еке Абугая состояла в том, чтобы сосватать дочь Цеван-Рабдана за Церен-Дондука. Однако калмыки были далеко не едины в желании объединиться с джунгарами, поскольку после захвата Тибета войсками империи Цин далай-ламой был поставлен маньчжурский ставленник, и в связи с этим Шакур-лама уже не выступал за откочевку к джунгарам. Оппозиция во главе с Яманом и Самптаном выступила против Дарма-Балы. Церен-Дондук не решился на переселение, да и джунгарские войска не дошли до Урала из-за сражений с казахами. Да и Цеван-Рабдан перестал интересоваться калмыками. Уже Галдан-Церен в 1727 г. отправил новое посольство к калмыкам. В российских владениях калмыкское посольство во главе с Еке-Абугаем в 1728 г. было задержано, правда, потом его приказали пропустить на родину. В 1728 г. Дарма-Бале и Церен-Дондуку через астраханского губернатора объявили, что без позволения императора они не могут отправлять послов в Джунгарию. Блистательная эпоха Аюки кончилась, и Россия начинала подчинять внешнюю политику Калмыцкого ханства своим интересам (Ноздрина, 2007, с. 54–64).

Нужно сказать, что стороны и исследователи неодинаково смотрели на эту проблему. Российские власти начали рассматривать себя повелителем калмыков, с того времени, когда часть джунгар, составивших позднее общность калмыков, прибыли с посольством в 1608 г. Калмыки признавали старшинство белого царя взамен на позволение кочевать на определенной территории, однако это не означало, что они признают его власть над собой. В 50–60 х гг. XVII в. вследствие переговоров и шертования калмыцких тайш, калмыки были обязаны участвовать на стороне России в ее войнах и платить небольшой ясак, а русские признавали существование Калмыцкого ханства и отправляли тайшам и ханам инсигнии в виде булавы. Впрочем, калмыки воспринимали землю, на которой поселились, не государевой, а ногайской, которая принадлежит им по праву завоевателей. Заволжские и прикаспийские земли калмыки считали своими. Царские воеводы не вмешивались в дела калмыков. В шертях Аюки 1673, 1677, 1684 гг. шел разговор о военной службе калмыков. Шерть воспринималась как личная договоренность. В 1690 г. Аюка получил титул хана от тибетского далай-ламы, а в 1720 г. его признала за калмыцким правителем и Россия. Долгое время калмыки были скорее союзниками, чем подданными. Аюка в 1683 г. заявлял астраханскому воеводе, что не является подданным, а лишь желает быть в мире с Россией, в 1691 г., когда российские власти не оказали реальной помощи в войне с казахами и башкирами, Аюка не считал себя связанным обязательствами с русским монархом. Петр I считал калмыков своими подданными. В реальности ему удалось навязать Аюке статус царского подданого в 1710 г., к тому же увеличив ему жалование и обеспечивая калмыков оружием. В 1710 г. были подписаны «Договорные статьи». При Аюке подданство калмыков было условным, несмотря на ограничения в отношениях с империей Цин. Наступление России на права калмыков началось с момента смерти Аюки, когда слабому Церен-Дондуку можно было навязывать новые условия. В 1731 г. Сенат постановил, что без воли российского правительства калмыки ничего не могут делать. Это вызвало крайнее недовольство калмыков, как и колонизация Поволжья русскими и немцами. В связи с этим некоторая часть калмыков была более склонна пойти на союз с тюрками-мусульманами. Габан Шараб от имени Дугара указывал, что Аюка находился в российском подданстве (Трепавлов, 2008, с. 58–67; Габан Шараб, 2003).

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам. В начале своего правления Аюка был практически самостоятельным правителем, который имел полную свободу дипломатических отношений. В конце XVII в. он проводил прорусскую политику в своих целях, чтобы уменьшить влияние на Кавказе крымского хана и кумыкского шамхала. Он развернул широкомасштабное наступление на кумыков и поддерживал военные кампании русских царей, украинских гетманов, кошевых атаманов Запорожской Сечи в их войнах с крымцами и Османами. Когда же баланс сил после Карловицкого мирного договора изменился, он начал работу по созданию антироссийской коалиции и вступил в активную переписку с крымским ханом и османским султаном. К союзу про-

тив российской администрации он планировал привлечь казахов и башкир. Однако победа русских войск в Полтавской битве в 1709 г. изменила баланс сил в Восточной Европе, и Аюка был вынужден все чаще оглядываться на Россию, которая в 1711 г. впервые ограничила свободу его внешней политики, а после визитов маньчжурских послов сделала это во второй раз. Контакты с Крымским ханством Аюка продолжал поддерживать через кубанского сераскера Бахты-Гирея. Существенное наступление на свободу калмыков Россия повела при правлении Церен-Дондука, которому поступали предложения от джунгар откочевать в Джунгарию, что послужило причиной очередных ограничений со стороны российской власти. С казахами у калмыков были традиционно сложные отношения и казахские вторжения несколько раз срывали кампании калмыков против крымцев и ногайцев. С башкирами же одни калмыцкие правители были то союзниками то врагами, но ханская власть старалась придерживаться нейтралитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыров В.В. Участие калмыков в войнах России XVIII в. // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. Элиста, ЗАОрНПП Дунгар, 2008. С. 149–167.
2. Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве XIII – 60-е гг. XVII вв. Диссертация на соискание научной степени доктора исторических наук. 07.00.02 – Отечественная история. Краснодар: Карачаево-Черкасский государственный университет, 2006. 491 с. <http://www.dissercat.com/content/oiraty-i-kalmyki-na-evrazijskom-prostranstve-xiii-60-e-gg-xvii-veka>
3. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков в XV столетии до настоящего времени. Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1991. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Oirat/frameset2.htm>
4. Бобров Л.А. Узенинская битва (1724): предпосылки, ход, результаты // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 5–17.
5. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Позднее Средневековье. Новосибирск: Новосибирский университет, 2010. 288 с.
6. Величко С.В. Літопис. Т.2. К.: Дніпро, 1991. 642 с. Available at: <http://litopys.org.ua/velichko/vel.htm>
7. Габан Шараб. Сказание о дербен-ойратах. // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: Пер. с калм./Сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент А.В. Бадмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/pred3.phtml?id=12297
8. Галенко О. Східна Європа 1704–1709 у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 263–295.
9. Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве // Тюркологический сборник, 2011–2012. М.: Восточная Литература, 2013. С. 92–137.
10. Грибовский В., Сень Д. Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: Деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-східній Європі. Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 193–216.
11. Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. К., Т-во Знання України, 1992. 192 с. <http://litopys.org.ua/grab/hrab.htm>
12. Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. Электронное издание 1995. 285 с.
13. Идрисов Ю. Из истории отношений кумыков с карачаевцами, балкарцами и ногайцами в XVI–XIX вв. // Тюрки Северного Кавказа. М., 2009. С. 172–191. <http://kumukia.ru/article-9518.html>
14. Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. Махачкала, 2013. 278 с. Электронная версия книги.
15. Идрисов Ю.М. Краткий обзор истории политических взаимоотношений феодальных властителей Северо-Восточного Кавказа с Крымским ханством // Крымское историческое обозрение. 2015. №1. С. 22–29.
16. Идрисов Ю.М., Абусаламов М.П.-Б. Северо-Восточный Кавказ, его география, население и феодальная элита в описаниях Эвлия Челеби и Адама Олеария: различия и сходства // Вестник МГОУ. 2013. № 4. С. 63–68
17. История Казахстана в русских источниках. Т. 2. Алма-Аты, Дайк-Пресс, 2005. 448 с.
18. История Калмыцких ханов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: Пер. с калм./Сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент А.В. Бадмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003.
19. Кадырбаев А.Ш. Ойраты и калмыки в истории Центральной Азии, Кавказа, Крыма в контексте взаимоотношений степных народов с Россией, Китаем, Персией // Иран-намэ. № 3 (15). Алматы, 2010. С. 29–49. <http://transcaucasica.com/uploads/pdf/kalmiki.pdf>
20. Крман Даниел. Подорожній щоденник. Київ: Просвіта, 2010. 260 с.
21. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. Автореферат диссертации на соискание научной степени доктора исторических наук. Специальность 07. 00. 02. – Отечественная история. Элиста, Калмыцкий государственный

университет, 2003. <http://cheloveknauka.com/poslednee-velikoe-kochevie-perehod-kalmykov-iz-tsentralnoy-azii-v-vostochnuyu-evropu-i-obratno-v-xvii-i-xviii-vekah>

22. Лемерсье-Кельеже Ш. Волжские калмыки между Российской и Османской империя в период правления Петра I (по данным Османского архива) // Восточная Европа средневековья и Раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 255–271.

23. Ноздрин И.А. Калмыцкое ханство в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке: Дисс. канд. ист. наук. 07.00.03. Барнаул, 2007. 221 с.

24. Руденко Н. Участь калмиків у військових кампаніях російської армії на початку XVIII ст. // Полтавська битва 1709 року в історичній долі України, Росії, Швеції та інших держав: збірник матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції. Полтава, ФОП Толмачова Н.Ю., 2009. С. 229–236

25. Сабитов Ж.М. Казахско-калмыцкие отношения в 1700–1715 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 122–126

26. Літопис Самовидця. Киев: Наукова думка, 1971. 208 с. <http://litopys.org.ua/samovy/d/sam.htm>

27. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.

28. Тепкеев В.Т. Калиыцко-крымские отношения в XVIII веке. Дисс. канд. ист. наук 07.00. 03 Всеобщая история. М., РГБ, 2006. 155 с., 1 карта, 1 таблица, 6 с.

29. Трепавлов В.В. Калмыки и Россия в XVII-XVIII вв.: подданные, вассалы, союзники // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. Элиста: ЗАОРНПП Джангар, 2008. С. 58–70.

30. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений: Дисс. докт. ист. наук. 07.00.02 Отечественная история. Волгоград, Волгоградский Государственный университет, 2007. 497 с. <http://www.dissercat.com/content /kalmytskoe-khanstvo-v-sostave-rossii-problemy-politicheskikh-vzaimootnoshenii>

31. Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. По материалам кумыкско-калмыцких контактов // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2 (9). Махачкала, 2004. <http://kumukia.ru/article-9060.html>

32. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1991. 189 с. <http://www.nutug.ru/biblioteka/shovunov/soderganie.htm>

Я.В. Филиппук

АЮКӘ ХАН ИДАРӘ ИТКӘН ВАКЫТТА КАЛМЫК ХАНЛЫГЫНЫҢ ТӨРКИ ХАЛЫКЛАР БЕЛӘН МӨНӘСӘБӘТЕ

Мәкалә Калмык ханлығының Аюкә хан идарә иткән вакыттагы тышкы сәясәтенә багышлана. Аюкә беренче мөстәкыйль идарәче була һәм Госманлы империясе, Цин империясе белән дипломатик мөнәсәбәтләр урнаштырырга омтыла. Ул идарә иткән елларда калмыкларның Калмак ханлығы белән аралары суына, ләкин ачыктан-ачык конфликтларга барып житми. Үзенә файдалы булганда Аюкә Россия һәм украиннар ягында Кыргыз ханлығына һәм нугайларның Кобан Урдасына каршы чыгыш ясай,

XVIII гасыр башында Аюкә Кыргыз ханнары, Кобан сәргаскәрләре, Госмалы солтаны белән язышып, Россиягә каршы сәясәт алып бара башлый. Аюкә шулай ук казахлар, каракалпаклар һәм башкортлар белән элемтәләр урнаштыра. Бу сәясәтнең максаты – Россия хакимиятенең Көнчыгыш Европа далаларына киңәюен тоткарлау була. Аюкә ачыктан-ачык Россиягә каршы чыкмый һәм Төньяк сугышы барышында Петр I-нчегә беркадәр ярдәм күрсәтә. Полтава астында рус армиясенең жиңүе Көнчыгыш Европада көчләр балансын үзгәртә. Рус патшасы калмык ханының ирегән кыса, шул исәптән Госманлы һәм Цин империяләре белән мөнәсәбәтләрен тыя. Бу вакыттан башлап калмыкларның кырымлылар белән элемтәләре Кобан сәргаскәрләре аша тормышка ашырыла. Россия хакимиятеннән бәйлелек арту белән килешмәгән калмыкларның бер өлеше Дондук Омбо житәкчелегендә Кобанга күченеп китә. Калмыкларның казахлар белән мөнәсәбәтләре XVIII гасырның 20нче елларында бозыла. Калмыклар актив рәвештә Кабардага һәм кумыкларга һөжүм итәләр һәм андагы Россиягә каршы булган мөнәсәбәтләргә бастыралар.

Ачык сүзләр: Калмык ханлығы, Кыргыз ханлығы, Кобан Урдасы, нугайлар, госманлылар, казахлар, калмыклар, башкортлар.

Ya.V. Pylypchuk

**KALMYK KHANATE DURING THE REIGN AYUKA KHAN
AND HIS RELATIONS WITH THE TURKS**

This paper deals with the foreign policy of the Kalmyk Khanate during the reign Ayuka Khan. Ayuka was virtually independent ruler over a long period of time, and tried to establish contacts with the Ottoman Empire and the Qing Empire. During his reign relations with the Kalmyk Khanate Dzungar cooled, but did not reach the open conflict. When it was profitable Ayuka took the side of Russia and Ukrainians against the Crimean Khanate and the Nogai Horde of Quban. At the beginning of the XVIII century Ayuka began to pursue an anti-Russian policy, actively corresponding with the Crimean khans, Quban seraskers and the Ottoman sultans. Ayuka also came into contact with the Kazakhs, Bashkirs and Karakalpaks. The aim of this policy was the containment of Russian power in the East European steppes. Ayuka not speak openly against Russia in the Northern War and provided little help to Peter I. The victory of Russian troops near Poltava shifted the balance of power in Eastern Europe and the Russian tsar to limit freedom of Kalmyk khan, in particular, the right to relations with the Ottoman Empire and the Qing Empire. Contacts Kalmyks with Crimean Tatars has carried out mainly through the Quban seraskers. Some Kalmyks, who disgruntled increased dependence on Russians, migrated to the Quban. Relations Kalmyks with the Kazakhs have deteriorated in the 20-ies of XVIII century. Kalmyks to pursue an active attack on Kabarda and Kumyks suppressing it anti-Russian sentiment.

Keywords: Kalmyk khanate, Crimean khanate, Quban Orda, Noghays, Osmans, Kazakhs, Kalmykians, Bashkirs.

Сведения об авторе:

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины (Украина, г. Киев), E-mail: bachman@meta.ua

Пилипчук Ярослав Валентин улы – тарих фәннәре кандидаты, Украина Милли фәнни академиясе А.Ю. Крымский исемендәге Көнчыгышны йөрәнү –институтының кече фәнни хезмәткәре (Украина, Киев шәһәре).

Pylypchuk Yaroslav Valentinovich – Cand. Sci. (History), Junior Researcher, Department of Eurasian Steppe, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine, Kiev).

УДК 97(470)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ХАНСТВ XVI–XVII ВВ. ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ СОВРЕМЕННОКОВ

© 2015 г. Р.Ю. Почекаев

В статье предпринимается попытка охарактеризовать представления иностранных (западноевропейских) современников о политико-правовых отношениях Московского государства и тюрко-татарских ханств в XVI–XVII вв. В этот период большое количество иностранных дипломатов, путешественников, торговцев и авантюристов посетило Московское государство и сопредельные страны, большой интерес имели к этому региону также и ученые, лично не посещавшие его. Европейцев интересовали такие вопросы, как статус Московского государства после падения Золотой Орды, причины и ход присоединения им пост-ордынских государств, претензии того или иного тюрко-татарского государства на золотоордынское наследие и, соответственно, отражение их во взаимоотношениях Москвы с татарскими ханствами. Иностранцы вполне отдавали себе отчет, что московско-татарские отношения в рассматриваемый период не сводились исключительно к военным конфликтам, а носили комплексный характер, включая дипломатические, торговые, а время от времени – и союзные отношения. Кроме того, учитывали иностранные современники и «татарский фактор» внутренней политики Московского государства, в т.ч. политику в покоренных татарских «царствах», привлечение татар к военной службе, отношение к татарским «царевичам» при московском царском дворе, контакты русской и татарской знати. Сведения иностранцев о политико-правовых отношениях Москвы и татарских ханств далеко не все одинаково полны и объективны, что объясняется целями и задачами составления их записок. Однако даже самые «ангажированные» тексты представляют интерес и ценность для формирования представления о том, как Западная Европа воспринимала взаимоотношения на пост-ордынском пространстве.

Ключевые слова: Московское государство, Золотая Орда, тюрко-татарские государства, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Крымское ханство, Ногайская Орда, политико-правовые отношения, иностранцы о России.

Формат отношений Московского государства с тюрко-татарскими ханствами после падения Золотой Орды и до провозглашения России империей в начале XVIII в. исследователи определяют по-разному. По мнению одних из них, Москва уже в первой половине XVI в. стала проявлять «имперские амбиции» и стремиться заместить распавшуюся Золотую Орду в качестве новой «евразийской империи» (см., напр.: Каррер д'Анкосс, 2010). Другие авторы придерживаются мнения, что в течение довольно длительного времени Московское государство являлось всего лишь одним из наследников Золотой Орды – наравне с пост-ордынскими джучидскими ханствами и действовало в рамках системы традиционных взаимоотношений этих государств (см., напр.: Рахимзянов, 2005; 2010; 2014).

Сделать однозначный вывод о характере взаимоотношений Москвы и тюрко-татарских ханств на основе сведений русских или татарских источников не представляется возможным: несомненно, каждая сторона старалась идеализировать представление о нем в свою пользу, нередко выдавая собственные политические амбиции за реальное положение дел. В связи с этим представляется интересным и целесообразным привлечь третью группу источников – сведения европейских современников (дипломатов, путешественников, ученых). Естественно, эти источники не могут в полной мере считаться «независимыми» и «объективными»: интерпретация иностранцами особенностей политико-правовых отношений Москвы и пост-ордынских государств зависела от их собственной политической позиции, индивидуальных особенностей (степень образованности, отношение к России и тюрко-татарским государствам), целей и задач составления ими своих отчетов и записок¹. Тем не менее, представляется, что материалы иностранных современников в значительной степени помогут сформировать представление о статусе Московского государства в отношении тюрко-

¹ Проблеме объективности сведений европейцев о России рассматриваемого периода посвящена сравнительно недавняя работа, вызывающая, впрочем, противоречивые оценки исследователей (Мединский, 2011).

татарских ханств, особенностях их политико-правовых отношений – так, как это виделось европейским современникам. Именно исходя из этих представлений, европейские монархи выстраивали свою политику по отношению и к России, и к тюрко-татарским государствам.

При проведении настоящего исследования были использованы труды европейских современников, в которых описываются отношения Москвы и тюрко-татарских ханств с начала XVI до конца XVII вв. Авторы этих текстов представляли разные государства (Англия, Нидерланды, Польшо-Литовское государство, Священная Римская империя, Франция и др.) и имели различный статус, что существенно повлияло как на содержание их записок в целом, так и на трактовку московско-татарских отношений в современный им период.

Привлекаемые нами источники можно разделить на три группы.

Во-первых, записки дипломатов – руководителей и участников посольских миссий, посетивших Россию и / или тюрко-татарские государства и подготовивших по итогам своих поездок официальные отчеты для своих государей или правительств. Эти материалы наиболее формализованы и подробны и могут претендовать на объективность: ведь целью дипломатов в большинстве случаев было предоставление направившим их монархам реальных сведений о Московском государстве и его соседях.

Во-вторых, это записки (отчеты и мемуары) путешественников и авантюристов, с разными целями побывавших в России в рассматриваемый нами период. В отличие от официальных дипломатических отчетов, эти записки не претендуют на полноту и раскрытие всех аспектов московской политики (в т.ч. и в отношениях с тюрко-татарскими государствами). Авторы нередко высказывают весьма субъективные мнения, не совпадающие с официальными трактовками даже западных же дипломатов, обращают внимания на те аспекты русско-татарских отношений, которых в той или иной степени касались их лично и т.д. Тем не менее, их сведения также представляют значительный интерес, в т.ч. и на предмет сравнения с дипломатической отчетной документацией.

Наконец, в-третьих, к рассматриваемой нами группе источников относятся труды европейских современников, которые в большей степени были учеными, чем свидетелями русско-татарских отношений. Их сведения представляют интерес, поскольку отражают комплексное представление о Москве и ее отношениях с пост-ордынскими ханствами, получившее распространение в Европе, своего рода квинтэссенцию на основе сообщений двух вышеупомянутых групп иностранных современников, лично побывавших в России или тюрко-татарских государствах.

Сразу стоит отметить, что деление используемых нами источников на группы является условным. Ведь даже дипломаты и путешественники, лично побывавшие в Московском государстве или тюрко-татарских ханствах, использовали в своих записках дополнительные источники для исторических экскурсов или географических описаний посещенных ими стран – и в этом случае они выступали больше как ученые-исследователи, а не очевидцы событий. В свою очередь, и представители третьей группы, занимавшиеся написанием «теоретических» трудов, порой сами совершали поездки в Россию или даже жили в ней значительное время (как, например, Михалон Литвин или Юрий Крижанич) – в отличие от ряда других, писавших о России и тюрко-татарских государствах исключительно на основе сведений собственных информаторов (например, Алессандро Гваньини или Джон Мильтон). Таким образом, все три группы западноевропейских источников в какой-то мере дополняют друг друга, восполняя определенные пробелы или позволяя проверять и перепроверять сведения других источников.

Понять особенности московско-татарских политико-правовых отношений в XVI–XVII вв. в интерпретации иностранных современников невозможно без анализа предыстории этих отношений, т.е. периода пребывания русских земель под ордынским владычеством – естественно, опять же в том виде, в каком это представляли западные авторы. При анализе их записок по данному вопросу мы сталкиваемся с интересной особенностью, которую в какой-то степени можно соотносить с используемым Л.Н. Гумилевым понятием «абберация близости»²: являясь современниками именно Московского государства, большинство западных современников полагали, что именно это государство, т.е. Москва (а не Владимиро-Суздальская Русь или русские удельные княжества в целом) в течение нескольких веков пребывало под игом Золотой Орды (Московия, 1875, с. 18; Описание, 1877, с. 33–34; Начало и возвышение, 1877, с. 6). И если одни из них называют в качестве сюзерена «Заволж-

² Нам уже приходилось обращаться к этой особенности западной историографии при анализе иностранных сообщений о нашествии монголов на Русь в 1230–1240-х гг. (Почкаев, 2009, с. 273–275).

скую Орду», в общем-то, достаточно корректно соотнося ее с прежней Золотой Ордой (см., напр.: Михалон, 1994, с. 62), то некоторые полагают, что создателем Москвы в тот период являлось Крымское ханство (Маржерет, 2007, с. 117; Рейтенфельс, 1905, с. 53)! По-видимому, это делало более понятным для иностранцев то упорство, с которым крымские (или, как их нередко именовали, «перекопские») ханы старались представить московских государей своими вассалами и данниками (Начало и возвышение, 1877, с. 14, 29). Лишь отдельные авторы видят различие между русскими княжествами, по отдельности покоренными татарами (см., напр.: Начало и возвышение, 1877, с. 14, 29)³, и Московским государством, которое, окрепнув, сумело освободиться от зависимости, в которую попали ее предшественники (Путешествия, 1874, с. 105–106; Крижанич, 1965, с. 596).

Впрочем, говоря о событиях обретения Москвой независимости от татарских правителей, далеко не все европейские авторы готовы признавать освобождение от иностранного владычества заслугой именно московских государей. Отдельные авторы (Сигизмунд Герберштейн, Михалон Литвин) считают, что владычество татар над русскими пало благодаря литовцам и, в частности, великому князю Витовту (Герберштейн, 1988, с. 165; Михалон, 1994, с. 86–87). Другие считают, что решение сбросить иго было продиктовано Ивану III его второй супругой Софьей Палеолог (Московия, 1875, с. 19–20; Путешествие, 1874, с. 106). В славянской традиции, представленной сербским интеллектуалом Юрием Крижаничем, оказавшимся на русской службе (а затем – и в ссылке в Сибири) (Маркевич, 1876, с. 13–14, 23–24), победу Ивана III над золотоордынским ханом – равно как и последующее покорение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств – объясняли божьей помощью, равно как и покорение русских княжеств в XIII в. – божьим наказанием за грехи (Крижанич, 1965, с. 619; ср.: Сказания, 1868, с. 28).

Собственно, присоединение тюрко-татарских ханств к Московскому государству Иваном Грозным иностранцы трактуют далеко не как проявление великодержавных амбиций царя, стремление занять опустевшее место властелина «евразийской империи». Напротив, в их интерпретации завоевание Казани и Астрахани, а затем и Сибири предстает едва ли не как спонтанные действия, а не продуманная стратегия. Английский купец на московской службе Энтони Дженкинсон главную заслугу Ивана Грозного в деле покорения Казанского и Астраханского ханств видит не в расширении территории России за счет татарских ханств и даже не в ликвидации угрозы с их стороны, а в том, что он отвоевал у татар Волгу, являющуюся столь важным торговым путем (Английские путешественники, 1937, с. 168).

Так, покорение Казани, по словам Сигизмунда Герберштейна, подчинилась еще Василию III, по воле которого на ее трон возводились ханы (Герберштейн, 1988, с. 170–171). Согласно Даниилу Принцу (побывал в Москве в 1576 и 1578 гг.), в те времена зависимость Казани ограничивалась уплатой дани в пользу Москвы, но постоянные антироссийские выступления местного населения заставили Ивана Грозного принять решительные меры и присоединить ханство к своим владениям окончательно (Начало и возвышение, 1877, с. 16; Масса, 1937, с. 22; Путешествие, 1874, с. 134).

Что касается Астраханского ханства, то его история, до сих пор сравнительно скудно освещенная (см.: Зайцев, 2006, с. 4 и след.), была довольно туманной и для почти что его западноевропейских современников, в результате чего до нас дошли практически противоположные их мнения о его судьбе. Так, согласно Даниилу Принцу, Астрахань, как и Казань, находилась в зависимости от Москвы и платила ей дань, но потом восстания местных правителей заставили Ивана Грозного присоединить его к Московскому государству (Начало и возвышение, 1877, с. 16). В записках же голландского купца Исаака Массы, жившего в Москве в первом десятилетии XVII в. Астраханское ханство описано как независимое государство, но после того, как ханом был избран Ямгурчи, Иван Грозный потребовал, чтобы тот признал себя вассалом московского царя, и оскорбительное обращение астраханцев с московским послом послужило поводом для завоевания ханства (Масса, 1937, с. 23–25).

А Сибирь, как сообщает посол Священной Римской империи Августин Майерберг (посетил Москву в 1661 г.) начал покорять еще Иван III, и его внук лишь довершил этот процесс (Путешествие, 1874, с. 135). Причем, как утверждал курляндец Яков Рейтенфельс (побывал в Москве в первой половине 1670-х гг.), Сибирь отнюдь не была завоевана: сибирские племена «подчинились царю

³ Мы используем этот этноним (или политоним), поскольку именно он фигурирует в абсолютном большинстве исследуемых нами источников.

не потому, что были покорены военной силой, но по убеждениям купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых сношений с москвитями» (Рейтенфельс, 1906, с. 202–203).

Нашла отражение в сообщениях иностранных современников и специфика международно-правового статуса Ногайской Орды – вернее, отдельных ногайских государствовподобных образований. Два «немецких опричника» Иоганн Таубе и Элерт Крузе сообщают, что еще в 1560-е гг. ногайцы были независимы и даже «в течение нескольких лет были очень сильны и могущественны, но благодаря такой же, как в России, тирании они были совсем обессилены» (Послание, 1922, с. 57). Энтони Дженкинсон пишет об исчезновении у ногайцев достаточного числа пастбищ, что, по его мнению, было на руку Московскому царству – как и последовавший мор, который заставил ногайцев искать помощи у московских пограничных властей, причем, по мнению англичанина, они в это время были как никогда близки даже к принятию христианства (Английские путешественники, 1937, с. 169, 171). Согласно французскому наемнику Гильому Левассёру де Боплану, служившему в Польше на протяжении 1620–1670-х гг., ногайцы в это время частично подчинялись Крымскому ханству, частично – Москве и частично были независимы (наиболее последовательно свою независимость отстаивала Буджакская Орда) (Боплан, 2004, с. 219, 241, 243). Особенность статуса ногайцев позволяла им выступать своеобразными посредниками между Московским царством и Крымским ханством – как отмечает, в частности, французский дипломат де Ла Невилль, побывавший в Москве под конец регентства царевны Софьи Алексеевны (Записки, 1891, с. 246).

При этом западные авторы отмечают своего рода геополитическое единство Казанского, Астраханского и Крымского ханств (см., напр.: Олеарий, 2003, с. 347). Согласно Генриху Штадену два последних ханства поддерживали Крым в противостоянии с Москвой (Генрих Штаден, 1925, с. 62). Отражены в записках иностранцев также и претензии крымских ханов на Казань и Астрахань после их присоединения к Московскому государству (Флетчер, 1906, с. 76).

Исходя из этого, иностранцам вполне логичным представлялось, что наследники Золотой Орды не признавали в Московском государе самостоятельного (и достаточно сильного) правителя. Соответственно, стремление Крымского ханства вплоть до начала XVIII в. видеть в Москве прежнего вассала представлялось иностранцам вполне понятным и обоснованным. Это выражалось, в частности, в непризнании крымским ханом царского титула московского государя и, соответственно, претензий на «братский» статус с самим ханом. Весьма красочное описание одного такого случая, касающегося московского посольства А.Ф. Нагого, представлено в анонимном «Истинном правдивом описании Московии»: «После того, как он (нижеупомянутый С. Швёлъ – Р.П.) побывал у татарского царя, туда прибыло московское посольство с великолепными подарками. Упомянутый татарский царь велел Симону Швёлю, посланнику польского короля, присутствовать при этом и заслушать московское посольство. Когда были зачитаны московитские грамоты, великий князь между прочим назвал татарского царя своим братом. Уже упомянутый татарин рассердился из-за этого и пришел в ярость, из-за чего стал дергать себя за бороду. Все-таки он принял подарки, присланные ему великим князем» (Капелер, Скрынников 1999, с. 142)⁴. Об отказе крымских послов употреблять в отношении московского монарха титул «царь» упоминает и англичанин Джильс Флетчер (Флетчер, 1906, с. 24).

Также имели место случаи, когда крымские ханы отказывались признавать суверенитет русских монархов на новоприсоединенных владениях бывших Казанского и Астраханского ханств, рассматривая эти территории как собственные владения. Интересен случай, описанный «немцем-опричником» Генрихом Штаденом: на следующий год после сожжения Москвы Девлет-Гирей I предоставил крымским купцам грамоты, освобождающие их от уплаты пошлин на территории Казани и Астрахани (Генрих Штаден, 1925, с. 115)⁵. Нельзя также не вспомнить в связи с этим упоминание Андрея Курбского о том, что крымский хан запрещал московскому царю воевать с Казанью (Сказания, 1868, с. 12).

⁴ Отметим, что события имели за несколько месяцев до набега хана Девлет-Гирея I, завершившегося сожжением Москвы (см.: Виноградов, 2007, с. 186–192). Кроме того, негативное отношение крымского хана к русским послам было связано также и с тем, что в 1570 г. во время погрома Новгорода и Торжка опричниками Иван Грозный приказал расправиться с несколькими сотнями пленных татар, содержавшихся в Торжке (см.: Послание, 1922, с. 49; Капелер, Скрынников, 1999, с. 136, 143).

⁵ Впрочем, как продолжает Штаден, крымский хан, по-видимому, переоценил степень антироссийских настроений в «царствах», поскольку купцы, ссылавшиеся на его грамоты, подверглись в обоих регионах ограблению.

Одним из наиболее болезненных вопросов для русско-татарских отношений и постоянным камнем преткновения в русско-крымских дипломатических отношениях являлся вопрос о систематических денежных выплатах Москвы в Крым. Естественно, каждая из сторон в московско-татарских отношениях старалась представить эти выплаты в выгодном для себя свете: московские власти и дипломаты говорили о «поминках», т.е. фактически подарках крымским ханам, представители же Крымского ханства – именно о дани со стороны нижестоящего монарха вышестоящему⁶. Казалось бы, сведения «нейтральных» западноевропейских авторов могут помочь внести ясность в этот вопрос. Однако и среди иностранных современников нет единодушия.

Одни европейские авторы, посетившие Москву или Крым даже во второй половине XVII в. – генуэзец Эгидио д'Асколли, англичанин граф Карлайл, голландец Кунраад Ван Кленк – однозначно говорят о выплате дани (Описание, 1879, с. 34; Описание, 1902, с. 115; Посольство, 1900, с. 494–495); также, например, Адам Олеарий упоминает, что не только Крым, но в свое время даже и Казань заставляла русских выплачивать эту дань (Олеарий, 2003, с. 318). Другие же авторы, в частности, Сигизмунд Герберштейн и Джером Горсей, говорят о подарках или «мзде», которая выплачивалась в качестве откупа для предупреждения крымских набегов на московские владения (Герберштейн, 1988, с. 183; Горсей, 1990, с. 91). На наш взгляд, столь различные трактовки московских выплат в Крым отражают сложность самого этого института, невозможность однозначно классифицировать его как дань или же как подарки, принятые в рамках дипломатического протокола. И это, в свою очередь, свидетельствует о том, что иностранные информаторы достаточно объективно отражали процессы взаимоотношений Московского царства и тюрко-татарских ханств.

Впрочем, цель московских денежных выплат – предупреждение крымских набегов на русские земли – отмечается представителями обеих точек зрения, которые также фиксируют, что даже выплаты «дани» или «поминков» далеко не всегда служили гарантией того, что татары не совершат очередной набег на московские владения. К тому же, как бы ни трактовали европейцы эти выплаты, для представителей московских властей они в любом случае являлись достаточно досадным пятном на международном статусе. Поэтому неудивительно, что одним из условий договора с Крымским ханством, который уже в 1689 г. пытался заключить князь В.В. Голицын по итогам своего второго похода в Крым, стала отмена дани, которую Москва уже несколько лет фактически и так не выплачивала. Однако, по всей видимости, для Крыма эта дань являлась своего рода делом престижа: как сообщает французский дипломат в России де Ла Невилль, хан не только отказался принять это требование, но и потребовал уплаты дани за последние три года (французский дипломат называет сумму во французском денежном эквиваленте – 240 000 экю) (Записки, 1891, с. 246–247).

Многие европейские авторы отмечают, что крымские набеги совершались едва ли не ежегодно, что свидетельствует о том, что эти походы далеко не всегда являлись «наказанием» московских правителей за отказ выплачивать дань. Некоторые западные авторы пишут и о других причинах нападения крымцев на русские земли. Так, например, англичане Энтони Дженкинсон в 1550-е гг., а затем и Джером Горсей в 1590-е гг. и голландец Исаак Масса в 1600-е гг. отмечали, что крымские войска совершают походы на русские владения по воле султана Османской империи (Английские путешественники, 1937, с. 170; Горсей, 1990, с. 106; Масса, 1937, с. 26; см. также: Флетчер, 1906, с. 79). Кроме того, тот же И. Масса сообщает, что в 1591 г. крымский хан Гази-Гирей II решил совершить набег специально для захвата пленников (Масса, 1937, с. 36).

Далеко не всегда Московское царство выступало «потерпевшей стороной» в отношениях с Крымом. Так, Лжедмитрий I в конце 1605 г. задумывал грандиозный поход, который должен был закончиться покорением Крымского ханства. Он отливал большое количество новых пушек, стягивал войска в крепости на южных границах царства, что даже заставило крымского хана поспешно покинуть Азов и уйти в Крым для принятия мер по организации обороны ханства (Масса, 1937, с. 52–53)⁷. Царь Алексей Михайлович под конец своего правления намеревался в союзе с Польшей действовать против крымско-османского блока: согласно его плану, московские войска должны были вторгнуться в Крым, чтобы не допустить участия войск хана в походе турок на Польшу.

⁶ Анализ источников и историографии этого вопроса уже был представлен нами в специальном исследовании (Почекаев, 2012).

⁷ Нельзя также не вспомнить сообщение Андрея Курбского о том, что перед началом Ливонской войны советники Ивана Грозного предлагали ему направить войска не в Ливонию, а в Крым, который в это время переживал очередной политический кризис. Однако царь ограничился посылкой туда лишь 5-тысячного отряда под командованием Дмитрия Вишневецкого (Сказания, 1868, с. 55–56).

Только смерть царя и вступление на престол юного Федора Алексеевича заставили царских советников отказаться от этого плана (Посольство, 1900, с. 429, прим на с. 513). Ну, и конечно, своеобразной попыткой «перехвата инициативы» у Крыма являются походы князя Василия Голицына на Крым, также совершенные по договоренности с Речью Посполитой и красочно описанные французским посланником де Ла Невиллем. Как видим, несмотря на определенную установку воспринимать Московское царство как все еще данника татар, далеко не все европейские авторы склонны были видеть в нем исключительно жертву татарских набегов!

Впрочем, взаимными набегами отношения Московского царства и тюрко-татарских государств отнюдь не ограничивались. Важной их составляющей являлась торговля, причем особый интерес для Московского царства представляла закупка лошадей. Так, Джильс Флетчер упоминает, что крымские татары ежегодно продавали москвичам 30–40 тысяч лошадей (Флетчер, 1906, с. 80). Также лошади в большом количестве закупались у ногайцев, для чего был создан даже специальный Конюшенный приказ (Михалон, 1994, с. 75; Маржерет, 2007, с. 140, 150; Главинич, 1875, с. 4; ср.: Петров, 2005, с. 59–60). Необходимость в закупке лошадей из татарских государств была связана с тем, что именно легкая конница могла эффективно противостоять татарским набегам на русские земли – о чем также писали иностранные современники (см.: Михалон, 1994, с. 75 и след.; Крижанич, 1965, с. 427, 429).

Естественно, торговля с татарскими государствами не ограничивалась покупкой лошадей для военных нужд. Ряд иностранцев сообщает о продаже татарам различных русских товаров – мехов, воска и т.п. Заслуживает внимания упоминание Алессандро Гваньини и о своего рода «контрабандной торговле»: москвичам было запрещено продавать в Крым оружие, железо и изделия из него (за исключением ножей, топоров, игл, зеркал), поэтому такие товары москвичи поставляли крымцам тайно (Александр Гваньини, 1997, с. 17). Легальная же торговля с татарами (равно как и рядом других народов и государств) – преимущественно в виде товарообмена (Александр Гваньини, 1997, с. 43; Рейтенфельс, 1906, с. 132) – осуществлялась в целом ряде городов и регионов Московского царства: в Угличе (Александр Гваньини, 1997, с. 43), Нижнем Новгороде (Статистико-географическое описание, 1836, с. 621), Астрахани (Посольство, 1900, с. 451) и даже под Архангельском (Московия, 1875, с. 2).

Вместе с тем, некоторые авторы отдавали себе отчет, что далеко не всегда торговля с татарами в собственных владениях была выгодной для Московского царства, однако наиболее важные торговые пути контролировались иностранными державами. В частности, Юрий Крижанич уже в середине XVII в. отмечал, что торговлю на Черном и Азовском морях контролировало Крымское ханство, а торговые пути к югу от Астрахани – ногайцы (Крижанич, 1965, с. 382). Неудивительно, что логическим выводом из своих наблюдений он видел завоевание Крыма Московским царством, что должно было иметь важные не только политические и военные, но и экономические последствия (см. подробнее: Бережков, 1891).

Помимо взаимных экономических интересов, в некоторых случаях иностранным современникам виделся весьма вероятным и союз Москвы с тем или иным тюрко-татарских государством. Так, «немцы-опричники» И. Таубе и Э. Крузе выражали беспокойство, что Москва может заключить союз с турками и крымскими татарами против Польши, Пруссии и прибалтийских владений: основанием для сближения может стать наличие большого числа татар в подданстве московского государя (т.е. населения бывших Казанского и Астраханского ханств) (Послание, 1922, с. 56–57). Согласно анонимному автору «Истинно правдивого описания Московии», ногайцы перед Ливонской войной предлагали Ивану Грозному 80 000 воинов для похода на Ливонию (Каппелер, Скрынников, 1999, с. 141). Борис Годунов, как сообщает Жак Маржерет, сразу после воцарения заключил мир с Крымом, чтобы продемонстрировать подданным свои дипломатические таланты (Маржерет, 2007, с. 127), а по сведениям Исаака Массы намеревался в случае опасности найти убежище именно у татар (неслучайно после смерти царя Бориса в Московском царстве стали распространяться слухи, что он не умер, а бежал «в Татарию») (Масса, 1937, с. 72–73, 108)⁸. Конрад Буссов упоминает о намерении Лжедмитрия II заключить союз с теми же турками и татарами (Конрад Буссов, 1998, с. 138). Привлекали внимание иностранцев также и приезды влиятельных представителей правящих родов тюрко-татарских ханств в Россию. Так, приезд мятежного крымского царевича

⁸ Поддержание Борисом Годуновым хороших отношений с татарскими государями впоследствии дало повод Лжедмитрию I обвинить его в измене Московскому царству (Масса, 1937, с. 106).

Мурад-Гирея к царю Федору Ивановичу с целью заручиться поддержкой Москвы в борьбе с дядей – крымским ханом Ислам-Гиреем II, неоднократно упоминается иностранными авторами (см., напр.: Груневег, 2013, с. 235; Московия, 1875, с. 24)⁹. О том, что татарские правители время от времени вовлекали русских и в собственные внутренние конфликты, писал и Юрий Крижанич (Крижанич, 1965, с. 496). В глазах иностранных современников Москва являлась своего рода «щитом» для Европы против татар, и тот факт, что Крымское ханство являлось его «самым страшным врагом» (Послание, 1922, с. 52), казалось бы, гарантировал безопасность европейских стран от татарских набегов. Однако, как видим, иностранные авторы вполне отдавали себе отчет о возможностях московских властей договориться с тюрко-татарскими государствами и тем самым развязать руки и им, и себе для враждебных действий против Польши, Пруссии и т.д.

Наконец, нельзя не сказать еще об одном аспекте взаимоотношений Москвы с постордынскими ханствами, отраженном в записках иностранных современников, пусть и довольно специфическом: речь идет о своего рода «татарском факторе» внутренней политики Московского царства.

Прежде всего, иностранцы довольно внимательно отслеживали политику московских властей относительно вновь присоединенных территорий Казанского и Астраханского ханств – ведь, как уже отмечалось выше, их население могло выступать своего рода связующим звеном между Москвой, с одной стороны, и Крымским ханством и Ногайской Ордой, с другой. С известным удовлетворением европейцы констатировали, что далеко не все в отношениях с населением двух «царств» складывалось не столь гладко. Так, И. Гофман, посланник императора Священной Римской империи в Ливонию и Россию в 1559–1560 гг., упоминает, что в 1559 г. казанцы восстали в очередной раз против московских властей, не желая платить дань, которой были обложены (Посольство, 1957, с. 138)¹⁰. Еще один имперский посол Августин Майерберг сообщает, что при взятии Астрахани местное татарское население было изгнано из города (Путешествие, 1874, с. 135; ср.: Зайцев, 2006, с. 175–176; Карабущенко, 2009, с. 46). Также иностранцы отметили, что казанские татары заняли в эпоху Смуты выжидательную позицию (Масса, 1937, с. 165, 179) – в отличие от касимовских татар, сыгравших столь значительную роль в действиях как Василия Шуйского, так и Лжедмитрия II (Конрад Буссов, 1998, с. 139–140; Масса, 1937, с. 168), или астраханских, принявших участие в первом ополчении под предводительством Прокопия Ляпунова (Делавиль, 2008, с. 136). Вместе с тем, уже Генрих Штаден в 1570-е гг. констатировал налаживание связей московских наместников в «царствах» с представителями местных татарских элит (Генрих Штаден, 1925, с. 114). Возможно, именно это и предопределило активные действия касимовцев и астраханцев в событиях Смутного времени на стороне различных политических группировок Московского царства.

Сибирское «царство» же в политическом отношении не привлекало внимания западных европейцев, поскольку в то время не входила в сферу их политических и экономических интересов. В глазах большинства европейских современников оно представляло собой обширный, но практически необитаемый регион на границе с «Великой Татарией» (т.е. владениями китайцев, монголов и джунгар), для сохранения контроля над которым московским властям было необходимо строить крепости и содержать значительные войска, что даже не позволяло в полной мере организовать отпор Крымскому ханству (см., напр.: Конрад Буссов, 1998, с. 93; Статистическо-географическое описание, 1836, с. 627; Делавиль, 2008, с. 242). Впрочем, некоторые авторы упоминают, что Сибирь приносила Московскому царству большой доход мехами (Маржерет, 2007, с. 119).

Весьма интересным представляется задействование «татарского фактора» московскими правителями для достижения своих политических целей. Целый ряд западных авторов упоминает о том, что Иван Грозный использовал в качестве одного из поводов для репрессий против представителей московской знати подозрение в сговоре их с крымским ханом с целью свержения царя или даже выдачи его татарам (Послание, 1922, с. 34; Каппелер, Скрынников, 1999 с. 140; Начало и возвышение, 1877, с. 33; Флетчер, 1906, с. 31, 75). Также иностранцы охотно фиксировали слухи о том, что некоторые московские правители с сомнительной легитимностью специально «пугали»

⁹ Планы и действия этого царевича освещены в специальном исследовании (Беляков, Виноградов, 2013).

¹⁰ Правда, исследователи отмечают, что крупного восстания на территории бывшего ханства под этим годом не зафиксировано – по-видимому, речь идет о каком-то региональном мятеже кочевого населения на юге или востоке Казанского «царства» (Посольство, 1957, с. 138, прим. 25).

своих подданных грядущими татарскими набегами, чтобы обеспечить себе их верность и поддержку войск. Такими методами, по сообщениям иностранных современников действовали, в частности, Борис Годунов (якобы, специально приказывавший даже поджигать окраины Москвы и говорить, что это делали татары!) и Василий Шуйский (Конрад Буссов, 1998, с. 126; Масса, 1937, с. 41). Адам Олеарий описывает историю очередного самозванца, претендовавшего на московский престол – некоего Тимошки Анкудинова, выдававшего себя за князя Ивана Шуйского, который для привлечения сторонников, заявлял, что его претензии поддерживает крымский хан, который и подстрекал его идти походом на Москву (Олеарий, 2003, с. 223). А по свидетельству голландца Николааса Витсена, побывавшего в Москве в 1664–1665 гг., патриарх Никон, который как раз в это время находился в опале, связывал именно со своей ссорой с царем Алексеем Михайловичем очередное обострение отношений с Крымским ханством (Витсен, 1996, с. 178).

По мере закрепления российской власти над различными регионами бывшей Золотой Орды существенно менялись отношения московских правителей к татарским «царевичам», пребывавшим на русской службе. Так, если в правление Ивана Грозного и Бориса Годунова иностранцы отмечали высокий статус касимовского «царя» Симеона Бекбулатовича, крымского царевича Мурад-Гирея и др. (Маржерет, 2007, с. 118; Масса, 1937, с. 81–82), то к середине XVII в. необходимость в их использовании как конкурентов татарским государям отпала, и их статус существенно понизился. Так, Адам Олеарий в 1630-е гг. отмечал, что касимовскому хану запрещалось иметь контакты с иностранцами без разрешения и контроля приставленного к нему московскому воеводе (Олеарий, 2003, с. 304–305; см. также: Беляков, 2003, с. 61). Австрийский дипломат Франциск Гундулич, побывавший при дворе царя Алексея Михайловича в 1655 г., отмечал, что потомков прежних ханов в это время сажали на пиру даже не за царский стол, а за стол «королевича» (так он называет царевича Алексея Алексеевича) и что «царевичи сибирский и татарский... не заслуживали даже быть слугами помянутого королевича». Это проявлялось и символически: «Подавая им пить, царь держался следующего порядка: молодому королевичу давал три стакана, сибирскому два, а татарскому один; такой же порядок соблюдался и при подаче им кушаний» (Гундулич, 1869, с. 154).

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод, что иностранные современники не видели в отношениях Московского государства и тюрко-татарских ханств XVI–XVII вв. характера державы имперского типа и менее значительных государств. Не выглядит имперской и внутренняя политика России этого периода в недавно присоединенных к ее владениям регионах. Напротив, создается впечатление, что действия московских властей по выстраиванию отношений как с собственными татарскими подданными, так и с соседними тюрко-татарскими государствами носили характер своего рода «импровизации» и предпринимались в зависимости от текущей ситуации и возникающих проблем. Что же, подобное видение российской политики на Востоке в полной мере соответствует представлению, сформированному на анализе и «отечественного» материала – русских хроник, свидетельств современников, актов и правового материала. В самом деле, говорить о целенаправленной имперской политике (т.е. активной деятельности по интеграции тюрко-татарских и иных восточных регионов в российское политико-правовое пространство) можно не ранее, чем с конца XVIII в. До этого же времени Россия в отношении своих тюрко-татарских подданных и партнеров по международной политике действовала в рамках традиционной парадигмы, основы которой во многом закладывались еще в эпоху русско-ордынских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Гваньини. Описание Московии / Пер. с лат., введ. ст., коммент. Г.Г. Козловой. М.: Греко-Латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 173 с.
2. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю.В. Готье. М.: Огиз, 1937. 308 с.
3. Беляков А.В. Касимовское царство в системе российских территорий XVI–XVII веков. / Книги по русистике. Вып. XIII.: Московская Русь: специфика развития. Будапешт, 2003. С. 55–62.
4. Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука – Восточная литература, 2013. С. 11–59.
5. Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891. 90 с.
6. Боплан Г.Л. де. Описание Украины / Пер. с фр. З.П. Борисюк; ред. пер. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.

7. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Т. II. М.: ИРИ РАН, 2007. 342 с.
8. Витсен Н. Путешествие в Московию / Пер. В.Г. Трисман, введ. Р.И. Максимовой, В.Г. Трисман. СПб.: Symposium, 1996. 265 с.
9. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Пер. и вступ. ст. И.И. Половина. Л.: М. и С. Сабашниковы, 1925. 183 с.
10. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 430 с.
11. Главинич С. О происшестввах московских. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1875. 13 с.
12. Горсей Дж. Записки о России: XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
13. Груневег М. (о. Венцеслав): духовник Марины Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 384 с.
14. Гундулич Ф. Путевой дневник рагузского дворянина Франциска Гундулича, сопровождавшего посольство германского императора Фердинанда III у царю Алексею Михайловичу / Пер. с серб. К. Петковича // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 140–165
15. Делаویل П. Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавиля де Домбаля. 1611 / Пер. с фр. С.А. Мезина, коммент. Я.Н. Рабиновича // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов: СГУ, 2008. С. 124–139.
16. Зайцев И.В. Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
17. Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. / Пер. А.И. Браудо // Русская старина. 1891. № 72. С. 241–281.
18. Каппелер А., Скрынников Р.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 132–144.
19. Карабущенко П.Л. Астраханское царство. Астрахань: Астраханский ун-т, 2009. 281 с.
20. Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. А. А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2010. 431 с.
21. Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613 / Хроники Смутного времени. Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–162.
22. Крижанич Ю. Политика / Подгот. к печ. В. В. Зеленина; пер. и коммент. А.Л. Гольдберга; под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1965. 736 с.
23. Маржерет Ж. Состояние Российской империи Ж. Маржерет в документах и исследованиях. М.: Языки славянских культур, 2007. 552 с.
24. Маркевич А.И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Историко-литературный очерк. Варшава, 1876. 225 с.
25. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. А. Морозова. М.: Госсозэкиз, 1937. 208 с.
26. Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв. Автореф. ... докт. ист. наук. М., 2011. 45 с.
27. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151 с.
28. Московия Джона Мильтона. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1875. XXIV + 83 с.
29. Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова / Пер. с лат. И.А. Тихомирова. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1877. III + 73 с.
30. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
31. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. Т. 5. 1879. С. 1–46.
32. Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 / Пер. Н. Пименова // Записки Императорского Одесского общества Истории и Древностей. Т. XXIV. 1902. Отд. II. С. 89–180.
33. Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2005. 144 с.
34. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М.Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Кн. 8. 1922. С. 19–59.
35. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559–1560 гг. // Исторический архив. 1957. № 6. С. 131–142.
36. Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. CLXXVI + 650 с.

37. Почекаев Р.Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 200–203.

38. Почекаев Р.Ю. Сообщения о монгольском нашествии на Русь в некоторых зарубежных источниках: к вопросу о преобладании стереотипов и мифов над фактами // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 270–276.

39. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, посланца императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году / Пер. лат. А.Н. Шемякина; пред. О. М. Бодянского. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1874. VII + 216 + XXVIII с.

40. Рахимзянов Б.Р. Друг, брат, отец: Персональные связи московского правителя с татарской элитой в конце XV – начале XVI вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге): Материалы международной научной конференции, 22–24 октября 2010 г. СПб.: Любавич, 2010. С.259–263.

41. Рахимзянов Б.Р. Наследие Золотой Орды в формировании Российского государства // Cahiers du monde russe. 2005. № 46/1–2. P. 29–38.

42. Рахимзянов Б.Р. Показатели антагонизма и неравноправия между Москвой и татарским миром // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 119–121.

43. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / Пер. с лат. А.И. Станкевича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 3. II. Материалы иностранные. С. I–X + 1–128; 1906. Кн. 3. III. Материалы иностранные. С. 129–228.

44. Сказания князя Курбского / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1868. XLIV + 460 с.

45. Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия / Пер. Н. Руднева // Журнал министерства народного просвещения. 1836. № 9. Отд. II. С. 602–631.

46. Флетчер Дж. О государстве Русском, или Образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем Московским. С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб.: Изд.А.С. Суворина, 1906. XXII + 138 с.

Р.Ю. Почекаев

XVI–XVII ГАСЫР ЧИТ ИЛ ЗАМАНДАШЛАРЫ КҮЗЛЕГЕННӘН МӘСКӘҮ ДӘҮЛӘТЕ ҺӘМ ТӨРКИ-ТАТАР ХАНЛЫКЛАРЫ АРАСЫНДАГЫ СӘЯСИ-ХОКУКЫЙ МӨНӘСӘБӘТЛӘРНЕҢ ҮЗЕНЧӨЛЕКЛӘРЕ

Мәкаләдә чит ил замандашлары тарафыннан (Көнчыгыш Европа) XVI–XVII гасырлардагы Мәскәү дәүләте һәм төрки-татар ханлыклары арасындагы сәяси-хокукый мөнәсәбәтләргә бирелгән күзәтүләрне баянлау омтылышы ясала. Бу чорда күпсанлы чит ил дипломатлары, сәүдәгәрләре һәм авантюристлары Мәскәү дәүләтендә һәм күрше илләрдә булалар, алар белән шулай ук бу якларда булмаган галимнәр дә кызыксынган. Европалыларны Алтын Урда таркалганнан соң Мәскәү дәүләтенң статусы, аңа элекке Алтын Урда биләмәләрендә барлыкка килгән дәүләтләрне кушу сәбәпләре һәм аның барышы, теге яки бу төрки-татар дәүләтләренң Алтын Урда мирасына дөгъвалары, боларның Мәскәү һәм төрки-татар ханлыклары арасындагы мөнәсәбәтләрдә чагылышы кызыксындырган. Чит ил кешеләре Мәскәү-татар мөнәсәбәтләренң өйрәнелә торган чорда фәкать хәрби конфликларга кына кайтып калмаганын, ә комплеклы булып, үз эченә дипломатик, сәүдә, вакыт-вакыт союздаш мөнәсәбәтләрне алганын аңлаганнар. Моңардан тыш, чит ил замандашлары Мәскәү дәүләтенң эчке сәясәтендә «татар фактор»ы булуын, ягъни буйсындырылган татар «патшалыклары» жирләрендәге сәясәтен, татарларны хәрби хезмәткә тарту сәясәтен, Мәскәү патша сараенда татар «патша улларына» карашны, рус һәм татар аксөякләре арасындагы мөнәсәбәтләрне исәпкә алганнар. Чит ил кешеләренң Мәскәү дәүләте һәм төрки-татар ханлыклары арасындагы сәяси-хокукый мөнәсәбәтләр турындагы мәгълүматлары бер үк дәрәжәдә тулы һәм объектив түгел, бу алар язмаларының максатлары һәм бурычлары төрле булу белән аңлатыла. Ләкин иң «ангажирланган» текстлар да Көнчыш Европаның элекке Алтын Урда жирләрендәге мөнәсәбәтләргә кабул итүдә күзаллау булдыру ягыннан кызыклы һәм әһәмияткә ия.

Ачык сүзләр: Мәскәү дәүләте, Алтын Урда, төрки-татар дәүләтләре, Казан ханлыгы, Әстерхан ханлыгы, Себер ханлыгы, Кырым ханлыгы, Нугай Урдасы, сәяси-хокукый мөнәсәбәтләр, чит ил кешеләре Россия турында.

R.Yu. Pochekaev**SPECIFIC FEATURES OF POLITICAL AND LEGAL RELATION
OF THE MOSCOW STATE AND TURKIC-TATAR STATES OF THE 16TH–17TH CC.
ACCORDING TO THE FOREIGN CONTEMPORARIES**

An article is an attempt to characterize the views of foreign (Western European) contemporaries on political and legal relations of the Moscow State and Turkic-Tatar khanates in the 16th–17th cc. During this time a lot of European diplomats, travelers, merchants and adventures visited Moscow and contiguous countries, also foreign scientists had great interest for this region although didn't visit it, in fact. Europeans were interested in status of the Moscow state after the fall of the Golden Horde, reasons and process of joining the post-Horde states, claims of one or another Turkic-Tatar state for the Golden Horde legacy and, correspondingly, their reflection in its relations with Moscow. Foreigners, of course, were aware of complex nature of Moscow-Tatar relations which were not limited only by military conflicts: there were diplomacy, trade and, from time to time, even alliances. Besides, foreign contemporaries kept in mind so-called «Tatar factor» of the Moscow internal affairs: policy toward joined Tatar «tsardoms», attraction of Tatars for the military service, attitude toward Tatar «princes» at the tsar's court, contacts of the Russian and Tatar aristocracy. Information of foreigners on the Moscow-Tatar political and legal relations not always enough complete and trustworthy, but, anyway it's of great value because allows to form an idea on European concept of situation on the post-Horde area.

Keywords: Moscow State, Golden Horde, Turkic-Tatar states, Kazan Khanate, Astrakhan Khanate, Siberian Khanate, Crimean Khanate, Nogay Horde, political and legal relations, foreigners on Russia.

Сведения об авторе:

Роман Юлианович Почекаев – профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); E-mail: ropot@mail.ru

Почекаев Роман Юлиан улы – профессор, «Икътисад югары мәктәбе» милли тикшеренү университеты Санкт-Петербург филиалының хокук һәм дәүләт теориясе һәм тарихы кафедрасы мөдире, юридик фәннәр кандидаты, доцент (Санкт-Петербург шәһәре).

Roman Yulianovich Pochekaev – professor, head of Department of theory and history of law and state of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, candidate in law (Ph.D.), associate professor (St. Petersburg).

УДК 94(574)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

© 2015 г. Ж.М. Сабитов

В данной статье рассматривается вопрос о времени возникновения Казахского ханства. Выделены две точки зрения. Сторонники первой точки зрения, которая признана официальной, считают, что Казахское ханство возникло в 1465–1466 годах. Сторонники второй точки зрения считают, что Казахское ханство возникло после смерти Абулахир-хана (около 1470 или в период между 1468 и 1473 годами). Приведены ряд аргументов в пользу второй точки зрения.

Ключевые слова: Казахское ханство, Джанибек, Керей, Абулхаир.

Историю можно поделить на две «истории»: профессиональная история и национальная история. Целью профессиональной истории является установление четких исторических фактов. Язык, на котором пишут профессиональные историки, очень сложен и малопонятен для большинства населения. Кроме того, темы, которые разрабатываются профессиональными историками, малоинтересны абсолютному большинству населения. К примеру, профессиональные историки спорят о годе начала прихода к власти Берке в Золотой Орде. Одни говорят о 1257 годе, а другие – о 1260 или 1262 годе. Большинству населения, в принципе, не особо интересна эта тема, причем, большая часть их возможно никогда и имени Берке не слышала. Национальная история – это, прежде всего, инструмент политики, призванный сплотить народ-нацию вокруг мифологизированных побед и поражений, юбилеев, символов и реальных исторических личностей. Иногда некоторые темы профессиональных историков становятся политически актуальными, и тогда этот вопрос начинает терять свою научную составляющую, обрастая специально или случайно созданными мифами. Так произошло и с сугубо историческим вопросом о времени появления Казахского ханства. Выступление Президента РФ В.В.Путина на Селигере – 2014, где он заявил о том, что «у казахов никогда не было государственности», привело к тому, что у многих людей в Казахстане возникло желание доказать В.В.Путину то, что у казахов есть большая традиция государственности. В связи с этим в Казахстане были проведены мероприятия по празднованию 550-летия Казахского ханства. Попытки отпраздновать юбилей казахской государственности предпринимались и ранее (Атыгаев, 2006, с. 69–107). Но в то время этот вопрос не был настолько политизирован как сейчас. «Официальная дата создания Казахского ханства» была взята из статьи Н.А.Атыгаева (Атыгаев, 2014). Вопрос о времени создания Казахского ханства на самом деле с научной точки зрения очень спорный (Жуманбетов, 2014). Разбору этого вопроса и посвящена данная статья.

Историография изучаемого вопроса хорошо разобрана в работах Н.А. Атыгаева (Атыгаев, 2006, с. 69–107; Атыгаев, 2014). Но при этом, выводы Атыгаева, по нашему мнению, не аргументированы. Автор некритически доверяет Мирзе Хайдару Дулати. Хотя известно, что «методологическое недоверие» является основным подходом к любому первоисточнику (Ланглуа, 2004). Кроме того, стоит отметить, что если некритически подходить к дате основания Казахского ханства, стоит упомянуть, что большая часть (две трети) 870 года хиджры относится к 1466 году и «праздновать юбилей» нужно с осени 2015 года до конца лета 2016 года.

Существует только один источник, прямо говорящий о времени появления Казахского ханства. Это Тарихи Рашиди Мирза Хайдара Дулати. Стоит отметить, что Мирза Хайдар Дулати не был современником первых казахских ханов, и поэтому он получал сведения «из вторых рук». Родился Мирза Хайдар Дулати спустя более 30 лет после его «даты образования Казахского ханства». Отрывок об основании Казахского ханства у него звучит следующим образом:

«Когда Абу-л-Хайр хан полностью овладел Дашт-и Кыпчаком, то некоторые султаны из рода Джучи, которые учуяли носом пронизательности запахи бед от него, решили его убрать. Некоторые султаны, как Кирай хан, Джанибек султан и другие с малым количеством людей бежали от Абу-л-Хайр хана и прибыли в Моголистан. В то время очередь править Моголистаном подошла к Исан Буга хану. Исан Буга хан оказал им большие почести и выделил им уголок Моголистана. Они обрели здесь безопасность, и дни их протекали в спокойствии. После смерти Абу-л-Хайр хана в улусе узбеков возникли разногласия. Каждый по мере возможности ради безопасности и спокой-

ствия прибежал к помощи Кирай хана и Джанибек хана, и те окрепли. Поскольку вначале они уходили от людей, отдалялись от них и некоторое время бедствовали и скитались, то их называли казахами. Это имя закрепилось за ними» (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 348).

«В те дни Абу-л-Хайр хан целиком овладел Дашт-и Кыпчаком. Он напал на султанов-джучидов – Джанибек хан и Кирай хан бежали от него и прибыли в Моголистан. Исан Буга хан хорошо принял их и отдал им Козы Баши, которое находится на западе Моголистана, на реке Чу. Пока они спокойно пребывали там, улус узбеков после смерти Абул-Хайр хана пришел в расстройство, там возникли большие разногласия и большинство (людей) ушло к Кирай хану и Джанибек хану, так что число их достигло двухсот тысяч человек и их стали называть «узбек-казаками». Начало правления казахских султанов пошло с 870 (1465–1466) года, а Аллах знает лучше, и до 940 (1533–1534) года казахи имели полную власть над большей частью Узбекистана» (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 105–106).

Также есть косвенное упоминание о том, когда Керей и Джанибек «стали полноправными правителями»: «Так как Кирай хан и Джанибек хан обрели полную силу, этот Бурудж углан держался от них подальше и пребывал в пределах (города) Туркестана. Услышав о прибытии моголов и установив, что Йунус хан находится в Кара-Тукае, он напал на ханский лагерь. Случайно в тот день все люди (Йунус хана)» (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 117).

Как мы знаем, битва при Кара-Тукае была примерно около второй половины 1472 года (Сабитов, 2011, с. 60). То есть уже в 1472 году Керей и Джанибек возглавляли Казахское ханство, а Ядигер-хан и Бурудж-оглан (Ак-Бурун – сын Абулхайр-хана) «держались от них подальше». Ранее мы выдвигали версию о том, что после смерти отцов Барака и Булада Джанибек и Керей оказались в Могулистане (Сабитов, 2012, с. 273).

Для того, чтобы понять смысл фразы «Аллах знает лучше», стоит просмотреть все упоминания с оборотом «Аллах знает» в сочинении Мухаммеда Хайдара Дулати. Всего таких отрывков 13:

1. В устных преданиях моголов нет ни одного рассказа и упоминания об Илийас ходжа хане. Вот что известно о нем из «Зафар-наме»: После смерти Туглук Тимур хана ханство установилось за ним. После (смерти) отца, «Грязевой битвы» и победы в ней, после осады Самарканда и возвращения оттуда из-за гибели коней, он процарствовал недолго. (События) после смерти Туглук Тимур хана, о которых рассказывают моголы, и о которых вскоре будет написано, произошли большей частью после смерти Илийас ходжа хана, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 60–61).

2. Хан (Хизр) родился до 770 (1368–1369) года, а это упомянутое событие произошло в 807 (1405) году. И не известно, через сколько лет после Амира Тимура скончался Хизр ходжа хан, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 83).

3. Даты рождения и смерти (Улугбека) не известны. Но если сопоставим даты тех времен, (то найдем), что он скончался приблизительно до 860 (1455–1456) года (Правильные даты жизни Мирзы Улугбека: 19 джумада I 896/22 марта 1394 – 8 рамазана 853/25 октября 1449 г.), а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 86–87).

4. Говорят, что хан шестьдесят один раз выступал против калмаков и только один раз не проиграл битвы, а в остальных (случаях) терпел поражение, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 93).

5. Начало правления казахских султанов пошло с 870 (1465–1466) года, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 106)

6. Йунус хан – сын Вайс хана б. Шир 'Али Углана б. Мухаммад хана б. Хизар Ходжа хана б. Туглук Тимур хана. О дате его рождения хотя мне не довелось слышать, но из даты его смерти и из дней прожитой им жизни следует, что он родился в 819 (1416–1417) году – а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 108).

7. Его прекрасные душевные качества и благородные поступки стали такими, что, вероятно, до него из хаканов, кроме Увайс хана, мало кто имел такие качества, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 171).

8. Он бросил на меня взгляд, несущий счастье, затем вторично посмотрел на меня и сказал: «Знаешь ли ты какая цель у пронизательного взгляда?» Я ответил: «Аллах знает лучше и его посланник» (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 285–286).

9. Вот его родословная: Афрасийаб, сын Пиша, сына Дад Нишина, сына Туры, сына Аффридуна. Это приведено по «Та'рих-и гузида», (автор) которой заимствовал из «Маджма ат-

таварих» Ходжа Рашидаддина Фазлаллаха. В других исторических сочинениях приведено больше этого, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 361).

10. Там имеется полуразвалившийся купол. В надписи на нем я прочитал: Шах Джалил б. Ку-сам б. Аббас...», остальное выпало, так что не известно, действительно ли это его могила или написано наугад, Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 459).

11. Здесь либо был город, от которого ничего не осталось, либо же, когда Чагатай хан схватил Саккаки и убил его, над его могилой построили это здание, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 459–460).

12. Джанпа – многочисленный народ. Так, в одном его племени, которое называют «дулла», свыше пятидесяти тысяч семей. И имеется много племен, подобных этому; я спрашивал у их уважаемых людей об их числе, но они не смогли назвать, Аллах знает сколько их (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 519).

13. Еще там записано распоряжение о ремонте храма. Короче говоря, там сказано, что Ша-кья Муни жил свыше трех тысяч лет тому назад. В этом указе записан год, другой, чем по хиджре, и который нам не известен. По состоянию износа указа видно, что ему, по-видимому, нет и ста лет, а Аллах знает лучше (Тарих-и Рашиди, 1996, с. 525).

Как мы видим из приведенных выше отрывков, формулировка «Аллах знает лучше», говорит о неуверенности автора в своих словах. Это, с учетом того, что сам Мухаммед Хайдар Дулати родился через несколько десятилетий после возникновения Казахского ханства, позволяет сомневаться в его словах (тем более он сам в них же сомневался).

Как писал Н.А. Атыгаев, «В 1977 г. К.А. Пищулиной справедливо отмечено, что Керей и Джанибек «воспринимались современниками в качестве правителей самостоятельного ханства еще до окончательного распада государства Абулхайр-хана и до перехода власти в Центральном и Южном Казахстане в руки казахских ханов в последней трети XV века». Действительно сведения исторических сочинений подтверждают, что уже на территории Жетысу в 60-е гг. Керей и Джанибек выступали как самостоятельные правители, и незачем им было пассивно ожидать смерти Абулхайр-хана для создания своего государства. Следовательно, считать, что Казахское ханство возникло только после смерти Абулхайра (1468/69 г.) на территории Дашт-и Кыпчака ошибочно» (Атыгаев, 2006).

Здесь стоит отметить, что тезис «Керей и Джанибек «воспринимались современниками в качестве правителей самостоятельного ханства еще до окончательного распада государства Абулхайр-хана» не обоснован. У нас нет прямых свидетельств авторов и «результатов социологических опросов населения тех времен», подтверждающих данный тезис. Наоборот, свидетельство Мирза Хайдара Дулати четко говорит о том, что Казахское ханство возникло после смерти Абулхайр-хана. А туманная формулировка «а Аллах лучше знает» говорит о том, что сам Мирза Хайдар Дулати не был уверен в своей дате. Здесь следует еще раз повторить, что Мирза Хайдар Дулати родился только в 1499/1500 году (а сочинение писалось почти 70 лет, после возникновения Казахского ханства (в 1540-х годах)) и не был современником основания Казахского ханства, поэтому он оценивал возникновение Казахского ханства приблизительно («Аллах лучше знает»).

Причем, он четко выделял следующие этапы возникновения Казахского ханства:

1. Керей и Джанибек стали политическими беженцами и проживали на территории Могулистана.

2. Смерть Абулхайр-хана. Б.А.Ахмедов датирует смерть Абулхайр-хана 1468 годом (Ахмедов, 1965). Но 674 год хиджры падает на 1469–1470 годы. Мы на основе даты хиджры предполагали, он умер зимой 1469–1470 годов (Сабитов, 2009, с. 173). С другой стороны, Б.А.Ахмедов основывается на датировке пребывания Хусейна Байкары в лагере Абулхайр-хана, который после смерти Абулхайра в 1468 году, покинул степь. Скорее всего, Абулхайр скончался в 1468 году.

3. Многие подданные ушли после смерти Абулхайр-хана к Керейю и Джанибеку, и их число достигло 200 тысяч человек.

Общепринятым является определение государства, обозначающее политическую систему власти, установленную на определенной территории. Кроме того, для государства характерно наличие объекта и субъекта политического управления (правителя и народа). Здесь стоит отметить, что Джанибек и Керей не имели самостоятельной территории и большого количества народа во времена жизни Абулхайр-хана. Они жили как политические эмигранты на территории чужого государства (Могулистан). Поэтому они и получили прозвище казаки. Как мы помним, годы казачества (скитания) на территории чужого государства были характерным явлением для многих претенден-

тов на престол. К примеру, тимурид Хусейн Байкара и Мухаммед Шейбани, прежде чем стать правителями, не один год провели, в качестве казаков. Находясь на территории Могулистана, Джанибек и Керей не являлись ханами, а были только претендентами на престол. Провозглашение себя ханами на территории Могулистана привело бы к открытому конфликту с могулистанскими ханами, которые бы не горели желанием отдавать часть своей территории политическим беженцам из другого региона. Поэтому, по нашему мнению, Джанибек и Керей были объявлены ханами, только после смерти Абулхаир-хана, когда они смогли вернуться на родные земли, получив поддержку от бывших подданных Абулхаир-хана. Это произошло в период между 1468 и 1472 годами. Скорее всего, здесь прав Т.И.Султанов, датирующий время возникновения Казахского ханства 1470 годом (Кляшторный, 1992, с. 240). Позже Султанов Т.И. развернуто обосновал, почему не стоит доверять сообщению мирза Хайдара Дулати о 1465–1466 годе как дате основания Казахского ханства (Султанов, 2001, с. 132–133). При этом стоит отметить, что ни один Шибанидский источник не фиксирует Джанибека и Керей ханами во время жизни Абулхаир-хана, хотя эти сочинения изобилуют именами врагов Абулхаир-хана из числа других Джучидов-ханов: Махмуд-ходжа-хан, Мустафа-хан, Махмуд-хан и Ахмад-хан.

Даже если предположить, что Джанибек и Керей были провозглашены ханами в Могулистане (что маловероятно), здесь стоит четко разделять такие понятия как «провозглашение ханами» и «появление независимого государства». К примеру, Н.А. Назарбаев стал руководителем Казахстана в 1989 году, президентом в 1990 году, но Казахстан как независимое государство появилось только в 1991 году. То есть даже если Джанибек и Керей стали ханами раньше 1470 года, это не отменяет того факта, что независимое Казахское ханство появилось после смерти Абулхаир-хана.

Очень экстравагантной выглядит позиция Г.Хидоятова, считающего, что казахский Джанибек-хан – это Джанибек Шибанид, двоюродный брат Мухаммеда Шейбани (Хидоятов, 2014). Любому мало-мальски грамотному человеку, знакомому с первоисточниками, будет понятно, что данная мысль противоречит всем известным первоисточникам и является ненаучной.

Подводя итог, можно отметить, что 1465–1466 годы не подходят по формальным параметрам на место даты возникновения Казахского ханства, так как в то время Джанибек и Керей не имели суверенной территории с большим количеством населения, которое признавало бы их за ханов. Джанибек и Керей в то время проживали на территории Могулистана как политические эмигранты и потенциальные претенденты на ханский престол. Попытка обрести независимость на территории Могулистана привела бы к военным действиям со стороны Могулистанских ханов против немногочисленных сторонников Джанибека и Керей (по всей видимости, 3 сотни (жузы) казахов были у них в подчинении). Поэтому точка зрения Т.И.Султанова о том что, что Казахское ханство возникло после смерти Абулхаир-хана, около 1470 года (если брать более шире, в период между 1468 и 1473 годами), кажется более обоснованной. Хотя здесь еще стоит упомянуть, что Джанибек и Керей вряд ли считали себя основателями нового государства, они ощущали себя больше реставраторами старой династии, которые смогли вернуть себе власть, принадлежавшую их отцам (Барак-хан и Булад-султан), дедам (Куйурчак-хан и Токтакия-хан) и прадеду (Урус-хан).

ЛИТЕРАТУРА

1. Атыгаев Н.А. О времени образования Казахского ханства (к 550-летию образования ханства). <http://www.iie.kz/?p=4051&lang=ru>
2. Атыгаев Н.А. Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и в источниках // Отан тарихы (Отечественная история). 2006. №1. С. 96–107.
3. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 194 с.
4. Жумаганбетов Т. Историк: Казахскому ханству будет 545, а не 550 лет. <http://news.nur.kz/342503.html>
5. Кляшторный С.Г. Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992. 373 с.
6. Ланглуа Ш-В. Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. 305 с.
7. Сабитов Ж.М. Восточный Дашт-и Кыпчак в 20-ые годы XV века // Иран-наме. № 1 (21). 2012. Алматы. С. 266–275
8. Сабитов Ж.М. О хронологии правления ханов в восточном Дашт-и Кыпчаке в 60–90-ые годы XV века // История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной Конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 58–62.
9. Сабитов Ж.М. Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. №2. С.166–180.

10. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
11. Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди (пер. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой). Ташкент: Фан, 1996.
12. Хидояттов Г. Куда же девались казахские «ханы» Кирей и Джанибек?// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1415950380>

Ж.М. Сабитов

КАЗАХ ХАНЛЫГЫ ОЕШУ ВАКЫТЫ МӘСЬӘЛӘСЕ ТУРЫНДА

Бу мәкаләдә Казак ханлығы оешу датасы мәсьәләсе карала. Ике төрле караш аерымлана. Беренче караш тарафдарлары Казак ханлығы 1465–1466 елларда оешкан дип санылар. Икенче караш яклылар Казак ханлығы Әбелхәир хан үлгәч (якынча 1470 ел яки 1468 һәм 1473 еллар аралыгында) оешкан дигән фикердә. Автор, икенче карашны яклап, берничә аргумент китерә.

Ачык сүзләр: Казак ханлығы, Жәнибәк, Керәй, Әбелхәир.

Zh.M. Sabitov

ON THE QUESTION OF THE TIME OF FOUNDATION OF THE QAZAQ KHANATE

This article discusses the issue of the time of foundation of the Qazaq Khanate. Highlighted two points of view. Proponents of the first view, which is recognized as the official to believe that the Qazaq Khanate emerged in the 1465–1466 years. Proponents of the second view believe that the Qazaq Khanate appeared after the death of Abulkhair Khan (about 1470 or in the period between 1468 and 1473 years). It presents a number of arguments in favor of the second point of view.

Keywords: Qazaq Khanate, Janibek, Kerei, Abulkhair.

Сведения об авторе:

Сабитов Жаксылык Муратович – доцент, PhD, Евразийский Национальный университет (Казакстан, г.Астана); E-mail: babasan@yandex.ru

Сабитов Жаксылык Морат улы – Евразия милли университетының доценты, PhD (Казакстан, Астана).

Sabitov Zhaksylyk Muratovich – the associate professor, PhD, the Eurasian national university (Kazakhstan, Astana).

УДК 94"1701"(571)

**«ДОЗОРНАЯ КНИГА ТАРСКОГО УЕЗДА ...»
И ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
ТАРСКИХ ТАТАР В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ**

© 2015 г. С.С. Тихонов

В статье рассмотрены материалы нового источника начала XVIII века – «Дозорной книги Тарского уезда» – опубликованного С.Н. Корусенко. Автор статьи анализирует возможности углубления работ по изучению этнографо-археологических комплексов сибирских татар при использовании данного источника и приходит к выводу, что вопросы, связанные с системой расселения татар Среднего Прииртышья, их хозяйственный потенциал, границы земельных угодий, некоторые проблемы социальной и демографической структур татар Аялынской волости могут быть изучены более полно.

Ключевые слова: Дозорная книга, татары, категории населения, социальная структура, демография.

Уже около четверти века омские ученые проводят работы по изучению этнографо-археологических комплексов (ЭАК) народов Сибири и сопредельных территорий, и прежде всего – тарских татар (делятся на две группы – аялыньские и туралинские татары) и русских сибиряков в Среднем Прииртышье. Материалами для исследований являются данные археологии XVII–XVIII веков и этнографии (материалы экспедиций 1970-х и более поздних лет). Но, поскольку между ними имелся хронологический разрыв в два-три столетия, то необходимо было разработать и обосновать процедуру сопоставления столь разных по времени и происхождению материалов, а также проверить корректность полученных выводов. Для получения более полных представлений об изучаемом феномене часто привлекались сведения письменных источников, картографические данные, результаты исследований материалов с помощью методов естественных наук и т.д.

В 2006 году С.Н. Корусенко опубликовала составленную в 1701 году «Дозорную книгу Тарского уезда» (Корусенко, 2006, с. 96–140). Далее при ссылке на эту публикацию в тексте будут приведены только страницы, оригинал которой хранится в РГАДА (ф. 214, оп. 1, кн. 1182, л. 349–425). В «Дозорной книге...» дана информация о татарах Аялынской волости, об их численном и пофамильном составе, социальной категории, наличии детей, домашнего скота, пашен покосов, в ряде случаев имеется информация о земельных угодьях и их границах. Главное достоинство этого источника – синхронность археологическим материалам, что позволяет проводить прямые сопоставления, причем сравнивать описанные деревни с данными археологических раскопок этих же деревень. Но по каким-то причинам этого до сих пор не произошло. Чтобы восполнить этот пробел, рассмотрим возможности «Дозорной книги...» в изучении ЭАК татар.

Начнем с того, что в «Дозорной книге...» упомянуты татарские деревни (иногда их называют «юрты»), большинство из которых сохранилась (Киргап, Рухляева, Верхняя, Шихова, Тартамак, Чеплярово, Инцисс, Бергамак, Черталы, Альменево, Туралы, Сеитово и другие), и некоторые из них (археологизированные части, или старые брошенные деревни) исследованы раскопками: Черталы, Бергамак, Чеплярово, Усть-Тара, Сеитово). Естественно, некоторые деревни поменяли название (Сабанчеева на Альменево, Кожбахтина на Черталы, Абайтамак на Инцисс, Тартамак на Усть-Тару) и/или изменили место расположения (переехали на другую сторону р. Тара жители д. Черталы, тоже произошло и с юртами Биргамацкими, которые два раза меняли свое место, и, в конце концов, стали Юрт-Бергамаком, а Бергамаком стали называть русскую деревню, переехали на другой берег Тары юрты Чепляровские, население Тар-Тамака перебралось на другую сторону Иртыша, основав деревню Бернагуль – современная Бернжяка, а на месте Тартамака стоит русская деревня Усть-Тара, Киргапские юрты находились в разных местах на обоих берегах Иртыша и т.д.).

Конечно, в «Дозорной книге...» не указано точного места расположения деревень. Есть лишь краткие указания типа «над рекой Иртышом на Красном яру», или «деревня Айткуловской волости», или «деревня над рекой Ошею». Но если сопоставлять сведения о татарских деревнях этого района 1625 года, приведенными Б.О. Долгих (Долгих Б.О. 1960. С. 53), содержащимися в «Дозорной книге...» 1701 года (с. 97–140), и собранные Г.Ф. Миллером в 1734 году (Миллер Г.Ф. 1996.

С. 91–93) с материалами современных карт, результатов археологических разведок и раскопок, данных этнографии, то все эти деревни можно очень точно локализовать и нанести на крупномасштабные карты.

Видно, что деревни концентрируются в нижнем течении р. Тара и по правому берегу Иртыша ниже его устья, где находились деревни Тартамак, Киргап, Айткулово, Атак, Речапово (рис. 1). Вероятно, здесь и был центр Аялынской волости. По рекам Тара, Оша, по Иртышу ниже Речапово концентрация деревень была меньше. В целом, данные «Дозорной книги...» о расселении татар совпадают с другими материалами.

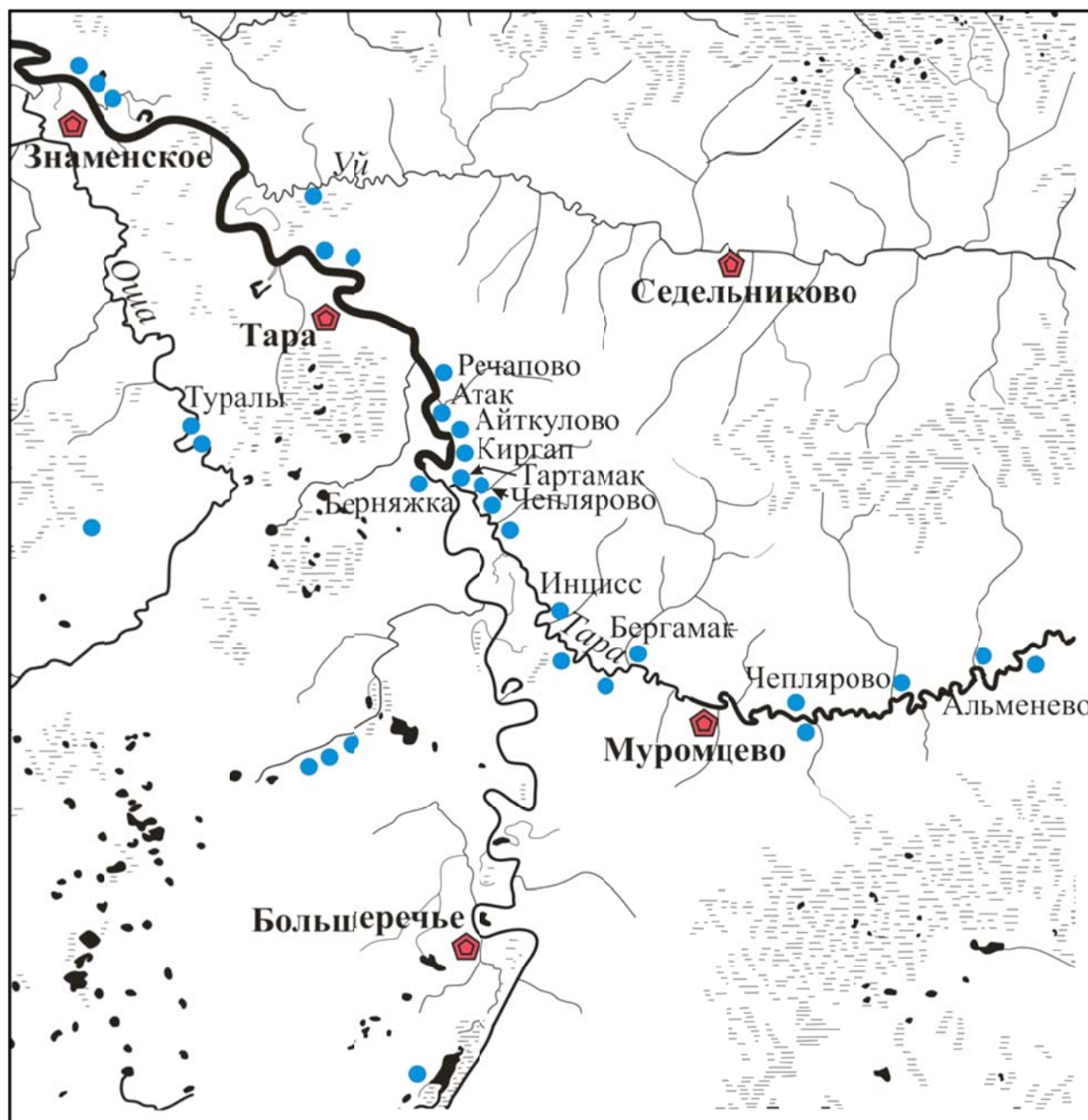

Рис.1. Татарские деревни XVII–XX веков

Перейдем к социальным отношениям татар. Их общество было неоднородно, и вершине стояли князцы. Например, князец Иткучук Бучкаков, живший в Тартамаке. Он имел 5 лошадей, 5 коров и 20 овец (с. 114). В деревне Верхней был князец ясачных татар Итебок Кокшаняков, владеющий двумя лошадьми и двумя коровами (с. 131). В источнике не содержится сведений о наличии у них пашен, покосов, или какого-либо имущества, поэтому их трудно назвать богатыми. Но были татары и зажиточнее. Например, служилый татарин из Айткулово Себейко Айткулов имел 10 лошадей

с жеребьями, 10 коров, 3 десятины пашни и еще 20 десятин пустоши, а также сенные покосы на 500 копен, и денежный оклад 19 рублей (на двоих с сыном) (с. 103–104). Встает вопрос: в какой мере социальный статус сопряжен с наличием имущества? Ведь при определении социального статуса умерших археолог жестко связывает его с количеством и качеством погребального инвентаря. Но получается, что у служилого татарина могила могла быть богаче, чем у князца?

Ниже князцов по социальной лестнице находились служилые татары, причем некоторые из них имели дворовых (зависимых от них) людей из калмыков. Далее шли татары ясачные, и наконец, татары захребетные. Имелось незначительное количество пришлых татар казанских, и были зависимые дворовые люди из калмыков.

Если говорить в общем, то трехчастная структура общества (знать, обычные люди, зависимое население) прослеживается в таком виде: князцы и служилые татары, ясачные и захребетные татары, дворовые люди. Но определить их статус по археологическим данным будет затруднительно. Поэтому в археологические методики анализа социального статуса людей необходимо вносить коррективы.

Основой благосостояния татар была земля, денежный оклад, скот. Их мы рассмотрим их по очереди.

Земельные угодья можно разделить на две части. В первую входит пашня и покосы. В «Дозорной книге ...» описаны размеры запашки и величина укосов. Например, служилый татарин Таучко Курмашев из деревни Бабина распахивал десятину земли, владел 20-ю десятинами пустоши, и имел покосов на 200 копен (с. 132). Примерно так выглядит стандартная запись о землевладениях.

Но есть и другие записи. Так, татары из Тартамака (всего 30 человек) просили закрепить за ними их традиционные угодья «... с устья Тары реки до речки Кылттыя (?), и от Кылттыя (?) озера, и до Балык и Атыр буерака, который выходит из Тептерского озера, и по Тептерскую речку, которая впадает в реку Тару, и с устья же Тары реки – вверх по Таре...» (с. 115). Или, Иткучук Бучкаков, жалуясь на русских, которые промышляли в его угодьях, описывая границы угодий, называл следующие топонимы: речка Ертышская, речка, Куллуцкая, речка Тимирияцкая, речка Нюхаловка, Черный яр, Куллуцкая березовая грива, Куру-Бурень близ Изюцкого озера и т.д. (с. 117). До нашего времени большинство этих топонимов сохранилось, иногда в другой огласовке: Кылттыя – Кильчей, Куллуцкая – Кунлуцкая/Кулунок, Тимирияцкая – Темерьяк, Черный яр – Караярка и т.д.

Иными словами говоря, по данным «Дозорной книги...», используя базу микротопонимов и современные крупномасштабные карты, можно довольно точно определить границы владений или отдельных татар, или татарских общин на 1701 год.

Денежный оклад получали только служилые татары. Его размеры – от 3 до 10 рублей, чаще всего 4–6 руб. По каким критериям была такая дифференциация источник умалчивает.

Скот имелся у многих татар, как служилых, так и ясачных и захребетных. Но были люди, кормящиеся своим трудом, т.е. они ходили в найм, и у них хозяйства не было. В «Дозорной книге...» говорится, что в деревне Чепляровой на 22 хозяйства была только одна лошадь и только одна корова. Трудно представить, что 21 человек нанимался владельцу лошади и коровы. Вероятно, были какие-то другие источники дохода и другие занятия.

Рассмотрим структуру хозяйства аялыньских татар. Для удобства восприятия по материалам «Дозорной книги...» были составлены несколько таблиц.

Итак, в Кыргале (табл. 1.) (Там же, с. 98–103) было 26 хозяйств, половина из которых принадлежала служилым татарам, половина – захребетным. Обращает на себя внимание тот факт, что переписчик совершенно не интересовался структурой семьи, т.к. не указано количество татарок (взрослых женщин и незамужних девушек).

Таблица № 1

Хозяйство татар Кыргапских юрт в 1701 г.

Название юрт	Плательщик ясака	Дети	Оклад (руб.)	Ло- шадь	Жере- бята	Корова	Овцы	Пашня (десятин)	Покосы (копен)	
Кыргапские (служилые татары)	Богаев		3	1				1	50	
	Кучуков	сын	10	1		1		2	50	
	Чуручеев		3	1		1		1,5	100	
	Кузеев		4	1		1		2	100	
	Кызыляков		5	1		2		2	100	
	Ахметев	сын	5	1		1			100	
	Килеев	сын	9	1		2		1	100	
	Чуручеев		5	1		2		+		
	Каламков	сын	5	1		3	1	1	100	
	Алеев	сын	6	1		1		1	100	
	Усеинов		3			2		1	70	
	Кызылаев		7	1		1		1	50	
	Бекбердеев		4	1		1		1	100	
Итого	13	5	69	12	–	18	1	14,5	1020	
Кыргапские (захребетные татары)	Усеимов	2 сына						2	100	
	Мулла	сын								
	Иземетев									
	Бакбавлин									
	Чуйчиндеев									
	Глевбердеев									
	Аргулов									
	Алеев				1		2		0,5	100
	Бекбадеев									
	Курманалиев				1		1		1	40
	Кузеев									
	Чамуков	сын								
Кызланов				1				0,5		
Итого	13	4	–	3	–	3	–	2	240	

У многих татар – у 18 из 26 – не указано детей. У остальных отмечено по одному сыну, и только у одного татарина – два. Т.е. половозрастная структура по этой книге не восстанавливается. Можно предположить, что у каждого хозяина была жена. В этом случае число жителей сразу удваивается. Естественно были и дети, поскольку указано, что у некоторых татар были сыновья, и не по одному. Так в Бугенских юртах на р. Оша жил Тлеуметко Аширов, у которого были дети Уразайко, Айткулко, Итпалачко, Кошбалачко – все мальчики (Там же, с. 128), девочек переписчик, если таковые имелись, не указывал. Возможно, археологам надо доработать имеющиеся методики изучения палеодемографии, основанные на расчетах численности населения по вероятной смертности, длительности существования могильника, средней продолжительности жизни и т.д., которые применялись ранее (Корусенко М.А., Тихонов С.С. 2003. С. 187–193).

У служилых татар имелись по одной лошади и одну-две коровы, по десятине пашни и по 100 копен покосу. Предположим, что это хозяйственный минимум аялынского татарина. У захребетных татар практически ничего (пашень, покосов и скота) не было.

В Айткуловых юртах (табл. 2) (с. 103–107) была примерна такая же ситуация.

Таблица № 2

Хозяйство татар Айткуловых юрт в 1701 г.

Название юрт	Платательщик ясака	Дети	Оклад (руб.)	Лошадь	Жеребьята	Корова	Овцы	Пашня (десятин)	Покося (копен)
Айткуловы (служилые татары)	Айткулов (имеет двух дворовых людей – калмыков)	сын	9 сыну – 10	10	+	10		3 (пустоши – 20)	500
	Бугаев (имеет дворового человека – калмыка)	2 сына	7	4		3		2	200
	Бабеяков		7	4		3			150
	Тлеуметев		7	1		1		1	100
	Бурашев		6,5	2		1		1	100
	Итеев		3	2		3		1	100
	Тустугулов	сын	6	1		2		1	70
	Басяляков		5	2		2		1	100
	Авалытов		4	2		2		1	100
	Калмакулов	сын	3	2		2		1	100
	Чабаков		4	1		1		1	100
	Муратов	2 сына	10	2		2		2	200
Итого	12	7	81,5	33	+	32		13	1820
Айткуловы (захребетные татары)	Якшеметев			1		1		1	50
	Бекбавлин	сын		2		1		1	100
	Бекбавлуев	2 сына		1		1		1	100
	Тустугулов Ч.	сын		1		1			100
	Боклев	сын							
	Сабанчиев								
	Тустугулов А.			1		1		1	50
	Айткулов	сын, брат		2		2		1,5	150
	Бурашев			2				0,5	50
	Алыбаев	сын							
Итого	10	8		10		7		6	600

Не будем больше рассматривать хозяйства татар каждого юрта, а поглядим на них в целом. На правом берегу Иртыша в 1701 г. находилось 16 татарских деревень (табл. 1). Левый берег реки в это время заселяли только русские. Д. Бернагуль (современная Берняжка) возникла позже, после переезда туда татар из Усть-Тары (Тартамака). Три самые крупные деревни – Киргап, Айткулово, Тартамак – с числом хозяйств более 20 находились неподалеку друг от друга в районе устья р. Тара и чуть ниже. Расстояние между деревнями – около 7–9 км. Все другие деревни были почти в два раза меньше. В деревнях жили служилые, ясачные и захребетные татары. Интересно, что в одной деревне могли вместе проживать служилые и захребетные татары, а ясачные жили всегда отдельно от них. Единственная деревня, где есть все три группы татар – Байтуганова.

Таблица № 3

Татарские юрты по реке Иртыш в 1701 г.

Название юрт	Численность мужчин	Дети	Оклад (руб.)	Лошадь	Жеребьята	Корова	Овцы	Пашня (десятина)	Покосы (копен)
Кыргапские (служилые татары)	13	5	69	12	-	18	1	14,5	1020
Кыргапские (захребетные татары)	13	4	-	3		3		2	240
Айткуловы (служилые татары)	12	7	81,5	33	+	32		13	1820
Айткуловы (захребетные татары)	10	8		10		7		6	600
Атацкие (служилые татары)	3	4	16	9		7		5	400
Атацкие (захребетные татары)	2			3		4		1,5	250
Иткучукова (служилые татары)	6	5	44	13		14	4	9,5	550
Иткучукова (захребетные татары)	2			1		1		1	100
Шихова (служилые татары)	1		4	2		2		1,5	100
Тартамак (ясачные татары)	24	7		19		23		20	2000
Рухляева (ясачные татары)	15	2		4		6		15	700
Темшеняково (ясачные татары)	3			3		3		7	500
Буянова (ясачные татары)	9	2		4		2		20	1000
Большая (ясачные татары)	6							10	500
Верхняя (ясачные татары)	8	8		9		9		20	700
Бабина (служилые татары)	4	4	17	12		12		3,5	400
Бабина (захребетные татары)	4	2		7		8		3,5	300
Сеитова (служилые татары)	6	11	34	26		33	26	11,5	1200
Сеитова (захребетные татары)	2	6		5		7	2	1,5	200
Байтуганова (служилые татары)	6	6	29	15		19	5	8,5	600
Байтуганова (захребетные татары)	5	3		9		7		3,5	440
Байтуганова (ясачные татары)	7	1		7		7		15,5	500
Утамацкие (ясачные татары)	2							5	150
Красноярские (ясачные татары)	4			3		3		9	500
Итого	167	85	294,5	207	+	227	38	179,5	14770

Обращает на себя внимание несколько обстоятельств: переписчик не указал наличие детей почти у половины татар, среди животных не указан молодой (только в Айткулово отмечены жеребята). В стаде животных очень мало овец, казалось бы традиционных для татар. Исключение – д. Сеитова, где у 6 служилых татар было 26 овец.

На р. Тара самые крупные деревни татар Чеплярово (около 10 км от Тартамака), Биргамак и Чертанлы (табл. 4). Две последние деревни находятся примерно в 40–45 км друг от друга, а Биргамак в стольких же км от Чеплярово. По р. Таре жили только ясачные татары, у которых, судя по «Дозорной книге...», было мало скота, немного пашен и покосов. Но если деревни находились на значительном расстоянии друг от друга, были невелики возникает вопрос «Могли ли быть у их жителей неучтенные земли и домашние животные?».

Таблица № 4

Татарские ясачные юрты по реке Тара в 1701 г.

Название юрт	Численность мужчин	Дети	Оклад (руб.)	Лошадь	Жеребята	Корова	Овцы	Пашня (десятиин)	Покосы (копен)
Чепляровы	22	2		1		1		25	2000
Инцисские	11	1		9		6		15	1000
Биргамацкие	22	5		19	+	7		20	1000
Чертанлинские	22	1		17		8		15	700
Темшеняковы	6	1		14		2		10	500
Сабанчеева	15			5		5		30	2000
Итого	78	10		63	+	29		115	7200

На р. Оше самая большая деревня – Туралы, где было 7 хозяйств служилых татар и 15 – захребетных (табл. 5). В двух других деревнях жили ясачные татары. У них в каждой семье указаны дети. В Туралах в хозяйствах зафиксировано несколько овец.

Таблица № 5

Татарские юрты по реке Оша в 1701 г.

Название юрт	Численность мужчин	Дети	Оклад (руб.)	Лошадь	Жеребята	Корова	Овцы	Пашня (десятиин)	Покосы (копен)
Туралинские (служилые татары)	7	12	27	14		11	13	9,5	700
Туралинские (захребетные татары)	15	17		14		14	7	10,5	1070
Бугенские (ясачные татары)	4	7		13		13		15	800
Енгачаковы (ясачные татары)	4	5		8		13		17	700
Итого	30	41	27	49		51	20	52	3270

Завершая наш небольшой анализ, отметим, что «Дозорная книга...» несмотря на то, что некоторые сведения, содержащиеся в ней неполны, весьма информативный источник по землевладению, хозяйству, возможно, демографии группы аялыных татар, проживавших и проживающих в Среднем Прииршье как минимум со времен хана Кучума и до настоящего времени. Сведения содержащиеся в анализируемой книге уникальны, и значительно расширяют возможности изучения ЭАК сибирских татар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. 624 с.
2. Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII-XX веках. Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2006. 218 с.
3. Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 75–99.
4. Корусенко М.А., Тихонов С.С. Изучение демографии населения XVII–XVIII веков (по материалам могильников на реке Тара) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: КемГУ, 2003. С. 187–193.

С.С. Тихонов

**«ТАРА ӨЯЗЕ ДОЗОР КЕНӘГӘСЕ ...» ҺӘМ ИРТЫШ ЕЛГАСЫНЫҢ УРТА АГЫМЫ
БУЙЛАРЫНДА ТАРА ТАТАРЛАРЫНЫҢ ЭТНОГРАФИЯ
АРХЕОЛОГИЯ КОМПЛЕКСЛАРЫН ӨЙРӘНҮ**

Мәкаләдә С.Н. Корусенко тарафыннан бастырылган XVIII гасыр башы буенча яңа чыганак - «Тара өязенең дозор кенәгәсе» - материаллары карала. Автор бу чыганакны файдаланып себер татарларының этнография һәм археология комплексларын өйрәнүне тирәнәйтү мөмкинлекләрен анализлый һәм Урта Иртыш буйларында көн күргән Аялы волосте татарларының төпләнеп яшәү системасы, аларның хужалык потенциалы, жир биләмәләре чикләре, кайбер социаль һәм демография структура мәсьәләләре тулырак өйрәнелә ала дигән нәтижәгә килә.

Ачыкч сүзләр: Дозор кенәгәсе, татарлар, кешеләр категорияләре, социаль структура, демография.

S.S. Tikhonov

**«PATROL BOOK OF THE TARSKY DISTRICT ...»
AND STUDYING OF ETHNOGRAPHIC AND ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES
OF TARSKY TATARS ON THE MIDDLE PRIIRTYSHJE**

The article deals with a new source of materials beginning of the XVIII century – «Dosornaia book of Tara region» which was published by S.N. Koroussenko. The author analyzes the possibilities of deepening studies on the ethnographical-archaeological complexes of Siberian Tatars using this source, and concludes that the issues related to the settlement system of the Tatars of the Middle Irtysh region, their economic potential, the limits of land, some of the problems of social and demographic structure of the Tatars can be explored more fully.

Keywords: Doosonaia book tatars category of the population social structure demography.

Сведения об авторе:

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г.Омск); E-mail: tikhonov@omsu.ru

Тихонов Сергей Семен улы – тарих фәннәре кандидаты, Россия Фәннәр академиясендәге Себер бүлеге Археология һәм этнография институтының Омск филиалы өлкән гыйльми хезмәткәре (Омск шәһәре).

Tikhonov Sergey Semenovich – candidate of historical sciences, the senior research associate of the Omsk branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian office of the Russian Academy of Sciences (Omsk).

УДК 726.2(477.75)"12/19"(477.75)

АРХИТЕКТУРА КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ МЕЧЕТИ (КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР С XIII ДО СЕРЕДИНЫ XX ВВ.)

© 2015 г. Н.Х. Халит

Ко времени возникновения Крымского ханства на его территории сложились два основных типа мечети: центрально-купольный и колонный, воспринятые из более ранней золотоордынской традиции: центрально-купольные, колонные, купольно-базиличные. После завоевания Крыма Россией развитие архитектуры здесь пошло по схеме, уже отработанной двумя столетиями ранее в Поволжье и Сибири: на строительство татарских мечетей распространились указы, предписывающие строить по образцовым проектам. Самым распространенным типом крымско-татарской мечети Нового времени стало 1–2 этажное каменное здание с минаретом, примыкающим к одному из фасадов в виде прямоугольного в плане объема, перекрытого 4-скатной крышей или куполом. При всех вариациях сохранялась твердая опора на османский стиль в различных его проявлениях. Период после смерти Ленина и до начала Второй Мировой войны характеризовался сворачиванием политики культурно-национальных автономий, ликвидацией очагов национальной татарской культуры во всех городах Советского Союза, кроме ТАССР и Крымской АССР, массовым разрушением мечетей. Выселение крымско-татарского народа с его исторической Родины в феврале 1944 года подвело черту под процессом поступательного развития его архитектуры вплоть до распада СССР и образования независимого государства Украина.

Ключевые слова: Крым, татары, мечети, традиция.

Ко времени возникновения Крымского ханства на его территории сложились два основных типа мечети: центрально-купольный и колонный, воспринятые из более ранней золотоордынской традиции (*центрально-купольные* – мечеть в Судакской крепости (Опочинская, 1986), 1222 г.; Куршун-Джами (Халит, 1995); *колонные* – мечеть Бейбарса (Там же), 1287–1288 гг.; мечеть-медресе Узбека (Крикун, 1998, с. 10, 12–14), 1314 г.; мечеть в Кырк-Иери (Халит, 1995) (позднее Чуфут-Кале), 1346 г.) *зальные* – мечеть Тахталы Джамии в Бахчисарае (Крикун, 1998, с.63-64), 1707 г.; а также *купольно-базиличные* (Хан-Джами в г. Кезлев (Там же, с.82-84), 1552 г. и др.). Новые торговые, ремесленные центры полуострова XVI–XVIII вв. Бахчисарай, Кезлев, Карасубазар, Ор активно застраивались общественными и культовыми сооружениями при поддержке и покровительстве крымских ханов. В Бахчисарае, по описанию турецкого путешественника Эвлия Челеби, в 1666 году насчитывалось 24 мечети. Карасубазар в 1666 году располагал 28-ю мечетями. В городе Кезлев в XVII веке находились здания 26 мечетей (Эвлия Челеби). Итак, общее количество мечетей сооруженных за пять с половиной столетий в 6 городах и в 1474 деревнях Крыма к 1786 году составило свыше 1600.

Центрально-купольные мечети представляли собой, как правило, кубический объем, перекрытый куполом на парусах, опирающимся на 8–16-гранный уплощенный барабан. К зданию могли примыкать разнообразные пристройки (сени, галереи, медресе). Над углом здания возвышался 10–16-гранный минарет на квадратном в плане вытянутом вверх ярусе, обычно в османской традиции (Одинцов; Халит, 2012, с.30; Халит, 2012а, с.34). В их числе Кебир-Джами (Гармаш, 1996; Килессо, 1983; Халит, 2012) в Ак-Мечеть (Акмеджит), 1508 г. (7 x 7 м), домовая мечеть Гиреев в Бахчисарайском дворце, мечеть Муфтий-Джами в Кафе). Здания могли иметь скатные покрытия с черепичной кровлей или металлические (свинцовые) прямо по поверхности внешнего купола.

Колонные мечети (Халит, 2012, с.30–31; Халит, 2012а, с.34–35) представляли собой прямоугольное строение, часто двусветное, с вытянутым вдоль кыйблы молельным залом и тремя продольными нефами, образованными каменными аркадами. Над боковыми нефами размещались антресоли¹. Здание перекрывалось 1-4-скатной крышей с черепичным покрытием и могло увенчиваться полумесяцем рогами вверх в османской традиции. Таковы реконструкция мечети в Чуфут-

¹ В литературе их называют хорами, а саму планировку мечети – базиличной, хотя, строго говоря, базиличная конструкция предполагает освещение зала через выступающие стены центрального нефа, чего в татарских мечетях не наблюдалось.

Кале, 1455 г.; Хан-Джами в Бахчисарайском дворце, 16 в.; небольшая мечеть Ешиль-Джами близ Бахчисарайского дворца, 1764 г.

Зальные мечети (Халим, 2012, с.30–31; Халим, 2012а, с.35) прямоугольной в плане конфигурации представляют широко распространенный в татарской архитектуре тип, встречающийся в разнообразных вариантах по всей территории России, в Средней и Малой Азии, на Кавказе и др. К ним относится мечеть Тахталы Джамии в Бахчисарае (1707 г.) и др.

Купольно-базилические мечети (Халим, 2012, с.31; Халим, 2012а, с.35) являют собой прямой перенос османского типа джами, появились в середине 16 века усилиями великого османского зодчего Синана. Образцом мечети этого типа является Джума Джамии (Хан-джамии) в г.Кезлев, 1552 г. Вероятно, к этому же типу относилась и самая большая в Крыму мечеть, сооруженная в честь султана Селима в г. Каффе (Феодосия), творение знаменитого турецкого зодчего Ходжа Синана, которая была разобрана в 1833 году.

Кроме них, упоминаются «Шор Джамии», «Буюк Джамии» (Ханский дворец).

После завоевания Крыма Россией развитие архитектуры здесь пошло по схеме, уже отработанной двумя столетиями ранее в Поволжье и Сибири. Лишившись государственного финансирования и государственной поддержки, мусульманская культовая архитектура прекратила свое поступательное развитие, резко сократив масштабы, типологическое разнообразие и качество строившихся зданий. После вхождения Крымского ханства в состав Российской империи, особым указом 28 июня 1783 г. была закреплена свобода крымских татар исповедовать «природную веру». По сведениям И.Абдуллаева, *«ещё в 1794 г. было намечено учредить особое духовное управление, однако лишь в 1837 г. было издано положение о Таврическом магометанском духовном правлении и правилах производства им духовных дел мусульман Крыма, а также литовских и польских татар. Согласно принятой иерархии, высшее мусульманское духовенство состояло из Таврического муфтия, кадий-эскера и уездных кадиев (судей). Приходское духовенство состояло из хатыпов (хатибов), имамов, муэдзинов и служителей мечетей. Центром религиозной жизни продолжал оставаться Бахчисарай. В 1884 г. здесь было 3 медресе и 32 действующие мечети».*

Жесткая дискриминационная политика русского правительства по отношению к крымским мусульманам привела к массовой эмиграции татар за границу и разрушению их памятников. *«Общее количество мечетей сооруженных за пять с половиной столетий в 6 городах и в 1474 деревнях Крыма к 1786 году составило свыше 1600, – пишет Ибраим Абдуллаев. – Во время Первой мировой и гражданской войн их было уже 632... Таким образом одним из итогов российской, колониальной политики в Крыму (1783–1917 г.) стало уничтожение около тысячи мусульманских культовых сооружений»* (Абдуллаев), т.е. около 80 %. Учитывая новое строительство, можно констатировать почти полную утрату средневекового татарского архитектурного наследия в Крыму, сохранявшегося еще ко времени включения его в состав Российской империи.

В 1829 г. на строительство татарских мечетей был распространен указ «Об устройстве деревень, коим не позволяется заводить церквей иначе, чем на площадях...» (Указ, №2902), который прежде их не касался. Впервые после известного указа Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий ...» (О терпимости, №13996) были введены вновь ограничения на постройку мечетей. В тексте этого указа, в частности, говорилось: *«Что же касается до назначения единообразных планов и фасадов мечетей, то хотя и не имеет в виду особенного закона, который обязывал бы строить мечети по планам, от Правительства данным, но не находит в сем затруднения, по сему ... что сами магометане просили иногда у правительства и принимали умного планы и фасады для построения мечетей ... За сим поручено было Строительному Комитету Министерства внутренних дел, приняв в соображение имеющиеся в виду на мечети чертежи, составить для оных образцовый план и фасад... Для построения мечетей всегда лучше назначать место на площадях, а где площадей нет, там производить оные на расстоянии не менее 10 сажень от строения»* (Указ, №2902). В приложении к указу даны чертежи этой «образцовой» мечети весьма любопытной наружности, плода творческих изысканий архитектора А.И.Мельникова (Загидуллин, 2007, с.222–234). (Подробный анализ этого проекта см.: Халимов, 1989, с. 146, 170–172).

В настоящем случае в основу мечети был положен один из традиционных типов центричной золотоордынской (а в основе своей, вероятно, болгарской) мечети с минаретом в центре крыши. С другой стороны, здесь явно прочитывается и другой прототип: священный для каждого мусульманина храм Куббат ас-Сахра (607 г.н.э.) или мечеть Скалы в Иерусалиме, возведенной на месте, где Аллах продиктовал Мухаммеду Коран. Таким образом, среди прототипов проекта легко усмотреть распространенную на Переднем Востоке центричную мечеть, наиболее ранним примером ко-

торой является упомянутая мечеть Скалы, а так же и более поздние культовые и мемориальные сооружения Азербайджана XIII–XV вв., Афганистана XVII–XVIII вв., Турции XIII–XVIII вв., Крыма XIV–XV вв.² и др. (Халит, 2012, с.65; Халит, 2012а, с.84). Известны подобные сооружения и в архитектуре средневековой Казани³.

К тому времени русские архитекторы уже имели, как мы знаем, некоторый опыт в проектировании мечетей в Казанской, Оренбургской и Уфимской губерниях, а также на Кавказе (Халит, 2012, с.66-67; Халит, 2012а, с.84). Последние из этих проектов, опираясь на те или иные местные традиции, развивали именно центричную композицию, которая получила уже к тому времени распространение и в архитектуре русского классицизма, где нередко были церкви-ротонды и другие центричные храмы, в целом сходные в планировке и композиции (Халит, 2012, с.67; Халит, 2012а, с.84–85). Имелся опыт проектирования и строительства мечетей в духе классицизма в Казани, Оренбурге и Омске, в том числе и центричных (Халит, 2012, с.67; Халит, 2012а, с.85). Таким образом, проект давал толчок к развитию одного из типов средневековых джамии, направляя его стилевое русло классицизма николаевского времени.

Приведенный образцовый проект предназначался, как следует из аннотации к нему, для строительства мечетей в деревнях Пензенской губернии. В Казани мечети по этому проекту не строились. Однако известно немало мечетей в городах и селах Казанской, Нижегородской, Пермской, и Уфимской губерний, возведенных по этому проекту, что говорит о неограниченности его применения. В 1831 г. этот проект был распространен и на мечети крымских татар (Высочайше утвержденное положение, №5033). Правда, факты реализации его в натуре в Крыму мне неизвестны и, по всей видимости, он воздействовал на формирование архитектуры азербайджанских и дагестанских мечетей, у литовских татар, калмыцких храмов (Халит, 2012, с.67; Халит, 2012а, с.85).

К середине XIX в. в архитектуре России, наметился решительный поворот в сторону новой художественно-эстетической системы. Стало модным всюду искать народные корни, воспевать красоту национальных, «исконных» форм искусства и архитектуры. Эстетика романтизма, опиравшаяся на возрастающий интерес к национальным художественным традициям, в полной мере отразилась на архитектуре татарских мечетей России.

В это время появляется новая разработка образцового проекта мечети 1844 г. (Указ, №27539) на основе прямоугольного плана и принципа осевой симметрии. Она имела несколько разновидностей: с минаретом перед зданием над входным тамбуром, с двумя минаретами и различные вариации этой композиции с дополнительными башенками по углам здания (Халит, 2012, с.66, 68; Халит, 2012а, с.86–87). В композиционной и планировочной идее этих образцовых мечетей отчетливо угадываются их прототипы: средневековые волго-камские махалля-мечете и купольные джамии.

Создание этого проекта было связано, прежде всего, со сменой эстетических идеалов в российской культуре. Классицизм, даже в период своего наибольшего могущества не сумевший оказать решительного воздействия на архитектуру мечетей Волго-Камья, уже не мог служить руководством для ее дальнейшего развития, а поиски новых образных решений были направлены в русло романтизма. В отличие от прежних времен, новый закон требовал выведения мечетей из гущи застройки в центре площади. Строгая симметрия относительно продольной оси – дань классицизму – сблизила проект с композицией, распространенной в русской церковной архитектуре XVIII – нач. XX вв., что вольно или невольно провоцировало мусульман «шарахаться» при реализации этого проекта от выраженных форм классицизма в стремлении избежать окончательной схожести с церковными сооружениями. Впрочем, авторы образцового проекта изначально заложили восточные черты во все варианты купольной мечети, что в итоге вернуло им как необходимую знаковую культового сооружения, так и специфическую исламскую образность. Динамичное противопоставление высокой башни минарета статичному купольному объему сразу позволило выделить здание из окружающей среды, не прибегая к излишнему повышению самой мечети, а стилевая окраска фасадов и семантика его внешних форм служили средством выражения политических и идеологических взглядов заказчика.

Центричные мечети 1830-х гг. могли бы представить определенный интерес с точки зрения изучения творческого метода русского архитектора, при облечении образцового проекта в непривычные формы и малоизвестное образное содержание. Как это было принято в практике российского строительства того времени, образцовый проект задавал лишь планировочную и композици-

² Большое Дурбе в Азизе и др. (см.: Халит, 2012, с.31).

³ Мечеть Тюмен джами в Казанском Кермане.

онную схемы здания, отнюдь не ограничивая выбора конкретных форм. Поэтому мечети, выстроенные по этому проекту в разных городах России, оказались самыми разнообразными, и их можно объединить лишь по композиции, а не по стилю. Образ мечети, таким образом, в этот период оказался в большой зависимости от позиции ее автора, что дало большое разнообразие вариантов (Халит, 2012, с.68; Халит, 2012а, с.88).

Известно немало объектов реального осуществления этой экзотической идеи в конкретных формах. Как и в предыдущем случае, квартальные мечети оказались более самобытными в образном отношении и выполнялись «ближе к тексту» образцового проекта. Каменные же городские мечети отразили в большей степени творческие поиски профессионалов, стесненных к тому же необходимостью соблюдения формальных признаков общегосударственного «стиля».

Романтические веяния в российской архитектуре в середине XIX в., провозвестником которых стала мечеть Караван-Сарая в Оренбурге, заявили о себе в полный голос и воплотились в целом ряде построек на базе образцового проекта 1844 года. Большой разброс по территории России не помешал проявлению в них общей тенденции на повышение роли булгаро-татарской традиции в образе и конкретных формах при общей опоре на русский классицизм как на принцип организации пространства.

В 1861 году, ввиду многочисленных просьб мусульман на издевательства властей⁴, в Государственный совет был представлен проект «О дозволении строить магометанские сельские мечети не по утвержденным в 1844 году для мечетей вообще планам и фасадам», где, в частности, было сказано: *«Сооружение мечетей по упомянутым чертежам обходится дорого и не для всех магометанских селений доступно. Между тем губернские начальства не дозволяют исправлять старые, требуя, чтобы они были перестроены по утвержденным рисункам. Посему ... в виду облегчения магометанских обществ в исполнении религиозных обязанностей просим об ... разрешении строить мечети не по одним утвержденным чертежам, но и по другим, какие будут признаны удобными...»*. Последовавший за этим указ вошел в Строительные уставы последующих выпусков в следующем виде: *«Новые мечети... строятся по планам и фасадам, каковыя прихожанами будут признаны удобными, но с тем, чтобы, когда постройка мечетей предполагается не по Высочайше утвержденным чертежам 1844 года, особые проекты были каждый раз утверждаемы местными губернскими правлениями (по Строительным Отделениям)»* (Указ, №27539). Таким образом, начиная с 1863 г. все ограничения на свободный выбор заказчиком композиционного и планировочного типов мечети были отменены.

Можно констатировать в итоге, что, несмотря на значительную, казалось бы, зависимость архитектуры от внешних обстоятельств, в ее эволюции, тем не менее, прослеживается некая мощная магистральная идея, не допускающая существенных отклонений от традиции, а тем самым и духовного произвола исполнителя над заказчиком. Прослеживающаяся вполне отчетливо на всех уровнях эстетическая концепция, некая система позволяет говорить о существовании жизнеспособной и прочной традиции в культовой архитектуре Нового времени, берущей свое начало еще в зодчестве средневековья. Эта традиция, носителем которой выступал народ в лице конкретных заказчиков, и сформировала в итоге целостную при всем многообразии проявлений и достаточно устойчивую к деформирующим воздействиям извне архитектуру мечетей Нового времени, поддающуюся системному анализу на разных уровнях.

Самым распространенным типом крымско-татарской мечети Нового времени стало 1–2 этажное каменное здание с минаретом, примыкающим к одному из фасадов (Халит, 2012, с.83; Халит, 2012а, с.106). Оно решалось в виде прямоугольного в плане объема, перекрытого 4-скатной крышей или куполом. При всех вариациях сохранялась твердая опора на османский стиль в различных его проявлениях: классический (Шор джами в Карасубазаре (Засыпкин, 1931, с.44–46), Юсуповская мечеть в Коккозе, мусульманское барокко (Исми Хан джами в Бахчисарае (Бахчисарай)), неоготический (Воронцовская мечеть в Алушке), модерн (мечеть в Гурзуфе, Джума джами в Сеид-Нафе – Ак Мечеть (Крикун, 1998, с.76, 77, 79)). Минареты характерно османского типа выглядели как высокой тонкий цилиндрический (многогранный, каннелированный) стержень на квадратном в плане основании большей или меньшей высоты (от куба до вытянутого параллелепипеда), обычно

⁴ В качестве примера можно привести жалобу муллы дер. Бол. Сайман ведомства Сызранской уездной канторы, который, *«получив разрешение Симбирского Губернского Правления на исправление им мечети, выстроил на свой счет, с пособием от крестьян, новую мечеть, но не по Высочайше утвержденному в 1844 г. рисунку... и был оштрафован... с обязательством перестроить мечеть на свой счет»* (Хабутдинов, Мухетдинов).

вплотную примыкающего к одной из стен здания, увенчанного открытой площадкой шерефе, выход на которую находился в меньшем по диаметру цилиндрическом ярусе, который, в свою очередь, увенчивался высоким конусом крыши.

Некоторые из наиболее профессионально исполненных мечетей были построены русскими меценатами: графом Воронцовым (Алупка) и князем Юсуповым (Коккоз) как часть комплексов их собственных имений.

Судьбы мусульман России резко изменились после октября 1917 года. Пространство бывшей империи оказалось разорванным на несколько враждующих территорий, с переменным успехом переходивших из рук в руки в течение 1918-20 гг., и говорить в условиях гражданской войны о каком-либо развитии культуры и тем более архитектуры не приходится.

Уже 24 ноября 1917 года Совнарком РСФСР распространил обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное предсовнаркома Лениным и наркомом по национальным делам Сталиным, где говорилось следующее: «...*Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов...*» (Ко всем трудящимся).

Впрочем, довольно скоро лозунг «свободу мусульманам» разделил судьбу всех других революционных лозунгов, обещавших рабочим заводы, крестьянам землю, народам мир, а голодным – хлеб. Но вначале большевики делали серьезную ставку на мусульманскую часть населения бывшей империи, старательно показывая ему свою лояльность и покровительство – в отличие, скажем, от всех христианских конфессий, в которых революционеры видели только своих врагов... «*Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию*», – подчеркивал Сталин (Халитов, 2012, с.108; Халитов, 2012а, с.149).

К моменту присоединения Крыма к России (1783 г.) на полуострове было около 1530 мечетей, десятки медресе и текке. После ряда эмиграционных волн из Крыма в Турцию число мечетей к 1917 г. сократилось до 729, мусульмане стали религиозным меньшинством в Крыму. В 1926 г. Президиум ВЦИК запретил мусульманское вероучение к преподаванию на всей территории СССР. Вскоре ГПУ Крыма сообщало: «По имеющимся у нас сведениям, в связи с введением в школах естествознания и упразднения преподавания Корана, большинство татар очень неохотно отпускают в школу своих детей». В селах Крыма происходили волнения, татары требовали прекратить преследования верующих... В конце 20-х гг. на ислам обрушились репрессии. Начинается снос мечетей, закрываются медресе... Репрессии на ислам достигли апогея в конце 30-х гг. К 1940-му году были закрыты почти все мечети, разрушены мавзолеи святых. Активное участие в этом принимали татары-комсомольцы. В 1937 г. НКВД Крымской АССР арестовал по делу так называемой «Идель-Уральской организации» 100 человек из мусульманского духовенства. 99 из них были расстреляны (Бахревский, Ефимов, Золотарев).

Во второй половине 1920-х годов усиливаются давление и пропаганда, направленные против религиозных учреждений. Властям уже была нужна не лояльность, а полное подчинение. Во второй половине 20-х в СССР стартовал «крестовый поход» против религий и культов, который возглавил «Союз воинствующих безбожников» под предводительством Е.Ярославского (Там же). Мечети закрывали повсеместно на всей территории СССР, огромное число зданий частично или полностью разрушалось. Здания использовались под клубы, библиотеки, общежития и жилые дома, овощехранилища, архивы, котельные, сумасшедшие дома. Появились целые бригады «строителей», специализировавшиеся на опрокидывании колоколен и минаретов специально разработанными методами.

Система религиозного исламского образования также перешла под контроль государства.

Может быть, самый сокрушительный удар по исламу Советская власть нанесла, когда был произведен повсеместный переход с арабской графики на латинскую, позже замененную кириллицей. В ходе «революции алфавитов» была уничтожена масса книг на арабском – прежде всего, религиозных.

По утверждению живущего в Германии узбекского исследователя Боймирзы Хайита, ислам в СССР лишился всех своих основ. Так, запрет религиозной собственности лишил его экономического базиса. Уничтожение религиозной литературы выбило из-под него духовную основу. Запрет на выезд из страны и въезд в нее, невозможность совершать паломничество прекратил связи с дру-

гими исламскими народами. А закрытие мечетей, борьба с религиозными праздниками и постами оставили ислам в СССР и без его социального основания (Там же).

Первые годы Советской власти ознаменовались декларативными актами «монументальной пропаганды»: водружением в 1918 г. полумесяца над башней Сююмбике в Казани и передачей «трудящимся мусульманам» Караван-Сарая в Оренбурге, водружением на улицах городов гипсовых скульптур культурных и революционных деятелей и оформлением монументально-декоративных композиций на национальные темы. За короткий период НЭПа было выстроено довольно много мечетей, впрочем, не успевших развиться в сколько-нибудь значительное архитектурное явление. Смерть В.И.Ленина положила начало свертыванию программы свободного развития национальных культур.

Период после смерти Ленина и до начала Второй Мировой войны характеризовался сворачиванием политики культурно национальных автономий, ликвидацией очагов национальной татарской культуры во всех городах Советского Союза, кроме ТАССР и Крымской АССР.

Принятая 5 декабря 1936 г. Конституция СССР в ст. 124 провозглашала «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды» для всех граждан СССР. Законодательной основой деятельности религиозных объединений оставалось постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г., всячески ограничивавшее как богослужebную, так и социальную деятельность религиозных общин. Впоследствии некоторые представители партийно-государственных органов выступали за отмену даже этого жесткого законодательного акта. Так, в мае 1937 г. с этим предложением к Сталину обращался Г. М. Маленков. Хотя предложение Маленкова и не было принято, в апреле 1938 г. была распущена руководимая П. А. Красиковым Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР. Единственной государственной структурой, занимавшейся религиозными вопросами, оказался «церковный отдел» НКВД. В идеологической работе партийных и общественных организаций одной из приоритетных объявлялась задача строительства «безрелигиозного общества», официальные СМИ и антирелигиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами» репрессивной религиозной политики Советского государства, как «наиболее полно обеспечивающей свободу совести» (Бахчисарай).

В годы Второй мировой войны «исламский фактор» в СССР использовали в своих интересах обе воюющие стороны. Гитлеровцы «педантично подчеркивали свое уважение к исламу, – описывает Алексей Малашенко. – На захваченных территориях открывались отобранные у мусульман большевиками мечети, священнослужители призывали молиться за Гитлера... За относительно короткое время военных действий на Северном Кавказе, в период его оккупации здесь имело место своего рода возрождение ислама (Бахревский, Ефимов, Золотарев). Религиозный фактор учитывался при планировании внутренней политики в районах традиционного распространения ислама, прежде всего, в Крыму и на Кавказе. Немецкая пропаганда декларировала уважение к ценностям ислама, преподносила оккупацию как освобождение народов от «большевистского безбожного ига», гарантировала создание условий для возрождения ислама. Оккупанты охотно шли на открытие мечетей практически в каждом населенном пункте «мусульманских регионов», предоставляли мусульманскому духовенству возможность через радио и печать обращаться к верующим. На всей оккупированной территории, где жили мусульмане, восстанавливались должности мулл и старших мулл, права и привилегии которых приравнивались к главам администраций городов и населенных пунктов (Бахчисарай). Всего за время оккупации в Крыму было открыто 250 мечетей, зарегистрировано 400 мусульманских духовных лиц (Бахревский, Ефимов, Золотарев).

Сложившаяся к началу 1943 г. ситуация (положение на фронтах, широкая патриотическая деятельность религиозных объединений, стремление нейтрализовать немецкую пропаганду в отношении религиозной ситуации в СССР, желание изменить негативное отношение в общественных кругах стран-союзниц к церковному курсу советского правительства) способствовала изменению религиозной политики в СССР (Бахчисарай). Опираясь на обращение мусульманского духовенства, Совет добился принятия правительственного решения о создании в нач. 1944 г. духовных управлений мусульман Ср. Азии и Казахстана (Ташкент), Сев. Кавказа (Буйнакск) и Закавказья (Баку). В течение короткого времени мусульманам было возвращено более тысячи мечетей, из тюрем и лагерей освобождалось духовенство. С 1944 г. стало возможным осуществление хаджа в Саудовскую Аравию (Бахчисарай).

Выселение крымско-татарского народа с его исторической Родины в феврале 1944 года подвело черту под процессом поступательного развития его архитектуры вплоть до распада СССР и образованием независимого государства Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев И. Мечети Крыма. – <http://turcolog.narod.ru/info/1133.htm>
2. Ардаев Владимир. В СССР ислам был. – bbcussian.com. 5 октября 2005 г., 15:48 GMT 19:48 МСК
3. Бахревский Евгений, Ефимов Александр, Золотарев Денис. Ислам в Крыму. История, современность, перспективы. – Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва-Крым».
4. Бахчисарай: дворцы не горят. – <http://archeologia.narod.ru/krim/bach.htm>
5. Высочайше утвержденное положение о Таврическом Магометанском Духовенстве и о подлежащих ведению его делах // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. VI. №5033. П.65.
6. Гармаш П.Е. Путеводитель по Крыму. – Симферополь, 1996.
7. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в Европейской части России и Сибири. – Казань: Татарское книжное издательство, 2007.
8. Засыпкин Б.М. Памятники монументального искусства Советского Востока. / Художественная культура Советского Востока. Сб. статей под ред. И. Бороздина. М.-Л.: Академия, 1931. С.44–46.
9. Килессо С.К. Архитектура Крыма. Киев: Будівельник, 1983.
10. Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока [Обращение Совета Народных Комиссаров]/ Сайт Конституции Российской Федерации – <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/>
11. Крикун Е.В. Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII–XX вв.). Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 112 с.
12. Крым. Архитектура, памятники: фотоальбом. Авт. Фото Р.Т. Папикьян. Авт. Текста В.И. Тимофеевко. Киев: Мистецтво, 1991.
13. О постройке мечетей в татарских деревнях, по приложенному образцовому плану и фасаду // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. IV. №2902.
14. О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставили все сие светским правительством // ПСЗ. 1-е собр. Т. XIX. №13996.
15. Одинцов М.И. Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР. – 04.09.2008. Статья из VII тома «Православной энциклопедии». – Катехизис.ру © 2008.
16. Опочинская А. И. Судакская крепость // Архитектурное Наследство №34. М.: Гос. издательство литературы по строительству и архитектуре, 1986. С.255–265.
17. Указ о постройке мечетей по ведомству Оренбургского Магометанского Духовного собрания, по новым планам и фасадам // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XIX. Отд. 1. №27539. 1844 г.
18. Устав строительный. Изд. 1900 г. // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 1. Ст. 158.
19. Хабутдинов А., Мухетдинов Д. Ислам в СССР: предыстория репрессий. По материалам книги Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача «Ислам и мусульмане. По материалам восточного отдела ОГПУ. 1926 год. // Медина аль-Ислам. № 39 (19–25 октября 2007 г.), № 39 (19–25 октября 2007 г.).
20. Халит Н. Главная мечеть Золотой Орды? // Татарстан. 1995. № 7–8.
21. Халит Н. Мечети Золотой Орды. / Энциклопедический словарь «Ислам на Европейском Востоке». Казань: Магариф, 2004. С.211–212. 2004а.
22. Халит Н. Мечети Крымского ханства. / Энциклопедический словарь «Ислам на Европейском Востоке». – Казань: Магариф, 2004. С.215. 2004б.
23. Халит Н. Мечети средневековой Казани. Историко-архитектурное исследование. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011.
24. Халит Н. Татарская мечеть от начала до наших дней. Казань: РИУ, 2012. 2012а.
25. Халит Н. Татарская мечеть и ее архитектура. Казань: Татарское книжное издательство, 2012. 2012б.
26. Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX вв. М.: Стройиздат, 1989.
27. Ханский дворец (Бахчисарай). – [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ханский_дворец_\(Бахчисарай\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Ханский_дворец_(Бахчисарай)).
28. Эвлия Челеби. «Книга Путешествия, Крым и сопредельные области». 1666–1667 гг. – <http://crimeantatars.com/крымское-ханство/14-эвлия-челеби-путешествие-по-крыму>.
29. Юсуповская мечеть. – <http://www.archiportal.crimea.ua/bachchisaray/usupovskaya-mechet.html> © 2009–2014 Крымский архитектурный портал | КАП.

Н.Х. Халит

**КЫРЫМ ТАТАРЛАРЫ МӘЧЕТЕ АРХИТЕКТУРАСЫ
(XIII ГАСЫРДАН XX ГАСЫР УРТАСЫНА КАДӘР КЫСКАЧА КҮЗӘТҮ)**

Алтын Урданың үзәк куполлы, колонналы, куполлы да базиликлы да мәчетләренең дәвамчысы буларак Кырым ханлыгында мәчетләренең ике төп тибы – үзәк куполлы һәм колонналы биналар – төзелә. Кырым ханлыгын Россия яулап алгач, биредә архитектура үсеше инде ике гасыр дәвамында Идел буенда һәм Себердә файдаланылган схема буенча дәвам итә: татар мәчетләрен төзү указларда күрсәтелгән үрнәк проекталар буенча башкарылырга тиеш була. Яңа заман кырым татар мәчетләренең иң киң таралган тибы булып дүрт почмаклы, куполлы яки ике кыелыклы түбәле, фасадына терәп салынган манаралы 1–2 катлы таш бина тора. Барлык вариантлар да төрлө рәвештә чагылган госманлы стилиенә нигезләнә. Ленин үлгәч һәм Икенче Бөтендөнья сугышы башланганчы булган чор милли-мәдәни автономияләр яклы сәясәтнең ябылуы, ТАССР һәм Кырым АССРдан кала Советлар Союзының барлык шәһәрләрендә дә милли татар үзәкләренең юкка чыгарылуы, мәчетләргә күпләп жимерүе белән белән билгеләнә. 1944 елның февралендә кырым татарларын тарихи Ватаныннан сөрү СССР талланганчы һәм мөстәкыйль Украина дәүләте оешканчы халыкның архитектурасы үзеште туктау сызыгын билгеләде.

Ачыкч сүзләр: Кырым, татарлар, мәчетләр, традиция.

N.H. Halit

**THE ARCHITECTURE OF THE CRIMEAN TATAR MOSQUE
(BRIEF HISTORICAL SURVEY WITH 13 TO MID-20 CENTURY)**

At the time of the Crimean Khanate in its territory has two main types of mosques: Central-domed and pillared, the legacy of an earlier golden tradition: Central-domed, colonnaded, kupol'no-baziličnye. After the conquest of Crimea by Russia development of architecture here went on the scheme, already spent two centuries earlier in the Volga region and Siberia: the construction of the Tatar mosques spread decrees prescribing model building projects. The most common type of Crimean Tatar mosque new time was 1–2 storey stone building with a minaret, adjacent to one of the facades in the form of a rectangular volume, covered 4-pitched roof or dome. In all variations, remained a strong reliance on Ottoman style in its various manifestations. The period after Lenin's death, and before the second world war has been characterized by being the cultural and national policy autonomy, abolition of the national Tatar culture in all cities of the Soviet Union, except the Crimean ASSR and TATARSTAN, large-scale destruction of mosques. The eviction of the Crimean Tatar people to their historical homeland in February 1944, marked by the process of the progressive development of its architecture right up until the collapse of the Soviet Union and the formation of the independent State Ukraine.

Keywords: Crimea Tatars, Mosque, tradition.

Сведения об авторе:

Халит Нияз Хаджиевич – доктор архитектуры, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); E-mail: n_halit@mail.ru

Халит Нияз Хажиди улы – архитектура докторы, Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының баш өлкән хезмәткәре (Казан шәһәре).

Halit Niyaz Hadzhiyevich – doctor of architecture, the chief researcher of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

ПАДЕНИЕ КАЗАНИ 1552 г.: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

УДК 94(47)"16"

В 5-м выпуске научного ежегодника, в специальном разделе «Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения», были размещены ответы российских историков на три вопроса, связанные с этим важнейшим событием в истории татарского народа и Российского государства. В этом выпуске мы продолжаем публикацию ответов коллег на эти же вопросы.

Напомним вопросы:

- 1. Какие причины, на Ваш взгляд, предопределили победу Московского государства над Казанским и другими средневековыми тюрко-татарскими государствами?**
- 2. Какие мифы и несоответствующие историческим фактам суждения существуют сегодня по поводу казанско-московских отношений первой половины XVI века?**
- 3. Если оценивать прошедшие исторические события с высоты начала XXI века, какими потерями и приобретениями ознаменовалась для татар и для России ликвидация татарской национальной государственности?**

С.К. Свечников

Ответ на 1-й вопрос.

Во взаимоотношениях между Москвой и Казанью ничего не было предопределено до 1480-х годов, когда, воспользовавшись борьбой за власть между различными соперничающими группировками в Казани, московский великий князь Иван III смог поставить ханство в вассальную зависимость. К тому времени Москва, в основном, завершила объединение русских земель, избавилась от зависимости от Большой Орды, совершала технический и технологический рывок благодаря приглашенным западноевропейским специалистам (в основном из самой передовой в те времена ренессансной Италии), эти новые явления дали свои результаты по усилению центральной власти. У Казанского ханства, превосходившего на первых порах Московское княжество по многим своим параметрам, в 1440–1480-х гг. тоже были некоторые достижения в экономике (Казань стала одним из крупнейших центров международной торговли) и в политике (сплочение народов Среднего Поволжья вокруг ханской власти). Однако Московское государство развивалось динамичнее и в количественном, и в качественном плане. К началу XVI в. Казанское ханство уже заметно уступало Московскому государству по территории, численности населения, экономическим показателям. Роковой для Казанского ханства стала смерть Мухаммед-Эмина и пресечение казанской ветви династии Джучидов в 1518 г. Ханство в еще большей степени, чем ранее, стало зависеть от иностранных государств, начал усиливаться раскол в правящей элите, а также между разными территориально-этническими группами. Казань кидалась то в одну крайность (признание зависимости от Москвы), то в другую (острая конфронтация с Москвой), не получая при этом действенной помощи со стороны соседних тюрко-татарских государств, к тому же часто враждовавших между собой. Отсутствие внутреннего единства, разобщенность между тюрко-татарскими государствами, забвение исконных общегосударственных интересов ради личных благ правящей верхушки и интересов чужих стран сыграли большую роль в поражении Казанского ханства и остальных тюрко-татарских государств.

Ответ на 2-й вопрос.

Мифов и несоответствующих историческим фактам суждений по поводу казанско-московских отношений первой половины XVI в. очень много и обычно их трудно отделить от истины. Они, как правило, становятся темами для жарких научных и околонучных споров, в пылу которых, в свою очередь, возникают новые мифы. Учитывая недостаточность круга выявленных источников по данной проблеме и политико-идеологическую заостренность многих ее аспектов, иного и быть не

может. Честно говоря, я и сам подвержен влиянию целого ряда мифов (например, об имперской внешней политике Московского государства в первой половине XVI в., о насильственном характере присоединения Горной стороны к Русскому государству в 1551–1552 гг., об особой воинственности мари (черемис) в XVI в. и т. п.). Путем апеллирования к имеющейся доказательной базе эти суждения обретают, казалось бы, черты объективности, однако на самом деле полностью быть уверенным в их истинности нет достаточных оснований. К тому же можно вспомнить многих наших уважаемых историков, утверждающих совершенно обратное и при этом делающих свои выводы на основе тех же самых источников. Иначе говоря, наши исторические исследования пронизываются мифами, и происходит это естественным образом в силу социально-психологических свойств и потребностей исследователей, их пребывания в рамках определенной национально-культурной традиции, следования тем или иным политическим доктринам. Иное дело – преднамеренная фальсификация истории, происходящая обычно в результате мощного давления на исследователей со стороны власти, как это было, например, в советский период. Пожалуй, самый очевидный фальсификат той эпохи – это тезис о добровольном вхождении народов Горной стороны в состав Русского государства. От него отреклись даже его создатели, когда исчезла прежняя зависимость от официальных идеологических установок.

Ответ на 3-й вопрос.

Ликвидация татарской национальной государственности в XVI в. – это, с одной стороны, страшная и непоправимая потеря для татар, цивилизационная катастрофа с множеством негативных последствий для татарского этноса, с другой стороны, это долгожданная победа русского народа, первое крупное завоевание в истории России, начало Российского царства (империи). Есть в этой развилке исторических судеб и третья сторона – народы Среднего Поволжья, не имевшие в XVI в. своей собственной государственности – мари, чуваша, удмурты, мордва. Последствия их вхождения в состав Русского государства в результате гибели Казанского ханства не носят однозначно негативного или однозначно позитивного характера. Наряду с деструктивными процессами (многочисленные жертвы, разрушения, ликвидация знати, усиливавшийся феодально-крепостнический гнет, религиозные преследования, ассимиляция и т.д.) проявились и позитивные изменения (установление мира и относительной политической стабильности, приобщение к достижениям русской культуры, а через нее – к западной и всемирной, появление и развитие национальной письменности, национальной интеллигенции и т.д.).

Сведения об авторе:

Свечников Сергей Константинович – кандидат исторических наук, ведущий специалист министерства образования и науки Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола); E-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Свечников Сергей Константин улы – тарих фәннәре кандидаты, Мари Эл Республикасының мәгариф һәм фән министрлыгы әйдәп баручы хезмәткәре (Йошкар-Ола шәһәре).

Svechnikov Sergey Konstantinovich – candidate of historical sciences, leading specialist of the Ministry of Education and Science of the Republic of Mari El (Yoshkar-Ola).

И.Р. Тагиров

Ответ на 1-й вопрос.

Причиной распада и ухода из жизни всех государств являются, прежде всего, их внутреннее состояние. Нет, и не было в мире государств, у которых не было бы врагов. И терпели они поражение от своих врагов в силу внутренней слабости и несостоятельности.

Так было и во взаимоотношениях Московского и татарских государств. Московское государство крепло и набирало силу, а татарские государства шли к упадку. Внутренние раздоры ослабляли ханскую власть. Татарские государства, словно дети, делящие отцовское наследство, перетягивали на себя общеордынское одеяло. И в результате оказались в состоянии враждебных отношений друг с другом. Именно по этой причине ханы и мурзы в своем большинстве оказались не в состоянии отстоять независимость своего государства.

Шли беспрерывные столкновения между различными кланами, и усиливалась борьба за власть. Свергали с престола одного хана за другим. Появились враждующие друг с другом партии, ориентирующиеся одни на Москву, другие на Крым и даже Сибирь.

Москва поощряла как их внутренние разборки, так и противоречия ханств друг с другом. Так ее усилиями оказались во враждебных отношениях Крым и Казань, Казань и Ногайская Орда.

Элиты ханств, прежде всего, Казанского ханства, оказались расколотыми. Их известная часть, кто-то открыто, кто-то и тайно переходил на сторону Москвы. Это сыграло роковую роль в падении сначала Казани, а затем и других татарских государств. Вовсе не случайно, что в походе на Казань участвовали и сами татары. В истории как предатели своего народа зафиксированы имена таких татар как Шахали, Камай мурзы и некоторых других.

В непростых взаимоотношениях находились тогда Крымское и Казанское ханства. Крымские Гирей всячески пытались усилить свое влияние в Казани. С этим во многих случаях была связана борьба за власть: «вси бо творяхуся велики и властвовать в Казани хотяще». Борьба шла между сторонниками союза с Москвой и сторонниками союза с Крымом.

В сентябре 1535 года был убит ставленник группы промосковской ориентации Джан-Али. Вместо него на престол вступил крымский ставленник Сафа-Гирей. Однако в год рождения сына Утямеш-Гирея, в 1549 году, он внезапно скончался. И после этого «московская» группировка возвела на трон в Казани Шах-Али. Однако «крымская» группировка не теряла надежды, она рассчитывала на возведение на ханский трон в Казани взрослого сына Сафа-Гирея, жившего в Крыму – султана Булюка.

Между тем Сююмбике, ставшая регентшей, фактически правительницей ханства, полагала, что ханом станет ее сын Утямеш-Гирей. В этих условиях, ей, придерживавшейся до сих пор крымской ориентации, пришлось занять промосковскую ориентацию. Ибо понимала, что победа крымцев, поддерживавшихся военными отрядами умершего хана, привела бы на ханский престол старшего сына Сафа-Гирея. Тогда бы ее надежды на возведение на казанский трон своего сына оказались бы бесперспективными.

Однако вскоре ситуация резко изменилась. Царицу в 1551 году вывезли в Москву, выдали замуж за касимовского хана Шах-Али. А в 1552 году пала Казань. За ней и Астрахань. У турецкого султана на территории бывшей Золотой Орды оставалась единственная опора – Крым.

Его существование в качестве формально независимого государство прекратилось в 1783 году, когда вышел указ Екатерины II, где о последнем хане говорилось, что дальнейшее пребывание Шагина «не составляет для государства интереса». Это был конец последнего татарского государства.

Таким образом, можно сказать со всей уверенностью, что причиной исчезновения татарских ханств с политической карты мира явились их внутренняя несостоятельность, гнилость их политического режима и направленные на взаимоуничтожение враждебные отношения друг с другом.

Ответ на 2-й вопрос.

Мифов, не соответствующих реалиям, развелось немало. Это, прежде всего, в вопросе о том, кто виноват. Обвиняют, прежде всего, Ивана Грозного. Разумеется, он главный герой победы над татарскими государствами. Однако нельзя сводить все это к нему. Он был врагом Казани и других татарских государств. Однако в потере свое государственности виноваты сами татары, их элита.

Другим мифом является, не соответствующая действительности, оценка роли Кул-Шерифа в последние дни существования Казанского ханства. Между тем, это главный духовный лидер делал все для того, чтобы предотвратить эту трагедию. Именно он обратился к турецкому султану Сулейману кануни с настоятельной просьбой о помощи.

Не соответствует истине и некоторые утверждения о предательском поведении последнего хана Едигера в дни битвы за Казань. Достоверные факты свидетельствуют, что возглавил защиту Казани и проявил личное мужество.

Ответ на 3-й вопрос.

Конец татарских государств – это величайшая трагедия для татарского народа. Он, некогда находившийся на вершине политического могущества, оказался в рабской пропасти. Оказались под угрозой не только его язык, на котором говорили многие другие народы, но само его физическое существование.

Не соответствуют истине, утверждавшееся в советской историографии чуть ли ни каноническое положение о благотворном однозначно положительном значении для татар потери ими своих государств. Как ни странно, иные историки до сих пор продолжают придерживаться подобных

взглядов. Так, тезис этот был развернут профессором Рязанского университета Е.А. Кирьяновой на научной конференции 12 ноября 2015 года в городе Касимово, посвященной царице Сююмбике.

Расширение Московского государства за счет присоединения татарских ханств и земель других народов имело не только положительное значение. Имело оно и отрицательные последствия. Они связаны с тем, что вместо интенсивного экономического развития, страна окончательно встала на рельсы экстенсивности. Утвердился и соответствующий этому образ мышления. Он господствовал и в советский период нашей истории. Тогда вместо интенсивного освоения земель центральной России развернулась кампания освоения целинных и залежных земель.

Это тогда, когда в соседних с Россией европейских странах окончательно утвердился давший и продолжающийся давать великолепные результаты, интенсивный способ ведения хозяйства. Опыт Голландии, расположенной на небольшом клочке суши, но непрерывно нарастающей темпы интенсификации сельского хозяйства – тому явное свидетельство.

В качестве примера успешности интенсификации труда можно указать на опыт Англии. Там за счет интенсивности труда и сельские труженики из года в год добивались выдающихся успехов. Так, во второй половине XIII – первой половине XIV в. английские фермеры собирали по 9 бушелей с акра (614 кг с гектара). Это, тогда как русские крестьяне даже в 1860-е годы, т.е. через 500 лет собирали только по 31 пуду ржи и пшеницы с десятины (466 кг с гектара), т. е. на 32% меньше. К середине XIX века в сельском хозяйстве на основе ручного труда английские фермеры подняли урожайность пшеницы до 26 бушелей с акра (1773 кг с гектара).

Россия же не достигла английского уровня начала XIX века даже через два века: в 1986–1990 гг. урожайность зерновых, если верить советской статистике, составила всего 1590 кг с гектара.

Разумеется, при таком сравнении следует иметь в виду более благоприятные для европейских стран и менее благоприятные для России климатические условия. Хотя, в находящихся в еще более неблагоприятных климатических условиях чем Россия, также находятся далеко впереди не в области сельскохозяйственного производства.

Поэтому, говоря о последствиях присоединения к России земель нерусских народов, следует иметь в виду и это немаловажное обстоятельство.

Сведения об авторе:

Тагиров Индус Ризакович – доктор исторических наук, профессор КФУ, академик АН РТ, заслуженный деятель науки РФ и РТ (г.Казань).

Таһиров Индус Ризак улы – тарих фәннәре докторы, КФУ профессоры, ТФА академигы, РФ һәм ТР атказанган фән эшлеклесе (Казан шәһәре).

Tagirov Indus Rizakovich – doctor of historical sciences, professor of Kazan Federal University, academician of AS RT, honored scientist of RF and RT (Kazan).

Ф.Ш.Хузин

Ответ на 1-й вопрос.

Ответ, мне кажется, довольно прост и банален: победу Московского государства обеспечила его все возрастающая экономическая (следовательно, и военная) мощь, а падение Казанского ханства, наоборот – слабость и политическая нестабильность внутри государства. Основы экономического и политического могущества Московской Руси были заложены еще Иваном I Калитой (1325–1340), причем при поддержке золотоордынских ханов. Дальнейшее развитие Руси, на протяжении целого столетия, шла по восходящей и к временам Ивана IV она уже представляла единое государство с огромным экономическим потенциалом.

Рождение Казанского ханства есть результат распада Золотой Орды – мировой империи, расцвет которой пришелся на относительно недолгий период правления ханов Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357). После правления Джанибека в Орде воцарилась смута – «великая зямтяня», которая стала началом постепенного заката славы империи Джучидов. Возникшие в первой половине XV столетия на обломках гибнущей Золотой Орды тюрко-татарские государства – все, в том числе и Казанское ханство – оказались, конечно же, слабыми, непрочными государственными образованиями.

Как археолог, изучающий средневековые города Волжской Булгарии, я сравниваю эти два государства предков современных татар: нам известны десятки крупных булгарских городов до-

монгольского времени, такие, например, как Биляр-Великий город, Булгар, Сувар, Ошель, Кашан и др., в то время как в Казанском ханстве – лишь его столица с населением, едва превышающим (вместе с пригородами) 10 тыс. человек. За сто с лишним лет существования государства никому из ханов не удалось наладить собственной чеканки монет – явной признак его экономической немощи. В хождении были, судя по нумизматическим находкам из раскопок и кладов, в основном монеты московских великих князей Василия II, Ивана III и Василия III, а также монеты удельных княжеств, чеканенных в Твери, Рязани, Можайске, Ярославле, Пскове и Новгороде.

Казанская крепость, конечно, была хорошо укреплена, но за долгие годы археологических исследований на территории Кремля, не обнаружено ни одно крупное архитектурное сооружение, достойное внимания, кроме, может быть, плохо сохранившихся руин мечети Кул Шарифа и каменного здания в бывшей ханской резиденции. Внушительных размеров башня Сююмбеки, считавшаяся традиционно творением рук ханских мастеров, оказалась памятником русского времени, воздвигнутым не раньше конца XVII века.

Следствием слабости экономической базы Казанского ханства явилось состояние вооруженных сил: у хана была хорошая конница (хорошая для набегов, но не для обороны), воины хорошо стреляли из луков, но огнестрельного оружия, особенно пушек, было мало, речной флот по мощности не шел ни в какое сравнение с русским. Русское войско превосходило казанское и численностью, и вооружением, причем, передовым, огнестрельным. Как известно, у кого военное превосходство, тот побеждает.

Падение Казанского ханства стало неизбежным, кроме вышеуказанных причин, вследствие невозможности в тех условиях создать коалицию татарских государств. Крымское и Астраханское ханства, не говоря уже о Сибирском, не были готовы прийти на помощь Казани. Лишь ногайский мурза Юсуф прислал отряд всадников. Данный факт показал разобщенность интересов правителей постордынских государств, позволил безошибочно предугадать бесперспективность их дальнейших судеб в тогдашнем геополитическом пространстве.

Ответ на 2-й вопрос.

Мне кажется, их довольно много. Это объясняется как недостаточностью достоверных источников (а они по преимуществу русского происхождения), так и неоднозначностью их анализа и интерпретации, зависящих зачастую от разных методологических и идеологических подходов к проблеме.

Существует, к примеру, довольно распространенное в нашей историографии мнение, согласно которому у Ивана IV не было плана ликвидации Казанского ханства военным путем. На это он вынужденно пошел якобы лишь после известных событий 9 марта 1552 года, когда новое правительство князя Чапкуна Отучева решило не сдавать Казань без боя, как это случилось раньше с Горной стороной, отделенной от остальной территории ханства «божиим милосердием», а защищать ее до последнего. Понятно, что Москве выгоднее было бы присоединение ханства мирным путем, без лишней крови, на основе обоюдного договора. Но ведь было ясно, что потомки Чингизхана ни под каким видом не пойдут на позор и преступление, так просто, без боя уступив свою столицу русскому царю. Кроме того, как уже указывалось выше, Русь и Рюриковичи, по степени агрессивности ничуть не уступающие пресловутым Чингизидам, давно мечтали покорять средневожские «подрайские» земли, открывающие им путь на юг и восток.

Не убеждает меня и утверждение некоторых историков о том, что якобы Московская Русь встала перед необходимостью обороны своих границ от казанских набегов, потому и стремилась уничтожить «поганных татар» в их же «гнезде змеином», т.е. эти историки в войнах 1549–1552 годов казанцев преподносят как сторону нападающую, а русских – обороняющуюся. Абсурдность такой точки зрения очевидна. Да, русские князья не занимались набегамми как «дикие кочевники», но нельзя сказать, что в отношении ближних и дальних соседей, начиная с Рюриковичей, проводили они миротворческую внешнюю политику, скорее, наоборот: и нападали, и грабили, и новые земли завоевывали. Нет никакой необходимости идеализировать и политику Ивана IV в отношении Казани. Очевидные экономические выгоды экспансии на восток толкали его на завоевательные походы.

Ответ на 3-й вопрос.

Ликвидацию национальной государственности татар, основанной на многовековых политических, экономических и культурных традициях, конечно же, нельзя оценивать положительно. Это была большая трагедия в нашей истории. Трагедия, которая все еще не забыта, и сегодня жива в памяти народной. Очевидно, потому, что мы тогда, в далеком 1552-м, почти мгновенно потеряли свою тысячелетнюю цивилизацию, возникшую еще в эпоху Тюркских каганатов и древних болгар. Столица наша Казань практически за один день была превращена в русский город. Была уничтожена татарская элита. Началась насильственная христианизация и русификация коренных народов края, в первую очередь, татар-мусульман, продолжавшаяся практически до начала XX столетия. От окончательного исчезновения татар как этноса сохранил ислам, который русскому правительству не удалось искоренить среди татар никакими методами. Глубокие традиции государственности, истинная вера на восстановление былой славы Булгарии и Казанского ханства вселяли надежду на светлое будущее.

Парадоксально, но насильственное присоединение Казанского ханства к Русскому государству, вернее, совместная жизнь татар-мусульман с православными русскими имели и свои положительные стороны, которые очевидны с позиций сегодняшнего дня, с высот XXI века. Начавшийся в XVIII веке «татарский Ренессанс», достигший расцвета на рубеже XIX – XX столетий, мне кажется, был бы невозможен без плодотворного влияния прогрессивной русской и западноевропейской культуры.

Сведения об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович – член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, зам. директора Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г.Казань); E-mail: khuzinfayaz@mail.ru

Хужин Фаяз Шәрип улы – Татарстан Фәннәр академиясе мөхбир әгъзасы, тарих фәннәре докторы, Татарстан Фәннәр академиясенең А.Х. Халиков ис. Археология институты директоры урынбасары (Казан шәһәре).

Khuzin Fayaz Sharipovich – the corresponding member of AN of RT, the doctor of historical sciences, the deputy director at A.H. Halikov Institute of archeology of Academy of sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Р.Р. Фахрутдинов

Ответ на 1-й вопрос.

1. Формирование в Русском государстве новой имперской идеологии, направленной на расширение территории на Восток и завоевание земель бывшей Золотой Орды, тем самым обосновывались ее претензии на лидирующую геополитическую роль Московского государства в Восточной Европе и частично в Западной Азии. Такие претензии подкреплялись и политическими амбициями Ивана Грозного, который претендовал на особый, «царский» статус среди наследников государства джучидов. Важно учитывать и тот факт, что после распада Улуса Джучи Московское государство вышло достаточно единым и окрепшим, в том числе и в военном отношении. Татарские же государства не отличались политическим единством, отсутствовала единая дипломатическая и военная стратегия в условиях военно-политической активизации Москвы.

2. На момент завоевания Казани в 1552 году, казанской военно-политической элитой было допущено достаточно много стратегических ошибок и просчетов, среди которых были следующие:

– при полной беспечности казанцев всего в 30 км от Казани в кратчайшие сроки была построена крепость Свияжск, ставшая одним из самых (если не самым) серьезных достижений военно-стратегического плана завоевания Казани. Постройка крепости с последующим отторжением Горной стороны (а это добрая половина государства) лишило Казанское ханство значительных стратегических, в том числе военных и людских ресурсов. Постройка Свияжска позволило также блокировать основные речные и сухопутные пути, ведущие к Казани, что привело к изоляции столицы, невозможности в кратчайшие сроки собрать военное ополчение. Вследствие этого на момент штурма Казани было внушительное численное превосходство московских войск (соотношение 150/40 тыс.);

– отсутствие единства среди самих казанцев, бесконечная череда переворотов и наличие оппозиционных группировок;

– слабость казанской дипломатии, не сумевшей сформировать единую военно-стратегическую коалицию с другими татарскими государствами;

– коллаборационистская политика Шах-Али, поддерживаемая правительством Ивана Грозного и направленная на подрыв единства среди казанцев, ослабление военного потенциала Казани (например, ликвидация артиллерийского арсенала Казани незадолго до начала штурма Казани, арест более 80 представителей казанской военно-политической элиты).

3. Дипломатическая активность Москвы, направленная на предотвращение создания единой татарской коалиции с Крымом, Ногайской Ордой, Астраханским и Сибирским ханствами.

Ответ на 2-й вопрос.

История татар в учебниках для средней школы по истории СССР, а затем и России повсеместно представлялась и представляется в негативном виде, особенно в разделах, касаемых непростых исторических периодов XIII – XVI вв. Это всегда «злые, окаянные татары», которые занимаются только грабежами, насилием и убийствами. Так например, в учебниках по истории России для средней школы в жуткой форме описываются действия татар на Руси, которые сопровождалось «разорением десятков городов, многие из которых так и не поднялись из пепла... В развалинах лежали церкви и монастыри. Погибли иконы, церковная утварь. Лучшие мастера были истреблены. Погибло огромное количество книг, исчезли библиотеки и школы» (Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России с древнейших времен до конца XVI века 6 класс. Учебник для общеобразовательной школы. 2014). Вот как в том же учебнике обосновывается необходимость завоевания Казани: «После распада Золотой Орды наибольшую опасность для русских земель представляло Казанское ханство. Казанские подвижные отряды грабили пограничные уезды. В Казани скопилось десятки тысяч (почему не сотни тысяч – *Р.Ф.*) русских пленных-рабов».

Ответ на 3-й вопрос.

Если для Московского государства ликвидация Казанского и других татарских явилось эпохальным явлением в истории Российского государства, то для татарских государств (прежде всего для Казанского ханства) эти события стали трагедией. Завоевание Казани означало ликвидацию государственности, потерю значительных людских и материальных ресурсов, падение культуры и начало политики насильственной христианизации.

Сведения об авторе:

Фахрутдинов Раиль Равилович – профессор кафедры археологии и этнологии, Казанского (поволжского) федерального университета, доктор исторических наук (г.Казань); E-mail: Fahrutdinov.rail@mail.ru

Фахрутдинов Раил Равил улы – Казан (Идел буе) Федераль ниверситетының археология и этнология кафедрасы профессоры, тарих фәннәре докторы (Казан шәһәре).

Fahrutdinov Rail Ravilovich – professor of Department of archeology and ethnology of the Kazan Federal University, doctor of history (Kazan).

М.С. Гатин

Ответ на 1-й вопрос.

Татары, по большей части, сами виноваты в том, что потеряли свою государственность. В основе своей представители татарской знати мыслили узколобо, они решали личные сиюминутные задачи, борясь друг с другом и привлекая при этом внешние силы. Все это расшатывало татарскую государственность. Татарский мир в XVI столетии от Крыма до Сибири был разобщен. Этим и воспользовалось Московское царство, которое к этому времени было объединено и могло использовать богатые материальные и людские ресурсы Руси. Поэтому неслучайно, что сравнительно за короткий промежуток времени Русское государство уничтожило и захватило все татарские государства (исключая Крымское ханство, хан которого стал вассалом могущественной на тот момент Османской империи).

Ответ на 2-й вопрос.

Наверное, главным мифом о Казанском ханстве, царящим в умах простых россиян, является миф об его агрессивности и жажде грабежа ее жителей. Это так красочно описывалось в русских летописях, а затем и в русской (советской) историографии. (Историю пишут победители!). Очевидно, что грабеж характерен для любой войны. Конечно же летописцы правы, татары во время войн действительно своими грабежами и уводами в плен людей принесли много горя русским. Но это лишь часть правды! К сожалению, приходится констатировать, что только исследователям Казанского ханства известно, кто чаще начинал войны и на чьей территории они в основном проходили.

Ответ на 3-й вопрос.

Разумеется, для татар падение Казани, как и потеря своей независимости другими татарскими государствами, – это трагедия. У нее много последствий. Главная же заключается в том, что татарский народ перестал определять свою историческую судьбу. Сначала за татар стали решать, где им жить можно, а где – нельзя, чем заниматься можно, а чем – нет, какую веру им исповедовать. Затем им определили, какая письменность им нужна, а какая – нет, какой для них язык перспективнее, а какой – не очень. Всегда было давление, которое в зависимости от геополитической ситуации то усиливалось, то ослабевало.

Сведения об авторе:

Гатин Марат Салаватович – кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань); E-mail: marat_gata@mail.ru

Гатин Марат Салават улы – тарих фәннәре кандидаты, Казан (Идел буе) федераль университеты татарны өйрәнү һәм тюркология кафедрасы доценты (Казан шәһәре).

Gatin Marat Salavatovich – candidate of historical sciences, associate professor, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan federal university (Kazan).

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 94(574)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КӘРІБАЕВА Б.Б. «ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫНЫҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫ» (ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА)

© 2015 г. Ж.М. Сабитов

Данная статья – рецензия на книгу об образовании Казахского ханства. В рецензии выделены как фактологические ошибки, так и методологические ошибки. К ним относятся: частичное незнание современной историографии по данному периоду, некритичное доверие источникам. Также содержание монографии частично не совпадает с ее названием. Это все позволяет оценить выход этой книги как малозначительное в научном плане событие.

Ключевые слова: Казахское ханство, Золотая Орда, Джанибек, Керей.

В 2015 году в Казахстане было широко отпразднован 550-летний юбилей Казахского ханства. В рамках данного юбилея проходило огромное количество конференций, а также выпускались научные и научно-популярные книги. К примеру, автор рецензируемой работы издал в конце 2015 года популярную книгу о казахских ханах (Кәрібаев, 2015). Помимо нее, он выпустил научную монографию на казахском языке «Қазақ хандығының құрылу тарихы» («История образования Казахского ханства»), которая является объектом нашей рецензии (Кәрібаев, 2014).

Первым недостатком книги является то, что название не соответствует содержанию книги. Название подразумевает под собой исследование вопросов, касающихся непосредственно времени и истории образования Казахского ханства. То есть, условно говоря, начиная с периода смерти Барака до образования Казахского ханства. В книге же затронуты в основном вопросы истории восточного Дешт-и Кыпчака в XIII–XV веках.

Сразу следует отметить типичную для многих научных работ первую «ритуальную» ссылку на слова президента Казахстана Нурсултана Назарбаева (Кәрібаев, 2014, с. 7). Данный паттерн сегодня встречается в большинстве работ социально-гуманитарного характера в Казахстане и столь же обязателен в работе (если хочешь издать книгу под хорошим грифом) как ссылки на Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина в советских работах по истории и другим социально-гуманитарным наукам.

Можно утверждать, что данная книга выпущена в контексте старой парадигмы средневековой истории Казахстана (Сабитов, 2014, с. 273–284), в которой доминирует мысль о том, что существовало некое государство Ак орда, которое было предшественником Казахского ханства (Кәрібаев, 2014, с. 8, 32–33), а также было левым крылом и улусом Орда-эджена (Кәрібаев, 2014, с. 38). Причины появления этой парадигмы и данных тезисов мы уже рассматривали (Сабитов, 2015а, с. 70–84). Ранее нами отмечалось как ошибочность локализации Ак орды (Сабитов, 2013, с. 60–72), так и ошибочность факта существования такого государства как Ак орда. По нашему мнению, Ак орда и Кок орды, это не государства, а названия ставок (резиденций) Бату и Орда-эджена и их потомков. Семантически эти термины были близки к таким понятиям как «Белый дом», «Кремль», «Версаль» и т.д.

Досадны мелкие ошибки, присутствующие в рецензируемой книге. К примеру, написание XV (век) вместо правильного XV (век) (Кәрібаев, 2014, с. 9, 18), либо указание на «уложение Тимура» («Тузик-и Тимури») как на достоверный первоисточник (Кәрібаев, 2014, с. 18, 68). Другой ошибкой является название труда Натанзи как «Муинад-Дин Натанзи» (Кәрібаев, 2014, с. 18), что является полным именем Натанзи, его труд назывался «Мунтахабат-таварих-и Муини». Ошибкой является написание Булек вместо имени золотоордынского хана Пулада (Булада, Булата) (Кәрібаев, 2014, с. 57), также не стандартизировано написание имени Бату (Бату и Батый) (Кәрібаев, 2014, с. 60–61). Употребление титула хан применительно к Бату довольно спорно (Почекаев, 2006). Тоже

самое касается титула хан у Берке (Кәрібаев, 2014, с. 61), Джучи (Кәрібаев, 2014, с. 67) и Чагатая (Кәрібаев, 2014, с. 209).

Автор также разделяет такие титулы как хан и каган (каан) (Кәрібаев, 2014, с. 209). Скорее всего, каган (каан) и хан соотносятся между собой как термины бахадур и батыр, отчигин и эджен или имена Джахангир и Джангир. То есть это два разных варианта произношения одного и того же титула.

Спорным также является утверждение, что Барак-хан (внук Урус-хана) являлся последним правителем государства Ак орда (Кәрібаев, 2014, с. 37), а также то, что «кочевые узбеки» состояли из шибановцев, мангытов и орда-эдженовцев (Кәрібаев, 2014, с. 37). Мы уже писали о том, что «узбек» - это среднеазиатский экзотоним (внешнее название) всего населения Улуса Джучи (Сабитов, 2011б, с. 166–173). Сам же термин «кочевые узбеки» был придуман в 1965 году Б.А. Ахмедовым и в источниках не упоминается. Троичное деление узбеков было описано Рузбиханом, и там не было никаких Орда-эдженовцев, были казахи, которых автор произвольно приравнял к Орда-эдженевцам.

Ошибкой является не критическое восприятие известия Муниса и Агехи о 1457 году, как времени восшествия на престол Ядигера (Кәрібаев, 2014, с. 39). Ядигер стал ханом после смерти Абулхайр-хана (Сабитов, 2011в, с. 58–62).

На 43–59 страницах (первый параграф второй главы) упомянуты группы источников на основании языка написания сочинений по поводу «образования Казахского ханства»: арабские, армянские, русские, монгольские и тюркские. Странным здесь представляется абсолютное игнорирование персидских источников в данной части монографии (в других параграфах далее персидские источники представлены, но попеременно с тюркскими). Особенно это бросается в глаза в силу того, что главные труды по истории образования Казахского ханства (к примеру, Тарихи Рашиди) написаны на персидском языке. Логику автора здесь можно понять. Несмотря на название главы «Источники по истории образования Казахского ханства», здесь имеются в виду источники по истории Восточного Дешт-и Кыпчака XIII–XV веков. Хотя и это не объясняет причин игнорирования персидских источников в данном параграфе (при их присутствии в других параграфах), ведь персидские сочинения Рашид ад-Дина и других авторов не менее ценные, чем арабские сочинения. Арабские источники широко представлены в данной главе (Кәрібаев, 2014, с. 45–52), хотя один из важных новых переводов (ад-Давадари) не упомянут в списке источников. Такая большая представленность арабских источников, видимо, вызвана тем, что редактором книги является арабист Кумеков Б.Е. (Кәрібаев, 2014, с. 2). Среди тюркских источников странным является упоминание Махмуда Кашгари, который, по утверждению автора, «имеет отношение к истории образования Казахского ханства» (Кәрібаев, 2014, с. 58), не объясняя при этом хронологический разрыв в 4 века между временем жизни Махмуда Кашгари и временем образования Казахского ханства. Стоит отметить, что в данной главе часто можно встретить «чрезмерные цитирования», когда автор дословно переводит или пересказывает на казахском языке части книг и источников, написанных на русском языке.

Во втором параграфе второй главы автор перечисляет европейские источники по «истории образования Казахского ханства»: Марко Поло, Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Матвей Меховский и др. (Кәрібаев, 2014, с. 59). В третьем параграфе перечислены тюркские и персидские первоисточники, в которых указаны сведения об образовании Казахского ханства (Кәрібаев, 2014, с. 59).

Устаревшей является точка зрения о происхождении казахских ханов от Орда-эджена (Кәрібаев, 2014, с. 65).

Автор выдвигает тезис, который либо слабоаргументирован, либо вообще не аргументирован в некоторых частях. Согласно авторскому видению, такие рода как Керей, Жалаир, Алшин, Конырат, Аргын, Найман, Кыпшак были в улусе Орда эджена, а позже эти племена поддержали Джанибека и Керей (Кәрібаев, 2014, с. 65). Уровень научной аргументации данного тезиса, мы разберем чуть ниже.

Другой тезис, который можно оспорить, это тезис о том, что население улуса Шибана называлось «кочевыми узбеками» (Кәрібаев, 2014, с. 65).

На странице 68 заявлен типичный для Казахстанской историографии концепт «Урус-хан как правитель государства Ак орда». Хотя, как мы знаем, такого государства как Ак орда никогда не существовало. Ак ордой называли резиденция ханов Улуса Джучи. То же самое касается таких правителей Сасыбука, Эрзен, Мубарак-ходжа, Шымтай (Кәрібаев, 2014, с. 71). Данную ошибку

Натанзи уже критиковал А.Г. Гаев (Гаев, 2002, с. 9–17). Следует отметить, что автор не знаком с критикой Натанзи. Это касается как трудов А.Г. Гаева (Гаев, 2002, с. 9–55), В.П. Костюкова (Костюков, 2007, с. 169–207) (Костюков, 2009, с. 138–149), Ж.М. Тулибаевой (Тулибаева, 2008, с. 225–233), так и работ рецензента (Сабитов, 2008, с. 117–121) (Сабитов, 2010, с. 150–154).

Спорным является утверждение о том, что Барак в 1422–23 годах победил Киши (Кучук) Мухаммеда (Кәрібаев, 2014, с. 73). Как мы знаем, он победил Хаджи Мухаммеда и Мансура (Сабитов, 2012, с. 266–275).

Перечисляя источники Шайбанидского круга, автор не использует работы И.А. Мустакимова (Мустакимов, 2009, с. 214–232; Мустакимов, 2011, с. 228–248; Мустакимов, 2013, с. 231–254), в которых присутствуют переводы из Таварихи Гузидаи Нусрат-наме (Кәрібаев, 2014, с. 77–78). Спорным является классификация трудов Абулгазы и Утемыш-хаджи как Шайбанидских (Кәрібаев, 2014, с. 84–85), а также трудов Ходжамкули Балхи и Мухаммед Мирзы Хайдара Дуглати как Бабуридских (Кәрібаев, 2014, с. 86–90). Перечисляя Аштарханидские источники (Кәрібаев, 2014, с. 90–92), автор не ссылается на переводы и работы А.К. Алексева (Алексеев, 2003; Алексеев, 2006), который исследовал Бахр ал-Асрар. Перечисляя Хивинские источники, автор указывает Фирдаус ал Икбал и Абулгази (Кәрібаев, 2014, с. 92–94), не упоминая Утемыш-хаджи. Данная классификация очень спорна (Кәрібаев, 2014, с. 84–85). Говоря об устных источниках по «истории образования Казахского ханства», автор упоминает как эпос Едиге, так и 40 батыров Крыма (Кәрібаев, 2014, с. 95–97), а также легенду об убийстве Акжолы (Кәрібаев, 2014, с. 98), а также легенду, записанную Мадияром Елеуұлы в 1996 году (Кәрібаев, 2014, с. 100). Кроме этого, автор декларирует использование данных Шежире (Кәрібаев, 2014, с. 102–104).

На основании легенды, автор считает, что Жанибек и Керей откочевали от Абулхайр-хана в 1457 году (Кәрібаев, 2014, с. 101). Некритический подход к легенде, записанной в 1996 г. касательно событий 540 летней давности, нам кажется ненаучным. На основе новых данных А. Кенжеахмета (которые еще не были доступны автору) мы точно знаем, что в 1447 году Жанибек и Керей жили в Моголистане (Кәрібаев, 2014, с. 59).

На страницах 105–145 расположены три лучших параграфа монографии, в которых представлена историография изучения истории образования Казахского ханства. Четвертый параграф этой главы (страницы 145–164), касающийся современной историографии не полон. В нем не указаны такие фамилии, как Н.А. Атыгаев, К.З. Ускенбай (к примеру, у него есть монография по тому же периоду (Ускенбай, 2013)), В.П. Костюков, и многие другие.

В четвертой главе, которая называется «Этнические предпосылки образования Казахского ханства», автор дает свое видение этнических процессов в данном регионе. С 167 по 179 страницы автор описывает историю кипчаков до монгольского вторжения. Спорным является то, что отцом Теркен-хатун был некий Жанкеши хан (Кәрібаев, 2014, с. 172).

С 179 по 207 страницы автор описывает историю Казахстана в период жизни Чингиз-хана. В основном в данных параграфах, мы видим воспроизведение уже известной информации на казахском языке, без какой-либо научной новизны.

На 202 странице автор поддерживает мнение о том, что племена керейт и керей, которые относятся к Младшему жузу и Среднему жузу соответственно, это одно и то же племя (Кәрібаев, 2014, с. 202). Данный тезис довольно спорен. Отпадение окончания множественного числа «т» не имеет аналогов в истории. Ведь мы не видим таких случаев с выпадением частицы множественного числа касательно племен Мангыт, Кунгират, Кият и др. Не правильным является написание Койлык (Кәрібаев, 2014, с. 203) для города известного больше как Каялык.

Далее автор пишет, что в период 1209–1224 годов на территорию Казахстана пришли такие племена как Меркит, Найман, Керейт, Сиджиут, Кингит, Хушин (Кәрібаев, 2014, с. 206–207). Автор считает, что племена Жалаир, Кунгират, Барлас, Сулдус пришли в состав Улуса Джучи в 1240–1260-х годах из улусов Чагатая и Угедея (Кәрібаев, 2014, с. 206), так как ранее они были отданы в эти улусы (Кәрібаев, 2014, с. 204). Данная точка зрения слабо аргументирована. Ранее мы писали, что обозначения Рашид ад-Дина отнюдь не означают, что в этих улусах были только тысячи из данных родов. Скорее всего, тут имелись в виду эмиры тысячники, а не монолитные тысячи, состоящие из представителей одного племени. Автор, описывая события 1240–1260-х годов, приводит пример переходов из улуса Джучи и Чагатая, в частности, Ширеки (потомок Угедея) и Букур (сын Ариг-Буги). Их подданные перешли в подчинение Куинджи, правителю улуса Орда эджена. Однако эти события происходили не в 1240–1260-х годах, а позже.

Спорным представляется допущение, что племена жен потомков Орда-эджена присутствовали в улусе Орда-эджена. Автор считает, исходя из этого допущения, что у Орда-эджена и его потомков в подчинении были следующие рода: Кыпчак, Аргын (Аргунан), Кунгират (Коньрат), Меркит, Джаджират, Татар, Найман, Керейт, Уак (Огунан) (Кәрібаев, 2014, с. 214). Данный тезис довольно спорен, так как разные части разных родов могли находиться в разных улусах. Помимо этого, факт замужества еще не означает, что данный род находился в улусе Орда-эджена. Также сомнительным является отождествление рода Огунан и Уак. С учетом того, что рода Аргын и Кипчак назывались потомственными эями Тохтамыша, можно предположить, что части этого рода входили в улус Тука-Тимура, чей улус изначально входил в левое крыло и подчинялся Орда-эджену. Здесь не стоит путать разные таксоны. Левое крыло не равнялось улусу Орда-эджена. Улус Орда-эджена был политическим центром для левого крыла, но в левое крыло входили и другие улусы. Помимо этого, в источниках есть прямые указания на те рода, которые были в улусе Орда-эджена. К примеру, известны ойраты Никтей и Аку-Тимур, которые «пребывали в улусе Кунджи (Кониичи) и начальствовали над четырьмя тысячами войска джалаиоров» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 120). Или же не упоминается Хуран из рода Кингит (Кенегес), который являлся главным эмиром того же Кониичи (Рашид ад-Дин, 1952, с. 178). Касательно рода Джаджират, у Рашид ад-Дина сказано, что Такуджин (жена Кониичи) была «из семьи старшего эмира, который был старшиною хорчиев Чагатая» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 67), что прямо противоречит допущению о том, что жены принцев-потомков Орда-эджена происходили только из этого улуса. Исходя из этого тезиса, мысль о том, что племена улуса Орда-эджена составили Средний жуз (Кәрібаев, 2014, с. 216, 260) довольно спорна. Здесь можно вспомнить отсутствие таких родов как Кыпчак, Уак, Керей на карте Страленберга касательно границ Казахского ханства первой четверти XVII века (Сабитов, 2015б). Кроме того, автор не упоминает сведения Вассафа о четырех личных тысячах, унаследованных Орда эдженом от Джучи: Керк, Азан, Азль, Алгуй (ОЗО, 2008, с. 112), так как данный список во многом ставит под сомнение концепцию автора.

Исходя из этого, не стоит воспринимать константное положение данных племен в рамках одного объединения. В условиях степной анархии и «броуновского движения» племен в Степи, такое постоянство при большом хронологическом разрыве более чем сомнительно.

Ошибкой является упоминание 1312 года как даты восшествия Узбек-хана на престол (Кәрібаев, 2014, с. 232). В 1312 году умер Тохта, но Узбек стал ханом в самом начале 1313 года. На 232–237 страницах автор пересказывает различные сведения о воцарения Узбека из двух томов «Сборника материалов по истории Золотой орды». При этом, автор не цитирует работы других авторов по данному периоду (Мыськов, 2003; Сабитов, 2011, с. 111–115).

Далее автор, ссылаясь на Сайшияла, пишет, что Джучи родился в 1179 году, когда Чингизхану было 18 лет (Кәрібаев, 2014, с. 238). К сожалению, стоит отметить, что сведения Сайшияла с точной живой хронологией рождения детей Чингиз-хана довольно спорны и не восходят к первоисточникам того периода. Оригинальной выглядит попытка проследить исламизацию элиты Золотой орды, посредством сравнения соотношения мусульманских и немусульманских имен в разных поколениях джучидов (Кәрібаев, 2014, с. 238).

Рассуждая об узбеках, автор воспроизводит устаревшие представления о них (Кәрібаев, 2014, с. 242–258). Автор не знаком с оценкой Юдина В.П. (Утемиш-хаджи, 1992, с. 51) новой точкой зрения Султанова Т.И. (Султанов, 2002, с. 17), а также с нашими работами по поводу соотношения этнонимов «Узбек» и «Татар» (Сабитов, 2011б, с. 166–173).

Ошибочным является тезис о проживании Алшинов на территории Казахстана до Монгольского нашествия. Общепринятое отождествление Алшинов с Алчи-татарами, четко указывает, что данное племя пришло в регион в XIII веке (Рашид ад-Дин, 1952, с. 111).

На 263 странице автор, рассказывая о событиях после смерти Барака и воцарения Абулхаир-хана, не указывает известные факты об исходе части племени Аргын вместе с Тука-Тимуридом, Султан-Баязитом в Среднюю Азию в начале 1450-х годов (Сабитов, 2011а, с. 128–133), о том, что потомки Орда эджена служили Абулхаир-хану (Сабитов, 2009, с. 166–180), а также о том, что «Шибанид Мустафа-хан» на деле является Тука-Тимуридом, внуком Шадибека (Сабитов, 2009, с. 166–170).

Также упомянутая автором дата 1428–1429 гг., как время восшествия Абулхаир-хана на престол, судя по всему, неверна (Маслюженко, 2012).

Далее автор не критически пересказывает части книги Б.А. Ахмедова о переносе Абулхаиром завоеваний Сыгнака и других городов в 1446 году (Кәрібаев, 2014, с. 264). Стоит уточнить, что

четкое датирование завоевания Сыгнака – историографический миф. В самом источнике (Тарихи Абулхаир-хани) в рассказе о захвате Сыгнака точная дата отсутствует. Реконструкция хронологии событий Б.А. Ахмедовым довольно спорна.

Автор не знаком с переводом И.А. Мустакимова дастана об Абулхаир-хане, в котором содержатся ценные сведения о его правлении.

Далее, в рассказах о правлении Абулхаир-хана, мы не видим критического подхода к первоисточникам и хорошего знания современной историографии, вместо этого автор ограничивается некритическим пересказом сведений первоисточников и старых историографических концепций на казахский язык.

Ошибкой является представленная генеалогия Кутлук-Тимура и его внука (а не сына, как считает автор) Кучук (Кичи) Мухаммеда от Урус-хана (Кәрібаев, 2014, с. 293).

Утверждение о том, что Ахмед (сын Кучук Мухаммеда) воцарился в 1459 году в Астрахани (Кәрібаев, 2014, с. 294) является очень спорным.

Первый параграф пятой главы называется «Внутриполитическое состояние ханства Абулхаира в середине XV века» (Кәрібаев, 2014, с. 274–308), но в данном параграфе затронуты разные вопросы, в том числе и внешнеполитические. Здесь спорным является тезис о том, что Махмудек, сын Хаджи Мухаммеда, стал ханом сразу после того, как Барак убил его отца (Кәрібаев, 2014, с. 314).

Третий параграф пятой главы (Кәрібаев, 2014, с. 322–341), третий-шестой параграфы шестой главы и седьмая глава (Кәрібаев, 2014, с. 392–489) встречают меньше нареканий, так как со времен введения в научный оборот первоисточников, история данного периода (история Моголистана, ранняя история Казахского ханства и т.д.) мало была подвержена процессу накопления научного знания, в отличие от истории Золотой орды – здесь наблюдается лавинообразный рост научных публикаций.

В четвертом параграфе пятой главы автор ни разу не упоминает тимуридов Хусейна Байкару и Мухаммеда Джучи (Кәрібаев, 2014, с. 349–362), которые активно боролись за тимуридский престол с участием воинских контингентов из Дешт-и Кыпчака.

В первом параграфе шестой главы, говоря о происхождении казахских ханов, автор не знает вышеуказанные работы А.Г.Гаева, В.П.Костюкова, Ж.М.Тулибаевой, Ж.М.Сабитова, которые указывали на недостоверность Натанзи и его генеалогических сведений.

Автор также не указывает тот факт, что отец и дяди Керей участвовали в походе на Москву 1408 года в войске Едиге (Селезнев, 2009, с. 37), Булад и Барак (отцы Керей и Джанибека) погибли вместе в битве с детьми Едиге (Кляшторный, 1992, с. 210). Также отсутствует сведение о мусульманском имени Керей (Ахмет) (ИКПИ, 2005, с. 262, 275).

В заключении следует отметить, что за десятилетие, которое предшествовало выходу книги, в данной области исторической науки произошел огромный прогресс. Было издано огромное количество научных статей, а также первоисточников по данному периоду. С учетом этого, мы могли бы ожидать, что автор активно бы цитировал новейшие исследования 2003–2013 годов (книга вышла в 2014 году и по идее должна была учитывать современную историографию). Вместо этого мы видим минимальный интерес автора к современной историографии. Из 309 наименований научной литературы, на которую ссылался автор, минимальная часть относится к современной историографии 2003–2013 годов: всего 18 статей и книг¹. Огромный пласт современной научной литературы не был учтен автором при написании своей научной работы. Некритический пересказ первоисточников на казахский язык также нельзя назвать достоинством монографии. Это в купе с несовпадением названия и содержания монографии можно назвать тремя основными недостатками монографии. Следует также отметить, что список использованной литературы и источников (Кәрібаев,

¹ 1. Кинаятулы З. (статья (Кәрібаев, 2014, с. 499) и книга (Кәрібаев, 2014, с. 512)), 2. Тулибаева Ж.М. (книга 2006 года) (Кәрібаев, 2014, с. 502). 3. История Казахстана в монгольских источниках. Том 2. (Кәрібаев, 2014, с. 503). 4. Кляшторный С.Г. Султанов Т.И. (книга 2004 года) (Кәрібаев, 2014, с. 505). 5. Перевод Мирзы Хайдара Дулати на казахский язык (Кәрібаев, 2014, с. 507). 6. Авторские работы (Кәрібаев, 2014, с. 508, 510). 7. Омарбеков Т. Омарбеков Ш. (книга 2004 года) (Кәрібаев, 2014, с. 501). 8. История и Шежире родов Табын, Аргын, Дулат, Канлы (Кәрібаев, 2014, с. 509, 515). 9. Сайшиял (книга 2006 года) (Кәрібаев, 2014, с. 513). 10. Искаков Д.М. Измайлов И.Л. (книга 2007 года) (Кәрібаев, 2014, с. 513). 11. Зайцев И.В. (книга 2004 года) (Кәрібаев, 2014, с. 514). 12. Ибн ал Асир (книга 2006 года) (Кәрібаев, 2014, с. 514). 13. Авторефераты Буланова Е.О. и Сабденовой Г.Е. (Кәрібаев, 2014, с. 517).

2014, с. 499–517) составлен нерационально. Он составлен по мере упоминания в тексте, а не в алфавитном порядке

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 229 с.
2. Алексеев А.К. Средняя Азия при Аштарханидах в 17–18 веках. По персоязычному историческому сочинению Бахр ал Асрар: Дисс.... канд. ист. наук. 2003. 312 с.
3. Гаев А.Г. Генеалогия и Хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 4. Т.3. Нижний Новгород, 2002. С. 9–55.
4. История Казахстана в персидских источниках. Т.2. (Маджма ал-ансаб вал-ашджар) Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 692 с.
5. Кәрібаев Б.Б. Қазақ хандары. Казахские ханы. Kazakh Khans. Алматы. Сардар. 2015. 128 с.
6. Кәрібаев Б.Б. Қазақ хандығының құрылу тарихы. Алматы. Сардар. 2014. 520 с.
7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы. Рауан. 1992. 373 с.
8. Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №1. С.169–207.
9. Костюков В.П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. №1. С.138–149.
10. Маслюженко Д.Н. Политическая история становления ханства Абулхаира на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 76–88.
11. Мустакимов И.А. Владения Шибана и Абулхаир-хана по данным Таварихи гузида Нусрат-наме // Национальная история татар. Теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С.214–232.
12. Мустакимов И.А. Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники) // Тюркологический сборник. 2011–2012 (2013). Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. Москва: Восточная литература. 2013. С. 231–254.
13. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. Москва: Восточная литература. 2011. С. 228–248.
14. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград. 2003. 177 с.
15. Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды. От выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань: Татар. кн. из-во, 2008. 480 с.
16. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., СПб.: АСТ, Евразия, 2006. 350 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Т. 1. Ч. 1. М.: Наука. 1952. 198 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Т. 2. М.: Наука. 1960. 248 с.
19. Сабитов Ж.М. Аноним Искендера как генеалогический источник // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008. С.117–121.
20. Сабитов Ж.М. Аргунь во владениях Тимуридов в 1450–1550-ые гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань. 2011. Вып. 3. С. 128–133. 2011а.
21. Сабитов Ж.М. Восточный Дешти-Кипчак в 20-ые годы 15 века // Иран-наме. № 1 (21). 2012. Алматы. С. 266–275
22. Сабитов Ж.М. Золотая Орда в Казахстанской историографии // Сборник материалов I городского Форума историков Қазақ хандығы – қазақ мемлекетінің тұғыры. Астана, 2015. С.70–84. 2015а.
23. Сабитов Ж.М. Казахские жузы и клановая система Золотой Орды // Молодой ученый. 2015. №11. С.1165–1170. 2015б.
24. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. О новой парадигме истории происхождения Казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана: сборник научных статей. Астана: Издательство ЕНУ. 2014. С. 274–283.
25. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак-Орды и Кок-Орды // Золотоордынское обозрение. Вып. 2. Казань, 2013. С. 60–72.
26. Сабитов Ж.М. Натанзи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань. 2010. С.150–154.
27. Сабитов Ж.М. О происхождении этнонима «узбек» и «кочевые узбеки» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып.4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 166–173. 2011б.
28. Сабитов Ж.М. О хронологии правления ханов в восточном Дешти-Кипчаке в 60–90-ые годы 15 века. История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной Конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган. 2011. С. 58–62. 2011в.
29. Сабитов Ж.М. Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. №2. С.166–180.

30. Сабитов Ж.М. Узбек-хан: проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 111–115. 2011 г.
31. Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
32. Султанов Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 11–27.
33. Тулибаева Ж.М. Улус Урус-хана // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. Сборник статей участников IX Московской научной конференции. Москва, РУДН, 23 мая 2008 г. М.: Изд-во РУДН, 2008. С. 225–233.
34. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи. Казань: Фэн. АН РТ, 2013. 288 с.
35. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. (Текст): факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина / подготовка к изд. Ю. Г. Баранова; комментарии и указ. М.Х. Абусейтовой. Алма-ата: Гылым, 1992. 296 с.

Ж.М. Сабитов

**Б.Б. КӘРІБАЕВНЫҢ «ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫНЫҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫ»
ИСЕМЛЕ КИТАБЫНА БӘЯЛӘМӘ**

Бу мәкалә – Қазақ дәулетіне оешу тарихы турындағы китапқа бәяләмә. Бәяләмәдә авторның һәм фактик, һәм методологик ялгышларны күрсәтелә. Бу ялгышлар түбәндәгеләрдән гыйбарәт: өлешчә шул чорға караган бүгенге историографияне белмәү, чыгакларга тәнкыйти караш булмау. Шулай ук монографиянең эчтәлегә аның исеме белән өлешчә туры килми. Болар барысы да бу китап басып чыгуны фәнни планда әһәмиятсез вакыйга дип бәяләргә мөмкинлек бирә.

Ачкыч сүзләр: Қазақ ханлығы, Алтын Урда, Жанибәк, Керей.

Zh.M.Sabitov

**REVIEW OF KARIBAEV B.B. QAZAQ HANDEGYNYN QURYLY TARIHI
(HISTORY OF GENESIS OF THE QAZAQ KHANATE)**

This article provides a review of the book on the formation and genesis of the Qazaq Khanate. The review highlighted how small factual errors, as well as major methodological errors. These include: a partial absence of knowledge of modern historiography of the study of this period, uncritical trust to the sources. Also part of the contents of the monograph does not coincide with its name of the monograph. This all allows us to estimate this book as an errant scientifically event.

Keywords: The Golden Horde. Qazaq khanate, Janibeg, Kerei.

Сведения об авторе:

Сабитов Жаксылык Муратович – доцент, PhD, Евразийский Национальный университет (Казахстан, г.Астана); E-mail: babasan@yandex.ru

Сабитов Жаксылык Морат улы – Евразия милли университетінің доценті, PhD (Казахстан, Астана).

Sabitov Zhaksylyk Muratovich – the associate professor, PhD, the Eurasian national university (Kazakhstan, Astana).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Загидуллин И.К.</i> Предисловие	3
--	---

**ИЗ МАТЕРИЛОВ V МЕЖДУНАРОДНОГО БОЛГАРСКОГО ФОРУМА
«ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ
И НАРОДОВ В ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (XV–XVI ВВ.)
(Украина, г.Ялта, 6–11 ноября 2013 г.)**

<i>Бочаров С.Г.</i> Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства	5
<i>Галлям Р.Г.</i> Была ли Крымская податно-административная даруга в Казанском ханстве? (Научная гипотеза).....	11
<i>Загидуллин И.К.</i> К вопросу об образовании Казанского ханства	18
<i>Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.</i> Московское государство и Тюменское / Сибирское ханства: основные этапы внешнеполитических отношений	24
<i>Мининков Н.А.</i> Служилые татары и разведка астраханских воевод в Азове конца тридцатых – начала сороковых годов XVII в.	34

СТАТЬИ

<i>Беляков А.В.</i> Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков	40
<i>Беляков А.В., Енгальцева Г.А.</i> Крымские выходцы в Касимове – сеиды Шакуловы и их архив	46
<i>Бобров Л.А.</i> Военная организация казахских кочевников от Абулхаира до Кенесары (XVIII – первая половина XIX вв.)	54
<i>Виноградов А.В.</i> Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года	62
<i>Идрисов Ю.М.</i> Резиденции шамхалов Тарковский: историческая традиция в сравнительном аспекте	78
<i>Моисеев М.В.</i> Взаимоотношения России с Ногайской Ордой в годы регентства Елены Глинской и боярского правления (1534–1541 гг.)	82
<i>Мустакимов И.А.</i> Османские документальные источники по истории крымско-османских отношений периода правления хана Девлет-Гирея I (1551–1577)	98
<i>Мухаметшин Д.Г.</i> Эпитафические источники Казанского ханства XV – первой половины XVI вв.	106
<i>Несин М.А.</i> Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг.	116
<i>Парунин А.В.</i> К вопросу об изучении обстоятельств смерти Ибак-хана и некоторые проблемы истории Тюменского ханства в конце XV – начале XVI вв.	121
<i>Пилипчук Я.</i> Татарская политика Сигизмунда II Августа	128
<i>Пилипчук Я.</i> Калмыцкое ханство во время правления Аюки-хана и его отношения с тюрками.....	139
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Особенности политико-правовых отношений Московского государства тюрко-татарских ханств в XVI–XVII вв. глазами иностранных современников.....	152
<i>Сабитов Ж.М.</i> К вопросу о времени возникновения Казахского ханства	163
<i>Тихонов С.С.</i> «Дозорная книга Тарского уезда ...» и изучение этнографо-археологических комплексов тарских татар в Среднем Прииртышье	168
<i>Халил Н.Х.</i> Архитектура крымско-татарской мечети (краткий исторический обзор с XIII до середины XX вв.).....	176

**ПАДЕНИЕ КАЗАНИ 1552 г.: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ.
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ**

<i>Свечников С.К.</i>	184
<i>Тагиров И.Р.</i>	185
<i>Хузин Ф.Ш.</i>	187
<i>Фахрутдинов Р.Р.</i>	189
<i>Гатин М.С.</i>	190

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Сабитов Ж.М.</i> Рецензия на книгу Кәрібаева Б.Б. «Қазақ хандығының құрылу тарихы» (история возникновения (образования) Казахского ханства).....	192
--	-----

**Средневековые тюрко-татарские государства
Medieval Turkic-Tatar States
№ 7. 2015**

Научный ежегодник

Оригинал-макет – *А.Р.Тухватуллина*
Подписано в печать 18.12.2015 г. Формат 60×84 ¹/₈
Усл. печ. листов 25,0 Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «Центр инновационных технологий»
420108, г. Казань, ул.Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф